

испытывала такое ощущеніе, точно потеряла близкаго человѣка, и именно потеряла (не въ смыслѣ смерти): человѣкъ этотъ исчезъ...

Боже! какъ мучилась я въ послѣднее время!... В. далъ Валѣ слово, что она будетъ на курсахъ, что онъ получитъ мѣсто въ Петербургѣ—такъ было въ прошломъ году, когда Валя дала ему свое согласіе подъ этимъ условіемъ. Мѣста онъ не получилъ: что же оставалось дѣлать Валѣ?—Отказывать ему наканунѣ свадьбы она считала нечестнымъ... Теперь я начинала жалѣть сестру; взвѣсивая всѣ обстоятельства, я находила, что сестра жертвовала слишкомъ многимъ: вѣдь до свободы ей оставалось всего полтора года. В. бралъ слишкомъ много, едва ли сознавая это. Сравнивая ихъ, я находила даже, что онъ ея не стоитъ, что она слишкомъ хороша для него: красивая, съ небольшимъ, но независимымъ состояніемъ, очень не глупая отъ природы и съ сильнымъ стремленіемъ къ умственному развитію, съ хорошимъ характеромъ—моя сестра представляла собою очень интересную дѣвушку. В. выбралъ именно ее, лучшую изъ насъ. Глухое озлобленіе поднималось во мнѣ противъ него, и я чувствовала, что какъ-то враждебно отношусь къ нему. И въ то же время я не могла и не смѣла ничѣмъ выражать своего горя; я разстроила бы сестру, только разбередила бы больное мѣсто.

Ахъ, зачѣмъ я годомъ раньше не попала на курсы! Тогда я разсуждала бы иначе, и если бы свадьба и состоялась, то позднѣе. Я упрекаю себя, зачѣмъ, не имѣя понятія о томъ, что меня тамъ ожидаетъ, я разсуждала въ прошломъ году такъ, что слѣдствіемъ всѣхъ этихъ переговоровъ является свадьба Вали. О, если бы я только могла знать! Если бы предо мной хоть на мгновеніе мелькнула эта курсовая жизнь—Валя не была бы теперь замужемъ...

Послѣдній мѣсяцъ я жила полною умственною жизнью, пользуясь всѣмъ, чѣмъ имѣла возможность, занималась, сдавала экзамены, посѣщала публичныя лекціи, засѣданія Вольно-Экономическаго Общества, школу Техническаго Общества;—передо мной вдругъ распахнулась такая интересная страничка жизни, что я читала ее непрерывно до конца, не замѣчая ничего окружающаго... Я дышала полною грудью, время летѣло съ ужасающей быстротою, иногда мнѣ бывало безумно весело; но потомъ еще хуже, еще ужаснѣе бывали минуты, когда я вспоминала, что я лишила всего этого Валию, что не жить ей никогда такую жизнь, беззаботной—съ одной стороны, захватывающей интересомъ—съ другой... Не жить никогда мнѣ съ нею одною и тою же жизнью, не ходить на лекціи, не слушать вмѣстѣ любимыхъ профессоровъ... Въ такія минуты я не знала, куда дѣться, куда уйти отъ себя самой...

И теперь уже я была лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Я сознавала, что мое личное чувство противъ него смѣшивалось съ чувствомъ горечи и сожалѣнія о сестрѣ, и все вмѣстѣ дѣлало то, что у меня становилось какъ-то легче на душѣ, когда я смотрѣла на него враждебно... Я холодно поздоровалась съ нимъ по прїѣздѣ и не говорила почти ни слова; онъ, въ свою очередь, вовсе не былъ расположенъ объясняться, считая себя во всемъ правымъ... Наконецъ, я не выдержала... Поздно вечеромъ, когда мы молча сидѣли втроемъ въ комнатѣ сестры, я заговорила о лекціяхъ, которыя хотѣла дать ей; я говорила ободряющимъ тономъ, чтобы не разстраивать Валю, но не выдержала, и слезы навернулись у меня на глазахъ. Я отвернулась, не желая, чтобы В. видѣлъ мое волненіе. Онъ тихо всталъ и вышелъ въ другую комнату. Пользуясь его отсутствіемъ, я сѣла рядомъ съ Валею и тихо-тихо, едва слышнымъ шепотомъ, начала ее утѣшать, говоря, что, пока я на курсахъ, пока у меня есть лекціи и книги, я все буду давать ей, чтобы она имѣла возможность заниматься такъ же, какъ и я.

Валя слушала молча... Слезы были у нея на глазахъ... Совсѣмъ потерявъ всякое самообладаніе, я плакала такъ же, какъ и Валя, и невольно въ словахъ моихъ звучало сожалѣніе... Вдругъ громкое, какое-то судорожное рыданіе вырвалось у Вали, и она упала головою на столъ... В. вбѣжалъ въ комнату: тутъ только я сообразила, что сдѣлала,—и сердце такъ и остановилось... Онъ нѣжно ее успокоилъ и началъ что-то тихо говорить ей; я вышла... Отвратительное малодушіе! Развѣ можно было ему поддаваться?

Когда В. уходилъ, я переговорила съ нимъ одна, въ прихожей. Онъ выразилъ сомнѣніе, что она могла плакать о томъ, что не попадетъ на курсы.—«Ей нѣтъ запрета: хочеть—пусть идетъ,—я переведусь въ Петербургъ, прикомандируюсь кандидатомъ при Окружномъ судѣ: безъ жалованья, конечно, не смѣютъ отказать въ прикомандировкѣ»... Я могла только покачать головой,—ужъ который разъ надѣется онъ попасть въ Петербургъ. Конечно, сестра могла бы ѣхать учиться и одна, но я настолько знаю ея натуру, что могла заранѣе поручиться: она не оставитъ В., хотя бы изъ жалости къ нему, такъ какъ знаетъ, какъ тяжела будетъ для него разлука съ нею... В., повидимому, не могъ стать на мѣсто Вали, чтобы вполне представить себѣ ея горе; а мои мечты о совмѣстной жизни съ сестрой, о дружныхъ занятіяхъ, о всемъ томъ, что мы будемъ вмѣстѣ изучать,—моя радость при мысли, что я буду не одна, а съ сестрою, съ близкимъ мнѣ человѣкомъ,—все рушилось, какъ карточный домикъ отъ легкаго вѣтра...

Я не говорила съ сестрой ничего болѣе, да и она сама точно

избѣгала разговоръ со мною... Оставался только день до свадьбы; онъ, какъ и всѣ предыдущіе, былъ посвященъ бѣготѣ и суетѣ. Всѣ хлопоты по свадьбѣ взяла на себя Надя съ какою-то ревнивою отвѣтственностью, не желая уступить мнѣ изъ нихъ и сотой доли. Мама относилась ко всему съ холодной сухостью, не измѣняя себѣ даже и для такого событія. Она сдѣлала Валѣ все приданое бѣлье, она принимала и угощала гостей, но по отношенію къ сестрѣ осталась прежнею. Хотя я и знаю ея отношеніе къ намъ и знаю, что она не измѣнитъ себѣ ни въ чемъ, но все же мнѣ было тяжело видѣть подобное отношеніе къ сестрѣ. Кажется, я бы легко перенесла, если бы она относилась такъ ко мнѣ, но къ Валѣ...—все это только прибавляло горя...

И когда, на другой день, сестра стояла подъ вѣнцомъ такая тоненькая, такая прелестная, дѣтски-милая, съ задумчивымъ выраженіемъ темныхъ глазъ, устремленныхъ куда-то вдаль,—я находилась среди подругъ-барышень, стараясь спрятаться отъ взоровъ любопытныхъ, и слезы неудержимо катились изъ глазъ. Я плакала какъ ребенокъ, давъ себѣ волю, забывъ, гдѣ я нахожусь, и видя только одно: благодаря моему участию, на моихъ глазахъ совершается то непоправимое, вслѣдствіе чего Валя теряетъ возможность быть со мною тамъ... Я плакала о ней въ послѣдній разъ, потому что больше я не могла бы плакать... да больше я и не смѣла бы... Конечно, было бы лучше владѣть собою, но, видно, и моимъ нервамъ есть предѣлы. Я даже не думала, что любопытные изъ публики могутъ это замѣтить и потомъ рассказывать всѣмъ...

В. держался хорошо, со своей обычно-лѣнливою манерой. Онъ далъ Валѣ первой вступить на атласъ... Послѣ окончанія вѣнчанія о. Владиміръ сказалъ рѣчь новобрачнымъ, въ которой меня поразили слова: «если вы предстали здѣсь, предъ алтаремъ,—значитъ, здѣсь ваша доля, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ». Что это? Вѣдь точно нарочно онъ давалъ отвѣтъ на мой безмолвный вопросъ судьбѣ.

Потомъ былъ семейный обѣдъ у бабушки... Вскорѣ мы переодѣли Валю въ дорожное платье и проводили молодыхъ на вокзалъ... Для Вали началась новая жизнь...

9 мая. На-дняхъ получила первое письмо отъ Вали, сегодня—второе. Она въ восторгѣ отъ Кіева; изъ перваго письма видно, какъ ее все занимаетъ—и путешествіе, и ея новое положеніе, и мужъ, услужливый и нѣжный, ухаживающій за ней, какъ за ребенкомъ. Читая это письмо, такое веселое, счастливое, я испытала невольное радостное чувство. Слава Богу, она счастлива, лишь

бы она была счастлива... Надо, чтобы первые дни ея новой жизни не омрачались никакими тучами... Я не скажу ей ничего больше о Петербургѣ, время залѣчить ея горе; средства къ образованію всегда у нея будутъ, а пока пусть живетъ радостно, забывъ о прошломъ и не думая о будущемъ...

Во второмъ письмѣ Валя пишетъ объ отъѣздѣ въ городъ П., а оттуда въ имѣніе мужа, и ей невольно приходитъ на мысль, что она должна будетъ жить въ провинціи, а не тамъ, гдѣ мечтали мы объ... Такъ грустно и покорно говоритъ она, что старается себя утѣшить тѣмъ, что ея горе—ничтожно въ сравненіи съ массою страданій всего человѣчества: «въ этомъ все мое спасеніе, чтобы не плакать отъ отчаянія по тому, что такъ еще недавно похоронила. А плакать мнѣ теперь уже нельзя, чтобы не мучить его».

Что же мнѣ было дѣлать, прочтя эти строки? Плакать опять? Слезъ уже не было... а то, что тяжело лежитъ на сердцѣ—останется, и дольше, чѣмъ будетъ печалиться Валя. Ея новая жизнь унесетъ ее, а я, которая испытала жизнь тамъ,—чувствую острѣе, чѣмъ она, всю ея потерю, хотя никогда не скажу ей этого; чувствую еще больше и потому, что я такъ же ждала возможности жить съ нею вмѣстѣ, столько же мечтала о ней, сколько и она, а, между тѣмъ, невольно видишь себя виновницей того, что она лишена этой возможности...

В. долженъ искать мѣсто гдѣ-нибудь не въ глуши, а то провинціальное общество вовсе не представляетъ собою подходящей среды для самообразованія и развитія. Если бы Валя попала въ хорошую интеллигентную среду—другое дѣло, я могла бы только радоваться, и сама уговаривала бы ее не падать духомъ и не отчаиваться при мысли о томъ, что она не будетъ жить въ Петербургѣ. Но вѣдь еще неизвѣстно, въ какомъ провинціальномъ городкѣ они будутъ жить: если они останутся въ П., или переведутся въ какой-нибудь городокъ еще похуже? Если Валѣ придется знакомиться съ провинціальными дамами, у которыхъ интересы—последнія сплетни, кухня и моды? У насъ, въ Ярославлѣ, и то можно пожаловаться на неинтеллигентность общества,—что же сказать о глухой южной провинціи? И вдругъ Валѣ придется тамъ жить... можетъ быть, это было бы и хорошо, но не въ ея годы, не съ ея пристрастіемъ къ столицѣ... Впрочемъ... вотъ что значить русскій человѣкъ: чуть было не сказала: «авось какъ-нибудь все устроится»... Магическое «авось»!

В. самъ пишетъ мнѣ, что не хотѣлъ бы переводиться въ провинціальную глушь; какъ честный человѣкъ, онъ жалѣетъ, что запрячетъ туда Валю... И это его сознание меня немного утѣшаетъ...

13 мая. Сегодня я перечитывала свои замѣтки, начиная съ августа мѣсяца; я не писала дневника за послѣднее время своей жизни въ Петербургѣ... Я жила, особенно въ послѣдній мѣсяць— что называется, «во-всю», насколько это можно сказать о нашей жизни; иногда хотѣлось взять тетрадку, написать о видѣнномъ и слышанномъ, но приходилось заниматься до 2—3 часовъ ночи, сдавая ускоренные экзамены, а тамъ—пойдешь къ сосѣдкамъ по комнатѣ, выйдешь съ ними на балконъ, засидишься, наконецъ— ляжешь спать, когда уже совсѣмъ свѣтло, и спишь какъ убитая, до 10 часовъ, а потомъ—опять заниматься... Гдѣ тутъ писать? А между тѣмъ, сколько можно было бы написать...

Въ апрѣлѣ мнѣ удалось побывать на засѣданіи Вольно-Экономическаго Общества, на лекціи А. И. Введенскаго—«Объ условіи допустимости вѣры въ смыслъ жизни», въ школѣ Техническаго Общества для взрослыхъ рабочихъ, на лекціяхъ Е. И. Ламанскаго: «О значеніи денегъ въ народно-государственномъ хозяйствѣ»... Изъ всѣхъ этихъ лекцій, засѣданій, посѣщенія школы я вынесла столько впечатлѣній, передо мною снова развернулась такая интересная картина жизни, возбуждая во мнѣ столько новыхъ мыслей,—что я чувствовала себя точно въ иномъ мірѣ, гдѣ я плавала, какъ рыба въ водѣ; я дышала полною грудью, а напряженная жизнь, которую мы всѣ вели во время экзаменовъ, то беззаботное веселье, которое невольно охватывало послѣ каждого сданнаго экзамена, длинные разговоры, научные споры, которые, наконецъ-то, стали завязываться у насъ подъ влияніемъ экзаменовъ и изученныхъ предметовъ,—вся эта жизнь такъ соотвѣтствовала моему настроенію.

Изъ одного посѣщенія школы Техническаго Общества я вынесла не меньше, чѣмъ если бы слушала полгода лекціи какого-нибудь предмета: могу сказать, что я въ первый разъ въ жизни видѣла съ такою ясностью силу просвѣщенія. Эта школа принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ школъ Техническаго Общества, въ которыхъ на вечернихъ занятіяхъ проходитъ въ три года гимназическій курсъ (безъ древнихъ языковъ) взрослыми рабочими. Ихъ принимаютъ по окончаніи сельской школы, требуется только умѣнье грамотно писать и считать. Въ этой школѣ Е. Н. Щепкина читаетъ исторію; я давно просила у нея позволенія пріѣхать посѣтить школу, но она сначала не позволяла, очевидно, не желая допустить туда мало-знакомаго человѣка. Наконецъ, она позволила мнѣ, и я пріѣхала по Шлиссельбургскому тракту въ с. Смоленское. Я вызвала завѣдующаго школой, Поморскую, которая и привела меня въ классъ. Шелъ урокъ химіи. Въ низень-

кой комнаткѣ, съ грязными стѣнами и потолками, на старыхъ-старыхъ партахъ сидѣло человѣкъ 25 взрослыхъ учениковъ, одѣтыхъ очень прилично. Молодой человѣкъ (преподаватель—горный инженеръ) вызвалъ къ доскѣ одного изъ взрослыхъ мужчинъ и началъ его спрашивать урокъ; тотъ отвѣчалъ тихо и робко, осторожно выводя на доскѣ химическія формулы...

Я сидѣла и только удивлялась, никакъ не предполагая, чтобы подобныя вещи могли быть у насъ, въ Россіи. А между тѣмъ ученикъ за ученикомъ выходили къ доскѣ, отвѣчали и писали формулы, изъ которыхъ я, увы! ничего не понимала... По окончаніи урока я подошла къ группѣ учениковъ и заговорила съ ними; они отвѣчали на мои вопросы вполне свободно и непринужденно и, замѣтивъ, что я интересуюсь ихъ школой и ими самими, съ охотой давали объясненія и рассказывали, гдѣ кто изъ нихъ работаетъ, на какихъ фабрикахъ и заводахъ. Когда я сказала имъ, что въ Ярославлѣ есть тоже большая фабрика, они прежде всего освѣдомились:—«а великъ ли рабочій день?» Я, къ сожалѣнію, не могла хорошенько отвѣтить имъ на этотъ вопросъ, но кто-то изъ группы отвѣтилъ:—«известно, какъ и вездѣ, часовъ 12». Все это были ученики 2-го класса, соотвѣтствующаго 5—6 классамъ гимназіи. Слушая эти отвѣты, глядя на простые, но серьезныя лица этой молодежи, совсѣмъ какъ-то забывалось, что говоришь съ простыми рабочими; я была точно среди интеллигентовъ, студентовъ, кого хотите, только не среди простого народа, не среди мужиковъ. Послѣ химіи былъ урокъ русской исторіи. Преподавательница Ек. Ник. Щепкина читаетъ отлично, живо и ярко обрисовывая событія эпохи (время Екатерины II-ой, ея учрежденія); такое преподаваніе не вездѣ встрѣтишь и въ гимназіяхъ; но и аудиторія показала себя вполне достойной преподаванія: нужно было видѣть, какъ горѣли глаза слушателей, и съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они ловили каждое слово, слѣдя за нитью мысли, жадно вслушиваясь особенно во все, что касалось крестьянства. Послѣ урока они окружили Е. Н. и засыпали вопросами: кто изъ царей и что сдѣлали для пользы крѣпостныхъ? кто первый облегчилъ ихъ положеніе? и т. п. Е. Н. общала имъ все рассказать потомъ, не желая забѣгать впередъ.—«Ну, а я знаю, кто больше всѣхъ сдѣлалъ: Александръ II-ой, вотъ это молодецъ!»—сказалъ одинъ изъ самыхъ взрослыхъ рабочихъ, съ умнымъ и тонкимъ лицомъ.

Чего бы я не дала, чтобы быть на мѣстѣ Е. Н., читать, такъ же пробуждать сознаніе хотя у небольшой группы, развивать умъ рабочихъ, эту силу, дарованную всякому, но которая вѣками спитъ

у народа, придавленного сначала рабствомъ, а теперь привилегированнымъ положеніемъ высшихъ классовъ,—и, пробудивъ эту чудную силу, наконецъ, увидѣть передъ собою въ простыхъ рабочихъ людей, вполне сознательно смотрящихъ на міръ, думающихъ, понимающихъ, а не только грамотныхъ, но все-таки сильно неразвитыхъ «заводскихъ» и «фабричныхъ»;—это ли не прекрасная задача и награда за трудъ?

Невольно думалось, глядя на эти симпатичныя, честныя лица: вотъ они не будутъ пьянствовать, не найдутъ удовольствія въ кабацкѣ или пьяной бесѣдѣ, для нихъ доступно пониманіе Пушкина, Гоголя, Жуковского, всей русской литературы, для нихъ интересна исторія отечества. Они—будущіе, можетъ быть, лучшіе отцы семействъ, чѣмъ простые рабочіе, не посѣщавшіе школъ общества, они—лучшіе рабочіе, которые ужъ не позволяютъ обращаться съ собою, какъ съ безгласными существами, но зато и работа ихъ съ помощью пріобрѣтенныхъ познаній по механикѣ, физикѣ, химіи, лучше другихъ.

Я уѣхала изъ школы съ самымъ отраднымъ, хорошимъ чувствомъ въ душѣ. По дорогѣ со мной ѣхалъ въ городъ одинъ изъ учениковъ—слесарь съ чьего-то завода. Все время разговаривая съ нимъ, я опять получила то же впечатлѣніе: въ живомъ, интересномъ разговорѣ не чувствовалось совсѣмъ различія положеній и образованія. Онъ рассказывалъ мнѣ о школѣ, о своей жизни, о преподаваніи, которымъ былъ, видимо, очень доволенъ, и, въ свою очередь, спрашивалъ меня о томъ, гдѣ я училась, зачѣмъ пріѣхала въ Петербургъ... Я совсѣмъ не замѣтила, какъ доѣхала до Невского. Прощаясь, съ невольнымъ уваженіемъ я протянула руку этому молодому человѣку.

22 мая. День за днемъ тянутся, какъ вѣчность... Мнѣ кажется, что я живу здѣсь не мѣсяцъ, а нѣсколько мѣсяцевъ... Иногда мнѣ становится невыносимо тяжело. Когда мы жили втроемъ—еще кое-какъ сносно было, но теперь наша жизнь производитъ на меня самое скверное, угнетающее вліяніе. Здѣсь нѣтъ ни одной курсистки съ нашего курса, нѣтъ ни одного интеллигентнаго знакомства, и наша домашняя обстановка, живя въ которой можно не видѣть ни одного посторонняго лица, кромѣ доктора и бабушки, весь порядокъ дня, безтолковое и неудобное его расположеніе, съ обязательнымъ ужиномъ въ 8 часовъ, послѣ котораго всѣ, кромѣ насъ и братьевъ, ложатся спать, а вся остальная часть квартиры погружается въ полный мракъ и тишину—все это, послѣ моей петербургской жизни въ интернатѣ среди людей, кажется вдвое тяжелѣе...

Я теперь ясно вижу, до чего вредно вліяла эта обстановка на мой, въ сущности, не такой дурной, какъ это думаютъ, характеръ. Отъ природы я не зла и съ дѣтства была необыкновенно чутка ко всему, но этой чуткостью почти всегда пренебрегали, обращаясь со мной не въ мѣру рѣзко и строго... Въ результатѣ получилась масса мученій, и я обратилась точно въ *mimosas epistiva*: робко и застѣнчиво, но доброжелательно относясь къ людямъ, я не сторонюсь отъ нихъ и съ тѣми, которые мнѣ симпатичны, не прочь сойтись... Но... стоитъ не понять меня, стоитъ въ отвѣтъ на первые шаги съ моей стороны—не сдѣлать шагу со своей стороны,—и я моментально переменяюсь, становлюсь сдержанна, равнодушна, холодна, какъ камень. Или же наоборотъ: на первыхъ порахъ знакомства, когда я еще не успѣла рассмотретьъ человѣка и поэтому не желаю сходитья съ нимъ ближе, я держу себя очень сухо, такъ что это даже замѣчаютъ... Но если человѣкъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ, окажется симпатичнымъ, то потомъ онъ же меня не узнаетъ—такъ измѣняется мое прежнее холодное обращеніе. Я вспыльчива: разсердившись, могу иногда говорить рѣзко, а потомъ, въ глубинѣ души, мнѣ всегда бываетъ очень стыдно, и я готова притти просить прощенія.

Я могла бы вынести всякую жизнь, если бы были нормальныя семейныя отношенія, но у насъ нѣтъ и этого утѣшенія. Грубый и рѣзкій характеръ мамы, ея страшная раздражительность, при помощи которой она «воспитывала» насъ, не обращая вниманія ни на нашу молодость, ни на то, что мы—тоже люди,—все это, какъ я теперь вижу, повліяло и на характеры ея дѣтей: наполненная заботами о своемъ «я», вѣчной злобой на насъ и чуть не на весь міръ,—ея жизнь, можно сказать, изуродовала нашу, положивъ на нее свою деспотическую руку...

Да, мы прошли жестокою школу воспитанія, не зная ни ласки, ни любви, ни нѣжности материнскаго сердца, которыя имѣютъ такое могучее вліяніе на ребенка. Говорятъ, что мама—больной человѣкъ, ей простительно; нѣтъ, непростительно даже и больной матери терзать своего ребенка... Ахъ, вспоминать тяжело эти прошлые дни нашей жизни, если смотрѣть со стороны отношеній мамы къ намъ. Въ то время у меня была гимназія, которая занимала большую часть моего времени, а потомъ... ужъ лучше прогнать отъ себя эти воспоминанія.

16 іюня. Вотъ уже половина іюня! Май тянулся съ ужасающей медленностью, іюнь бѣжитъ изо всѣхъ силъ. Потерянное время! Я ничего почти не дѣлала, а между тѣмъ мучусь созна-

ніемъ своего невѣжества и сожалѣніемъ объ этихъ несчастныхъ 4-хъ годахъ, которые прошли даромъ. Теперь, казалось бы, надо вознаграждать потерянное время, читать, учиться... И вотъ я начинаю... читаю Страхова: «Міръ, какъ цѣлое», Джаншіева: «Эпоха великихъ реформъ», но распредѣленіе моего дня таково, что для систематическихъ занятій какъ-то не находится времени: утромъ я занимаюсь со своей маленькой ученицей, а остальное время уходитъ на чтеніе журналовъ, прогулки и катанье на лодкѣ. По временамъ дѣлается такъ тяжело, такъ тяжело на душѣ, точно какой-то гнетъ положили на нее, и я чувствую его почти физически...

Маня П—ва пріѣхала, и я на-дняхъ была у нихъ... Съ тѣхъ поръ какъ я узнала, что она отозвалась обо мнѣ своей сестрѣ: «мы—разные люди», я чувствую, что этими словами мнѣ нанесена тяжелая обида. Какое горькое чувство подымается во мнѣ, когда я вспоминаю, какъ я смотрѣла на Маню, поступая на курсы, съ какимъ восторгомъ и уваженіемъ относилась къ ней: смотря на нее снизу вверхъ, зная все ея превосходство,—я была готова учиться у нея, слушать ее, говорить съ ней обо всемъ, словомъ, найти въ ней, на курсахъ, старшаго товарища, который помогъ бы мнѣ разобраться въ новой жизни и обстановкѣ, меня окружавшей. Не тутъ-то было! М. Е. прежде всего была занята своею жизнью, своими дѣлами и, какъ пріѣхала, такъ и погрузилась въ нихъ, только разъ побывавъ у меня. Противъ ожиданій, я была предоставлена себѣ самой. Мнѣ никогда не удавалось даже поговорить съ ней объ интересовавшихъ меня научныхъ вопросахъ, и я, хотя и чувствовала необходимость помощи чловѣка, болѣе меня знающаго,—все-таки должна была справляться съ затрудненіями, какъ умѣю сама, или сообщая со своими однокурсницами, не многимъ болѣе меня знающими. Я также никогда не говорила съ нею о моихъ убѣжденіяхъ, но нѣкоторые изъ ея взглядовъ я знала, и изъ моихъ возраженій она могла вывести заключеніе, въ чемъ я съ нею не согласна. Это—политическія и религіозныя убѣжденія.

Я прямо заявила ей, что не люблю либеральничанія на словахъ, а это-то какъ разъ и развито у насъ; такое либеральничаніе заходитъ очень далеко... въ словахъ и мечтаніяхъ нашихъ слушательницъ. Послушать ихъ — весь міръ перевернуть надо,—и на мѣсто всѣхъ «отжившихъ» формъ правленія водрузить знамя соціалъ-демократической республики. Все это, можетъ быть, и очень благородно и возвышенно, но, къ сожалѣнію, мыслимо только на словахъ, а не на дѣлѣ. Притомъ, подобныя очень быстрыя разсужденія грѣшатъ отсутствіемъ серъ-

езности, основательности, знанія народной жизни и исторіи вообще. Видно, что говорятъ люди со всёмъ пыломъ молодости; зная, что вотъ это плохо,—предлагаютъ тотчасъ же радикальную мѣру для исцѣленія, не справляясь, подходитъ ли она по характеру къ народу, его развитію, его исторіи, или нѣтъ. Мнѣ до сихъ поръ смѣшно вспомнить одинъ разговоръ двухъ нашихъ курсистокъ «изъ крайнихъ» съ юнымъ горнякомъ, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, критикуя все и вся, коснувшись даже французской республики, которую обѣ признали негодной, онѣ закончили разговоръ выразительнымъ жестомъ, выражавшимъ, что надо все переустроить на новый ладъ—соціалъ-демократическій! Это было такъ дѣтски-наивно, до курьеза: обѣ говорившія такъ молоды, и весь разговоръ такъ ясно показалъ мнѣ всю неосновательность, поверхностность ихъ сужденій, даже легкомысліе, съ которымъ онѣ говорили о такихъ вещахъ, чтобы имѣть сужденіе о которыхъ нужно было быть пообразованнѣе и мыслить болѣе философски.

Второе—убѣжденія религіозныя. М. Е., конечно, невѣрующая, насколько я могла понять изъ тѣхъ немногихъ словъ, которыя она высказала мнѣ о религіи... Мы различно понимали ея сущность. И все-таки М. Е. была мнѣ очень симпатична, деликатно относясь къ моимъ убѣжденіямъ, такъ же, какъ и я; я думала, что все это—ничуть не помѣшаетъ сдѣлаться намъ добрыми знакомыми, тѣмъ болѣе, что во всемъ остальномъ мы одинаковы: вмѣстѣ сочувствуемъ хорошему, вмѣстѣ учимся, любимъ науку, самое горячее наше желаніе—принести въ жизни посильную пользу другимъ...

Но оказалось не то... М. Е. сразу рѣшила, что мы—разные люди. Вѣдь это было больно мнѣ слышать! Вся моя гордость была возмущена... Такъ вотъ какъ! Вотъ почему М. Е. такъ мало видалась со мною, заходя ко мнѣ только «по дѣлу», которое заключалось въ передачѣ мнѣ двухъ-трехъ десятковъ книжекъ по политической экономіи, изданныхъ для народа (къ слову сказать, написанныхъ очень грубой поддѣлкой подъ народный языкъ). Я брала ихъ, бережно сохраняла до востребованія, а потомъ М. Е. приносила другой свертокъ... и такъ было раза два, «безъ дѣла» она не являлась. Нечего сказать, хорошо же было ей ко мнѣ отношеніе: говорить про человѣка «разные люди» и потомъ итти къ нему же въ случаѣ серьезной надобности; знать разницу нашихъ взглядовъ—а за сохраненіемъ тайны и компрометирующихъ предметовъ все же обращаться ко мнѣ. Вѣдь М. Е. знала, что я не особенно сочувствую этимъ общедоступ-

нымъ изданіямъ для народа. Положимъ, книжка написана горячо. ясно видно благородное стремленіе заступиться за меньшого брата, открыть ему глаза на его положеніе. Но въ томъ-то и дѣло, что нельзя горсти людей воздѣйствовать на массу. Мужикъ и рабочій и безъ этихъ книгъ понимаетъ, когда его притѣсняють... и нельзя рассчитывать, что подобныя брошюры расширятъ его самосознаніе... Я прежде всего ставлю сознательность дѣйствія, обдуманность его. А тутъ надѣются, что прочиталъ простой человѣкъ нѣсколько брошюръ—и готово... Каковы же будутъ его урѣзденія, если онъ нахватается ихъ съ чужого голоса, да еще изъ книгъ! Нѣтъ, господа, вѣдь народъ разовьется самостоятельно и настолько, что потребуетъ самъ себѣ нѣкоторыхъ правъ,—тогда не нужны будете вы со своими брошюрами, хотя бы ихъ составляли съ наилучшими и благороднѣйшими цѣлями...

Да! «разные люди!» Съ тѣхъ поръ какъ я узнала объ этомъ, я не могу держать себя съ М. Е. вполне свободно, чувствую себя мучительно-неловко, какое-то тяжелое чувство лежитъ на душѣ... Когда я встрѣчаюсь съ ней, мнѣ хочется уйти отъ нея подальше... Мнѣ обидно за себя самое, за воспоминаніе о томъ, какъ я смотрѣла на нее, о моемъ отношеніи къ ней... и еще больнѣе, когда видишь, какъ она со мной поступала. Эхъ! вотъ еще урокъ, полученный мною отъ жизни. Долго ли придется мнѣ получать ихъ? Не даромъ говорится: вѣкъ живи, вѣкъ учись.

5 іюля. Я никогда не забуду коротенькаго разговора съ близкой знакомой нынче зимою. Собираясь ѣхать на елку, она попросила меня причесать ее; я замѣтила, что у нея волосы, вопреки большинству женщинъ, послѣ родовъ не вылѣзли, а поправились, и мы перешли на болѣе интимный разговоръ... Я спросила Аню, очень ли было ей страшно, въ этотъ первый разъ?—«О, это были такія страшныя мученія; я молила Бога, чтобы мнѣ умереть поскорѣе».—А долго?—съ невольнымъ состраданіемъ спросила я.—«Я мучилась пять часовъ; но это считается еще хорошо; бываетъ гораздо дольше»...—А теперь ты опять?—Аня вздохнула:—«Что дѣлать, милая. Я вотъ хотѣла сына кормить... да и не пришлось. Отчего же я такъ и похудѣла: я кормила его, не зная, что уже мѣсяцъ, какъ беременна. Пришлось оставить. Вѣдь, мы выходимъ замужъ, значить, уже не можемъ свободно располагать собой; у насъ есть мужья... а что касается насъ, женщинъ, то увѣряю тебя, что почти всѣ мы относимся равнодушно къ э т о м у, хоть бы и вовсе не было, это уже не такая необходимость». Она опять вздохнула, какъ бы не договоривъ своей мысли: «а, между тѣмъ, приходится».

Да, этотъ разговоръ остался у меня въ памяти. Вѣдь, онъ такъ ясно показалъ положеніе женщины въ данномъ случаѣ, положеніе узаконенное, признанное всѣми за вполне естественное, а съ нравственной точки зрѣнія—очень печальное, тѣмъ болѣе, что, очевидно, никому и въ голову не приходитъ задуматься поглубже надъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ: женщина рождаетъ ребенка среди страшныхъ страданій, жизнь ея виситъ на волоскѣ, она находится въ прямой зависимости отъ искусства акушерки, а потомъ—отъ ухода. Живое существо явилось на свѣтъ, цѣль брака—поддержаніе рода—исполнена; природа сама назначила женщину быть кормилицей собственнаго ребенка: надо кормить это существо. Женщина готова исполнять свои обязанности... но... является мужъ со своими правами: жена не имѣетъ права отказаться. Слѣдствіе: новая беременность, новый ребенокъ въ перспективѣ, и надо бросать кормить перваго, не докончивъ. Значитъ, первоначальная цѣль, самый смыслъ брака забывается, и онъ является только узаконеннымъ способомъ для удовлетворенія животныхъ чувственныхъ инстинктовъ. А, вѣдь, извѣстно, что частые роды истощаютъ женщину, обезображиваютъ ея станъ и вліяютъ на здоровье. Какая масса разныхъ женскихъ болѣзней, какая масса страдающихъ ими женщинъ во всѣхъ слояхъ общества. А сколько смертей отъ родовъ! Я читала гдѣ-то, что у одного дикаго племени существуетъ обычай послѣ рожденія каждаго ребенка отдѣлять жену отъ мужа въ теченіе двухъ лѣтъ, во время которыхъ она кормитъ ребенка; поэтому женщины и дѣти этого племени отличаются прекраснымъ здоровьемъ. Вотъ поучительный примѣръ просвѣщеннымъ европейцамъ. Уже не говоря о двухъ годахъ,—хотя бы на годъ, необходимый для кормленія ребенка, наши мужчины воздерживались отъ сожителства съ женами, ради блага ихъ собственныхъ дѣтей, ради здоровья своихъ женъ! Но вотъ этотъ вопросъ не затрагивается никогда... Сильная половина рода человѣческаго, какъ власть имѣющая, не желаетъ поднимать его, хотя бы потому, что у нихъ самихъ есть жены... А женщины? онѣ молчатъ и, подчиняясь, рожаютъ ребятъ одного за другимъ, всякихъ: и больныхъ и здоровыхъ, и сами хвораютъ и умираютъ. И прекрасная первоначальная цѣль забыта давнымъ-давно; ея мѣсто заняла другая: удовлетвореніе чувственныхъ инстинктовъ, а рожденіе дѣтей является уже слѣдствіемъ этой цѣли. И на это не обращаютъ вниманія, объ этомъ не говорятъ и не пишутъ.

Мужчины удивительно мало цѣнятъ, или какъ-то совѣмъ не цѣнятъ, чего стоитъ женщинѣ произвести хотя бы одного ре-

бенка. Мнѣ такъ и вспоминается фраза Медеи изъ древней трагедіи, гдѣ она, опровергая общее мнѣніе мужчинъ о «тихой жизни» женщинъ у мужей, восклицаетъ:

. хотѣла бѣ лучше трижды
Я подъ шитомъ стоять, чѣмъ въ мукахъ разъ
Дитя родить...

Древняя героиня, пожалуй, права: интересно, что бы сказалъ мужчина, если бы ему предложили 5—6 разъ въ жизни испытывать страшныя мученія, быть на краю гроба въ теченіе нѣсколькихъ дней, и потомъ, какъ слѣдствіе этихъ болѣзней, нести въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжелыя послѣдствія. Кто согласился бы? А, вѣдь, подобное приходится испытывать каждой замужней женщинѣ. Но я взяла среднее число рождаемыхъ дѣтей; не нужно забывать и исключеній,—напримѣръ, ихъ было 11: значитъ—99 м. «положенія», т.-е. болѣе 8 лѣтъ и 3 м. (конечно, съ промежутками), 66 недѣль, т. е. 1 годъ 3 мѣсяца и 2 недѣли—на положеніи больной и выздоравливающей... 11 разъ рисковать жизнью! Это что-нибудь да значить.

А мужчины, записывая въ лѣтописи свои самыя мелкія подвиги на войнѣ, никогда не забываютъ прибавлять: «безъ счету разъ рисковалъ жизнью». Нѣтъ, гг., вы рискуете жизнью далеко не всѣ и не всегда (потому что не всегда же бываетъ война, и не каждый день представляются опасныя подвиги), а женщины,—гдѣ бы и кто бы онѣ ни были,—всѣ подвержены неизбѣжному закону природы, очень тяжелому, подчиняясь которому, онѣ рискуютъ жизнью и умираютъ, но никому и въ голову не приходитъ прославлять ихъ геройство и мужество и т. п.

Смотря такъ легко на бракъ, такъ же смотрятъ и на дѣтей: многіе ли отцы занимаются воспитаніемъ своихъ дѣтей? Они заняты всѣмъ, чѣмъ угодно, только не этимъ важнымъ дѣломъ, только не тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ своего потомства такихъ дѣтей, глядя на которыхъ матери могли бы сказать, что такія страшныя страданія, по крайней мѣрѣ, не пропали даромъ; родился человекъ, выросъ «родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу», какъ говоримъ мы въ школьной молитвѣ,—и выходитъ то, что теперь, куда ни посмотри,—родители недовольны дѣтьми. Какая масса этого недовольства, какая сложная путаница психологическихъ тонкостей, разныхъ отношеній, мученій и т. п.

По временамъ пріѣзжая въ свою семью и отлично зная, по разспросамъ и рассказамъ, первое поколѣніе—бабушекъ съ обѣихъ сторонъ, материнской и отцовской,—я могла возстановить

въ своемъ воображеніи ихъ жизнь и теперь наблюдаю интересные переходы жизни, волны которой все несутъ впередъ... Мы приходимъ съ обѣихъ сторонъ изъ купеческихъ семействъ, гдѣ искони вѣковъ жили по традиціямъ, не сложнымъ, но которыя держались такъ крѣпко, что задавили бы своею тяжестью всякаго, кто рискнетъ сдвинуть ихъ съ мѣста. Много было патриархальнаго въ этой жизни, много своеобразнаго въ высшей степени... Но время идетъ впередъ, оно уже кое-гдѣ сломало старинные устои этой жизни, но зато тамъ, гдѣ они еще держатся,—жутко и тяжело приходится жить современному молодому поколѣнію.

9 августа, на Волгѣ. Я возвращаюсь съ выставки; была въ Нижнемъ 11 дней и за все это время, къ великому моему сожалѣнію, не могла, не имѣла никакой возможности записывать день за днемъ все видѣнное и слышанное. Теперь придется разбираться въ этомъ хаосѣ впечатлѣній, а вѣдь, человѣческая природа такъ устроена, что утомляется отъ слишкомъ частыхъ и новыхъ впечатлѣній. Для чего человѣкъ такъ ограниченъ? Отчего онъ не устроенъ такъ, чтобы имѣть возможность сразу видѣть и усваивать все?—Попавъ на выставку, невольно выскажешь такое сожалѣніе. Я ѣду усталая и съ отраднымъ чувствомъ чего-то, что можно опредѣлить словами: ну, вотъ, побывала, видѣла...

Да, побывала и видѣла... всю нашу Русь-матушку, собранную тутъ со всего необъятнаго ея пространства, со всѣми ея богатствами, со всею ея бѣдностью, со всею ея ученостью и со всѣмъ ея невѣжествомъ, ея жизнь — со всѣми новѣйшими приспособленіями гигиены и комфорта и со всей прелестью первобытнаго состоянія. Все это видишь тутъ на небольшомъ пространствѣ, за ярмаркой, посѣщая красивые и изящные павильоны,—ходишь и учишься. Я осматривала выставку не систематически по какому-нибудь отдѣлу, а тѣ отдѣлы ея, которые представляли наибольшій интересъ, или же чисто спеціальныя, какъ, на примѣръ, машинный, военный, военно-морской. Такая система была, конечно, не совсѣмъ удобна, потому что объясненія давались въ разные часы, иногда и одновременно въ нѣсколькихъ отдѣлахъ; вдобавокъ «Извѣстія» ввали на каждомъ шагу, обозначая невѣрно часы объясненій то въ томъ, то въ другомъ отдѣлѣ. Все это невыгодно отзывалось на распредѣленіи времени, въ теченіе котораго мы должны были осматривать выставку. Съ перваго же дня я увидѣла, что хорошо осмотрѣть въ недѣлю—немыслимо; можно пробѣжать по всѣмъ отдѣламъ, но осмотрѣть кое-какъ—значить, не видать ничего. Поэтому, несмотря на то, что вниманіе задержи-

валось на каждомъ шагу,—не было возможности видѣть все такъ, какъ хотѣлось, дольше останавливаться и чаще приходиться.

Когда я пришла въ горный отдѣлъ, около студента горнаго института уже собралась группа посѣтителей, которые и слушали объясненія «добычи платины», какъ выговаривалъ студентъ. Я не буду описывать подробно способы добыванія золота, серебра, такъ какъ память моя, въ послѣднее время передъ поступленіемъ на курсы, какъ нарочно, стала никуда негодной; довольно часто я даже не могла хорошо усвоить объясненія выставленныхъ машинъ; мнѣ, какъ не-специалисту, было весьма затруднительно слышать незнакомые термины, а такъ какъ большая часть машинъ стояла безъ движенія, то, конечно, при всемъ желаніи понять то или другое усовершенствованіе, мнѣ не всегда удавалось. Зато, присматриваясь къ таблицамъ, вывѣшеннымъ очень многими экспонентами, можно было выводить заключенія объ огромномъ развитіи горной промышленности за послѣднія 14 лѣтъ; нѣкоторыя отрасли явились впервые на выставкѣ, какъ, наприкладъ, добыча ртути, марганца; карты ясно показываютъ, какія подземныя богатства хранятся у насъ на югѣ Россіи, Кавказѣ, Уралѣ, Алтаѣ... У насъ есть даже брилліанты,—этого я уже никакъ не ожидала, и съ удивленіемъ смотрѣла на роскошное кольцо, выставленное въ одной изъ витринъ (если не ошибаюсь—гр. Строганова, или вообще какого-то аристократа). То и дѣло попадались на глаза фотографическіе снимки недавно построенныхъ заводовъ, или же діаграммы, показывавшія быстрый ростъ промышленности какой-либо изъ отраслей горнаго дѣла. Пора взяться за умъ! И русскіе, кажется, понемногу берутся: не все предоставляютъ иностранцамъ пользованіе нашими природными богатствами... Заводъ Юза основанъ англичаниномъ, бр. Нобель—тоже не русскіе...—долго ли мы будемъ итти позади? Вотъ уже 200 лѣтъ, какъ мы все учимся и учимся у иностранцевъ; не даромъ, впрочемъ, сложилась русская пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись... Объясненія студента меня очень заинтересовали, и я осталась довольна этимъ посѣщеніемъ.

Въ павильонѣ Каспійско-Черноморскаго нефтепромышленнаго общества скоро должно было демонстрироваться буреніе нефтяной скважины. Я туда. Тамъ было уже довольно много народа, машина приведена въ движеніе, и съ потолка медленно спускался въ скважину продолговатый цилиндръ, края котораго внизу были разрѣзаны винтообразно; цилиндръ опускался въ яму все ниже и ниже, скоро опустился совсѣмъ,—и два восточные человѣка стали посредствомъ палки, продѣтой въ рукоять этого ци-

линдра, вращать его внутри ямы: съ каждымъ разомъ заворачиваніе дѣлалось труднѣе и труднѣе, видно было, что цилиндръ уходитъ глубоко въ землю. Наконецъ, вращеніе прекратилось, машина снова приведена въ движеніе, и цилиндръ поднимается на поверхность, весь облѣпленный жидкою грязью, съ него ручьями течетъ вода; рядомъ съ этой ямой тотчасъ открываютъ другую, и цилиндръ опускаютъ туда, чтобы очистить отъ грязи... Я пересмотрѣла разставленные по стѣнамъ этого павильона калейдоскопы, съ 4-мя фотографіями каждый: были снимки заводовъ, разныхъ помѣщений, перевозки нефти, ея нагрузки и проч.

Скоро я была уже на спасательной станціи, гдѣ давалъ объясненія матросъ. Онъ говорилъ очень гладко и хорошо, видно было, что онъ все это знаетъ наизусть; переходя отъ одного экспоната къ другому, надѣвая на себя одинъ за другимъ пробковые нагрудники и объясняя ихъ достоинство, сравнительно со спасательными кругами, онъ ни разу не запнулся, точно читалъ по книгѣ, только изрѣдка прорывались у него выраженія, указывавшія въ немъ простолюдина: «евонный», «эфтотъ». Это было даже оригинально: онъ говорилъ очень толково о приборѣ, употребляющемся на дежурныхъ крейсерахъ около шхеръ Балтійскаго моря въ случаѣ тумана для предупрежденія объ опасномъ мѣстѣ кораблей, которые за туманомъ не могутъ видѣть сигналовъ; «тогда берутъ ручку прибора, поднимаютъ, опускаютъ внизъ—и, вслѣдствіе напора воздуха, производится звукъ; и евонный звукъ настолько громокъ, что слышенъ за 12 верстъ». Для наглядности онъ поднимаетъ и опускаетъ ручку довольно большого прибора, и раздается ужасающій ревъ, заставляющій невольно вздрагивать публику... Интересны въ этомъ павильонѣ экспонаты различныхъ спасательныхъ принадлежностей—пробковые нагрудники, пробковыя койки, между прочимъ—небольшой приборъ, состоящій изъ тонкаго, плотно-скрученнаго шнурка и привязаннаго къ нему небольшого якоря съ четырьмя загнутыми концами, вершка въ $1\frac{1}{2}$ длиною. Такая вещичка очень невелика и помѣщается въ картонѣ, а между тѣмъ, ею очень удобно спасать утопающихъ: стоитъ бросить этотъ якорь въ воду, и острые концы его зацѣпятся или за волосы, или за одежду, обувь, и тогда, притягивая къ себѣ шнурокъ, можно легко вытащить утопленника. Лодки, разставленные тутъ же, конечно, не могли меня очень интересовать; слушая непонятныя для меня техническія морскія названія, я только смотрѣла на нихъ, любуясь ихъ стройностью и изящнымъ видомъ.

Красивый и чистый перезвонъ иногда раздавался на выставкѣ, собирая толпу любопытныхъ около колокольныхъ павильоновъ,

среди которыхъ выдавался по красотѣ и изяществу весь бѣлый, съ посеребренными колоколами, павильонъ моего дяди И. П. Ол—ова.

Въ первый же день я почувствовала усталость послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы и напряженного вниманія...

10 августа. Наболѣе интересовавшій меня отдѣлъ на нашей выставкѣ былъ, конечно, отдѣлъ народнаго образованія. Я была въ немъ часовъ пять подрядъ, и все-таки осмотрѣла только половину: не было физической возможности разобраться, хотя бы отчасти, въ этой массѣ тетрадей, альбомовъ, а справа, слѣва, спереди и сзади—всюду окружали меня діаграммы, карты, фотографіи, кучи работъ ученицъ и учениковъ...

Изъ всѣхъ мужскихъ гимназій я ранѣе была знакома съ дѣятельностью 1-й тифлисской, директоромъ которой состоитъ братъ извѣстнаго писателя, Л. Л. Марковъ, и, судя по описанію его брата, гимназія дѣйствительно стоитъ на высотѣ, не многимъ доступной. Я убѣдилась въ этомъ, разсматривая альбомы гимназій, читая отчеты директора и сочиненія воспитанниковъ объ ихъ экскурсіяхъ, напечатанныя въ этихъ отчетахъ. Мнѣ кажется, что тифлисская—одна изъ самыхъ первыхъ, если не первая гимназія въ Россіи. Не въ примѣръ массѣ прочихъ гимназій, подавляющихъ своимъ классицизмомъ и строгостью всякое развитіе учениковъ (чѣмъ, на примѣръ, отличается наша ярославская), она старается развить *mens sana in corpore sano*: на ряду съ изученіемъ классиковъ, школа приучаетъ учениковъ къ ручному труду, а для внѣкласснаго чтенія при гимназій есть прекрасная бібліотека, при пансіонѣ—и читальня; для развлеченія воспитанниковъ устраиваются музыкально-вокальные и литературные вечера, гимнастическія утра, прогулки. Все это представлено на выставкѣ въ фотографіяхъ, наглядно показывающихъ образъ жизни гимназій и типы ея воспитанниковъ различныхъ народностей.

Наши ярославскія гимназій, кажется, не были представлены; да и хорошо, впрочемъ, сдѣлали,—о нихъ ничего нельзя сказать хорошаго, одинаково плохи какъ мужская, такъ и обѣ женскія; въ первой царитъ классицизмъ, во вторыхъ—сухой педантизмъ и формализмъ, а полное отсутствіе мало-мальски развитыхъ и преданныхъ своему дѣлу воспитательницъ дѣлаетъ наши женскія гимназій учрежденіемъ чисто-казеннымъ, но отнюдь не воспитательнымъ и развивающимъ. Изъ гимназій выходятъ то тупицы, то въ высшей степени ограниченныя и неразвитыя дѣвушки, которыя, пройдя курсъ, черезъ годъ его забываютъ, а такъ какъ

развитіе не можетъ стоять неподвижно на одной точкѣ, то, слѣдовательно,—онѣ пятятся назадъ; обезпеченныя дѣвушки выходятъ замужъ, изъ нихъ выходятъ хорошія хозяйки и провинціальныя дамы, а иногда и плохія матери; если онѣ небогаты,—ведутъ трудовую жизнь, изъ нихъ выходятъ учительницы, весьма ограниченнаго ума и относящіяся только формально къ своимъ обязанностямъ; если же онѣ берутся за гувернантство, то тогда не надо хуже: я лично испытала всю прелесть рутиннаго воспитанія дѣвушками неразвитыми и понятія не имѣющими о воспитаніи. Неудивительно, что исключенія рѣдки, и то еще хорошо, что они есть; это значить, что гимназіи еще не совсѣмъ забываютъ; впрочемъ, наиболѣе развитыя развиваются уже внѣ вліянія гимназіи.

Наконецъ, я отыскала наши курсы. Скромная витринка съ фотографіями нашего интерната и аудиторій; небольшая полочка съ книгами отчетовъ Общества для доставленія средствъ В. Ж. К., сверху—планъ зданія курсовъ,—вотъ и все, чѣмъ представлено единственное въ Россіи высшее женское учебное заведеніе. Ни научныхъ работъ слушательницъ ни модели зданія... все выставлено такъ скромно, точно старается спрятаться отъ взоровъ любопытныхъ. Около витрины сидѣла дѣвушка, что называется, сѣренькой наружности, съ виду немолодая, съ темными, гладкогладко причесанными волосами, положенными въ маленькую косу на затылкѣ, въ очкахъ, въ черномъ поношенномъ платьѣ, сшитой блузой съ юбкой, и опоясанная ремешкомъ. По внѣшности она соотвѣтствовала именно тому классическому, если можно такъ выразиться, типу курсистки, представленіе о которомъ коренится еще въ 60-хъ годахъ, и который приводитъ въ ужасъ провинціальныхъ дамъ, вызываетъ гримасу неудовольствія у г.г. мужчинъ, которые, навѣрно, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы наглядно убѣдиться, что ихъ шаблонныя представленія объ учащейся женщинѣ, какъ о существѣ «неженственномъ»—оправдались блистательно. Она до того подходила подъ это у большинства укоренившееся представленіе о внѣшнемъ видѣ курсистокъ, что мнѣ даже досадно стало: неужели не могли посадить никого другого? Если уже побѣждать общественныя предрасудки, то доказывая по возможности наглядно всю ихъ неосновательность. Такъ и тутъ: можно было выбрать кого-нибудь изъ насъ, по наружности хотя бы и некрасивую, но уже и не такую шаблонно-типичную,—безъ очковъ и не въ этомъ костюмѣ... Можетъ быть, эта дѣвушка и мила и умна,—словъ нѣтъ, и мы, т.-е. слушательницы, на наружность, конечно, не обра-

щаемъ вниманія; но тутъ дѣло касается публики, прїѣхавшей сюда изъ всѣхъ краевъ нашего отечества, изъ далекой провинціальной глуши, гдѣ господствуютъ подчасъ самые невозможные взгляды на женщинъ. Теперь поспорь кто-нибудь съ провинціальными дамами, попробуй доказать, что ихъ опасеніе измѣненія наружности дочери, въ случаѣ ея поступленія на курсы, неосновательно... онѣ всѣ возразятъ и по-своему будутъ правы: «нѣтъ, молъ, сами видѣли, каковы онѣ, курсистки»... И досадно, что приходится обращать вниманіе на такія мелочи, но съ общественными предразсудками ничего не подѣлаешь: отголоски 60-хъ годовъ, когда русскія женщины, по несчастью, увлекшись эмансипаціоннымъ движеніемъ, впали въ крайности, хотя и ненадолго, живы и до сихъ поръ.

Въ павильонѣ Церкви-Школы меня очень заинтересовалъ миссіонерскій отдѣлъ, противъ сектантовъ и раскольниковъ. Я съ интересомъ смотрѣла карты мѣстностей южной Россіи, сплошь зараженныя штундой, слушала объясненія г. Скворцова (редактора журнала «Миссіонерское Обозрѣніе») и разсматривала фотографіи выдающихся вождей сектантства. Какія умныя, вдохновенныя лица! Каждое изъ нихъ поражаетъ своимъ энергическимъ выраженіемъ: глаза такъ ясно говорятъ о благѣ душевной жизни, лицо—сама мысль... Невыразимая жалость къ этимъ людямъ наполняетъ сердце, когда посмотришь на фотографіи. Сколько усилій ума, работы мысли, сколько дарованія нашло себѣ такой исходъ! Сколько бы принесли эти люди пользы, если бы въ моментъ зарожденія самостоятельной работы мысли были поставлены подъ твердое руководство и нашли бы себѣ удовлетвореніе у своихъ руководителей. Но въ томъ-то и дѣло, когда пастухъ дремлетъ—стадо можетъ разойтись въ разныя стороны. Наше духовенство—прямой по положенію нравственный руководитель народа,—по своему тяжелому матеріальному положенію само такъ забито и придавлено, что осуждать его за то, что оно во-время не замѣтило такого движенія въ своихъ приходахъ,—какъ-то языкъ не поворачивается, хотя прежде всего обвиняють его. Я поговорила объ этомъ съ г. Скворцовымъ, и онъ далъ мнѣ свою книжку: «Существенные признаки и степень вредности мистическихъ и раціоналистическихъ сектъ», и даже предложилъ заняться миссіонерствомъ, такъ какъ онъ хочетъ устроить теперь нѣчто подобное изъ сельскихъ учителей и учительницъ.

Отдѣлъ церковно-приходскихъ школъ... Но что сказать о немъ? Конечно, видно было, какъ устроители постарались показать ихъ на высотѣ задачи. Отчасти имъ это удалось; но сколько

школь дѣйствительно существуетъ, и сколько ихъ числится на бумагѣ—показано не было. Жаль, что съ церковно-приходской школой связывается извѣстная тенденція,—школы, въ сущности, должны быть только школой, а не служить еще и мѣстомъ распри за названіе... Приходская библіотека—самая невинная, какую, навѣрно, позволено будетъ имѣть при каждой школѣ.

Даже бѣглый обзоръ научно-учебнаго отдѣла ясно показываетъ, какое движеніе въ пользу народнаго образованія происходитъ теперѣ... Мы все-таки идемъ впередъ... quand même!..

За недостаткомъ времени—прекращаю описаніе видѣннаго. Выставка производитъ сильное впечатлѣніе: она, такъ сказать, представляетъ Россію въ миниатюрѣ, всю ея работу, всѣ ея успѣхи и недостатки. И то и другое есть, и ясно видно; но еще виднѣе то, что мы работаемъ, что Россія развивается... хотя бы и не такъ благополучно, какъ хотѣлось бы всякому, не такъ быстро, а все же она движется... Иногда, смотря на бѣдный отдѣлъ народныхъ школь, невольно вспомнилась богатая обстановка и научныя пособія американской школы. Но я вспомнила весь ходъ нашей исторіи, стараясь доказать себѣ всю непослѣдовательность моихъ разсужденій.

Петербургъ, 9 октября. Вотъ уже девятый день, какъ я не знаю, что со мною дѣлается.

Какъ это случилось? Я помню, что въ Покровъ, вечеромъ, сидѣла, по обыкновенію, надъ книгой, потомъ—задумалась... Мнѣ вспомнилась послѣдняя лекція геологіи Мушкетова, въ которой онъ излагалъ Канто-Лапласовскую гипотезу происхожденія міра и его предстоящую погибель по этой же гипотезѣ, вслѣдствіе охлажденія солнца...

Вдругъ, какъ молнія, въ головѣ мелькнула мысль: «къ чему же, зачѣмъ въ такомъ случаѣ созданъ міръ? Вѣдь, все-равно, рано или поздно, онъ долженъ погибнуть? Зачѣмъ же онъ созданъ?»

Я вздрогнула и вскочила съ мѣста... Вся моя жизнь, жизнь всего міра вдругъ показалась мнѣ такою величайшей бессмыслицей, такою жалкою, такою ничтожною... Что же мы-то представляемъ на этой планетѣ? въ силу чего мы существуемъ на ней?

Голова пошла кругомъ... Это ужасное:—зачѣмъ?—выросло до колоссальныхъ размѣровъ, все закрыло предо мною и придавило меня своею тяжестью... На землѣ столько страданія... рано или поздно—оно все-равно погибнетъ... весь міръ погибнетъ...

О, если бы я была матеріалистка! если бы я не вѣрила въ бессмертіе души! Съ какою радостью, однимъ выстрѣломъ изъ

револьвера разрѣшила бы я задачу жизни! Я бы умерла со спокойной и гордой улыбкой, въ твердой увѣренности, что я, часть природы, исчезну безслѣдно, сольюсь съ ней, и что я въ правѣ это сдѣлать, если хочу.

А теперь? разъ я вѣрю въ безсмертіе души, что мое собственное «я» никогда не уничтожится,—что мнѣ отъ смерти? Вѣдь, я же знаю, что и послѣ нея буду существовать... Изъ земной жизни, которая мнѣ все-таки извѣстна, я перейду... въ худшее ли, лучшее ли—все равно, неизвѣстно. Душа моя безсмертна. Въ силу чего же явились мы на землѣ и для чего?

Я пробовала разобрать вопросъ съ этической и религіозной точекъ зрѣнія.

Я вспомнила лекцію Введенскаго «Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни», гдѣ онъ доказывалъ, что смыслъ жизни заключается въ исполненіи нравственнаго долга, который предписываетъ намъ служеніе всеобщему счастью. Но, такъ какъ всеобщее счастье на землѣ неосуществимо, что доказывается сочиненіями философовъ и поэтовъ всѣхъ временъ и всего міра, то мы въ правѣ вѣрить, что оно осуществится въ посмертной жизни, что «исполненіе мною нравственнаго долга искупляетъ всякое зло, испытываемое не мною, а другими... что это зло превратится даже въ добро, и что оно примиритъ съ испытаннымъ зломъ не только того, кто самъ претерпѣлъ его, но и всѣхъ тѣхъ, кто, служа нравственному долгу, велъ какъ бы бесплодную борьбу для освобожденія міра отъ зла». Такимъ образомъ онъ доказалъ, что при пониманіи смысла жизни въ служеніи нравственному долгу, а этого долга—какъ служенія всеобщему счастью,—вѣра въ смыслъ жизни оказывается логически непозволительною безъ вѣры въ безсмертіе, ибо всеобщее счастье неосуществимо, если нѣтъ безсмертія. Онъ доказалъ такъ ясно и логически правильно возможность вѣры въ безсмертіе души, что я, всегда вѣрившая въ него, но считавшая это областью вѣры, почти невозможной для доказательства какимъ бы то ни было путемъ,—пришла въ восторгъ отъ такого яснаго, простого доказательства съ логической точки зрѣнія.

Я вѣрю и въ нравственный законъ. Но все-таки это не разрѣшало вопроса: становясь на точку зрѣнія Введенскаго, принимая во вниманіе исполненіе нравственнаго долга съ вѣрою въ искупленіе этимъ исполненіемъ зла земной жизни въ посмертной,—я не могла отвѣтить себѣ на свое «зачѣмъ?» почему же вся жизнь устроена такъ...

Развѣ нельзя было бы обойтись безъ земной жизни?—вѣдь,

въ силу этого мы должны жить на землѣ цѣлую жизнь, зная, что, въ концѣ-концовъ, весь этотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, въ которомъ преслѣдуемъ столько цѣлей, плановъ, испытываемъ столько горя и страданій,—разрушится? Неужели же такая наша жизнь такъ необходима для осуществленія всеобщаго счастья, въ томъ видѣ, какъ говоритъ Введенскій? Въ силу какой случайности явились мы на землѣ—существа, одаренныя разумомъ и бессмертною душою? Не говорю уже о вопросѣ о происхожденіи зла на землѣ...

Съ религіозной точки зрѣнія... Мнѣ было еще тяжелѣе. Въ самомъ дѣлѣ: насъ ожидаетъ бессмертіе, но какое?—Праведникамъ обѣщается вѣчная блаженная жизнь, грѣшникамъ—вѣчное мученіе. Но, вѣдь, и въ Писаніи сказано: «Много званыхъ, но мало избранныхъ»... Праведниковъ немного, значитъ, послѣ конца вселенной, счастье будетъ доступно только немногимъ, массу же ожидаетъ вѣчное мученіе. Но не всѣ же такъ виноваты, не всѣ настолько грѣшны, чтобы подвергнуться ему: если немного праведниковъ, т.-е. лицъ съ высокимъ нравственнымъ развитіемъ, то среди массы найдутся и люди средніе, т.-е. не ожесточенные грѣшники, но и въ силу разныхъ обстоятельствъ не настолько высокіе духомъ, чтобы подняться до праведности. А ученіе Церкви не даетъ отвѣта на вопросы, что станетъ съ этими людьми. Она просто дѣлитъ всѣхъ на праведныхъ и грѣшныхъ, и въ результатѣ выходитъ опять то, что счастливы будутъ только немногіе; а масса, испытавшая столько и здѣсь, на землѣ,—окажется обреченной на вѣчныя муки въ будущей жизни...

И мнѣ невольно вспомнилась статуя Залемана, изображающая усталое, вѣчно стремящееся впередъ человѣчество, съ надписью:

Il tanto affaticar che giova? (Данте).

Помню, какъ меня охватила безконечная усталость, когда я остановилась передъ этой статуей... и мнѣ захотѣлось самой сейчасъ же уничтожиться, съ закрытыми глазами медленно погрузиться въ Нирвану... исчезнуть, слиться съ природой какъ часть ея.

И опять это ужасное: почему же все это устроено такъ, а не иначе?—встало предо мною. Старый, забытый вопросъ, который занималъ меня одно время, когда я была еще подросткомъ и размышляла о будущей жизни: почему же все-таки немногіе будутъ счастливы, отчего Богъ устроилъ все такъ?—этотъ вопросъ всталъ вновь предо мною во всей своей ужасной ясности.

Я чувствовала себя подавленной, уничтоженной... Часы шли—я их не замѣчала...

Поздно вечеромъ я подняла голову, посмотрѣла на икону, хотѣла было опуститься на колѣни, и... не могла. Вся моя вѣра—точно заволоклась густымъ туманомъ, за которымъ исчезла. Ни словъ, ни мыслей, ни настроенія—ничего у меня не было на сердцѣ для молитвы въ эти минуты.

Я легла спать. Рука не сдѣлала обычнаго движенія—крестнаго знаменія... Все точно замерло во мнѣ...

На другой день я встала съ тѣмъ же вопросомъ; за что бы я ни бралась, — всюду меня онъ преслѣдовалъ, и мнѣ казалось еще бессмысленнѣе какъ свое, такъ и существованіе другихъ.

И такъ всѣ эти дни. Я почти не могу ничѣмъ заниматься, на сердцѣ такъ тяжело... Теперь передо мной лежала раскрытая книга—«Боярская дума»—и какое мнѣ было дѣло до всѣхъ этихъ бояръ, окольныхихъ, думныхъ дьяковъ?...

И, упавъ головой на столъ, я плакала горькими, неудержимыми слезами... и не стыдилась своихъ слезъ... Я была одна со своимъ отчаяніемъ, никто меня не видѣлъ, да и кто бы могъ мнѣ помочь?

Какъ завидовала я всѣмъ матеріалистамъ! Какъ счастливы они своимъ сознаниемъ, что нѣтъ никакого безсмертія, что они могутъ умереть съ полнымъ сознаниемъ того, что уже не будутъ жить послѣ смерти!

Я рѣшила обратиться къ Введенскому: можетъ быть, онъ хоть что-нибудь сумѣетъ отвѣтить на мой вопросъ...

13 октября. Прошло уже нѣсколько дней... Я спрашивала Введенскаго. Конечно, онъ ничего не могъ отвѣтить мнѣ на такой вопросъ, прямо сказавъ, что я спрашиваю его, въ сущности, о невозможномъ. Я почувствовала, что сдѣлала большую глупость, тѣмъ болѣе, что за эти дни я уже и не ожидала отъ него никакого отвѣта... Но думаю, воспользуюсь случаемъ и спрошу его, нѣтъ ли такого сочиненія въ духѣ матеріалистовъ, которое могло бы разбить всякую вѣру въ безсмертіе. Онъ засмѣялся.—«Такого сочиненія нѣтъ... вѣдь, вы уже слышали, что матеріализмъ, какъ и дуализмъ, не доказуемъ, слѣдовательно, теперь, послѣ моихъ лекцій, никакого матеріалистическое сочиненіе не докажетъ вамъ, что не существуетъ возможность вѣры въ безсмертіе».—Но мнѣ хотѣлось бы отдѣлаться отъ этой точки зрѣнія, потому что въ такомъ случаѣ гораздо легче жить и легче уме-

реть...—«Попробуйте... прочтите: «Stoff und Kraft» Büchner или «Wissenschaft und Völkerglaube». Въ первомъ—вы найдете, такъ сказать, всю суть матеріализма; книга очень распространенная, ея вышло уже 19 изданій. Только она вамъ теперь ничего не докажетъ... Попробуйте, прочтите»...—сказалъ онъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ. Рѣшивъ воспользоваться случаемъ до конца, я спросила его, почему при мысли о вѣчности, при одной попыткѣ представить себѣ ее, которая мнѣ никакъ не удастся, меня охватываетъ ужась... отчего это? Или оттого, что мы не можемъ вообразить себѣ вѣчное существованіе, или просто зависить отъ индивидуальности?—«Оттого, что мы дѣйствительно не въ силахъ представить себѣ вѣчность; вы хотите представить себѣ невозможное, вы истощаете себя понапрасну, отъ этого и происходитъ ужась. Вѣчность можно мыслить, но представить себѣ ее нельзя. Попробуйте вообразить круглый квадратъ, т.-е. невозможное. Будете стараться вообразить и тоже, въ концѣ-концовъ, придете въ ужась». (Я потомъ сообразила, что можно было возразить ему, что круглый квадратъ, въ сущности, бессмыслица, и что его нельзя сравнивать съ вопросомъ о вѣчности; но изъ-за выраженія—не стоило спорить, результатъ былъ бы все тотъ же). Это былъ единственный, вполне удовлетворительный отвѣтъ, и я осталась довольна, что спросила его объ этомъ, такъ какъ вопросъ о вѣчности тоже мучить меня. Мы говорили наединѣ, и весь нашъ разговоръ продолжался лишь нѣсколько минутъ; потомъ я поклонилась и ушла.

Вчера я слушала вступительную лекцію по естествознанію у одного молодого лектора, нынѣшней весною кончившаго курсъ въ университетѣ. Онъ—знакомый нашей В—ой и предложилъ устроить чтеніе лекцій у себя на дому для желающихъ, которыхъ набралось человекъ 25. Не скажу, чтобы лекція меня заинтересовала. Штука давно извѣстная: начинается съ изложенія теоріи матеріи, затѣмъ переходъ къ атомизму, словомъ—матеріализмъ чистой воды. Мнѣ эта увѣренность въ существованіи матеріи и невообразимо мелкихъ атомовъ казалась почти-что смѣшной. Привыкнувъ къ строгимъ логическимъ выводамъ Введенскаго, я находила страннымъ изложеніе, начинающееся съ понятія матеріи и не доказывающее научно, строго логически ея существованіе.

18 октября. Я спрашивала невозможное...

Недавно, въ воскресенье, я занималась, усердно читая «Боярскую думу». Но, въ концѣ-концовъ, я все-таки отодвинула

книгу въ сторону... Звонили къ обѣднѣ... Это напомнило мнѣ время, когда я сама ходила въ церковь...

Вернуться опять къ вѣрѣ?... принять то христіанское міросозерцаніе, которое даютъ намъ съ дѣтства, даютъ готовымъ, со всѣми его высокими нравственными идеалами? Но что мы потомъ изъ него дѣлаемъ? Развѣ вся та масса, которая извѣстна подъ названіемъ «христіанъ» и «вѣрующихъ», дѣйствительно христіане и вѣрующіе? Что изъ того, что мы посѣщаемъ церковь, говоримъ, что вѣримъ въ Бога, и даже исполняемъ предписываемые обряды? Развѣ многіе вдумываются въ истинный смыслъ религіи, въ тѣ высокіе нравственные идеалы, которые она представляетъ намъ, и которые были такъ живы въ первыя времена христіанства?

Прошли вѣка. Святая Церковь официально признана со всѣми ея уставами, обрядами, ученіями, всѣ цивилизованныя націи—христіанскаго вѣроисповѣданія; какъ же она понимается въ различныхъ слояхъ общества? Низшій классъ, масса, вѣруетъ, чувствуя, что есть что-то Высшее, что не вѣрить—нельзя, что это такъ надо; они усваиваютъ себѣ всѣ обряды, въ большинствѣ случаевъ не зная ихъ смысла. Вѣруютъ немудро, но твердо. Если и пробуждается самостоятельная мысль, она никакъ не можетъ найти удовлетворенія въ окружающей средѣ; но мысль, разъ пробужденная, требуетъ исхода, возникшіе вопросы требуютъ отвѣта... И кто скорѣе отвѣтитъ, къ тому пойдетъ простой чело-вѣкъ. Отсюда развитіе всевозможныхъ сектъ... Далѣе, — какъ вѣруетъ общество, «интеллигенція» всякаго рода, обладая средствами образованія?—Мы, люди «развитые», въ большинствѣ—«всѣ вѣрующіе»—ходимъ въ церковь, вздыхаемъ о своихъ грѣхахъ, даже сокрушаемся о нихъ и... продолжаемъ все-таки жить, «какъ всѣ», т.-е. по установленному шаблону, къ которому религія приспособлена очень удобно и легко. Родятся у насъ дѣти, по церковному обряду ихъ крестятъ, затѣмъ «воспитываютъ» опять-таки по разъ установленному шаблону: тамъ учительницы, гимназія, университетъ и служба для мужчинъ, гимназія и заму-жество для дѣвушки. Послѣ «устройства» молодого поколѣнія мы съ радостью смотримъ на ихъ счастье, если они имъ пользуются, и печалимся, когда ихъ постигаютъ неудачи. Затѣмъ—мы продолжаемъ жить своею личною жизнью, занятою дѣлами, удовольствіями, общественными отношеніями... И такъ—все время до конца жизни. Иногда—мы умираемъ, насъ хоронятъ по обряду церкви, за насъ молятся... и все... и это все?—да. И во всей этой жизни, которою живетъ масса общества, нѣтъ ни

искорки пониманія истиннаго смысла той религіи, которую они, по собственнымъ словамъ, исповѣдуютъ. Тотъ высшій идеаль, который она проповѣдуетъ — стремленіе къ нравственному совершенствованію,—совершенно игнорируется всѣми, а, между тѣмъ, въ этомъ-то и весь смыслъ. Кто задумывается въ наше время надъ этимъ вопросомъ при воспитаніи дѣтей, при прохожденіи всего жизненнаго пути, кто руководствуется этимъ принципомъ?—Да рѣшительно никто, всѣ точно забываютъ о его существованіи. И что же выходитъ? Дѣти вырастаютъ нравственно чуждыя родителямъ, не связанные съ ними этою самою прочною связью, какая только можетъ быть; они идутъ своей дорогой, взгляды двухъ поколѣній расходятся; родители бываютъ недовольны молодымъ поколѣніемъ, говорятъ, что «нынѣшняя молодежь хуже прежней», чувствуютъ, какъ пропасть между ними становится все глубже; и хорошо еще, если дѣло не дошло до борьбы. Многіе ли родители понимаютъ своихъ дѣтей, знаютъ ихъ душу, входятъ въ ихъ внутренній міръ? Многіе ли мужья живутъ со своими женами вполнѣ общою жизнью, не только внѣшнею, но и внутреннею: умственной и нравственною? Въ большинствѣ случаевъ, вступая въ бракъ, не думаютъ ни о такой жизни, ни о дѣтяхъ, ни о своей нравственности, даже когда любятъ свою жену. Вступаютъ въ бракъ — опять подчиняясь внѣшней обрядности, необходимости, и только. Въ результатъ—прожитая жизнь современнаго интеллигента, когда она направлена даже къ высшимъ этическимъ цѣлямъ служенія ближнему на разныхъ поприщахъ, все-же является лишенной самаго важнаго—этого внутренняго содержанія. А сколько такихъ у насъ, на Руси! И не счастье... И вотъ, въ результатъ, всѣ мы, «православные христіане», числимся исповѣдующими православную вѣру, подчиняясь преимущественно обрядамъ; мы въ данномъ случаѣ ничѣмъ не отличаемся отъ лишенныхъ образованія низшихъ классовъ, но существенно хуже ихъ. Словомъ, въ сущности, мы ничѣмъ не отличаемся отъ невѣрующихъ, даже хуже ихъ, потому что тѣ взамѣнъ создаютъ себѣ разныя теоріи, иногда весьма високаго нравственнаго достоинства, и живутъ согласно своимъ убѣжденіямъ. И вотъ, вся эта масса общества, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые называютъ себя вѣрующими, въ тысячу разъ хуже сектантовъ и невѣрующихъ: первые страстно ищутъ истины, выхода изъ мрака, и не ихъ вина, если они заблуждаются; а вторые прямо отрицаютъ то, что мы на словахъ и по внѣшности признаемъ, но внутренняго смысла чего не понимаемъ, вѣрнѣе—не вдумываемся, и знать не хотимъ.

Жестокой ироніей звучитъ это слово: «вѣрующій». Ищите ихъ! Развѣ въ монастыряхъ найдешь нѣсколько, да въ нѣкоторыхъ семьяхъ, гдѣ есть старыя бабушки, да у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», вся жизнь которыхъ представляетъ одно бѣдствіе или горе, и единственнымъ утѣшеніемъ которыхъ можетъ служить религія. Священники говорятъ намъ проповѣди, мы выслушиваемъ ихъ и тотчасъ же по выходѣ изъ церкви забываемъ такъ у насъ много дѣлъ и заботъ, что едва-едва хватаетъ времени со всѣмъ управиться. Таковы мы, называющіе себя «вѣрующими». Мы очень удобно чувствуемъ себя въ окружающей насъ обстановкѣ и спокойно проходимъ нашъ жизненный путь: лишь предъ смертью, можетъ быть, у нѣкоторыхъ мелькаетъ сознаніе того, что жизнь, пожалуй, прожита не такъ, какъ слѣдуетъ, но на порогѣ вѣчности уже поздно размышлять объ этомъ.

И выходитъ—смерть Ивана Ильича, Толстого.

Когда я думала о жизни, которая, куда ни посмотри, всюду такъ складывается, все казалось мнѣ такъ безотрадно, точно все подернулось траурнымъ флеромъ. Я думала даже о любви, о томъ чувствѣ, которое, какъ говорятъ, доставляетъ столько радости. Но и тутъ мнѣ представились сейчасъ же дѣти, какъ слѣдствіе брака, и ихъ современное воспитаніе; возникло сомнѣніе: сумѣю ли я ихъ воспитать, какъ должно? И вся прелесть любви, о которой я столько читала, разсѣялась какъ дымъ...

И меня вдругъ неудержимо потянуло вдаль отъ этого міра, куда-то далеко, а куда — и сама не знаю...

Это было уже знакомое чувство. Я вспомнила, какъ въ дѣтствѣ оно охватывало меня, когда я увлекалась чтеніемъ Житій Святыхъ, когда чтеніе исторіи о Страданіяхъ Спасителя и Его послѣдней бесѣдѣ съ учениками, въ моемъ маленькомъ учебникѣ, волновало меня до слезъ... тогда я мечтала уйти въ Египетъ или куда-нибудь въ пустыню, поселиться въ пещерахъ... Конечно, ребенкомъ, я представляла себѣ лишь внѣшнія обстоятельства жизни, но теперь то, что неудержимо тянуло меня невѣдомо куда, только прочь отъ этого міра — теперь оно встало предо мною съ изумительною ясностью. Кажется, случись тутъ подлѣ меня монашеское платье, я, не колеблясь, тотчасъ же надѣла бы его и пошла въ какой-нибудь монастырь.

Что же это со мною дѣлается? Я упала головой на книгу и опять заплакала, какъ и тогда.

Что же со мною?... Я сама не могу отвѣтить на этотъ во-

прось... и въ отчаяніи снова думаю о томъ, что чѣмъ жить, лучше было бы вовсе не существовать, если бы «Stoff und Kraft» могла убѣдить меня! Ни минуты не стала бы жить дольше.

Я старалась овладѣть собою... Такое состояніе невысказано, надо какъ-нибудь, что-нибудь...

— «Таковъ печальный конецъ земли. Мы можемъ утѣшиться только тѣмъ, что онъ является дѣломъ неопредѣленно-далекаго будущаго»...—раздается въ моихъ ушахъ мѣрный и спокойный голосъ Мушкетова, въ которомъ чуть-чуть слышался дѣйствительно печальный оттѣнокъ...

29 октября. Занимаюсь; посѣщаю лекціи; въ результатѣ, на провѣрку является то же: дѣлаю слишкомъ мало, способности слишкомъ невелики, память—о, несчастье!...

Вернусь къ прошлому, чтобы рассмотреть причину всѣхъ причинъ.

Еще когда я жила дома, года три тому назадъ, или немного даже раньше, я начала замѣчать, что моя память, прежде такая хорошая, понемножку начинаетъ мнѣ измѣнять. Я тогда уже не училась, и провѣрять свою память, такъ сказать, официально, по степени усвоенія уроковъ, мнѣ не было возможности, но все-таки я замѣчала, что помню значительно хуже прежняго. Потомъ стало еще хуже: иногда, сначала очень рѣдко, почти незамѣтно, чуть-чуть я чувствовала странное ощущеніе сжатія головы въ вискахъ; душевное настроеніе сдѣлалось особенно чуткимъ ко всему неприятному; малѣйшая неприятность, слово, пустякъ—производили на меня такое тяжелое впечатлѣніе, повергали меня въ такое угнетенное состояніе, отъ котораго отдѣлаться было крайне трудно; наконецъ, мое стремленіе учиться и та несчастная жизнь, которую я принуждена была вести противъ воли, то страданіе, которое причиняла мнѣ вѣчная неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ, постоянное нравственное мученіе, сознаніе пустоты и пошлости окружающей среды, бессмысленность своей жизни, жестокость матери, когда грудь готова была разорваться отъ рыданій, а мать, вмѣсто утѣшенія, смѣясь, уходила въ другую комнату... О, это уже слишкомъ! При одномъ воспоминаніи такая буря готова подняться въ груди... Я постоянно чувствовала не то страшную нравственную усталость, не то—не знаю что, но все меня разстраивало; занимаясь эти годы нѣмецкимъ языкомъ, я замѣчала, что даже самое легкое изученіе подвигалось довольно плохо... я все забывала... и—чѣмъ далѣе—тѣмъ труднѣе становилось помнить правила, литературу... За послѣднее время,

передъ отъѣздомъ на курсы, я сблизилась съ Валей, читала съ нею вмѣстѣ Милля, не чувствуя уже себя такой одинокой въ семьѣ, какъ прежде; но, увы! самое чтеніе, изученіе политической экономіи не принесло уже мнѣ пользы: я отлично помню, что прочтемъ, бывало, главу изъ Милля, но передать ее я не могу, не помню и готова хоть снова начинать. Книги, которыя приходилось читать, я скоро позабывала; въ 19 лѣтъ я начала замѣчать, что мнѣ иногда даже трудно ясно выразить свою мысль: въ разговорѣ я не вдругъ могла подыскать нужныя выраженія, въ письмѣ — тѣмъ болѣе. И вотъ, въ дневникѣ моемъ и въ письмахъ чаще и чаще начинаютъ попадаться помарки... я хочу написать, а фраза никакъ не выходитъ, и—чѣмъ дальше—тѣмъ хуже. Не передать того ужаса, который иногда охватывалъ меня, когда я начинала всматриваться въ свое, такъ сказать, умственное состояніе: временами мнѣ казалось, что я начинаю сходить съ ума... Я боялась даже въ дневникѣ признаться себѣ самой въ этой мысли, — и въ то же время я чувствовала себя физически здоровой, мои поступки, мысли — все было вполне нормально, за исключеніемъ того страннаго ощущенія сжиманія головы, которое время отъ времени повторялось, иногда доходя до боли. Это меня и сбивало съ толку; тогда я начинала думать: значить, можетъ быть, это только начало, а потомъ неизвѣстно что будетъ?—и дикій, почти паническій ужасъ доводилъ меня до невозможнаго нервнаго состоянія...

И такъ шло время. Никто не замѣчалъ ничего, такъ какъ надо было хоть немного понимать душу человѣческую, хоть немного болѣе любить близкаго человѣка, чтобы замѣтить во мнѣ что-нибудь; никто изъ нашей семьи не былъ на это способенъ. Жизнь дома была такъ невыносимо-тяжела, и, несмотря на все стараніе, неприятности были неизбѣжны. Сношеній съ матерью, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, я избѣгала, и даже съ сестрами не говорила никогда и ничего о своемъ будущемъ, о курсахъ, — напоминаніе о нихъ было бы только мученіемъ для меня... Сестры тоже молчали. Словомъ, годы страданія взяли свое... Оттого мнѣ все такъ трудно и давалось за послѣднее время... И я была уже не та: мои прежнія способности, я чувствовала, измѣнили мнѣ, память была потеряна, нервы, вся я, — все было уже не то... Наконецъ, — этотъ ужасный день 20-го августа, адски хитрый и жестокий поступокъ матери со мной, эта поѣздка въ Петербургъ... Зная, что я живу только надеждою на свободу и предстоящую возможность учиться, — исподтишка мнѣ нанесли такой ударъ, неожидан-

ность и послѣдствія котораго могли бы сломить другую натуру...

И вотъ послѣ всего пережитого, послѣ всѣхъ испытаній, я, наконецъ, достигла своей «земли обѣтованной»—поступила на курсы. Я чувствовала, что нервное мое состояніе было прямо ужасно. Я была точно разбитое фортепіано, до котораго нельзя было дотронуться, оно издавало фальшивый, дребезжащій звукъ. Я не была зла, но мнѣ было очень стыдно, когда лица, знавшія меня ближе и симпатизировавшія мнѣ, дружески уговаривали меня не быть такою рѣзкою въ обращеніи съ посторонними;—такое раздраженіе являлось невольно: болѣзненное состояніе не давало возможности владѣть собою...

Лекціи... наука!... Все, къ чему я такъ стремилась,—наконецъ достигнуто! Я—на курсахъ... Профессора, книги,—все теперь было у меня. Я дышала полною грудью, первое время была точно въ чаду. Но зато и сознаніе своего невѣжества встало предо мною съ поразительною ясностью, причиняя мнѣ такое страданіе, такимъ тяжелымъ камнемъ ложаюсь въ душу... Я схватилась за книги, не сообразивъ одного, — хватить ли моихъ силъ на такія занятія? — мнѣ хотѣлось объять все сразу, изучить и описать. Не забыть мнѣ никогда того ужаса, который охватилъ меня, когда я взялась за перо для реферата по русской исторіи... Я, оказалось, не могла ничего писать! Читала-читала — и никакъ не могла передать словами прочитаннаго... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого. Что же? Вѣдь, такимъ образомъ, я и заниматься-то не могу. Но отказаться было поздно... Помню, какъ я еле-еле могла написать изложеніе статьи... страшнаго труда стоило это... Шестъ часовъ употребила я на изложеніе того, на что въ прежнее время у меня ушло бы втрое меньше. Но худшее было впереди: когда я, вся дрожа отъ волненія, вошла на кафедру и прочла свое изложеніе, то услышала потомъ замѣчаніе отъ тѣхъ изъ первокурсницъ, кто мало-мальски могъ критически отнестись къ читанному: — «да вы, Дьяконова, только сократили статью Кавелина и изложили ея содержаніе. Это простое переложеніе»,—говорили мнѣ онѣ разочарованнымъ тономъ. Недовольныя были совершенно правы, и я, вернувшись въ свою комнату, сообразивъ все, поняла, какую громадную ошибку сдѣлала, взявшись не за свое, въ сущности, дѣло... О, какъ мнѣ было стыдно! Какъ мучительно было сознавать мнѣ въ 21 годъ всю бездну своего невѣжества и неспособности... А тутъ еще неудачныя знакомства, не менѣе неудачное вступленіе въ «кружокъ»,—заставили меня смотрѣть на курсистокъ такимъ мрач-

нымъ взглядомъ, такъ критически относиться къ нимъ, что я не могла поневолѣ ни съ кѣмъ сойтись ближе, и недовольство окружающими росло еще съ большей силою...

1 ноября. Продолжаю воспоминанія.

Вскорѣ наступили экзамены. Я чувствовала себя день ото дня хуже: сдавливаніе головы, какъ въ тискахъ, стало сильнѣе давать себя знать, память отказывалась служить; я, тѣмъ не менѣе, не обращалась къ доктору. Временами я безъ силъ бросалась на постель и лежала долго, неподвижно: мой внѣшній видъ начиналъ обращать на себя вниманіе... Мнѣ совѣтовали беречься. До этого ли было мнѣ, когда я рѣшила сдать ускоренно всѣ экзамены, чтобы уѣхать на свадьбу сестры? И вотъ началось...

Мое критическое отношеніе къ своимъ познаніямъ, подготовка къ экзамену древней исторіи — такъ ясно показали мнѣ необходимость знанія древнихъ языковъ для занятія древней исторіей, что изученіе двухъ учебниковъ для экзамена по исторіи Греціи казалось мнѣ просто кукольной комедіей, позоромъ, а я сама, изучавшая ихъ,—недостойной званія курсистки. Въ 21 годъ быть такой жалкой полу-ученицей! Когда многія въ мои годы бывали уже или на 4-мъ курсѣ или, по меньшей мѣрѣ, на 3-мъ! Когда въ прежніе годы въ этотъ возрастъ получали уже каѳедры!

Вспоминая теперь себя, я могу сказать, что была похожа въ это время на несчастную, сверхъ мѣры нагруженную лошадь, которая еле-еле держится на ногахъ, но все-таки везетъ возъ къ дому, подгоняемая кнутомъ возницы... Послѣдній мѣсяць — это было что-то невозможное — я не жила, а «горѣла», по выраженію нашихъ интернатокъ: переживая массу разныхъ впечатлѣній, съ восторгомъ занося ихъ въ свой дневникъ, я въ то же время сдавала все время по два экзамена сразу... Но, чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе давалось мнѣ все, силы начинали мнѣ измѣнять. Часто, пробившись нѣсколько часовъ кряду надъ однимъ билетомъ и все-таки ничего не запоминая, я въ отчаяніи бросалась на постель, ломая руки и не понимая, что со мною дѣлается. О, если бы могли меня видѣть въ эти минуты всѣ тѣ, которыя удивлялись и завидовали мнѣ!—«Дьяконова, да вы сколько сдали? Опять два сразу? Ну, это удивительно! Да сколько же вамъ еще осталось? только два? Вотъ счастливица-то! Вотъ способностито!»—слышала я... и уже не пробовала разувѣрять ихъ. Что сказали бы онѣ о моихъ способностяхъ, если бы сквозь запертую дверь моей комнаты могли видѣть, какъ я въ безсильномъ

отчаяніи падала на кровать, закрывъ глаза, не понимая тогда ни слова изъ прочитаннаго... Помню я, какъ на экзаменѣ русскаго языка вынула совсѣмъ нечитанный билетъ; какъ по славяновѣдѣнію не могла отвѣтить на простѣйшій вопросъ; на экзаменѣ древней исторіи я вдругъ забыла моментально все, что слѣдовало сказать о философіи до Сократа, хотя знала этотъ отдѣлъ довольно хорошо. Самоувѣренность, съ какою я отвѣчала профессору (котораго у насъ считаютъ полнымъ ничтожествомъ), спасла меня отъ его придирокъ и провала. Однако, въ общемъ выходило какъ-то такъ, что я знала прочитанный курсъ и выдерживала испытанія... Какъ? я и теперь не знаю и удивляюсь. Но есть предѣлъ всему. Экзаменъ логики, самый трудный, былъ для меня послѣднимъ по числу; я уже не въ силахъ была болѣе заниматься... И лошадь плетется подъ кнутомъ, только пока силъ хватаетъ: рано или поздно упадетъ же... И я упала. Да еще какъ! Готовясь къ логикѣ и зная, что въ головѣ моей нѣтъ уже ни на іоту соображенія, ни памяти, я рѣшила не спать вовсе послѣднюю ночь, думая, что, авось,—лучше повторю (?!). Въ результатъ было то, что, когда я сѣла передъ профессоромъ, чтобы отвѣчать, я къ ужасу своему чувствовала, что не помню почти ничего изъ билета. Логикѣ читаль намъ Введенскій совершенно новую,—въ аналитическомъ изложеніи; мы всѣ цѣнили его какъ талантливаго профессора и боялись этого экзамена. Страхъ и стыдъ передъ нимъ за свое незнаніе заставили меня потерять всякое самообладаніе; я закрыла лицо руками и не могла говорить... Среди курсистокъ есть мнѣніе, что Введенскій—хорошій психологъ; по отношенію ко мнѣ онъ, дѣйствительно, показалъ себя такимъ: видя передъ собой человѣка въ полу-безсознательномъ состояніи, онъ помогъ мнѣ выйти изъ той бездны, въ которую я, казалось мнѣ, погружалась. Смутно помню я, какъ онъ сталъ предлагать какіе-то вопросы; слушая и отвѣчая на нихъ, я испытывала такое ощущеніе, точно кто-то въ головѣ моей приводилъ все въ должный порядокъ. Наконецъ, онъ кончилъ спрашивать несчастный билетъ и повелъ меня по всей программѣ; отчетливо помню, какъ онъ меня спрашивалъ годы жизни Канта и Юма, — я отвѣчала, и въ то же время сама себѣ не могла дать отчета, вѣрно-ли я говорю или нѣтъ... Отвѣтъ былъ окончень; профессоръ взялся за перо и списокъ и, ставя мнѣ 5, громко, во всеуслышаніе сказалъ: — «А волноваться такъ стыдно»... Я вышла изъ аудиторіи, чуть не шатаюсь. Въ интернатѣ меня встрѣтили поздравленія съ переходомъ на второй курсъ... Тѣ изъ знавшихъ меня, которыя были въ аудиторіи, уди-

влялись, слыша мой отвѣтъ глухимъ, измѣнившимся голосомъ, и недоумѣвали, что со мной сдѣлалось. Всякій опытный врачъ по нервнымъ болѣзнямъ разъяснилъ бы имъ это недоразумѣніе. Въ тотъ же день я уѣхала домой.

3 ноября. Послѣ мною овладѣла такая апатія, такое равнодушіе ко всему. Это было ужасное нравственное состояніе, дошедшее дѣйствительно до болѣзни... Ни души кругомъ.

Я инстинктомъ чувствовала весь годъ страшную потребность имѣть при себѣ близкаго человѣка, друга, который душою понималъ бы меня безъ словъ и нѣжно любилъ бы меня, осторожно отстраняя съ моего пути всѣ непріятности, который всегда могъ бы удовлетворить меня въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, стремясь открыть мнѣ новые горизонты... Я страстно искала такого человѣка, жадно всматриваясь въ лицо каждой первокурсницы, съ надеждой и уваженіемъ смотря на слушательницъ старшихъ курсовъ. Но судьба моя и тутъ сказалась: я осталась одна, а надежда, что буду жить одною умственною жизнью съ сестрою, была разбита безжалостно...

Помню, какое сильное впечатлѣніе произвело на меня чтеніе «Историческихъ монографій и характеристикъ» Бестужева-Рюмина — то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о своей дружбѣ съ Ешевскимъ, объ ихъ занятіяхъ въ гимназій и университетѣ. Слѣдуя своей привычкѣ все сравнивать, я тотчасъ же оглянулась на себя самое, на свое развитіе и знанія и на своихъ интернатокъ. Боже, какія мученія испытывала я, ясно видя весь неутѣшительный результатъ такого сопоставленія!

Поступивъ на курсы, я оказалась круглой невѣждой съ ничтожнымъ гимназическимъ образованіемъ, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было систематическаго чтенія, относившагося къ предметамъ не-гимназическаго курса,—тогда какъ Б.-Р. вошелъ въ университетъ прямо съ гимназической скамьи, но... какое развитіе, какія знанія были у него!... Его другъ Ешевскій... какая это была чудная дружба, основанная на почвѣ умственныхъ интересовъ, взаимнаго пониманія и любви. А у насъ? Каковы были мои товарки-сверстницы по курсу, сосѣди по интернату? Увы! несмотря на всѣ старанія, я все-таки не могла найти въ однокурсницахъ ничего такого, что могло бы ихъ поставить въ моихъ глазахъ выше меня; нѣкоторыя изъ нихъ были гораздо-гораздо ниже меня по умственному развитію, а вполне равныя мнѣ — не подходили ко мнѣ потому, что, очевидно, у нихъ не было такой потребности сходиться на умственной и

нравственной почвѣ, т.-е. болѣе близко; онѣ довольствовались только знакомствомъ, мнѣ же этого было мало. Поступая на курсы, я сначала думала, что всякіе интересные разговоры будутъ завязываться сами собою, что потребность къ живому обмѣну мыслей по поводу читаннаго и слышаннаго такъ же естественна, какъ пища, питье... И вотъ помню, какъ я первые дни своего житя въ Петербургѣ въ большомъ интернатѣ точно окуналась въ море новыхъ отношеній, знакомствъ съ незнакомыми людьми, жадно въ нихъ всматриваясь, ища челоуѣка, товарища, одушевленнаго такими же стремленіями, чувствованіями, надеждами... и... увы! Что видѣла я? — Рядъ всевозможныхъ лицъ, то веселыхъ, то дѣтски-юныхъ, то болѣе серьезныхъ—и... только. Никогда при первомъ знакомствѣ не завязывалось разговора болѣе или менѣе интереснаго, словно мы, пріѣхавши на курсы со всѣхъ концовъ Россіи, не имѣли между собою ничего общаго...

Удивительно, что въ интернатѣ мы всѣ были воодушевлены однимъ стремленіемъ — къ знанію, всѣ усердно занимались, читали, но отчего же у насъ не завязывалось тѣхъ одушевленныхъ споровъ о научныхъ и разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ, тѣхъ интересныхъ разговоровъ, живого обмѣна мыслей, о которыхъ я столько разъ читала въ книгахъ? Отчего? Какъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Неужели мы всѣ были неразвиты? — Отнюдь нѣтъ... Мало знали? — И этого нельзя сказать... Такъ отчего же, отчего? — Вотъ тотъ вопросъ, который я безъ счета разъ повторяла про себя со страшною тоскою, сидя за чаемъ и слушая всевозможный вздоръ, о чемъ угодно, но только не о наукѣ... Приходилось заключать, что, должно быть, мы, женщины, поступая въ высшее учебное заведеніе, куда ограниченнѣе мужчинъ, что у насъ нѣтъ ни широты умственнаго горизонта, ни мыслей, ничего...

Въ слѣдующемъ году я жила на отдѣльной квартирѣ, вдвоемъ. Но моя сожительница составляла для меня лишнюю мебель, и ничего больше. При той страшно обостренной чувствительности, которою я отличалась за послѣднее время, — моя душевная чуткость дошла до такой степени, что достаточно было движенія, слова, выраженія глазъ, чтобы я тотчасъ же почувствовала, какъ ко мнѣ относится челоуѣкъ. Со стороны ея я увидѣла только сухость и черствость, такое не-товарищеское, безличное отношеніе, что моментально, по обыкновенію, ушла въ себя, а для того, чтобы еще больше не измучить себя сознаніемъ, съ какимъ челоуѣкомъ приходится мнѣ жить, — рѣшила отнестись къ этому какъ можно хладнокровнѣе, и стала смотрѣть на В—ву,

какъ на лишнюю мебель въ комнатѣ, что, впрочемъ, мнѣ ничего не стоило: я такъ увлеклась книгами и всѣмъ новымъ міромъ знанія, развернувшись передо мной, что совершенно забывала о ея существованіи. Она ложилась рано и вставала тоже; я — наоборотъ...

1897 годъ.

Нерехта, 12 января. 10 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день скончался мой отецъ...

Ужъ 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня;
Сама, покорна общему закону.
Перемѣнилась я...

10 лѣтъ! Изъ робкаго, застѣнчиваго ребенка я обратилась въ 22-лѣтнюю курсистку; прежней дѣтской робости нѣтъ и слѣда, застѣнчивость же и робость, вѣроятно, овладѣютъ мной теперь лишь въ присутствіи такого лица, которое я признаю неизмѣримо выше себя, а, такъ какъ пока я вращаюсь въ кругу людей обыкновенныхъ, не поднимающихся выше средняго уровня, то и чувствую себя отнюдь не ниже ихъ...

10 лѣтъ! Много пришлось пережить, передумать... Съ поступленіемъ на курсы былъ сдѣланъ переломъ въ моей жизни... Теперь, когда я немного разобралась во всѣхъ впечатлѣніяхъ, когда первое волненіе улеглось,—я вижу, какое благотворное вліяніе имѣетъ на меня моя теперешняя жизнь. Я чувствую себя какъ бы обновленнымъ, возродившимся къ жизни человѣкомъ, я стала даже нравственно лучше... и много, много думала надъ жизнью... То, что раньше было подернуто туманомъ,—стало ясно, и какою же жалкою представляется мнѣ моя прежняя жизнь!... Тѣ лица, къ которымъ я съ дѣтства чувствовала какой-то страхъ, перешедшій впослѣдствіи въ робость и застѣнчивость,—которыя мѣшали мнѣ много для правильного пониманія и изученія людей,—теперь кажутся еще болѣе «обыденными», если можно такъ выразиться; облачко застѣнчивости, мѣшавшее разсмотрѣть ихъ, разсѣялось, и я увидѣла ихъ въ настоящемъ свѣтѣ. И я сама стала другимъ человѣкомъ; впрочемъ, нѣтъ, не другимъ, а только развилась больше, стала еще серьезнѣе смотрѣть на жизнь, еще глубже вдумываться въ ея задачи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую себя иногда такъ легко, дышится такъ вольно... и чувствую въ груди моей какой-то приливъ силы

необыкновенной: мнѣ хочется борьбы, подвига, чтобы показать эту силу, которая, кажется, такъ и рвется наружу... Дыханіе занимается... иногда кажется,—весь міръ была бы въ состояніи перевернуть... Мнѣ хочется дѣйствовать, итти, ѣхать куда-нибудь, а главное—дѣла, дѣла! Хочется разомъ увидѣть весь міръ, и глубокое-глубокое отрадное чувство свободы переполняетъ всю душу... Да? и я—свободна? и я могу ѣхать, куда хочу, дѣлать—что хочу, поступать—какъ хочу, и меня болѣе не связываютъ эти цѣпи рабства... Вѣдь, это—правда? Я—учусь... Я—на курсахъ...

Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ свиданья жажду,
Пойметъ, какъ я страдалъ и какъ я стражду!

—воскликнулъ Гётевскій пѣвецъ... Я могу перефразировать это восклицаніе: смыслъ свободы понятенъ во всей полнотѣ только тому, кто страдалъ отъ рабства. Иначе, какъ этимъ именемъ—какъ же назвать эти тяжелые годы моей лучшей молодости, прошедшіе въ 4-хъ стѣнахъ, среди непрерывныхъ нравственныхъ терзаній? Во имя чего лишали меня права учиться далѣе? Мальчика—пустили бы съ радостью и гордостью, дѣвушку—не тутъ-то было! Ей и учиться нельзя, и курсы—вродѣ публичнаго дома, и у нея есть средства для замужества, словомъ—понятія о женщинѣ самая рабскія, и я испытала на себѣ всю ихъ прелесть.

10 лѣтъ! А могилка на кладбищѣ, вся занесенная теперъ снѣгомъ,—пока еще нова...

А пройдетъ еще 10 лѣтъ?...

У меня одно только желаніе, одна страстная любовь, обращенная къ тому Неизвѣстному Высшему Существо, которое называется Богомъ, котораго я не знаю, но существованіе котораго признаю всѣмъ существомъ моимъ: чтобы я могла за эти годы принести возможно больше пользы для людей, чтобы я могла осуществить свое намѣреніе: посвятить свою жизнь на дѣло народнаго образованія. Пусть у меня будетъ хотя одна только маленькая школа, пусть дѣло мое будетъ и вовсе ничтожно, и трудъ незамѣтенъ,—я все-таки отдамся ему со всею любовью и страстностью, на какія я способна. Я буду сознавать, что живу не даромъ, что дѣлаю необходимое, неотложное дѣло, что приношу пользу, количественно хоть ничтожную, но буду стараться улучшать ее качественно. «Цѣль жизни—служеніе всеобщему счастью» — формулировалъ Введенскій отвѣтъ на мой вопросъ, который я задала себѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ, и плакала горькими слезами отъ безсилія своего разрѣшить его...

И теперь моя «цѣль жизни» выяснилась предо мною. По-

служить народному прогрессу, по одной изъ неотложныхъ его частей — народному образованію, — хоть этимъ способомъ сдѣлать способнымъ двигаться впередъ... Пора! Народъ самъ хочетъ школь, самъ открываетъ ихъ, читальни, библіотеки... Пора! Пора! Уже 36 лѣтъ скоро, какъ онъ свободенъ, а невѣжество еще густымъ мракомъ окутало его... Пора взяться за умъ! Въ деревню!!

Петербургъ, 8 февраля, 3½ часа ночи. ...«Мнѣ жаль, что и налилъ и выпилъ я самъ униженія чашу до дна»...—могу перефразировать я стихи Апухтина. Впрочемъ, что же? Жалѣть ли себя за эту дѣйствительно выпитую до дна чашу не униженія, нѣтъ, и не разочарованія—тоже нѣтъ, потому что я вовсе не была никогда очарована, а просто... наблюденій (если такъ можно выразиться) надъ современной учащейся молодежью? Жалѣть ли о томъ, что я видѣла ее во всей ея неприглядности, во всей ея безсодержательности, покрытую какою-то тусклостью, точно сѣрою дымкой, и гдѣ же?—На университетскомъ праздникѣ.

Жалѣть объ этомъ, или нѣтъ? Закрывъ лицо предъ опасностью, съ сердцемъ, сжатымъ горечью и страхомъ — спѣшить спрятаться, раскаиваться въ совершенномъ поступкѣ, или же, прямо смотря въ лицо факту, котораго существованіе отрицать невозможно,—признать его за дѣйствительно существующій и не пускаться въ бесплодныя сожалѣнія о томъ, что вотъ, молъ, его я видѣла; но признать твердо, хотя бы сердце сжималось при этомъ отъ боли, хотя бы это доставило, въ сущности, одно горе...

Послѣднее—болѣе въ моемъ характерѣ. Я не жалѣю о томъ, что видѣла печальный фактъ, хотя что-то подсказываетъ мнѣ: эхъ, лучше бы и не видѣть его вовсе, ты, вѣдь, и такъ это знала... Да, многое знаешь, но все же легче, когда его не видишь во всей его неприглядности. Что жъ дѣлать? «Нынѣшняя молодежь»...

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно...

—могла бы сказать тѣнь великаго поэта, если бы она могла пролетѣть надъ этимъ собраніемъ.

Что же тамъ было?

Я пришла въ 11-мъ часу въ залъ Бренко, гдѣ назначено было это «чаепитіе». До моего прихода уже говорилъ рѣчь Яроцкій, читали письмо Исаева. Когда я вошла, оканчивалъ говорить Гаринъ (Михайловскій), и за шумомъ я хорошенько не могла слышать, о чемъ именно говорилъ онъ. Послѣ него, какъ онъ сошелъ со стола, воцарилось молчаніе, прерванное громомъ апло-

дисментовъ: это шель любимецъ молодежи, проф. Лесгафтъ. Кланяясь на обѣ стороны, пробирался онъ сквозь густую толпу студентовъ къ эстрадѣ. Аплодисменты не давали ему начать. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Господа, я думаю, что всѣ эти привѣтствія относятся не ко мнѣ... а къ дѣлу, которому я служу...

— Лично къ вамъ!—раздался сильный молодой голосъ какого-то студента, и громъ аплодисментовъ опять не давалъ долго говорить оратору.

— То, что вы слушаете здѣсь, доказываетъ, мм. гг., ясно-съ, что въ человѣкѣ существуетъ потребность дѣятельности-съ, стремленіе къ идеалу... слѣдовательно-съ (это его любимое словечко), мм. гг., разъ эта потребность существуетъ, нужно дать ей удовлетвореніе. Тогда вы не будете знать, что такое скука. Да и дѣятельность, мм. гг., должна быть не только полезной, но и...»—слышала я рѣчь профессора, стоявшаго на столѣ въ своей обычной позѣ, съ сильно опущенной головой и глубокими глазами, пристально смотрѣвшими изъ-подъ огромнаго выпуклаго лба... Когда онъ кончилъ (а говорилъ онъ не долго), аплодисменты опять покрыли его рѣчь, но уже въ значительно слабой степени...

Снова молчаніе. Толпа стоитъ передъ эстрадой и ждетъ... На столѣ всталъ молодой еще профессоръ государственнаго права Гессенъ; передъ этимъ онъ сидѣлъ въ небольшомъ кружкѣ студентовъ и говорилъ съ ними о судѣ чести, такъ какъ началъ свою рѣчь такими словами:—«Сейчасъ здѣсь зашла рѣчь о судѣ чести, мм. гг.,—долженъ ли онъ существовать или нѣтъ? Прошло уже то время, когда понятіе государства охватывало собою все, когда отдѣльные индивидуумы сами по себѣ не существовали»...—такъ началъ онъ... Вся суть этой коротенькой рѣчи сводилась къ тому, что понятіе общества существуетъ независимо отъ понятія государства, а, значить, и судъ чести долженъ быть свой, такъ какъ понятія о немъ у общества и государства у каждаго свое.—«Пока существуетъ понятіе общества,—судъ чести можетъ и долженъ существовать». Аплодисменты, и профессоръ сходитъ съ эстрады.

Читаютъ письмо Вейнберга, въ которомъ онъ, объясняя свое отсутствіе тѣмъ, что долженъ присутствовать при операціи сына, посылаетъ привѣтствіе студентамъ. Опять аплодируютъ. Молчаніе. Гревсъ пробирается между студентами и въ небольшомъ кружкѣ студентовъ говоритъ съ ними. Ждутъ его рѣчи, но онъ, очевидно, не хочетъ говорить ея.

Я, стоя на столѣ между студентами, жадно за всѣми наблюдаю. Молодежь въ срединѣ залы, стоятъ по стѣнамъ, стоятъ на столахъ, на стульяхъ... въ залѣ духота... я чувствую, что моя легкая шелковая кофточка совсѣмъ мокрая... Но вотъ въ центрѣ подымается молодой, красивый студентъ не русскаго, не то восточнаго, не то еврейскаго типа, и начинаетъ... О, лучше бы онъ не говорилъ! Длинно, запутанно, запинаясь и заминаясь, начинаетъ онъ «опровергать», по его мнѣнію, «несправедливыя нападки на нынѣшнюю молодежь, за отсутствіе у нея идеаловъ». Развѣ она ужъ такъ плоха? развѣ она не доказала своихъ возвышенныхъ стремленій тѣмъ, что на Нижегородской выставкѣ съ утра до вечера осаждала павильонъ воскресныхъ школъ, устроенный Хр. Дан. Алчевской? развѣ въ Москвѣ имя Александра Ивановича Чупрова не пользуется наибольшею популярностью? развѣ при одномъ только слухѣ объ его уходѣ молодежь не волновалась? развѣ не популярно имя профессора Безобразова (тутъ онъ назвалъ еще нѣсколькихъ, имена которыхъ я забыла, но онъ оговорился, сказавъ, что это онъ приводитъ извѣстныя ему имена, тогда какъ у всякаго изъ присутствующихъ есть, конечно, «свои» имена)? наконецъ, развѣ Ходынская панихида не доказала съ достаточною ясностью настроеніе молодежи? развѣ появленіе за послѣднее время цѣлаго ряда произведеній, описывающихъ молодежь (въ числѣ ихъ ораторъ назвалъ Галюцко-Дмитріевой, «Гимназисты» и «Студенты» Гарина), не доказало возрастающаго интереса къ ней?—Все это ораторъ говорилъ въ опроверженіе появившейся статьи Шарапова въ маѣ 1896 года въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о нынѣшней молодежи, которая поразила меня своею правдивостью, именно безпощадною и безотрадною правдивостью... Студентъ заключилъ свою рѣчь увѣренностью, что всѣ нападки на молодежь и обвиненія ея въ отсутствіи какихъ бы то ни было идеаловъ—совершенно несправедливы, что они у нея есть, что молодежь дѣйствительно живетъ ими.

Громъ аплодисментовъ покрылъ эту неподражаемую, длинную и запутанную рѣчь, которая, кажется, и ясна только потому, что я привожу ее здѣсь очень сокращенной, самую ея суть. Я не утерпѣла и, обернувшись къ своимъ сосѣдямъ, двумъ студентамъ, спросила ихъ, кто это говорилъ.—«Это Волькенштейнъ, восточнаго факультета... хорошо говорить... это одинъ изъ нашихъ ораторовъ». Я про себя только пожалѣла, что въ университетѣ нѣтъ лучшихъ ораторовъ, чувствуя, что я могла бы сказать и вдвое короче и гораздо выразительнѣе... Но возражать студентамъ я не стала; по ихъ блѣднымъ, холоднымъ, коррект-

нымъ лицамъ, съ бородками клинушкомъ, видно было, до какой степени они равнодушны ко всему окружающему...

Но что же настало потомъ?

Да вотъ что: толпа стояла и молчала. Нѣсколько сотъ чело-вѣкъ молодежи собрались сюда на праздникъ своей alma mater, и что же?—Гдѣ было веселье, оживленные разговоры и споры на темы научныя и общественныя? гдѣ?—Въ центрѣ толпы нѣкоторые лишь изрѣдка переговаривались между собой; по стѣнамъ, на столахъ стояли группы молодежи, но и онѣ стояли молча, и тамъ не было замѣтно никакого движенія...

Молчаніе нарушилъ одинъ изъ студентовъ, юркій юноша, съ фізіономіей несимпатичной и скорѣе нахальной, въ пенснэ, предложившій запѣть Gaudeamus для оживленія собранія (?!). И ему апплодировали! Я пожала плечами въ недоумѣніи.

Въ отвѣтъ на это раздался негодующій голосъ юнаго студентика съ еврейскимъ акцентомъ, вскочившаго на столъ.—«Господа! что же это такое? Мы собрались на свой праздникъ, надо пользоваться случаемъ, чтобы обсудить разные вопросы, касающіеся студенческой жизни,—вопросы, которые требуютъ разрѣшенія, и вдругъ намъ предлагаютъ запѣть... пѣть «для оживленія собранія»! Товарищи! Что же это! Я ничего не имѣю противъ Gaudeamus но, вѣдь, посудите сами, что намъ нужно говорить о дѣлахъ. А мы—молчимъ, мы—стоимъ. Говорите же, товарищи!... Толкуютъ о товариществѣ, о студенческихъ собраніяхъ;—вотъ мы собрались здѣсь! Говорите же! Возражайте другъ другу, спорьте, но пусть будетъ обмѣнъ мыслей, пусть мы здѣсь рѣшимъ нѣкоторые вопросы, пѣть мы успѣемъ потомъ»...

Ему опять апплодировали. Обидѣвшійся коллега его всталъ и сдѣлалъ какое-то замѣчаніе по поводу пѣнія. Но, очевидно, слова юнаго студента произвели впечатлѣніе. Начали «говорить», т.е. поднимается съ одной стороны голосъ-два, имъ отвѣчали тоже двое-трое, и это были не рѣчи, а скорѣе какія-то краткія замѣчанія по поводу московскихъ безпорядковъ. Завязался даже забавный споръ между двумя студентами, изъ которыхъ одинъ стоялъ за то, чтобы у студенчества былъ свой особый богъ, другой возражалъ ему на это, что его имѣть неудобно, да и неловко какъ-то... что же студентъ за особое существо, которое должно создавать себѣ бога на 4 года? Это было уже совсѣмъ комично.

Я сошла со стола, гдѣ стояла все время, и ушла въ буфетную чай пить. Тамъ было душно и дымно; длинный столъ, весь уставленный налитыми стаканами чая, съ блюдечками, на которыхъ лежали кусочки лимона, со скатертью, залитой чаемъ и усы-

панной крошками хлѣба, былъ весь уже занятъ. Двое нашихъ курсистокъ разливали чай. Я нашла себѣ мѣсто на стулѣ у стѣнки и усѣлась со стаканомъ чая въ рукахъ; рядомъ со мной на диванѣ сидѣлъ студентъ съ некрасивымъ лицомъ, въ очкахъ. Я рѣшила поговорить съ нимъ,—пока пью чай, и спросила, что было въ началѣ, такъ какъ я пришла уже поздно. Онъ усмѣхнулся.—«Говорили»...—Кто, о чемъ?—«Да, право, не знаю... вѣдь, вы думаете, всѣ знаютъ изъ тѣхъ, кто тамъ въ залѣ, о чемъ говорятъ? Вѣдь, не слышно, да и не стоитъ слушать»...—отвѣчалъ онъ лѣниво.—Зачѣмъ же вы здѣсь?—спросила я.—«А я самъ не знаю... Вотъ пришелъ такъ же, какъ и другіе».—Очень жаль, если вы такъ относитесь къ своему университетскому празднику,—не вытерпѣла я.—«Что жъ дѣлать? Этакъ, пожалуй, и въ университетъ ходить—заниматься»...—Да, конечно, а то что же больше дѣлать?—«Ну, ужъ этого—нѣтъ. Видите, я—юристъ третьяго курса, и ничего не дѣлаю, такъ-таки вотъ вамъ въ глаза смотрю и прямо говорю: ничего не дѣлаю... Вы думаете, въ университетѣ занимаются? Да ничуть не бывало! Знайте, что такихъ, какъ я—большинство».

Это было сказано спокойнымъ до безстыдства тономъ, переходившимъ почти въ наглость. Что руководило имъ говорить такую тираду, смотря на меня тупо-спокойно и въ то же время самодовольно: «что, молъ, не ожидала, барышня, какую я тебѣ пилюлю преподнесу»? Я не доставила ему этого удовольствія и не удивилась, а только замѣтила ему, что нельзя же обо всѣхъ судить по себѣ, и, если онъ не занимается и знаетъ (предположимъ даже цифру невозможную) около трехсотъ студентовъ такихъ же,—все же сказать этого о трехъ тысячахъ онъ не имѣетъ никакого права.

Студентъ упрямо покачалъ головой:—«Говорите! я ужъ лучше васъ знаю».—Зачѣмъ же вы поступали въ университетъ?—«Какъ зачѣмъ? Для диплома... А вы, должно быть, идеалистка: учитесь изъ глупой любви къ знанію?»—Во всякомъ случаѣ, не для диплома, такъ какъ курсы не даютъ пока никакихъ правъ.—«Ишь вы какая... значитъ, учитесь изъ любви къ знанію. И занимаетесь?»—продолжалъ онъ спрашивать меня, и въ его лѣнивомъ тонѣ прозвучала нотка любопытства.

Но мнѣ разговоръ съ подобнымъ «экземпляромъ» студента ужъ надоѣлъ. Если онъ хотѣлъ порисоваться предо мною,—онъ не достигъ цѣли: и истина о подобномъ отношеніи къ наукѣ и такія мнѣнія не были для меня новостью... Ново было только то, что на этотъ разъ я сама слышала ихъ и отъ студента же, и на праздникѣ. Чтобы покончить, я отвѣтила неопредѣленно на его

послѣдній вопросъ: — Да, приходится... — «Чѣмъ же вы преимущественно интересуетесь?» — приставалъ онъ. — Психологіей, — одноѣрно отвѣчала я. — «Кто у васъ читаетъ ее?» — Введенскій. — «Интересно?» — Очень интересно (я торопилась допить свой чай); въ особенности книга имъ рекомендуется въ качествѣ пособія... — «Какая же? скажите?» — Вамъ-то, во всякомъ случаѣ, это не интересно знать... — И, несмотря на дальнѣйшія приставанія, онъ такъ и не узналъ имени автора. Я поторопилась уйти поскорѣе и, выходя изъ комнаты, вздохнула облегченно, — точно избавилась отъ тяжкаго кошмара...

Въ залѣ попрежнему толпилась масса народа.

Ярославль, 15 августа. Сегодня мнѣ исполнилось 23 года; изъ нихъ лишь два года я живу иною жизнью, и всегда мнѣ стыдно, больно и жалко предыдущихъ лѣтъ, проведенныхъ безъ дѣла, безъ сознательной живой жизни, среди постоянныхъ нравственныхъ мученій. Да! жизнь нельзя проводить въ «ожиданіи», ее нельзя тратить даромъ — ошибка скажется рано или поздно.

Господи! прости мнѣ! дай мнѣ настолько силы и здоровья, чтобы въ будущемъ загладить прошлую бесполезную жизнь — другою, исполненною сознательнаго долга по отношенію къ ближнимъ! Здѣсь, на землѣ, ничтожны радости, дѣйствительно одно страданіе... Я не хочу долгой жизни. Нѣтъ; и я прошу у Тебя ея лишь для того, чтобы я могла умереть съ сознаниемъ, что хоть что-нибудь сдѣлала для другихъ, значить, не была совсѣмъ бесполезнымъ существомъ...

Подумать, что черезъ какія-либо сто лѣтъ — и отъ насъ не останется ничего, кромѣ черепа... всѣ наши страданія, горести, страсти, которыми мы такъ одушевлены теперь, — куда дѣнутся онѣ? Все проходитъ въ этомъ мірѣ, — «суета суетъ и всяческая суета».

Есть одно утѣшительное, что даетъ силу для жизни и поддержку въ борьбѣ въ этомъ мірѣ: любовь къ людямъ. Великая сила — братская любовь! Она выше, она чище любви супружеской, такъ какъ основа ея безкорыстна вполне; мы любимъ брата не потому, чтобы онъ привлекалъ насъ тѣмъ влеченіемъ, которому слѣдуютъ женихи и невѣсты, а просто потому, что онъ такое же существо, какъ мы, — тоже пришедшее въ міръ не по собственному желанію, и страдающее не менѣе насъ.

Люди! если бъ вы могли понять всю великую истину братской любви — не было бы ни войнъ, ни революцій, ни угнетателей, ни угнетаемыхъ, ни богатыхъ, ни нищихъ — словомъ, не было бы

тѣхъ социальныхъ бѣдствій, которыя вызываютъ вышеуказанныя потрясенія, а природное неравенство сглаживалось бы самоотверженіемъ болѣе сильныхъ въ пользу слабыхъ. Тогда настало бы истинное царство Божіе на землѣ.

Но велика власть зла: невидимыя сѣмена эгоизма сѣются всюду щедрою рукою и даютъ пышные всходы: каждый заботится только о себѣ, и изъ этого-то себялюбія проистекають тѣ великія общественныя бѣдствія, съ которыми такъ борется теперь наука: социологія, политическая экономія, всевозможныя «права»,—все въ ходу... Слишкомъ даже много научныхъ изысканій дѣлается для доказательства великой и простой истины, всѣмъ давно извѣстной, но которая не входитъ въ нравственное образованіе человѣчества. Разрабатывать эту истину вполне научно—цѣлесообразно, но доказывать ее цифрами и главами—дѣло пустое и бесполезное.

Да! жалка и пуста жизнь, не озаренная яркою сознательною любовью и состраданіемъ къ людямъ. А между тѣмъ, какъ трудно бываетъ воспитать въ себѣ снисходительность, особенно при характерѣ живомъ и нервномъ. Сегодня мнѣ пришлось испытать всю чарующую прелесть этой любви: я была у о. Александра, и часть, проведенный вмѣстѣ съ нимъ, подѣйствовалъ на меня неотразимо: какъ будто обновленная я вышла отъ него, ободренная для жизни. А все почему? Развѣ этотъ человѣкъ творить чудеса?—Нѣтъ, но въ его словахъ, въ его обращеніи со мною было столько доброты, любви и ласки, что все это вмѣстѣ положительно магически дѣйствуетъ на меня: душа вдругъ обновляется, очищается, и я улыбаюсь, какъ дитя, чувствуя себя выше и лучше. Я рѣдко, почти никогда не видала такого къ себѣ отношенія; меня или не понимаютъ, или осуждаютъ, или просто хорошо ко мнѣ относятся; мое же глупое сердце вѣчно проситъ чего-то большаго, нежели простая вѣжливость, и я рада, если встрѣчу хоть ласковый взглядъ, хоть слово сочувствія.

Я люблю душу человѣческую и всегда цѣню ея проявленія, иѣнно откровенность и участіе. Но такъ рѣдко встрѣчаешь это въ жизни: «Всѣ хотятъ имѣть друга, и никто не хочетъ быть имъ»—глубоко вѣрное изреченіе.

Что-жь, если у тебя нѣтъ друга, постарайся сама быть другомъ, если тебя никто не любитъ и не понимаетъ такъ, какъ тебѣ было бы желательно,—сама люби людей и учись понимать ихъ.

«Въ наукѣ мы найдемъ нравственные и общественные идеалы», сказалъ намъ Гревсъ. Развѣ не находимъ мы того же и въ

религіи? Развѣ въ этомъ смыслѣ эти двѣ области не совпадаютъ? Поэтому необходимо любить и уважать науку...

18 августа. Великая, неразрѣшимая загадка жизни,—для чего создано все,—способна породить отчаянный пессимизмъ.

Въ самомъ дѣлѣ: для чего все это? Для чего созданъ міръ, если рано или поздно онъ долженъ погибнуть? Несмотря на колоссальныя усилія, которыя прилагаетъ человѣчество для разрѣшенія этой задачи,—она не рѣшится нами никогда... никогда!! И съ болью, почти съ отчаяніемъ приходится притти къ заключенію, что не намъ рѣшать этотъ основной вопросъ нашего существованія:

Что нужно намъ, того, увы, не знаемъ мы.

Не знаемъ! однако—надо жить, если сознаешь, что противно твоимъ убѣжденіямъ покончить жизнь самоубійствомъ. Тяжело и мучительно сознание сдѣланныхъ ошибокъ, но опускаться ли подъ эту тяжесть еще ниже, или же, собравъ всѣ силы, постараться нести ее до могилы? Что лучше?

Еще въ прошломъ году, подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго настроенія, я впадала въ малодушное отчаяніе; нынче весной казалось мнѣ, что я должна умереть, что это страшное сознание раздавить, уничтожить меня въ конецъ... даже мои религіозныя убѣжденія готовы были уступить мѣсто привлекательной мысли о небытіи въ здѣшнемъ мірѣ. И чисто внѣшнія обстоятельства помѣшали: у постели близкой больной я не имѣла права рѣшить свою судьбу, такъ какъ потрясеніе имѣло бы вліяніе на ея жизнь...

Въ концѣ концовъ, самую спокойною, самую утѣшительною оказывается смерть христіанина. Я хотѣла бы умереть такъ,—съ философскимъ спокойствіемъ и нравственной силой! Я думаю теперь, что нѣтъ смерти прекраснѣе такой, когда человѣкъ, испытавъ въ жизни массу несчастій, несправедливостей, горя всякаго рода,—умреть со словами: слава Богу за все! Такая смерть—истинно прекрасна. И я желала бы умереть именно съ такимъ сознаниемъ, несмотря ни на какія обстоятельства жизни.

Мы слишкомъ мало думаемъ о смерти во время жизни, а между тѣмъ именно о ней-то и слѣдуетъ помнить болѣе и чаще всего, такъ какъ въ ней одной только мы можемъ быть увѣрены. Болѣе мы ничего не можемъ сказать о своей жизни.

Спб., 5 сентября. Только что разошлись съ моихъ именинъ товарки. Въ общемъ я довольна сегодняшнимъ вечеромъ, быть мо-

жать, впервые въ жизни. Въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ такъ живо шла бесѣда о разнообразныхъ вопросахъ; поднимались и политическіе, и историческіе, и экономическіе, и въ частности курсовые. Мы не спорили съ пѣной у рта о марксизмѣ и народничествѣ, не кричали, а просто дѣлились мыслями по всѣмъ направленіямъ, такъ сказать. Одною изъ главныхъ мыслей въ результатѣ было признаніе невозможности рѣшить такіе сложные вопросы, каковы капитализація, предрѣшить исходъ историческаго развитія Россіи. Въ этомъ мы представляли собою полнѣйшій контрастъ нынѣшней молодежи, увлекающейся модными экономическими теченіями и берущейся съ плеча рѣшать самые важные вопросы. На меня произвело самое хорошее впечатлѣніе наше общее настроеніе, которое можно назвать широкимъ: всѣ мы были очень терпимы, такъ прямо смотрѣли въ лицо дѣйствительности и честно сознавались другъ другу въ своей несостоятельности при рѣшеніи вышеуказанныхъ вопросовъ.

Не обошлось, конечно, и безъ размышленій по поводу взгляда на бракъ, упомянули о «Крейцеровой Сонатѣ»... И никто изъ насъ даже не заикался о «прелестяхъ» любви, о личномъ счастіи. Скорѣе, мы готовы были отнестись съ сожалѣніемъ къ злоупотребленіямъ чувственностью и вытекающимъ отсюда «перепроизводствомъ» дѣтей, несчастныхъ существъ, которыя вступаютъ въ жизнь неподготовленными къ жестокой борьбѣ за существованіе, гибнуть и ломаютъ себя—произведя въ свою очередь такихъ же существъ. Да, еще не проникло въ наше «общество» сознаніе необходимости цѣломудрія и нравственнаго вниманія... чего-же требовать отъ народа, если мы сами до сихъ поръ еще стоимъ такъ низко и тонемъ въ пучинѣ своего собственнаго эгоизма.

Отсюда былъ одинъ шагъ до религіознаго вопроса, но мы не спорили о вѣрѣ. И, пожалуй, хорошо—это никогда не оскорбляетъ: мое убѣжденіе остается при мнѣ, ихнее—при нихъ. Однако, мнѣ хотѣлось бы хоть разъ въ жизни встрѣтить религіознаго человѣка, стоящаго несравненно выше меня по своему общему умственному складу, и провести съ нимъ нѣсколько часовъ въ братской бесѣдѣ. Иногда мнѣ до боли хочется дружбы съ такимъ человекомъ, братской работы съ нимъ на всю жизнь. Но сегодня я все-таки чувствую себя хорошо: всѣ мы были мирно настроены, такъ интересно бесѣдовали, а главное—чувствовали симпатію другъ къ другу. Оживленный обмѣнъ мыслей вызывалъ добродушную насмѣшку въ случаѣ ошибки, или ложнаго мнѣнія, и одобреніе—въ случаѣ удачной и остроумно высказанной мысли. Пусть изъ нашего разговора нельзя было заключить о нашихъ

научныхъ познаніяхъ, но нельзя было отказать въ прямотѣ и широтѣ взгляда и честности намѣреній. А первое качество и связанная съ нимъ терпимость, увы! такъ рѣдко попадаются теперь среди учащейся молодежи.

Когда ушла Леля С., разговоръ коснулся меня; Д—ди и Маня наперерывъ стали увѣрять, какъ обо мнѣ измѣнилось мнѣніе на курсахъ къ лучшему, потому что я стала совсѣмъ иначе относиться къ людямъ. Я объяснила имъ прежнее слѣдствіемъ нервнаго состоянія, которое было очень обострено первый годъ, проведенный на курсахъ.

Онѣ вскорѣ ушли. Несмотря на то, что мои умственные интересы не стоятъ въ тѣсной связи съ интересами ихъ, что онѣ не согласны съ моими религіозными убѣжденіями,—я чувствовала, что всѣ эти три дѣвушки близки и дороги мнѣ, что у насъ все-таки есть много общаго, что мы всѣ стремимся стать людьми.

И глухою, острою болью отзывалось въ моемъ сердцѣ воспоминаніе о милой, далекой, бѣдной сестренкѣ, обреченной навсегда жить, не удовлетворивъ своихъ лучшихъ порывовъ... Это не переставая терзаетъ мнѣ сердце, и окончится, должно быть, только съ моей жизнью. Да! Вотъ онъ, крестъ, посылаемый каждому изъ насъ. Но мой, вполне заслуженный, невидимъ для глазъ и поэтому не возбуждаетъ ни въ комъ состраданія. А одинокое страданіе—двойное страданіе!

Боже мой! Сжался надъ Валею, сжался надъ бѣднымъ ребенкомъ, который за всѣ свои недостатки наказанъ такъ, какъ не бываютъ наказаны и взрослые люди... Помогите ей выздоровѣть, встать человѣкомъ, а мнѣ—помогите пройти жизненный путь, не падая подъ тяжестью заслуженнаго креста.

28 сентября. ...Когда я оглядываюсь назадъ на все послѣднее время—мнѣ даже какъ-то страшнымъ кажется, какъ могла я вынести такіа нравственныя мученія, тѣмъ болѣе ужасныя, что ни для кого они незамѣтны?

Да... это время прошло, и къмъ же я вышла изъ этихъ, вполне, впрочемъ, заслуженныхъ испытаній? Послѣ того, какъ я узнала, что у меня неврастенія,—я вполне поняла, отчего временами душевная боль доходитъ до остраго, почти физическаго страданія... Въ лекціяхъ Кожевникова я читала, что эта болѣзнь развивается вслѣдствіе «психическихъ вліяній угнетающаго свойства»—совершенно вѣрное мнѣніе. Моя живая, нервная натура не выдержала нашей изуродованной жизни... и въ то время, когда я, страстно стремившаяся къ наукѣ, наконецъ-то достигла приста-

ни,—оказалось на повѣрку, что заниматься-то, учиться-то—и не могу! Полное переутомленіе и потеря памяти въ связи съ чрезвычайною нервною воспріимчивостію...

Положеніе драматическое.

И я не знала объ этой своей болѣзни, и все время съ ужасомъ думала, не схожу ли я съ ума, но къ врачу обратиться не догадалась до тѣхъ поръ, пока случайно въ Кіевѣ не рѣшилась пойти къ Нестерову... Этотъ странный человекъ, лѣчившій индійской медициной, именно потому и навелъ меня на мысль обратиться къ нему, что не былъ врачомъ по профессіи, къ которымъ я относилась съ недоувѣріемъ... Но лѣкарства его обходились мнѣ слишкомъ дорого, не по моему студенческому карману—и я оставила его лѣченіе (принесло ли оно мнѣ дѣйствительную пользу—не знаю, но я во всякомъ случаѣ въ него вѣрила).

Это было прошлою осенью. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ—въ февралѣ получаю письмо о болѣзни Вали,—и началась для меня страшная нравственная пытка, отголоски которой, вѣроятно, никогда не исчезнутъ во мнѣ и окончатся лишь съ моею жизнью.

Вчера я получила отъ нея письмо, гдѣ она пишетъ, что «кажется, выздоровѣла окончательно», докторъ отмѣнилъ лѣкарства... Я просто ни повѣрить, ни радоваться не смѣла отъ неожиданности: нѣтъ, не можетъ быть! это уже слишкомъ! Вѣроятно, что ей только стало лучше... А если правда?—Великій Боже, я испытываю такое чувство, какъ будто бы вновь родилась наша Валя... Получить воспаление почекъ въ 20 лѣтъ, быть лишенной возможности свободно двигаться, постоянно лежать, быть обреченной на вѣчную діету...—и это при слабомъ характерѣ, склонномъ къ меланхолии, при страшной нравственной анестезіи близкихъ ей, которые неспособны ни утѣшить, ни ободрить ее, а только втягиваютъ ее еще глубже въ мрачное настроеніе—что можетъ быть печальнѣе? Это почти нѣмая нравственная смерть, на которую я обречена была смотрѣть, повергнутая въ полное отчаяніе, не имѣя возможности помочь такъ, какъ хотѣла бы... Временами, въ отчаяніи, я думала,—не лучше ли будетъ, если Валя умретъ, нежели будетъ жить. Но тутъ являлась мысль о ребенкѣ: мнѣ становилось страшно за будущность малютки, и я съ ужасомъ отталкивала отъ себя мысль о смерти. Каковы бы ни были условія—все-жъ можно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, ребенокъ вознаградитъ сестру за все...

Люди, сильные духомъ, выходятъ изъ страданій еще болѣе крѣпкими, слабые—разбиваются; для натуръ отъ природы нрав-

ственно-тупыхъ они проходятъ безслѣдно. Такъ случилось и въ этотъ разъ...

11 октября. Да, вотъ оно начало... чего?—конца?—Нѣтъ, но начало «страданія за грѣхи отцовъ». Впрочемъ, оно уже давно началось, давно еще, съ 18—19 лѣтъ, когда впервые начали портиться мои нервы, теперь же—переходъ на «тѣлесныя явленія».

Началось все съ пустяка: въ началѣ августа комары накусили мнѣ ногу, я расцарапала кожу до крови и, не промывъ, залѣпила пластыремъ, который вскорѣ пропитался южною пылью, такъ какъ я ѣхала въ это время въ Кіевъ; послѣ такого лѣченія «домашними средствами»—получилась язва, которая теперь второй мѣсяць не поддается никакому лѣченію. Не обращая на нее серьезнаго вниманія и замѣчая только, что отъ одного лѣкарства лучше не дѣлается,—я обратилась къ какому-то нѣмцу, который, сказавъ: «пустяки, заживетъ», только растравилъ рану. Выйдя изъ терпѣнія, я пошла къ гомеопату, который добросовѣстно не поручился за успѣхъ лѣченія одними внѣшними средствами, а внутреннія принимать оказалось невозможнымъ, такъ какъ я не могу бросить свои пилюли отъ нервовъ. И, наконецъ, я догадалась обратиться къ нашей женщинѣ-врачу О. Ю. Ка—нской, направившей меня къ хорошему доктору, который далъ дѣльный совѣтъ: бинтовать ногу, а научиться совѣтовалъ у О. Ю. Но въ тотъ же день вечеромъ, съ необыкновенной легкостью у меня появились два нарыва: на лѣвой рукѣ и ногѣ. Сегодня была вновь у Ка—нской; та ахнула, взглянувъ на рану, и, узнавъ еще о нарывахъ, задала мнѣ лаконическій вопросъ:—«У васъ въ семьѣ всѣ здоровы? вашъ отецъ не былъ боленъ?»

А... вотъ уже до чего дошло, подумала я, но при Лелѣ Ст. языкъ не поворачивался сказать, что мой отецъ умеръ отъ прогрессивнаго паралича...

Еще въ прошломъ году, колкое, острое страданіе причинила мнѣ мысль о возможности зараженія отца специфическою болѣзью,—и какъ спокойна я теперь, когда на мнѣ явилось отраженіе этого заболѣванія! Отчего это? или нервы стали лучше? или я ужъ слишкомъ много страдала нынче весной, что теперь на меня нашло такое спокойствіе?... И я улыбнулась и сказала:—Мой отецъ умеръ слишкомъ давно, чтобъ я могла что-нибудь помнить о немъ, мать—женщина, страдающая нервами, а у меня въ дѣтствѣ была золотуха. О. Ю. покачала головой и осторожно сказала:—«Можетъ быть вамъ надо что-нибудь принимать внутрь; вы не безпокойтесь; вѣдь есть отраженныя заболѣванія»...

Да, знаемъ мы эти «отраженныя заболѣванія»... Мнѣ извѣстно, что отецъ до женитьбы велъ далеко не нравственную жизнь, имѣя связь съ одной красивой работницей на фабрикѣ, мнѣ говорили о безнравственности моего отца въ такихъ выраженіяхъ... и я слушала, какъ будто это такъ и слѣдуетъ. Вѣдь со стороны смотрѣть это прямо ужасно,—видѣть молодую дѣвушку, страдающую за «грѣхи своего отца». Вотъ ужъ истинно похоже на «Невинную жертву» д'Аннунціо. Я вдвойнѣ невинная жертва: со стороны матери, испортившей мнѣ нервы ненормальною жизнью, съ другой—со стороны отца, оставившаго мнѣ въ наслѣдство такое «отраженное заболѣваніе»...

Имѣю ли я право судить отца?—Съ нравственной точки зрѣнія онъ безусловно виноватъ: колоссальный эгоизмъ, заставляющій жить въ свое удовольствіе, затѣмъ жениться, не думая о послѣдствіяхъ... о дѣтяхъ. Но зато и поплатился несчастный папа: четыре года страдалъ онъ, умирая медленною смертью, умеревъ заранѣе умственно. Судъ Божій совершился надъ нимъ... Онъ виноватъ, но причиной вины его—является неразвитость нравственная и умственная (впрочемъ, послѣдняя—врядъ ли: отецъ былъ, по своему времени, человѣкъ довольно образованный и развитой). А въ этомъ кто виноватъ?—Родители? Бабушка съ дѣдушкой? Старинные купцы, воспитывавшіе сына «по-старинному»,—что могли дать они ему, они, сами не обладавшіе никакимъ развитіемъ?

И невольно придешь къ заключенію, что отецъ подпалъ подъ вліяніе европейской цивилизаціи, но, какъ русскіе Петровскихъ временъ, усвоилъ отъ нея болѣе дурного, чѣмъ хорошаго и полезнаго; на ряду съ образованіемъ въ столицѣ—онъ узналъ, несомнѣнно, и столичный развратъ, а тамъ—и пошло, и пошло... до женитьбы.

Несчастный! Нѣтъ у меня въ сердцѣ негодованія противъ тебя... Какая-то тихая грусть, съ примѣсью горечи, лежитъ на днѣ души, но снисхожденіе, и почти прощеніе—превышаетъ все. Вѣдь онъ «не вѣдалъ, что творилъ»...

25 октября. Въ эти дни разыгравшаяся исторія съ проф. Введенскимъ заставила меня совсѣмъ забыть о себѣ и не обращать вниманія на всю ту боль, которою болѣзнь давала знать о своемъ существованіи.

15 окт. профессоръ открылъ необязательный курсъ «Теорія эмпирическаго знанія» (вопросы изъ его докторской диссертациі). Разумѣется, собрались чуть-ли не всѣ четыре курса. Вдругъ,

среди шума и гама, неизвестно кто крикнулъ: «переходите въ VI аудиторію!» Раздался ревъ сотенной толпы, недовольной тѣмъ, что пришлось оставить занятые мѣста IV аудиторіи,—и вся масса хлынула къ дверямъ. Съ трудомъ пробираясь въ толпѣ, я медленно перешла тоже въ новую аудиторію и заняла мѣсто повыше... Внизу снова раздался крикъ, опять ревъ толпы—и часть побѣжала изъ аудиторіи, часть осталась... Ничего не понимая, я потихоньку (нога очень болѣла), когда шумъ и движеніе немного стихли, вышла изъ аудиторіи въ залъ. Изъ отдѣльныхъ восклицаній я поняла только, что профессоръ будто бы нарочно переводилъ изъ аудиторіи въ другую, чтобы избавиться отъ значительнаго скопленія слушательницъ... Не довѣряя этимъ толкамъ, и не видя, къ кому можно было бы обратиться за разъясненіемъ инцидента,—я пошла въ VI аудиторію, гдѣ уже читалась лекція. Дверь не отворялась... Я съ силою подала ручку къ себѣ, и кто держалъ ее изнутри—отпустилъ, дверь открылась, и я вошла въ аудиторію. Народу было довольно много...

Тѣмъ временемъ вся толпа, выйдя изъ IV аудиторіи въ залъ, шумно изъясляла свое неудовольствіе; громкій шумъ слышался за дверями и мѣшалъ какъ слушать, такъ и читать. Наконецъ профессоръ, выйдя изъ терпѣнія, самъ вышелъ въ залу. На мгновеніе толпа притихла; потомъ раздалось шиканье, громче, громче... профессоръ махнулъ рукой и возвратился на кафедру. Чтеніе продолжалось подъ этотъ шумъ... Многія ли могли записать что-нибудь изъ его лекціи—не знаю; для меня это оказалось очень труднымъ. Вскорѣ звонокъ прервалъ эту злополучную лекцію, и въ залѣ окружили профессора.

Онъ былъ боленъ въ этотъ день и съ трудомъ могъ притти на курсы. Изъ его объясненій выяснилось, что онъ не просилъ переходить въ IV аудиторію, это было распоряженіе аудиторной дамы, и когда онъ перешелъ въ VI аудиторію, гдѣ на доскѣ былъ написанъ конспектъ, то, въ виду своего нездоровья, просилъ дать ему сначала войти въ аудиторію и затѣмъ объявить слушательницамъ, чтобы онѣ вышли, такъ какъ пробраться сквозь толпу онъ не былъ въ состояніи. Это распоряженіе или не было передано, или было передано неточно, но какъ бы тамъ ни было—масса, оставшаяся въ IV аудиторіи, не пошла на лекцію и въ отместку устроила скандалъ.

30 октября.

Романъ профессора. *)

(На мотивъ изъ «Цыганскаго Барона»:
Въ моемъ скитаньѣ
Много страданья... и т. д.).

Въ преподаваніе
Много старанія,
Много вниманія,
Душу вложилъ.
Что наслажденій,
Женскихъ волненій
И поклоненій
Я пережилъ.

Филологички,
Математички,
Даже химички —
Весь этотъ міръ
Меня и знаетъ,
И уважаетъ,
Словомъ, считаетъ
За свой кумиръ.

Всегда безопасно
Твердилъ я вѣчно:
О, да, конечно,
Мой пьедесталь
Стоитъ такъ твердо,
Высоко, гордо,
Что никогда-бъ я
Съ него не упалъ.

Лишь на мгновенье
Одно сомнѣнье
Въ умѣ мелькнуло —
Я признаюсь:

*) По поводу рѣчи «О задачахъ университета», произнесенной въ сентябрѣ 1897 г. первому курсу, и послѣдовавшаго затѣмъ недоразумѣнія въ октябрѣ, по поводу объявленнаго курса.

Я консерваторъ,
Ярый ораторъ,
Ну и подумаль —
Не удержусь...

Рѣчь имъ сказалъ я.
Не ожидалъ я,
Что за волненье
Вдругъ поднялось!
Какіе споры!
Почти до ссоры!
Безъ объясненій
Не обошлось.

Дѣло уладилось
И ужъ изгладилось
Изъ моей памяти,—
Какъ вдругъ опять,
Опять попался:
Не удержался
На первомъ курсѣ
Рѣчь я сказать.

Что тутъ случилось!
Все возмутилось,—
Ужась какой!
Шумъ, крикъ поднялся,
Я опасался
Сходки большой.

Мнѣ такъ досталось!
Что не осталось
Больше охоты
Рѣчи держать...
Кантомъ клянусь я,
За умъ возьмусь я,
Буду молчать,
Буду молчать!

(Окт. 1897 г.—окт. 1898 г.).

*Въ Александровской общинѣ Краснаго Креста. 1 декабря,
день. Тихо... почти вся палата улеглась спать, что рѣдко
случается.*

Пользуюсь первой минутой тишины и спокойствія, чтобы взяться за давно заброшенную тетрадку...

Послѣ поѣздки во Псковъ мои ноги пришли въ такое состояніе, что я съ трудомъ могла ходить. Нервное возбужденіе, поддерживавшее меня до сихъ поръ, упало, и когда я поѣхала къ проф. Павлову, и онъ запретилъ мнѣ окончательно ходить на курсы,—то я даже не огорчилась. Прошла недѣля... цѣлыхъ семь длинныхъ вечеровъ, при свѣтѣ лампы, провела я почти въ полномъ одиночествѣ, за книгами. Но, вопреки прошлому году, когда одиночество такъ болѣзненно отзывалось на мнѣ,—я была почти рада ему... Невеселыя мысли бродили въ головѣ, и я ихъ не гнала... да развѣ и могло быть иначе! Разумѣется, лежать одной крайне неудобно во всѣхъ отношеніяхъ, но, вспоминая болѣзнь Вали, я получала своеобразное наслажденіе отъ сознанія всѣхъ испытываемыхъ неудобствъ: «мнѣ такъ и надо, и еще бы хуже надо... этого еще мало...» думала я, когда на мои звонки никто не являлся, и я не могла ни выпить воды, ни достать нужной вещи. Заставлять дежурить около себя товарокъ — я считала излишнимъ; правда, онѣ посѣщали меня ежедневно, но эти короткія «забѣганія на минуту», въ сущности, только отрывали меня отъ читаемыхъ книгъ и нарушали мои размышленія. И вотъ въ эти-то дни какъ нельзя болѣе очевидно выступилъ передо мной дѣ-нельзя ограниченный кругъ моихъ знакомствъ между курсистками: двѣ-три изъ 200 человекъ—не много! Я думала: будь у меня среди нихъ другъ, искренно ко мнѣ привязанный, любившій меня настолько, что, несмотря на мои отказы и увѣренія, сказала бы мнѣ: «нѣтъ, я тебя не оставлю, я буду у тебя все время, буду сидѣть около тебя... если бы были такія! Но, должно быть, невидимая рука судьбы, поставившая меня одинокой среди семьи, оторвавшая отъ меня сестру въ тотъ моментъ, когда мы готовы были сблизиться и идти вмѣстѣ одною дорогою,—поставила меня и на курсахъ такъ, что за все это время не сошлась ни съ кѣмъ настолько близко, чтобы смѣло могла назвать ее другомъ. Какъ это случилось? Мои ли черзчуръ большія требованія къ людямъ на первомъ курсѣ помѣшали мнѣ сойтись, или... ну, да нечего писать объ этомъ.

Прошла недѣля, и 20 ноября вечеромъ надо было ѣхать въ лѣчебницу: вылѣчиться возможно было лишь при операциі, вычистивъ язвы на обѣихъ ногахъ. Я уѣхала одна, взявъ съ собой двѣ почтенныя связки книгъ, въ полной увѣренности, что буду тамъ заниматься.

Было 7 час. вечера, когда я приѣхала въ лѣчебницу. Тихое

церковное пѣніе разносилось по комнатамъ, и одна изъ сестеръ предложила мнѣ пойти въ церковь, въ ожиданіи ванны. Я пошла, но такъ какъ стоять не могла, а сидѣть за службой не привыкла, то и вернулась вскорѣ обратно.

Въ столовой было тихо. Я молча осматривала знакомую уже обстановку, простую, но солидную; при свѣтѣ двухъ электрическихъ лампъ она пріобрѣтала совсѣмъ домашній оттѣнокъ. Двѣ сестры—шатенка, съ лицомъ задумчивымъ и симпатичнымъ, и миловидная блондинка—были заняты: В. писала что-то на разграфленныхъ листкахъ, Ян. хлопотала у буфета. Я наблюдала за ними, не рѣшаясь заговорить первая—лица были такія дѣловыя и озабоченныя. Скоро листы исчезли, и на столѣ появились маленькія круглыя тарелочки съ красной каемкой, и сестры начали разрѣзывать пополамъ разные сорта булокъ, раскладывая ихъ по тарелкамъ; когда принесли самоваръ, онѣ разливали и разносили чай по палатамъ. Прошло болѣе часа... Наконецъ, обѣ сестры усѣлись за столомъ.—«Устала... бѣгаешь, бѣгаешь»—сказала, вздохнувъ, шатенка.—«Я тоже устала»—сказала блондинка, и симпатичная улыбка озарила ея круглое лицо.—А вы дѣйствительно устали, сестрицы, вы все время заняты...—рѣшилась я заговорить съ ними. Мнѣ показалось, точно я вдругъ повернула кнопку электрической лампы, и комната озарилась яркимъ свѣтомъ: сестры привѣтливо улыбнулись, встали и подошли ко мнѣ.—«Да... устанешь тутъ»... Я начала спрашивать ихъ, откуда онѣ, гдѣ учились. Шатенка оказалась институткой, а блондинка—изъ Твери съ первоначальнымъ образованіемъ. Но дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ появленіемъ старшей сестры Б—ой, уже пожилой женщины, которая сказала, что ванна готова.

Я вошла въ небольшую комнату, въ которой стояла бѣлая кровать, бѣлый шкафъ и ванна; молоденькая горничная съ почтительной фамильярностью помогла мнѣ раздѣться; передъ тѣмъ, какъ принять ванну, пришла опять старшая сестра и намазала мнѣ язвы на ногахъ какою-то мазью. Стоять мнѣ было довольно трудно, но съ помощью горничной, помогавшей мнѣ охотно и ловко, я вошла въ ванну и вымылась съ наслажденіемъ... Когда я, наконецъ, разсталась съ мыломъ и губкой и съ такимъ же трудомъ выбралась изъ ванны,—пришла сестра В., забинтовала мнѣ ноги и пригласила въ столовую пить чай. Я была уже одѣта во все больничное бѣлье и халатъ и пугалась въ немъ...—«Русалка у насъ въ больницѣ», раздался за мною ласковый голосъ, когда я вошла въ столовую. Я обернулась:

мимо меня проходилъ одинъ изъ ассистентовъ профессора, докторъ Э., молодой человекъ, брюнетъ, очень симпатичной наружности и ласковый въ обращеніи. Онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ, когда я пріѣхала, потомъ поговорилъ съ сестрами и ушелъ.

Послѣ того я пошла въ палату. Комната—большая, съ тремя окнами, съ бѣлыми кисейными занавѣсками, корзиной цвѣтовъ у средняго окна и туалетомъ—имѣла совсѣмъ семейный видъ: ни номеровъ, ни названій болѣзней надъ кроватями. Я вошла точно въ общую спальню. На меня никто не обратилъ вниманія. Всѣ обитательницы занимались своимъ дѣломъ, приготовляясь ко сну: маленькая дѣвочка, моя сосѣдка, уже спала, двое сидѣли на кроватяхъ, поступившая со мною вмѣстѣ больная тоже раздѣвалась, пятая—лежала неподвижно въ постели, шестая—съ подвязанной рукой и одѣтая—сидѣла на кровати. Разговоръ былъ обыкновенный, женскій; одна только женская фигура, лежавшая низко на постели, не принимала никакого участія: это была оперированная въ тотъ день, больная...

На слѣдующій день я быстро перезнакомилась со всѣми. Обитательницами палаты оказались: Тамара, армянка 18 лѣтъ, гимназистка «съ ногой» изъ Эривани, ея сосѣдка—жена армянскаго священника изъ Симферополя, съ опухолью на груди, жена инженера, дама лѣтъ около 30-ти, тоже съ такой же болѣзнью, молодая дѣвушка 18 лѣтъ изъ Петербурга, съ нарывомъ на боку, шестилѣтняя дѣвочка изъ Иркутска съ кокситомъ бедра и бѣдная крестьянская дѣвушка изъ Кронштадта—съ ногой съ дѣтства скорченной, которую здѣсь выпрямили,—ее всѣ звали Дуняшей. Курсами никто изъ нихъ не интересовался, что тотчасъ-же обрисовало передо мной ихъ умственный уровень. Я была вырвана изъ своей среды, и съ полки смотрѣли на меня книги, казалось, съ упрекомъ...

На третій день моего поступленія въ лѣчебницу должны были состояться двѣ операціи—мнѣ и армянкѣ. На всѣ разспросы—какъ мнѣ будутъ дѣлать операцію—я не могла узнать, съ хлороформомъ, или безъ него: профессоръ молчалъ, и сестры тоже.

Проснувшись рано, я одѣлась и улеглась на постель, откуда было очень удобно наблюдать, что дѣлалось въ корридорѣ... Тамъ шла суета... Вотъ прошли ассистенты, одѣтые въ бѣломъ, вотъ прошелъ профессоръ, также переодѣтый... Старушка-армянка волновалась и молилась... ее брали первую. Мнѣ принесли чаю безъ булки, но я отказалась пить... Я лежала... наблю-

деніе надъ новою обстановкою занимало меня, и невольно какъ-то я забыла о себѣ.

2 декабря, веч. Въ 6-ти-кроватьной мужской умираетъ отъ рака морякъ 50 лѣтъ, онъ очень плохъ и, быть можетъ, не доживетъ до завтра. Отъ всѣхъ больныхъ тщательно скрываютъ это, лишь одна я изъ всей нашей палаты знаю, благодаря близкимъ отношеніямъ съ сестрой Г—вичъ, которая сообщила мнѣ объ этомъ только потому, что, по ея словамъ, видѣла «мое спокойное отношеніе ко всему»...

Никогда контрастъ между жизнью и смертью не обрисовывался мнѣ ярче, чѣмъ здѣсь: вѣдь это такъ близко отъ насъ—въ концѣ корридора—совершается великое таинство смерти, заканчивается послѣдній актъ жизненной драмы... У него—только одна жена, дѣтей нѣтъ; онъ не хочетъ ее видѣть, и она сидитъ за ширмами, а при немъ дежуритъ сестра, на ночь ее смѣняетъ другая. И я мысленно присутствую тамъ, въ ванной, представляю себѣ умирающаго на бѣлой кровати... О, Боже, Боже! и когда-то онъ тоже родился, и окружающіе радовались его появленію на свѣтъ: въ этотъ моментъ люди не представляютъ себѣ ожидающей всѣхъ судьбы, но, вѣдь конецъ—неизбѣженъ, неизбѣженъ.

О, смерть, ты—здѣсь и тамъ... Въ одной изъ отдѣльныхъ палатъ лежитъ еще молодой офицеръ, тоже неизлѣчимо больной саркомой на головѣ; онъ еще не скоро умретъ, хотя безнадеженъ. Знаетъ-ли онъ, что въ эту ночь невидимая холодная рука уноситъ одного изъ насъ? Знаетъ ли онъ, что и его ждетъ конецъ? Что испытываетъ этотъ человѣкъ теперь?—Говорятъ, священникъ его исповѣдалъ, но не причастилъ, такъ какъ съ нимъ дѣлается тошнота.

Въ палатѣ тишина. Лампы потушены, одна моя горитъ, и я спѣшу записать волнующія душу мысли.

По корридору раздаются шаги; при каждомъ звукѣ ихъ мнѣ такъ и кажется, что изъ ванной ужъ выносятъ трупъ въ покойницкую... Сегодня веселая, юная сестричка Па—ская, съ невольно отразившимся на дѣтскомъ личикѣ страхомъ, рассказывала мнѣ, какъ покойниковъ уносятъ въ покойницкую, какъ вечеромъ того же дня ассистенты дѣлаютъ вскрытіе, на которомъ присутствуютъ всѣ сестры, какъ потомъ онѣ всѣ идутъ въ ванную мыться... Меня всю внутренно передергивало отъ этого разсказа: какъ?—всего только сутки пройдутъ, даже менѣе, и человѣкъ, холодный, разрѣзанный лежитъ на столѣ, и надъ

нимъ—читаютъ лекцію... Нѣтъ, должно быть человѣку не была сначала свойственна смерть—несмотря на тысячелѣтія, мы до сихъ поръ не можемъ привыкнуть къ этой мысли.

И зачѣмъ я такъ думаю? Вѣдь кажется, надо примириться съ этимъ сознаниемъ, но отчего-же одна мысль о томъ, что человѣкъ умираетъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ—наполняетъ меня всю какимъ-то смущеніемъ, жалостью и благоговѣйнымъ чувствомъ предъ переходомъ послѣдней грани жизни, отдѣляющей извѣстное отъ полной неизвѣстности? А что-же тамъ? что тамъ?—Я не могу примириться съ мыслью о совершенномъ уничтоженіи человѣка, нѣтъ, это невозможно! Что за жалкое созданіе представлялъ бы изъ себя гордый «царь природы»,—жилъ, не зная, откуда идетъ его существованіе, не зная, куда уйдетъ, а главное—зачѣмъ онъ жилъ, для чего всѣ его труды, когда наука указываетъ въ концѣ концовъ на гибель всего живущаго... Страшная загадка эта неразрѣшима на почвѣ разума, и люди безъ вѣры, въ сущности, не могутъ жить.

Да, и я не могу жить... и не могу потому, что иначе—я теряю весь смыслъ жизни, не понимая ее и мучаюсь невыразимо, умирая-же страдаю еще болѣе отъ мучительнаго сознанія неизвѣстности и безцѣльности прожитаго существованія.

Я не могу такъ!!!

Нѣтъ, я вѣрю, что если постигать религію въ ея глубокомъ смыслѣ, то жизнь озаряется такимъ чуднымъ свѣтомъ Евангельской любви, стремленіе къ высшему самосовершенствованію и надежда на искупленіе подвигомъ ошибокъ жизни даютъ такую великую нравственную силу, которая въ состояніи покорить міръ.. и моментъ смерти, если жизнь улетаетъ безъ особенныхъ страданій, когда умъ ясенъ и мысль стремится къ Богу—онъ не только не ужасенъ, но прекрасенъ, торжествененъ и даже не заключаетъ въ себѣ ничего печальнаго. Что можетъ быть лучше надежды на свиданіе тамъ? Если бы всѣ христіане могли проникнуться истиннымъ пониманіемъ религіи—то вѣдь почти осуществилось бы царство Божіе на землѣ... Но вотъ это-то отсутствіе глубокаго религіознаго сознанія въ массахъ, склонныхъ лишь къ внѣшнему формализму вѣры, и лишало не заботящихся объ ея истинномъ смыслѣ, о стремленіи къ нравственному самосовершенствованію—скорѣе всего способности возбудить сомнѣніе въ религіи и подумать: если сознательно-религіозныхъ можетъ быть лишь изъ 1.000 одинъ, а всѣ прочіе обречены на гибель,—то что же за жалкій родъ человѣческой?

Въ одно и то же время я и сомнѣваюсь, тогда какъ наука

и жизнь показываютъ мнѣ всю глубину и силу ученія Евангелія, и я не могу отрицать его божественнаго, не человѣческаго происхожденія... Люди до сихъ поръ твердятъ на разные лады одну и ту же мысль: люби ближняго, какъ самого себя. Въ этой общинѣ я наблюдаю и вижу всю живительность этого принципа, всю его спасительную силу... На ряду съ самоотверженностью сестеръ, ихъ кротостью и терпѣніемъ—еще ярче выступаетъ эгоизмъ нѣкоторыхъ больныхъ, вся грязь человѣка, вся нравственная низость его души—обнажаются совершенно. И больно и стыдно становится за людей, и хочется имѣть грудь гиганта, чтобы на весь міръ страшнымъ голосомъ закричать: несчастные, опомнитесь, въ любви—сила! Вы, грязные, злые, жалкіе въ ненависти своей—смиритесь, откройте сердца ваши... И чтобы голосъ мой, какъ острый ножъ, насквозь пронзилъ огрубѣлыя эгоистическія сердца, и они облились бы горячею кровью, и пробудилось бы въ нихъ это чувство, и примиренные—они пошли бы въ «станъ погибающихъ» подъ давленіемъ ихъ эгоизма, и тогда прекратились бы на землѣ страданія, такъ какъ не стало бы угнетенныхъ.

3 декабря, днемъ. Отъ Шурки получила письмо, — болитъ горло — вотъ уже восьмой день онъ въ лазаретѣ, и я страшно боюсь, какъ бы его горловая простуда не перешла въ дифтеритъ. Лѣчитъ, кажется, безтолковый врачъ.

На душѣ смутно, точно тяжелыя осеннія тучи налегли на сердце, и мысль объ одинокомъ братѣ-мальчуганѣ въ казенномъ лазаретѣ—не выходитъ у меня изъ головы... Что... если... дифтеритъ... и... я боюсь даже высказать затаенную мысль.

Боже мой, возьми лучше мою жизнь, но оставь его! Хотя я его такъ хорошо знаю, что и теперь могу предсказать, что изъ него никогда не выйдетъ человѣка въ высшемъ смыслѣ этого слова, что его легкомысліе и вѣтренность принесутъ ему не мало бѣдъ въ жизни, что онъ не сумѣетъ переносить несчастій, и что смерть въ ранніе годы хороша тѣмъ, что покидаешь міръ, такъ сказать, стоя на порогѣ жизни, не успѣвъ извѣдать ни ея радостей, ни страданій,—но все-таки одна мысль о возможности подобнаго несчастія леденитъ душу... Будь я дома—другое дѣло,—я бы пріѣхала и ухаживала за нимъ, но въ настоящее время мое положеніе тѣмъ и ужасно, что я не могу его видѣть, не могу лично узнать отъ доктора все, не могу своимъ присутствіемъ облегчить ему болѣзнь... и если ему станетъ

хуже... но нѣтъ! Пусть лучше мнѣ отнимутъ обѣ ноги потомъ, но я поѣду къ нему...

Господи, будь милосердъ, избавь мое несчастное сердце отъ такого великаго неожиданнаго горя...

Пусть Шурка выздоровѣть...

11-й часть вечера. Леонтьевъ (морякъ) еще живъ...

Вѣчная трагедія жизни! И тамъ, въ концѣ корридора, ежеминутно можно ожидать ея конца...

Я готова проклинать всѣхъ тѣхъ, кто самъ, испытавъ хоть однажды большое горе, видѣвъ хоть разъ смерть и страданія—рѣшается, несмотря на это, давать жизнь другимъ существамъ. Какъ глубоко трагично то, что такое высшее созданіе, какими мы себя считаемъ,—есть порожденіе самаго низменнаго, самаго животнаго акта! И эта животность, подчиняющая себѣ весь родъ людской, заставляетъ забывать объ ея послѣдствіяхъ—и въ результатъ на свѣтъ появляются милліоны существъ, рождающихся лишь для того, чтобы потомъ съ озлобленіемъ проклинать минуту рожденія. И надъ всѣмъ нашимъ земнымъ шаромъ, надъ всѣми этими милліардами живыхъ и копошащихся въ своемъ ослѣпленіи существъ—царить одно вѣрное, одно непремѣнное: смерть, смерть и смерть...

Голова кружится...

4 декабря. Леонтьевъ умеръ вчера въ 2 часа ночи. При немъ лежурила сестра Па—ская, розовая дѣвочка лѣтъ 18-ти, веселая и жизнерадостная. И онъ, умирая, сказалъ ей: «до свиданія, вы тоже скоро умрете»... Она, кажется, не преминула всѣмъ сообщить объ этомъ неожиданномъ «предсказаніи»... Сегодня утромъ m-me Ш., смѣясь, смотритъ на нее и повторяетъ:—«такъ до свиданія же»... и она смѣется... и другія дежурныя сестры смѣются...

А я не смѣюсь, и думаю: отчего онъ сказалъ ей это? Или въ моментъ перехода этой границы—онъ вдругъ увидѣлъ уже не здѣшними глазами ея будущее, или это было просто злое желаніе съ его стороны—умирая омрачить молодое существо страшнымъ «до свиданія», или, наконецъ, онъ сказалъ это просто «такъ»? Благоразумные люди скажутъ: конечно, «такъ»; второе предположеніе—неблагородно какъ-то, а первое?... И вдругъ—предсказаніе сбудется, и черезъ годъ, черезъ два—сестры Па—ской не станеть? Фу, какое тупое суевѣріе! Неужели я стала суевѣрна?...

Я читаю теперь въ «Новомъ Словѣ» (97 г. 7 и 8 №№) повѣсть Свѣтлова: «Въ дверяхъ Эдема». Особенными литературными достоинствами она не отличается, но проф. П. изображень очень живо и вѣрно, хотя слегка преувеличенно. Также мѣтко дано прозваніе «халдейскаго жреца» ассистенту Ал. Ал. Э.: дѣйствительно, въ его лицѣ есть нѣчто загадочное, особенно, когда онъ надѣнетъ свой операціонный костюмъ — бѣлую шапочку съ краснымъ крестомъ и такой же фартукъ.

Я съ ужасомъ смотрю на календарь: 4-ое! Сколько лекцій пропущено, сколько дней занятій потеряно! такъ какъ въ общей палатѣ оказалось совсѣмъ невозможно заниматься. Добрая душа-профессоръ сдѣлалъ просто благодѣяніе, положивъ меня на кровать имени Гамбургеръ, какъ учащуюся, несмотря на мои протесты; но если бы я знала, что эта кровать будетъ въ 6-ти-кроватьной палатѣ, — я едва ли согласилась бы. Какъ всегда — я и въ этомъ случаѣ оказалась несообразительна: вмѣсто того, чтобы пріѣхать сюда сначала съ кѣмъ-нибудь изъ товаровъ — я отнеслась къ своему помѣщенію сюда съ каменнымъ равнодушіемъ, мнѣ было какъ-то «все равно», — можетъ быть, потому, что я по пріѣздѣ изъ Пскова уже съ трудомъ могла ходить...

Нигдѣ, кажется, съ такою ясностью не видишь, какъ здѣсь, какое злоупотребленіе дѣлаютъ люди изъ своего органа рѣчи: бабѣ пустословіе, разговоры съ утомительной безсодержательностью уже раздражили мнѣ нервы; повидимому, ко мнѣ вновь возвращается проклятое состояніе, выражающееся пока въ легкой, сравнительно, формѣ — сжиманіемъ головы. Разговоры меня мучатъ невыразимо, и я, послѣ окончанія курсовъ, рѣшительно стану избѣгать женскаго общества, или же буду сходиться съ наиболѣе серьезными и молчаливыми. А здѣсь, — если бъ я знала, каково лежать въ общей палатѣ, — непременно легла бы въ отдѣльную: лучше было бы заплатить 100 руб. съ «нѣкоторой натяжкой» своихъ финансовъ, нежели терять дорогое время, которому цѣны нѣтъ.

Теперь 11-й часъ вечера... Пришла одна больная изъ отдѣльной палаты и, сѣвъ къ Тamarѣ на кровать, гадаетъ ей... Несчастнѣй женскій умъ! Абсолютная пустота, заполняемая областью половыхъ отношеній: мужъ, дѣти, и въ привязанности этой — ни капли духовности...

Во мнѣ подымается сильнѣйшее раздраженіе. Какъ я понимаю Достоевскаго, который сказалъ, что весь ужасъ каторги заключается въ томъ, что онъ «никогда не будетъ одинъ»... Се-

годня я вы́хала въ столовую, и мнѣ стало положительно легче на душѣ. Сестры были заняты, и я просидѣла около часу совершенно одна. И мнѣ не хотѣлось возвращаться въ палату.

Я даже не могу писать сегодня все, что хочется. Присутствіе посторонняго лица раздражаетъ меня; видъ этой женщины съ ея простоватымъ лицомъ и угловатыми тѣлодвиженіями — доказываетъ такую ограниченность женскую, такое полное отсутствіе «всякой мысли», за исключеніемъ вышеупомянутой сферы, что я по ней могу судить объ ея мужѣ.

Ну, довольно! Я, кажется, разнервничалась... Самообладаніе! въ немъ есть единственный исходъ.

11 декабря. Сегодня операціонный день; утромъ, передъ операціями, слышится истеричный плачь, вечеромъ — тяжелые стоны...

Сейчасъ получила письмо отъ брата, его выпустили изъ лазарета... Слава Богу! Говорятъ, я похудѣла за эти дни.— Не мудрено отъ такой тревоги.

18 декабря. «Alles ist so still um mich hier», но я могу прибавить — «Und so ruhig in meiner Seele»... Зрѣлище человѣческихъ страданій, раскрытое передо мною, не даетъ покоя душѣ, и еще глубже, острѣе становится вопросъ: зачѣмъ же?...

29 ноября Григорьева при́хала сюда; больная, съ огромной, запущенной кистой въ животѣ, все-таки ходила, говорила, смѣялась. И послѣ операціи сначала все шло хорошо, но уже черезъ недѣлю видно было, что ей не жить: отъ нея началъ итти такой дурной запахъ, что пришлось изъ 6-ти-кроватьной перенести ее въ перевязочную. Никто не говорилъ мнѣ о ней ни слова, но при взглядѣ на эти вваливающіеся глаза я чувствовала, что надъ нею уже носится дыханіе смерти... Я навѣщала ее черезъ день и вижу постепенное угасаніе, разложеніе заживо...

Доктора и сестры скрываютъ отъ нея ея состояніе, и она сама, очевидно, не сознаетъ опасности своего положенія. Кто-то изъ коломенскихъ кумушекъ — она мѣщанка — еще до операціи увѣрилъ ее, что до 21 дня при такихъ операціяхъ всегда бываетъ плохо, а потомъ поправляются. И она вѣритъ, что у нея такъ будетъ. Вчера у нея былъ священникъ, замѣтилъ, что она очень слаба — «объ этомъ знаемъ не мы, а доктора, батюшка» — отвѣчала она. Предложеніе исповѣдаться и причаститься больная оставила безъ отвѣта.

У меня сердце замираетъ при мысли, каковъ-же долженъ быть ужасъ человѣка, когда онъ, надѣясь на жизнь до послѣдняго момента, — вдругъ самъ сознаетъ всю неизбѣжность близкаго конца. Вѣдь, въ сущности, несознаніе смерти есть замаскированная жизнелюбіемъ боязнь смерти, потому что рѣдко возможно соединить любовь къ жизни со спокойнымъ отношеніемъ къ смерти. Это доступно немногимъ—философамъ или истиннымъ христіанамъ. Надо жить, постоянно помня о смерти. Тогда она не явится ужасной неожиданностью...

Теперь я читаю «Первые дни христіанства» Фаррара, и описаніе жизни первыхъ христіанъ заставляетъ меня еще яснѣе видѣть всю громадную пропасть, отдѣляющую нашу современную жизнь «христіанскихъ» народовъ отъ этой идеально-высокой въ своей простотѣ жизни.

19 декабря. Нынче въ Кіевѣ, бродя по выставкѣ, я случайно натолкнулась на экспонаты сельско-хозяйственной школы Крестовоздвиженскаго Трудового Братства въ Черниговской губ., Глуховскаго уѣзда, учрежденной Н. Н. Неплюевымъ. На столѣ лежали карты, отчеты и книги съ исторіей школы. Я такъ и вздрогнула, развернувъ одну изъ нихъ. Мнѣ показалось, что я нашла свою мечту осуществившейся въ дѣйствительности. Н. Н. Неплюевъ, аристократъ-помѣщикъ, покинулъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, свой дипломатическій постъ въ Мюнхенѣ въ 80-хъ годахъ, озаренный внезапно убѣжденіемъ, что вся его жизнь рѣзко расходится съ Евангельскимъ ученіемъ. И онъ постарался устроить ее и эту школу по заповѣди: «Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя». По этой заповѣди онъ началъ воспитывать своихъ учениковъ, не насилуя ихъ воли: въ устроенные имъ «братскіе кружки» вступали добровольно, и бывали случаи, что ученики кончали курсъ, не участвуя ни въ старшемъ, ни въ младшемъ кружкѣ.

Выставка закрывалась; наступившія сумерки не дали мнѣ возможности прочесть всю книгу, и я ушла домой; болѣе узнать о ней мнѣ не пришлось. Только осенью, въ «Новомъ Времени», я прочла коротенькую выдержку, кажется, изъ журнала «Недѣля», объ этой школѣ и легкомысленную замѣтку газеты: «да, есть же счастливые люди на свѣтѣ», или что-то въ этомъ родѣ; болѣе серьезнаго отношенія газеты, которая каждое Рождество и Пасху трогательно говоритъ о любви къ ближнему въ передовицахъ, выдержка, очевидно, не заслуживала. Съ тѣхъ поръ у меня не выходитъ изъ головы мысль объ этой школѣ. Надо

узнать о ней побольше. Но какъ? откуда узнать адресъ? откуда узнать названіе имѣнія?

20 декабря. Вчера у меня былъ С—вичъ, сынъ профессора, очень милый юноша. Но мнѣ какъ-то неприятно сознавать, что я произвожу на него ложное впечатлѣніе: онъ считаетъ меня за человѣка энергичнаго, тогда какъ я вся еще нахожусь подъ впечатлѣніемъ упрека, брошеннаго мнѣ вскользь почти незнакомымъ студентомъ. Когда онъ узналъ, что между гимназіей и курсами я 4 года не могла добиться позволенія у мамы поступить на курсы, онъ сказалъ мнѣ небрежно: — «значить, у васъ было мало энергіи»... Какъ можемъ по сердцу рѣзнули меня эти слова. Вѣдь онъ былъ правъ! Дома, лѣтомъ, я перечитала мой дневникъ за то время, и на каждомъ шагу наталкивалась на собственную слабость, несчастіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я пережила борьбу съ препятствіемъ поступленія на курсы,—я точно преобразилась... Но сознаніе своей прошлой дряблости и заставляетъ меня стыдиться, когда иногда моя живая рѣчь, или жестъ позволяютъ другимъ судить обо мнѣ лучше, нежели я на самомъ дѣлѣ есть. Потому что я считаю энергію настолько хорошимъ качествомъ, что не осмѣлюсь приписать ее себѣ.

21 декабря. Знакомлюсь съ больными. У большинства страданія интереснѣе ихъ самихъ, или же совершенно заслоняютъ личность, потому что она такъ обыкновенна, что ничего не стоитъ замѣнить ее.

Одинъ изъ лежащихъ въ отдѣльной палатѣ — директоръ правленія, конторы Государственнаго Банка въ Одессѣ — молодой человѣкъ 29 лѣтъ, бывшій лицеистъ—казался мнѣ сначала болѣе интереснымъ по своему содержанію. Но мое разочарованіе началось съ того, какъ я замѣтила, что онъ находится подъ башмакомъ своей ревнивой жены, которая, пока я не выѣзжала, навѣщала меня ежедневно, а потомъ ни разу не пригласила къ себѣ, тщательно затворяя двери палаты, когда видѣла меня въ столовой. Это бы еще ничего; бѣда въ томъ, что онъ оказался съ шаблонными взглядами на жизнь и женщину, на отношенія мужчинъ и женщинъ,—и это я простила бы, но сверхъ всего этого имѣтъ такое же шаблонное отношеніе къ религіи—я не могу перенести хладнокровно. Видѣтъ образокъ, висящій на кровати и скабрзные французскіе журналы на столѣ — тяготитъ меня, какъ образецъ абсурда официальной религіозности, которою заражено наше общество. Изъ всѣхъ его словъ такъ и

сквозить полное непониманіе нездоровости такихъ взглядовъ и вредности такой «золотой середины», которой онъ держится, и которая покорно убаюкиваетъ насъ на мягкой перинѣ «обыденной жизни»... Если хочешь спокойнаго сна на ней—лежи по серединѣ; передвинешься въ сторону—ужь неловко, а еще—тогда ужь упадешь и проснешься.

Я мало знаю людей, но если мнѣ придется жить среди такихъ, то я уйду отъ нихъ, уйду куда бы то ни было, уйду изъ Россіи,—я не въ состояніи мириться съ такой ужасающей пошлостью... Если бы я обладала талантомъ Грановскаго, страстностью же Бѣлинскаго—я бы пошла на кафедру и стала бы «учителемъ жизни»... Но я—человѣкъ обыкновенный, да еще мои способности подкошены нервами—мнѣ остается одно: бороться по мѣрѣ силы одной, а затѣмъ, въ случаѣ—уйти, но не сдатьсь!!

Новый человѣкъ я, и моя обновленная жизнь требуетъ иныхъ людей...

Въ головѣ моей слагается смѣлый планъ—воскресить давно умершую христіанскую общину первыхъ вѣковъ, провести среди современнаго испорченнаго эгоизмомъ общества эту великую, вѣчно-живую идею; осуществляя ее на дѣлѣ—основать для начала монастырь, но своеобразный, девизомъ котораго служили бы слова: «иже хоцетъ по Мнѣ итти, да отвержется себѣ, да возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядеть»... и провести это самоотверженіе во всей цѣльности, примѣняя при этомъ все, что могла выработать цивилизація на пользу человѣка, отвергая какъ ненужное всю ея мишуру. А потомъ воспитать въ этомъ монастырѣ поколѣніе, безразлично—мужское и женское, и тогда быть можетъ—въ этомъ поколѣніи, благодаря воспитанію, и осуществится жизненный идеаль Христа...

Въ 7^{1/2} часовъ скончалась Григорьева. Отъ больныхъ, конечно, скрыли.

24 декабря, 10 час. веч. Вотъ гдѣ пришлось проводить мнѣ нынче Рождественскую ночь!

У дѣтишекъ—Шуры, Жени въ женской шестикроватной, у Шуры и Феди въ мужской—елки; личики дѣтокъ въ бѣлыхъ халатахъ свѣтятся радостью, а пестряя, разукрашенная елки придали бѣлымъ палатамъ еще болѣе семейный и праздничный видъ.

Была сегодня за всенощной. И, слѣдуя тому настроенію по отношенію къ церкви, которое меня не покидаетъ уже второй годъ,—я смотрѣла на лица молящихся. Это было удобно, такъ

какъ кресла съ больными ставятся у клироса, а посторонніе по-сѣтители стояли въ глубинѣ церкви полукругомъ. Церковь была ярко, по праздничному освѣщена; видно было, какъ торжественность богослуженія дѣйствовала на молящихся: всѣ стояли вытянувшись; на всѣхъ лицахъ застыло строгое, внимательное выраженіе... Прекрасно пѣли мое любимое нотное «Слава въ вышнихъ Богу»... Сколько разъ я ни слушала этотъ превосходный напѣвъ—онъ все болѣе и болѣе нравится мнѣ: онъ точно медленно уноситъ куда-то вверхъ... звуки нѣжные, тихіе... Какой композиторъ написалъ эту музыку? По-истинѣ трудно написать и болѣе возвышенную, поэтическую, и въ то же время простую.

Я совсѣмъ замечталась.

«Господи, къ Тебѣ прибѣгохъ!» эти слова раздаются точно музыкальный вздохъ по всей церкви...

Я оглянулась на молящихся... всѣ стояли также внимательно, глаза многихъ были устремлены на образа; нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ въ сердцѣ отдались эти слова горячей молитвой...

«Научи мя творити волю Твою».

Я продолжаю смотрѣть на толпу... Да? И эти люди просятъ Бога научить ихъ творить Его волю? И они въ самомъ дѣлѣ готовы исполнить божественныя Его заповѣди?

Горькій смѣхъ чуть не вырвался у меня...—А ты сама-то? Не лучше ли было бы тебѣ вовсе не...

«Яко Ты еси Богъ мой»...

И вотъ они всѣ вернутся домой—такими же, какими пришли сюда.

«Яко у Тебе источникъ живота... въ свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!» — заканчивается славословіе громкимъ радостнымъ аккордомъ...

И теперь мнѣ стало ясно, почему такъ внимательно стояли и слушали эти люди.

Имъ необходимо отрѣшиться хоть на нѣсколько часовъ отъ пошлости житейской, въ которой погрязли многіе изъ нихъ—и вотъ они идутъ сюда. Никогда не догадаются они, что именно эта потребность ведетъ ихъ въ церковь; считая себя «православными»—они объясняютъ себѣ желаніемъ «встрѣтить праздникъ по-христіански»—не вдумываясь глубже.

Молитва возвышаетъ человѣка, отрѣшаетъ его отъ всего земного, церковь же легче настраиваетъ къ этому. Это громкое, радостное обѣщаніе—точно просвѣтляетъ душу, даетъ ей поддержку и силу жить во тьмѣ житейской...

«Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя»...—раздается вновь

тихое пѣніе, въ которомъ звучитъ трогательная мольба... Сжался надъ нами!

«Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ»...

Троекратный гармоническій призывъ Высшаго Существа такъ прекрасно заканчиваетъ всю молитву, что долго стоишь очарованной, и сердце наполняется невыразимымъ волненіемъ...

Какая прекрасная музыка. Это цѣлая психологія въ небольшомъ произведеніи... Я хотѣла бы умереть подъ звуки этой священной пѣсни...

Мнѣ всегда казалось, еще когда я была ребенкомъ, что ангелы, возвѣщавшіе пастухамъ Рождество, пѣли именно этимъ напѣвомъ...

И вотъ уже сколько столѣтій, какъ люди празднуютъ эту ночь, и это священное воспоминаніе набрасываетъ на нее дымку какой-то таинственности, какой-то торжественности, и невольно этому поддаешься.

Мои милые, дорогіе, далекіе!

И мыслью и сердцемъ—я съ вами со всѣми въ эту Рождественскую ночь... и въ Нерехтѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ...

Вы не любите меня такъ, какъ я васъ, вы любите по-своему, не всѣ и не всегда понимая меня... Чѣмъ виновата я, что такая уродилась? Всю тяжесть этого—несу вѣдь я одна. Но я все-таки люблю васъ, и больше, чѣмъ вы меня...

Мало кто изъ васъ пожалѣетъ отъ души, что я въ эти дни здѣсь, но мнѣ—хотѣлось бы васъ всѣхъ прижать къ своему сердцу... И я дѣлаю это здѣсь...

Вспомните же меня! О, если бы этотъ душевный стонъ обладалъ силою раздаться по всѣмъ направленіямъ за тысячи верстъ—чтобы прозвучать въ вашихъ ушахъ...

26 декабря. Умеръ Захарыинъ, отъ мозгового удара (или паралича). Когда я вчера утромъ прочла телеграмму и сказала объ этомъ сестрѣ Б—вой, та усмѣхнулась въ отвѣтъ:— «Ну и слава Богу, не будетъ больше больныхъ обирать».— Это былъ первый услышанный мною приговоръ, отъ человѣка, всю жизнь свою безкорыстно и беззавѣтно служащаго дѣлу милосердія. И со своей точки зрѣнія—она безусловно права: болѣзнь сама по себѣ есть несчастіе, и вотъ почему спекуляція этимъ несчастіемъ—непомѣрныя суммы за визиты, которыя берутъ знаменитости—производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Въ

тотъ же день въ «Н. Вр.» былъ напечатанъ фельетонъ, гдѣ Old Gentleman старался оправдать рѣзкости и причуды Захарьина будто бы нравственною низостью той толпы, которая вѣрила въ него какъ въ волшебника, а онъ, какъ человѣкъ умный, понимая этотъ, въ сущности оскорбительный, взглядъ на него,—платилъ за это ненавистью и презрѣніемъ. Все это можетъ быть и такъ, но именно это-то и не оправдываетъ Захарьина: если онъ былъ головою выше толпы, то долженъ былъ скорѣе сожалѣть объ ея нравственной тупости, а не увеличивать ее еще болѣе и принижать своими причудами до безконечности. Деньги—деморализируютъ общество, и въ данномъ случаѣ Захарьинъ являлся именно такимъ деморализаторомъ его. Ставить въ заслугу Захарьину то, что онъ, иногда получивъ дерзость отъ какого-нибудь смѣлаго паціента, проникался къ нему уваженіемъ, значить въ сущности выставить еще болѣе на видъ его нравственные недостатки... Б. рассказывала мнѣ, что когда его однажды просили пріѣхать къ больному студенту его товарищи, то онъ потребовалъ 50 руб. за визитъ. И студенты собрали эти деньги мѣдяками и вручили въ мѣшкѣ профессору. Тотъ—ничего, взялъ... Плохой защитникъ Old Gentleman своимъ фельетономъ оказалъ памяти профессора медвѣжьёу услугу: покойнаго Боткина благословляли, но зато онъ и оставилъ послѣ себя 100 тысячъ, Захарьинъ же—4 милліона.

28 декабря. Гимназисткѣ Манѣ, высокой дѣвочкѣ лѣтъ 13—14-ти, сдѣлали операцію ноги. Операція была легкая, и черезъ два дня Маня уже ходила по палатѣ, перезнакомившись со всѣми. Ее очень удивляло, что я все сижу съ книгами...—«Какая вы ученая! И много у васъ на курсахъ надо учиться? И строгіе профессора?» забрасывала она меня вопросами...

Мы разговорились. Дѣвочка оказалась довольно начитанной и мечтательной. Говоря со мной о душѣ и Богѣ, она вдругъ оживилась, и стала увѣрять меня, что ея душа существовала до ея рожденія... что она жила сначала въ чудной далекой странѣ Берендеевъ.

Я была озадачена. Съ виду—ребенокъ вполне нормальный,—и вдругъ такія рѣчи! Бѣдняжка, очевидно, зачиталась книгами и въ нѣкоторыхъ пунктахъ смѣшивала фантазію съ дѣйствительностью.—Что вы говорите, Маничка?—осторожно замѣтила я.—Нѣтъ, это правда, правда! Это—чудная страна, тамъ Богъ живетъ и тамъ души живутъ... Я была въ ней, тамъ все чудное, не такое, какъ здѣсь на землѣ... тамъ въ бѣломъ и розовомъ

сіяніи на престолѣ сидить Богъ... тамъ такъ хорошо-хорошо!» — она совсѣмъ увлеклась, ея глаза сверкали страннымъ блескомъ... Вдругъ она схватила меня за руку. — «Знаете-ли, — заговорила она шепотомъ, точно повѣряя мнѣ завѣтную тайну, — знаете-ли, я бываю тамъ и теперь... тогда меня точно уносить кто въ розовую даль, и я поднимаюсь вверхъ все выше, выше... Кругомъ все сіяетъ — розовое, бѣлое, золотое... и птички райскія поють... И мнѣ тамъ такъ хорошо, что не хочется уходить... и если я не вернусь — значить я умру, будутъ плакать папа и мама... Но я знаю, что такъ надо... скоро, скоро я уйду туда совсѣмъ, навсегда... ахъ, какъ буду я счастлива!» Маничка сложила руки на груди и смотрѣла куда-то вдаль сіяющими радостными глазами... Мнѣ становилось положительно жаль бѣднаго ребенка. — Но... позвольте, дитя мое, такой страны, кажется, нѣтъ. — «Нѣтъ?! Страны Берендеевъ? Она есть, есть, и все, что вы возразите, неправда — я это знаю напередъ... вы мнѣ и не говорите, я знаю, знаю»... Я пристально посмотрѣла на нее. Восторженный экстазъ мало-по-малу начиналъ исчезать, она провела рукою по лицу и, будто очнувшись, посмотрѣла на меня... Мнѣ не хотѣлось смущать ее дальнѣйшими вопросами, и я перевела разговоръ на другой предметъ. Спросила ее о гимназіи, учителяхъ. Она точно угадала мои мысли. — «Ахъ, что я вамъ говорила! Вы знаете, я этого никому не говорю... вы подумаете, что я глупая»... Я постаралась ее успокоить, говоря, что ничего не думаю и что она очень милая и хорошая дѣвочка, и мнѣ пріятно съ нею говорить.

Успокоенная, она отошла отъ меня и улеглась спать. Но я, удивленная неожиданнымъ разговоромъ, стремясь разобраться въ этомъ психологическомъ фактѣ — была слишкомъ взволнована... Я сѣла въ стоявшее у постели кресло, выѣхала на немъ въ корридоръ — и задумалась...

30 декабря. Читая теперь лекціи Зомбарта о социологическомъ движеніи въ Европѣ, я нахожу, что многія мысли, высказываемыя въ нихъ — мнѣ приходили въ голову раньше, когда я только что начала читать «Исторію французской революціи» Карѣва и размышлять надъ ходомъ исторіи. Въ прошломъ вѣкѣ отъ революціи выиграла буржуазія, — аристократія, духовенство имѣли уже свой золотой вѣкъ ранѣе. Теперь же выступаетъ на сцену новое — четвертое сословіе, на счетъ котораго живутъ всѣ другіе, — рабочій пролетаріатъ. За цѣлое столѣтіе — социальное, экономическое, да и умственное развитие поднялось такъ, что

борьба становится несомненно труднее,—положение запутывается. Явились Карлъ Марксъ, Энгельсъ, явилась социология, масса школъ всякаго рода; у насъ въ Россіи—марксисты и народники готовы передуть другъ друга потокомъ доказательствъ... Боже, въ какой безднѣ научной и политической запутались люди! Готова возникнуть цѣлая наука—социология—какъ будто бы людей можно научить жить по научной теоріи! По-истинѣ, иногда измышленія господъ ученыхъ похожи на дѣтскія игры. Надо ли основать науку объ эгоизмѣ, величайшей язвѣ человѣчества, которая подтачиваетъ его существованіе? вмѣсто этого, раскрыть бы великую книгу исторіи и показать, какія великія бѣдствія •человѣчество наносило и наноситъ самому себѣ—всякаго рода войнами и притѣсненіями низшихъ... Рѣдки свѣтлыя страницы; тяжело читать эту книгу. И несмотря ни на что, «таинственная воля къ жизни»—заставляетъ человѣчество жить и жить въ непрерывной сутолокѣ, страдать, жаловаться, но тѣмъ не менѣе все-таки производить на свѣтъ еще болѣе жалкихъ существъ. Какъ подумаешь—то, право, кажется, что здѣсь есть какое-то безуміе.

Я никогда не забуду, какъ нынче лѣтомъ Д—съ, все время твердившій о тяжести жизни, вѣчно погруженный въ пессимизмъ, сказалъ: «если я женюсь, то мой бракъ будетъ эстетопсихологическимъ»,—и этого достаточно было, чтобы онъ сразу на половину упалъ въ моихъ глазахъ. Я не удержалась и сказала: вѣдь это же абсурдъ, признавая бессмысленность и тяжесть жизни,—жениться и производить на свѣтъ еще болѣе несчастныхъ существъ... Онъ, нисколько не задумываясь, отвѣчалъ: «да вѣдь я же и не думаю о дѣтяхъ»... Чудный отвѣтъ! Похвальная откровенность! Если-бъ онъ смотрѣлъ въ это время на меня—онъ могъ бы видѣть, какъ все мое лицо, вся моя фигура выражали негодующій упрекъ; но онъ смотрѣлъ внизъ, а я... встала молча и отошла къ морю, чтобы, глядя на волны, хоть немного овладѣть собою. Я не люблю терять словъ даромъ, и не нападаю негодующей рѣчью, если вижу, до какой степени она будетъ непонятна и бесполезна.

Да, сначала я была не согласна съ «Метафизикой половой любви» Шопенгауера. Но, пожалуй, теперь, послѣ трехъ лѣтъ занятій, размышленій и наблюденій надъ жизнью—придется согласиться съ нимъ, что въ основѣ любви лежитъ таинственная безсознательная «воля къ жизни», которая магически дѣйствуетъ въ человѣчествѣ.

Боже, какъ мы жалки, какъ мы несчастны! Жалка наша

жизнь, но въ отчаянной борьбѣ, на порогѣ смерти мы хватаемся за соломинку, готовые цѣловать подошвы сапогъ г-дѣ Захарьиныхъ и потакать ихъ самодурству, лишь бы вновь вернуться въ этотъ омутъ... Мы боимся смерти, потому что черезчуръ привязаны къ жизни и мало думаемъ объ ея концѣ. Все положительное симпатично намъ, все отрицательное доставляетъ страданіе. Это дѣйствительно заставляетъ думать, что когда-то человѣкъ былъ созданъ для вѣчнаго наслажденія жизнью, для счастья, радости, довольства. Какимъ таинственнымъ, невидимымъ путемъ потерялъ онъ это блаженство? Библія объясняетъ это... Вѣрить ей? Или же считать Книгу Бытія символической?—Не знаю...

Надо бы еще подвести итоги прошлому году... Но скоро 11, сестра придетъ за лампою, и я оставляю перо...

31 декабря, 10-й ч. веч. Вотъ и старый годъ приходитъ къ концу... Многое пришлось мнѣ пережить въ немъ, пожалуй, болѣе, нежели за цѣлую половину предыдущей жизни... Я не занималась основательно и не успѣла мало-мальски получше ознакомиться ни съ однимъ вопросомъ; смягчающими вину обстоятельствами являются внѣшнія, да и мое нейрастеническое состояніе. Нравственныя мученія несравненно острѣе физическихъ, и невозможность заниматься въ тѣхъ предѣлахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, не перестаетъ меня мучить. Господи! Сжался, наконецъ, надо мною! Дай мнѣ хоть на этотъ годъ силы и здоровья!.. Зато въ сферѣ нравственной, послѣ того остраго потрясенія, испытаннаго мною во время болѣзни Вали,—я выиграла: полезно, въ высшей степени полезно попасть въ среду несчастныхъ, испытать самой болѣзни, и кромѣ того видѣть кругомъ себя горе себѣ подобныхъ.

Наша полная эгоизмомъ жизнь окружаетъ наше сердце такой толстой шкурою, что нужны иногда жестокіе удары судьбы, чтобы пробить ее и добраться до самаго сердца; но бываетъ и такъ, что эту шкуру не пробьетъ ничто, эгоизмъ такъ вѣдается въ сердце, что оно, наконецъ, совсѣмъ высыхаетъ.

И теперь я ясно увидѣла свое заблужденіе, всю глупость своей идеализации людей и теоретическихъ взглядовъ на жизнь...

Здѣсь, окруженная моими друзьями—книгами, я живу точно не въ лѣчебницѣ. Только видъ больныхъ напоминаетъ мнѣ, гдѣ я, а то—лежа въ постели, въ подушкахъ, не чувствуя ни малѣйшей боли въ ногѣ, и съ книгой въ рукахъ—я вполне здорова... Меня даже какъ-то не тянетъ отсюда...

Интересныхъ встрѣчъ и людей за этотъ годъ почти не было. Д—са я пока мало знаю, но насколько его поняла—онъ типичный представитель изломаннаго молодого поколѣнія; онъ и Таня—родные братъ и сестра по натурѣ, съ нѣкоторымъ нездоровымъ взглядомъ, только она симпатичнѣе его, потому что моложе и ея натура отъ природы была лучше. Вспоминаю далѣе книгу о докторѣ Гаазѣ, которую я не могу читать безъ слезъ, которую беру въ руки съ благоговѣніемъ. Сестра Г—вичь... Что за бездна любви и ласки къ больнымъ, какая преданность дѣлу милосердія, какое самоотверженіе и желаніе принести пользу и твердость въ достиженіи цѣли. Проф. П—овъ, я его знаю какъ врача—его доброта, ласки и внимательность ко всѣмъ больнымъ дѣлаютъ его личность въ высшей степени привлекательною. Меня глубоко тронуло его желаніе положить меня сюда бесплатно. Когда онъ мнѣ сказалъ объ этомъ, я смутилась... и отказалась; но онъ, не обращая вниманія на мои слова, самымъ добродушнымъ тономъ возразилъ:—«ну, куда же вамъ платить 50 руб.». Я смутилась еще болѣе, и сказала, что могу. Но должно быть мой голосъ звучалъ неувѣренно: такъ и попала я на кровать имени Гамбургеръ... Я чувствовала, что этому доброму человѣку доставляетъ удовольствіе положить меня, какъ учащуюся, бесплатно, а я потомъ пожертвую въ общемъ сумму, равную той, въ какую обошлась бы мнѣ платная кровать.

...Операция все еще длится: заворотъ кишекъ у поступившаго сегодня утромъ больного требовалъ скорѣйшей помощи. Операционная ярко освѣщена и торжественная тишина царитъ въ корридорѣ и палатахъ.

А что дѣлается теперь въ городѣ? Сытые и праздные приготавливаются теперь встрѣчать Новый годъ весельемъ и пополненіемъ желудковъ; голодная и несчастная бѣдность или спитъ, или пьянствуетъ, или... пожалуй, нѣкоторые и встрѣчаютъ мирно, въ семьѣ.

Я хотѣла заснуть... теперь, изъ-за операциі, не могу, неудобно: поднимется возня, больного понесутъ мимо нашей двери, и я проснусь непремѣнно. Тамара хочетъ встрѣтить Новый годъ за письмомъ къ родителямъ. Милая дѣвочка—такъ любитъ ихъ. А кому мнѣ писать?—некому... Валѣ?—писала недавно; если буду писать сейчасъ—то, конечно, о своемъ настроеніи, о своихъ мысляхъ, но на такое письмо, въ которое я вложу частицу своего «я», она не отвѣтитъ мнѣ искренно и горячо, какъ бы мнѣ хотѣлось. А больше—некому. И поэтому я выбираю—книгу; возьму Платона «О государствѣ», сочиненіе, которое есть здѣсь у меня. Это бу-

детъ благороднѣйшее общество, въ какомъ только можно встрѣтить Новый годъ.

Всѣ спать... Не сплю лишь я и Тамара... 11 часовъ, операція кончилась, идетъ приборка. Возьму книгу...

1898 годъ.

7 января. Такъ я встрѣтила Новый годъ. Съ первыхъ же страницъ на меня повѣяло духомъ классическаго міра, стало какъ-то легче на душѣ,—я точно перенеслась въ другой міръ. Къ сожалѣнію, очарованіе длилось не долго: я уже погрузилась съ головою въ споръ о справедливости—какъ раздался бой часовъ и голосъ Тамары: «съ Новымъ годомъ!» Я поздравила ее тоже, и снова взялась за чтеніе. Но, увы: пришла одна изъ сестеръ съ поздравленіями, глупенькая, маленькая дѣвочка, которую мы всѣ прозвали «горошинкой», потомъ пришла другая сестра—ночная дежурная. Вскорѣ надо было тушить лампы и ложиться спать.

На другой день въ пріемной у меня никого не было, и писемъ также не получила... Удивляюсь своей судьбѣ: или меня по ошибкѣ заставили родиться не въ той семьѣ, гдѣ бы слѣдовало, или моя личность не можетъ подходить къ уровню большинства, или же, наконецъ, я дѣйствительно хуже другихъ,—но всегда я одна... Только здѣсь находятся такія, которыя привязываются ко мнѣ, но такой братской, глубокой любви, какую бы мнѣ хотѣлось встрѣтить, я никогда не встрѣчу. Ну, и пусть! Нѣтъ развѣ у меня силъ жить одной?

Въ тотъ день ко мнѣ пришла дежурная сестра Г—вичъ. Я не могла говорить съ ней долго, такъ какъ за ней зорко слѣдятъ сестры, чтобы, по ихъ выраженію, она «не болтала» съ больными. Онѣ забываютъ, что у насъ есть душа, что намъ дорого, когда съ нами обращаются какъ съ личностью, входятъ въ наше положеніе. Сестра Г—вичъ именно такая: я очень цѣню въ ней это умѣнье «подойти» къ человѣку, и у меня стало какъ-то свѣтлѣе на душѣ, когда она пришла и поздоровалась со мной...

Она какъ-то сказала мнѣ:—«мое чувство къ больнымъ глубже, чѣмъ ихъ ко мнѣ»...—Это можетъ быть справедливо, но только не по отношенію ко мнѣ, сестрица,—отвѣтила я.

8 января. Послѣдніе дни хотѣла читать Тургенева «Затишье», «Ася»—и бросила. Мною вновь овладѣло то чувство недоумѣнія, которое возбуждало во мнѣ въ отрочествѣ чтеніе романовъ—

«все любовь, и все одно и то же на разные лады», думала я тогда; теперь та же самая мысль заставила меня положить въ сторону и Тургенева. Съ тѣхъ поръ какъ замужество близкаго мнѣ человѣка расколело вдребезги на моихъ глазахъ такъ называемую поэзію любви, съ тѣхъ поръ, какъ предо мной всталъ роковой вопросъ «зачѣмъ», на который я никогда раньше не отвѣчала,—я живу иною жизнью, и поэтому ко всему отношусь по своему.

Я взяла XIII-ый томъ Толстого и прочла тамъ главы о любви и о страхѣ смерти, взяла XII-ый и прочла «Смерть Ивана Ильича», Мысли, вызванныя переписью въ Москвѣ, «Въ чемъ счастье»... Читала съ глубокимъ наслажденіемъ, чувствуя, переживая сама настроеніе писателя, который въ такихъ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ раскрывалъ свою душу, свои мысли, не щадя себя никогда. И осмѣливаются еще говорить, что великій писатель всталъ на ложную дорогу. Безумцы! Едва только человѣкъ задумался надъ жизнью, чуть только вышелъ изъ общей колеи—сейчасъ подымется гвалтъ... Сами-то вы хороши! Скажите, къмъ доказана правота вашей жизни?...

Съ тѣхъ поръ какъ умеръ отецъ Жени Л—ской, «интеллигентъ», членъ суда въ гор. Ярославлѣ, я стала раздумывать впервые,—для чего жилъ этотъ человѣкъ? И меня поразила вся несуразность его жизни, которой никто не замѣчалъ: жилъ человѣкъ, учился, сталъ юристомъ, чиновникомъ, женился на пусто-головой дѣвчонкѣ, которая родила ему пять человѣкъ дѣтей, въ воспитаніи и развитіи которыхъ онъ не принималъ никакого участія. Дѣти—дочери—выросли пустыя, какъ и мать, и такъ же равнодушно отнеслись къ болѣзни и смерти отца, какъ и дочь Ивана Ильича. И когда онъ умеръ, и я увидѣла, какъ мало слѣда оставилъ онъ въ памяти жены и дѣтей,—я задумалась надъ тѣмъ, какъ и зачѣмъ онъ жилъ. И разрѣшила я этотъ вопросъ такъ: жилъ онъ не такъ, какъ нужно, а слѣдовательно и не за тѣмъ, зачѣмъ нужно было.

Когда я читала «О назначеніи науки и искусства» (т. XII, стр. 279), мысли о социологіи—я удивлялась сходству съ моими взглядами; только здѣсь Толстой возражалъ противъ понятія «общество есть организмъ», я же убѣждена, что вся эта наука построена на ложныхъ основаніяхъ и стремится къ завѣдомо недостижимой цѣли.

Мы не знаемъ, въ сущности, зачѣмъ весь міръ существуетъ, для чего вся наша жизнь и все наше стремленіе къ пресловутому прогрессу... Одна смерть способна была бы натолкнуть на

соображеніе, что тутъ не такъ просто, какъ кажется,—и человѣчество упорно вѣритъ въ безсмертіе души. «По неразвитію» говорятъ матеріалисты; а мнѣ показалось бы удивительнымъ, какъ это люди жили нѣсколько тысячъ лѣтъ, вѣрили, и вдругъ имъ говорятъ—«вздоръ, это плодъ вашей неразвитости. Мы знаемъ истину, мы—матерія и ничего болѣе... и вся наша планета—матерія и опять-таки ничего больше».—Но почему матеріи свойственно движеніе? Почему мозгъ человѣка такъ устроенъ, что приписываетъ ея движеніе скорѣе Высшему Существу, нежели ей самой? Скажутъ: первое объясненіе легче второго. А почему? Кто объяснить это?... Какъ я ни сравниваю различныя міросозерцанія—не нахожу ничего болѣе цѣльнаго, болѣе глубокаго, прекраснаго и поэтичнаго міросозерцанія религіознаго, и я упорно держусь мысли, что если бъ такъ называемые христіане жили дѣйствительно по-христіански—атеистовъ и всевозможныхъ степеней невѣрующихъ было бы значительно менѣе. А теперь такъ легки сомнѣнія оттого, что видишь страшный разладъ между жизнью общества и исповѣдуемой имъ вѣрой...

Меня морозъ по кожѣ пробираетъ, когда здѣсь семилѣтняя Женя, которая никогда не молится, съ которой мать за всѣ два мѣсяца при мнѣ ни разу не упомянула о Богѣ, ни разу не рассказала ей ничего о Немъ,—эта малютка, пріобщаясь, крестится...—Зачѣмъ это? Съ этихъ лѣтъ привыкать исполнять обрядность безъ смысла и должнаго чувства: ребенку ничего не внушается, онъ растетъ себѣ, зная, что нужно пріобщаться, а зачѣмъ и почему—едва ли пойметъ до того класса, когда станетъ проходить все по книжкѣ. Словомъ, религіознаго воспитанія въ нашемъ обществѣ нѣтъ, отсюда и отсутствіе любви и разверзающаяся пропасть между вѣрой и жизнью. Въ первые вѣка христіанства вѣра проходила черезъ жизнь—въ дѣла, и была жива. Теперь же она не проходитъ въ дѣло, у нея нѣтъ почвы для дѣятельности, естественно, что она умираетъ...

9 января. Вчера мнѣ на вопросъ,—долго ли я еще пробуду здѣсь,—профессоръ по своему обыкновенію отвѣтилъ шутя:—«два мѣсяца»... Я обратилась къ Е.—«Дней десять или недѣлю», отвѣтилъ онъ. Я уже успѣла отвыкнуть отъ ходьбы, и чѣмъ ближе день моего выхода, тѣмъ болѣе я чувствую въ себѣ какую-то живость...

А у насъ гаснетъ еще одна жизнь: въ трехкроватьной умираетъ Щербакова отъ кисты. 17 лѣтъ была она больна ею, и согласилась на операцію только въ самое послѣднее время, когда

она была уже бесполезна... Григорьева умерла черезъ 19 дней послѣ операци, а эта живетъ дольше: болѣе мѣсяца. Живой скелеть... ничего не говоритъ... Медицина доигрываетъ свою послѣднюю роль: она «поддерживаетъ всѣми средствами» существованіе уже не человѣка, а его останковъ, такъ какъ мысль, дѣятельность разума уже прекращена; впрочемъ, можетъ быть, въ голосъ ея она слабо мерцаетъ, но говоритъ она уже не можетъ, не ѣстъ и не пьетъ, ее питаютъ искусственнымъ способомъ. Я уже привыкла какъ-то слышать о смерти и видѣла угасаніе Григорьевой, побывавъ у нея за пять дней до смерти.

10 января, 7 ч. вечера. Щербакова умираетъ... На этотъ разъ комедія жизни кончается за стѣною нашей палаты... Поступившая съ нею больная и оперированная съ нею въ одинъ день, сегодня ушла домой, а эта уйдетъ сегодня же... въ другой міръ...

Все тихо... Тишина особенно торжественна, когда вдали слышится церковное пѣніе...

Гдѣ бы я ни была, я никогда не забуду этого дня: 11 лѣтъ тому назадъ, въ такой же точно вечеръ соборовали отца...

Когда-то мы умремъ? Мы всѣ, случайно сошедшіеся здѣсь страдальцы? И какъ жалка вся наша жизнь, всѣ наши заботы предъ лицомъ смерти.

Въ разсказѣ «Чѣмъ люди живы» я прочла фразу: «всѣ умирать будемъ», которую мужъ сказалъ женѣ, въ отвѣтъ на ея упреки. Сколько глубокаго смысла въ этой фразѣ! Когда вспоминаешь объ этомъ неизбѣжномъ шагѣ и вѣчности—ничтожными кажутся всѣ неудовольствія, причиненныя другими...

Теперь, за стѣной, умираетъ человѣкъ. Она лежитъ въ палатѣ одна, съ нею родственницы и сестры. Я видѣла ея постепенное угасаніе, почти все время со дня операци; только послѣднюю недѣлю я уже не ѣздила къ ней.

Изъ церкви раздается всенощное мелодичное пѣніе: «Благословенъ Господь отъ Сіона, живой во Иерусалимѣ... аллилуія».— Слышитъ ли эти звуки умирающая? понимаетъ ли она ихъ? Вѣдь не всякому изъ умирающихъ здѣсь удастся уйти къ Тому, Кому мы молимся какъ разъ во время богослуженія,—и лучше бы она умерла теперь, когда кругомъ такъ тихо и въ душу врывается скорбное пѣніе.

Смерть тогда только можетъ быть легка, когда исполненъ долгъ жизни: «Изыде человѣкъ на дѣланіе свое до вечера». А послѣ вечера—ночь... и сонъ...

Если-бъ я умерла теперь, сейчасъ? Одно могло бы поддер-

жать меня: сознание воли Бога, и не будь этого, я впала бы въ страшное отчаяние отъ того, что ничего не сдѣлала, не искупила своей прежней жизни...

Въ 9 часу, проѣзжая мимо сосѣдней палаты, въ раскрытыя двери я увидѣла 4 подушки, лежавшія на тумбочкѣ около кровати... я поняла, что все кончено.

Вскорѣ ее вынесли. Въ корридорѣ было потушено электричество, одна изъ сестеръ пришла и тщательно затворила обѣ половинки дверей нашей палаты; мы всѣ подняли головы и жадно прислушивались... Раздались мужскіе шаги. Это шли служителя Петръ и Василій.—«Я все-таки выйду посмотрѣть»,—говорила Анна Степановна К.—Да нельзя же, урезонивала я ее:—васъ не допустить, видите—нарочно закрыли дверь.—«Ну, развѣ я не могу выйти, если мнѣ нужно»...—не унималась Анна Степановна своимъ важнымъ голосомъ и, хромя на одну ногу, подошла къ двери. Мы съ Тамарой и Шурой невольно засмѣялись. Комичное рядомъ съ трагичнымъ: тамъ, за стѣной, слышалась глухая возня, а тутъ у дверей стояла курьезная фигура высокой старухи въ коротенькой ночной юбочкѣ. Дверь не открывалась. Она была заперта снаружи. Я торжествовала:—что? Вѣдь говорили же вамъ! Возня кончалась и шаги за стѣной направились къ двери. Несмотря на мрачную торжественность минуты, мы не могли вновь удержаться отъ смѣха при видѣ озадаченной фигуры Анны Степановны:—«Вотъ оно что! А я и не ожидала», такъ и говорило ея лицо.—«Да... заперли»...—сказала она. Еще постояла,—шаги удалялись... Анна Степановна пошла и сѣла на свою кровать... Еще минуты двѣ, и сестра отперла дверь. Мы ее ни о чемъ не спрашивали: тоже дипломатія своя и у больныхъ. Послѣ этого Шурка, ложась спать, подошла ко мнѣ сказать, что она боится итти въ корридоръ:—«тамъ темно, а я боюсь, сама не знаю чего»... Пришлось позвонить сестру и просить проводить ее; потомъ я слышала, какъ въ корридорѣ сестрица дѣлала видъ, что не понимаетъ причины ея испуга, и подсмѣивалась надъ ней...

11 января. Сегодня была перевязка, и думаю, что послѣдняя или предпослѣдняя: отъ ранки остался одинъ кубич. сантиметръ. Передъ уходомъ отсюда прихожу въ отчаяние: сдѣлала такъ мало, что положительно смѣшно считать это за занятіе. Кромѣ журналовъ, я успѣла прочесть лишь Геттнера «Исторію французской литературы 18 вѣка», Карѣева—«Исторію французской революціи» и «Исторію древней философіи» Виндельбанда, начала читать «О государствѣ» Платона, перечла XII, и XIII т. т. соч. Толстого

нѣсколько разъ, и... только! Скучныя занятія грамматикой латинской и славянской не шли въ голову; мнѣ хотѣлось отвлечься отъ непріятнаго сознанія своей безпомощности, и я читала лишь то, что мнѣ нравилось... Но всему причиной общая палата: будь я въ отдѣльной, гдѣ можно въ тишинѣ и спокойно сосредоточиться,—я бы...

19 января, 12 ч. ночи. Послѣдняя ночь... Я нахожусь въ странномъ, смѣшанномъ настроеніи, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, и поэтому ничего не могла дѣлать весь день и сейчас не могу спать...

Съ одной стороны—я такъ рада вернуться въ міръ, опять жить прежнею привычною жизнью; съ другой—меня терзаетъ сожалѣніе о потерянномъ времени, а главное—я такъ привыкла къ общинѣ и ея обитателямъ, такъ сжилась съ ними, ихъ горестями, что даже жаль ихъ... Вотъ гдѣ вспомнишь невольно слова Шильонскаго узника:

...На волю я перешагнулъ—
И о тюрьмѣ своей вздохнулъ...

—такъ близки теперь моему сердцу всѣ страданія больныхъ и трудъ милосердія...

Прощай, маленькій мірокъ, Эдемъ немощнаго человѣчества, куда меня неожиданно забросила судьба. Здѣсь, почти кончивъ жизнь умственную, я стала жить сердечною, полюбивъ больныхъ и нѣкоторыхъ изъ сестеръ; мнѣ пришлось пережить съ ними минуты торжественныя, возвышающія душу и очищающія ее отъ грязи житейской...

Впервые я читала Толстого съ такимъ увлеченіемъ, здѣсь я увлекалася жизнью древнихъ христіанъ въ изображеніи Фаррара, мысли о Неплюевской школѣ не выходили изъ головы,—и, все глубже задумываясь о смыслѣ жизни, я провѣрила себя за это время еще болѣе: я не усумнилась въ своей порядочности, но въ нравственномъ смыслѣ оказалась безплотной, потому что не признаю религіи безъ живой любви и внутренняго совершенствованія. Иногда мнѣ такъ хочется побросать всѣ мысли о себѣ и отдать всѣ свои силы, всю себя на служеніе дѣлу; и въ то же время я чувствую, что можно отдать всю себя только при соблюденіи одного условія,—что я буду работать и итти къ извѣстной цѣли, состоя единомышленникомъ вѣчной жизни.

Теперь,—поздравить, или же запятнать себя я не берусь: слишкомъ ужъ горько вспоминать о потерянномъ. Впрочемъ, въ

душѣ я говорю «да», но въ жизни—безжалостное «нѣтъ»... Безъ лжи я говорю себѣ, что въ моей маленькой жизни нравственные интересы играли самую главную роль, я стремилась къ достиженію добра—и страдаю, не видя его... Свѣта еще нѣтъ, онъ лишь робко колеблется неувереннымъ пламенемъ...

Забыто сердце, душа у людей; они сознають только самихъ себя, и поэтому-то происходитъ и скука, и ничтожество жизни, весь этотъ страшный эгоизмъ, отъ котораго все зло. Но земной рай недалекъ отъ человѣчества; онъ такъ близокъ—къ нему надо стремиться... И невольно думается, если бы оживить современную жизнь, вливъ въ нее идеалы Христа, оживить общество, пока лишенное совсѣмъ этой идеальной любви, съ малыхъ лѣтъ вооружать ею подрастающее поколѣніе,—тогда никто не сказалъ бы, что современная молодежь и всякіе студенты не только не развиты, но и развращены... Неужели люди въ концѣ-концовъ предпочтутъ «кооперацию» и борьбу — свѣтильнику — искрѣ Божіей, живущему въ душѣ у cadaго изъ малыхъ сихъ?!

— Но, вѣдь, я — мечтательница, вѣчно неудовлетворенная... Довольно!—впередъ! За дѣло, всею душою, съ глубокимъ порывомъ...

Я чувствую, что писать болѣе не могу... *).

20 января, веч. Съ помощью палки я двигаюсь, даже сама собрала всѣ свои вещи сегодня утромъ, и все еще какъ-то не могу освоиться со своимъ положеніемъ человѣка съ двумя ногами. Я чувствовала какую-то мучительную неловкость передъ Тамарой, когда собиралась; она сидѣла неподвижно въ своемъ уголкѣ, закрывъ лицо руками... 1¹/₂ мѣсяца предстоитъ ей прожить здѣсь, и потомъ ѣхать домой для окончательнаго излѣченія. Не особенно развитая умственно, она обладаетъ, въ сущности, глубокой натурой, скрытой и застѣнчивой до крайности, и отъ природы не обладая умомъ, она по-своему умнѣе многихъ въ ея годы... Неизвѣстно, вылѣчится ли она, несчастная... и это въ 18 лѣтъ.

— За что?—становится передо мной мучительный вопросъ,— за что ты страдаешь?...

Я оставила въ лѣчебницѣ часть своего сердца, я полюбила тамъ все и всѣхъ, за исключеніемъ начальницы и одной сестры милосердія. Къ первой у меня развилась антипатія оттого, что я слишкомъ ясно видѣла все лицемѣріе, съ которымъ она, без-

*) Запись на этотъ день въ оригиналѣ нѣсколько продолжается, дальнѣйшее авторомъ написано крайне неразборчиво. *Прим. ред.*

душная карьеристка по натурѣ, носитъ знакъ милосердія; вторая, тоже своего рода карьеристка, присоединяетъ къ этому еще грубость отношенія и не менѣе грубое кокетство.

Зато тѣмъ сильнѣе я люблю тѣхъ несчастныхъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить на жизненномъ пути. Когда я лежала здѣсь, я думала вовсе не о себѣ, а о наиболѣе продолжительно и тяжело больныхъ, и легче мнѣ становилось: я отвлекалась отъ мысли о своемъ «я», заботы о другихъ поглощали меня... И невольно повелительнымъ тономъ говорила я «тише», когда замѣчала, что шумъ въ палатѣ мѣшаетъ спать больной, и невольно распорядилась молодыми, недавно поступившими сестрами, уча ихъ, какъ надо сдѣлать что-либо, чтобы было удобнѣе. Знаю, что это могло не понравиться, но иначе—я не могла.

Сознаніе своей собственной нравственной низости не перестаетъ мучить меня: провѣривъ свое поведение за послѣдній періодъ жизни, — увидѣла, что многое надо было дѣлать иначе.

И приходитъ мнѣ на мысль Рождество два года тому назадъ: казенный лазаретъ и на постели мертвый мальчикъ, къ которому пришла я, но тогда, когда было уже не нужно.

«Боленъ быхъ, и не посѣтите Меня»...

И вотъ—наказаніе... Развѣ это не справедливое возмездіе за мой легкомысленный эгоизмъ?—Теперь я сама лежала въ лѣчебницѣ,—мои близкіе всѣ уѣхали, и только изрѣдка меня посѣщали товарищи,—смѣю ли я жаловаться?—Нѣтъ: мое одиночество—постоянная неудовлетворенность жизнью, мои вѣчныя мечтанія о глубокой братской любви, о сродствѣ душъ... О, какъ глубоко въ душѣ храню я ихъ!—Никто и не подозреваетъ.

21 января. Мнѣ даже не вѣрится до сихъ поръ, что я опять въ своей студенческой комнаткѣ, у одной изъ 4-хъ тысячъ квартирныхъ «хозяекъ». Мнѣ сейчасъ такъ живо кажется, что я опять въ общинѣ.

Все тихо... Въ палатѣ огни потушены, темно и въ корридорѣ; только столовая освѣщена и въ ней сидятъ ночныя дежурныя. Онѣ ежатся отъ ночного холода и кутаются въ платки... Меня глубоко трогаетъ молодость большинства ихъ. Хотя это и не хорошо, что онѣ въ такіе молодые годы, какъ въ 16—17—18 лѣтъ, не могутъ относиться къ дѣлу съ любовью и сознательно, но все-таки одна мысль о томъ, какому дѣлу посвящаютъ онѣ лучшіе годы свои, тѣ годы, которые большинство изъ нихъ тратитъ на свѣтскія удовольствія—эта мысль производитъ глубокое впечат-

лѣніе. И эти юныя головки кажутся гораздо выше и свѣтлѣе, нежели онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Ихъ освящаетъ дѣло...

И теперь мнѣ положительно грустно; да, я вдумываюсь, и съ удивленіемъ вижу, что мнѣ жаль всего, оставленнаго тамъ. И жаль больше всего себя: читая полезныя страницы жизни, исторію человѣческихъ страданій,—я могла бы съ большею пользою провести тамъ это же время и выйти съ сознаниемъ глубокаго внутренняго удовлетворенія...

«Feci quod potui»... О, нѣтъ, мнѣ кажется иногда, что я на всю жизнь осуждена вѣчно на одну и ту же неудовлетворенность... вмѣсто научныхъ занятій, я увлекалась чтеніемъ Евангелія, Толстого, Фаррара... и вмѣсто выводовъ строила въ умѣ несбыточные, грандіозные проекты... Да что же это, наконецъ? Что я такое? Пора бы въ 23 года быть болѣе умной...

И вспоминается мнѣ разговоръ съ Маней, мечтательной дѣвочкой, которая пресерьезно увѣряла меня, что есть волшебная страна Берендеевъ, въ которой живетъ Богъ и наши души до рожденія... Въ сущности, въ мои-то годы, не мечтаю ли я тоже въ своемъ родѣ о царствѣ Берендеевъ? Впрочемъ,—нѣтъ: я чувствую и сознаю, что мои мысли правильны, что иначе я не могу думать, что къ этому приводитъ меня изученіе наукъ...

23 января. Въ среду пошла на курсы. Одинъ изъ профессоровъ читалъ о «Наказѣ» Екатерины; мнѣ казалось, что все это я давно знаю, а нервное подергиваніе и заиканіе дѣлали для меня невыносимымъ слушаніе его лекціи. На мое несчастье не было лекціи «Теорія эмпирическаго знанія»... Я воспользовалась свободнымъ временемъ и поѣхала въ Еленинскую клинику къ Де—йсь,—бѣдняжка больна съ 9 декабря воспаленіемъ слѣпой кишки. Я пробыла у нея около часу. На меня произвели тяжелое впечатлѣніе какъ обстановка, такъ и самая больная; первую нельзя и сравнить съ нашей, хотя цѣна отдѣльной палатѣ одинаковая—сто рублей; съ больной же что-то неладное—все 40°, и доктора спорятъ объ операціи, дѣлать или нѣтъ. Вернувшись домой, принялась за чтеніе. Но не сидѣлось на мѣстѣ, и я поѣхала къ Щ—нымъ. Тамъ меня охватила привычная дѣловая обстановка. Ек. Ник. готовилась къ публичной лекціи (10 января закрылись общедоступныя курсы общества взаимопомощи педагоговъ). Удивительная дѣвушка Ек. Ник.! Дѣловитость забрала ее всю, не оставивъ въ ней ничего для сердца; и почему-то мнѣ показалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я принуждена лежать, она смотритъ на меня съ тайнымъ, пренебрежительнымъ сожалѣніемъ и

съ сознаниемъ превосходства, которое даетъ ей здоровье:—ишь ты, молъ, такая молодая и... гдѣ ужъ тебѣ совершить одну сотую того, что сдѣлала я... Неужели она забываетъ, что у человѣка есть душевная жизнь и нужно проникнуть вглубь души, чтобы узнать ее?... Мнѣ стало больно, я поспѣшила уйти... И хорошо мнѣ въ этомъ семействѣ, и холодно иногда становится.

30 января. Приѣхала ко мнѣ Таня, на этотъ разъ дольше, чѣмъ обыкновенно. Бѣдной дѣвчкѣ пришлось во всемъ признаться, романъ ея внезапно раскрылся... Вотъ бѣшенство и ужасы родныхъ отъ неожиданнаго для ихъ гордости удара!...

Мнѣ очень жаль ее! Какъ хотѣлось мнѣ, чтобы она въ 21 годъ тоже пошла на курсы, сдѣлалась бы потомъ дѣятельницей на пользу народа; въ апрѣлѣ она совершеннолѣтняя, и я предоставляла ей возможность пользоваться обстоятельствами, доказавъ родителямъ, что, въ сущности, они сами виноваты въ случившемся: сразу разорвать свои золотыя цѣпи — поѣхать въ Петербургъ, взявъ деньги на ученье у меня. Она будетъ обезпечена на всѣ четыре года, а тамъ — будущее въ ея рукахъ... Но, увы! Таня спокойно не дожидая до этого времени, она была слишкомъ надломлена, чтобы рѣшиться теперь на что-нибудь, пассивно слушая меня. То, къ чему она такъ страстно стремилась, — для нея теперь уже не существовало; отсутствіе умственной пищи дома, отсутствіе живого, увлекавшаго ее всю дѣла, сдѣлали то, что Таня, вначалѣ равнодушная и интересовавшаяся Д—сомъ только съ умственной стороны—полюбила сама... «дописалась!» какъ она выражается.

Этого должно было ожидать. Таня—очень привлекательная, оригинально-изящная, поэтическая дѣвушка, онъ — даровитый юноша—поэтъ, мечтатель, и оба—поклонники Ибсена, д'Аннунціо, Метерлинка, Ницше... ихъ точно создали всѣ модныя вѣянія fin de siècle'a. Бѣдныя, бѣдныя поэтическія дѣти!

— «Я хочу въ Малороссію», тревожно говорила Таня (въ меблированныхъ комнатахъ этого имени живетъ Д—съ)... Ей только 20 лѣтъ! И онъ несчастенъ, и она несчастна—вотъ и сошлись... Что-то будетъ?...

Что касается до меня, то мнѣ не нравится его гордая увѣренность въ своемъ талантѣ, злоупотребленіе словомъ «геній» и небрежное отношеніе къ стихотвореніямъ: онъ пишетъ ихъ много, не отдѣлявая ни одного,—и иногда на ряду съ прекрасными строками встрѣчаются неудачныя выраженія... Истинный талантъ не такъ относится къ своему творчеству. Весь поглощенный

своими страданиями, онъ не замѣчалъ меня, хотя долгіе часы проводили мы всѣ вмѣстѣ, и я начинала чувствовать ихъ пустоту; тогда я была, если не совсѣмъ посторонній, то во всякомъ случаѣ лишній человѣкъ: онъ и Таня молчали, «поглощенные» другъ другомъ. Удивительно, до чего влюбленные не интересны! Сколько ни твердила мнѣ Таня про умъ Д—са, его глубокое знаніе литературы и ея почитаніе—изъ разговора съ нимъ я никакъ не могла этого узнать. Я видѣла, что Таня слегка заинтересована имъ и изъ деликатности не выражала настоящего своего мнѣнія о немъ. А между тѣмъ я знала, что, если онъ захочетъ—можетъ быть неотразимо привлекателенъ, и... почему знать, можетъ быть даже и уменъ.

Нынче осенью онъ послалъ въ одну изъ редакцій свою драму, написанную въ духѣ Метерлинка; я прочла—и за него порадовалась, что ее не приняли: такую слабою вещь не стоитъ начинать свое литературное поприще. Послѣ я читала его письмо къ Танѣ—и право, вся драма не стоитъ одной страницы письма къ ней... «Льетса въ небесахъ сіяніе солнечнаго дня... Всюду проникаетъ оно смѣло, открыто, только въ сердцѣ моемъ оно не можетъ стать живымъ свѣтомъ... Лучше было бы намъ не встрѣчаться! Нѣтъ, счастье для насъ, что мы встрѣтились!... Знай, что я томлюсь не бурнымъ людскимъ страданіемъ, а той глубокой грустью, той тоской, которая рано пришла въ мою бурную жизнь... тяжело это, но не слишкомъ тяжело, я все снесу... А ты, дорогая, молись за меня». Сколько въ этихъ словахъ нѣжности, горячаго лиризма...

Я хочу многое написать ему и посмотрю, какъ онъ отнесется къ словамъ моимъ. Если обидится или не приметъ во вниманіе—значитъ дѣло не ладно, значитъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ несчастныхъ самодовольныхъ писателей, которые проживаютъ вѣкъ свой въ блаженной самоувѣренности, неизвѣстности... и бѣдствіи.

8 февраля, веч. Университетскій праздникъ... Черезъ С—вича я получила билетъ, и наконецъ-то могла попасть на университетскій актъ. Я воображала величественную грандіозную залу, въ которой люди пропадаютъ, и едва-едва издали увидишь столь съ сидящими за нимъ жрецами науки. Оказалось, научное торжество происходитъ въ небольшомъ по размѣрамъ залѣ, но зато оно—съ основанія университета. Сколько подобныхъ праздниковъ науки связано съ нимъ!—и эти историческія воспоминанія сразу сдѣлали мнѣ залъ вродѣ какой-то реликвіи, а старинная

постройка, съ колоннами іоническаго ордена—какъ всегда, произвела на меня особенное впечатлѣніе.

Студенты просто, очень привѣтливо встрѣтили насъ и провели на мѣста; группы ихъ стояли на хорахъ и за колоннами, разговаривали, смѣялись... Чѣмъ-то милымъ, хорошимъ повѣяло на меня отъ сотни этихъ собравшихся молодыхъ лицъ, и меня уже охватывало знакомое настроеніе чего-то молодого, если можно такъ выразиться: хотѣлось имѣть колоссальныя товарищескія объятія, чтобы была возможность привѣтствовать всѣхъ. И въ то же время мнѣ досадно было, что мы, женщины, не допущены какъ равныя этой молодежи въ стѣны университета, что для насъ выстроено большое-большое отдѣльное зданіе на 10-ой Линіи... И мнѣ захотѣлось скорѣе за границу, смѣшаться на скамьяхъ съ толпою студентовъ. Какая чудная эта идея—совмѣстнаго воспитанія молодежи, совмѣстной научной работы на университетской скамьѣ... Какъ это возбуждало бы къ соревнованію, какая была бы чистота отношеній, и все это—только мечты!

Зала наполнялась народомъ. Я замѣтила нѣсколькихъ нашихъ курсистокъ, прибывали шитые мундиры съ орденами. Мнѣ показалось нѣсколько курьезнымъ видѣть извѣстныхъ профессоровъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ: Сергѣевичъ въ Маіоренгофъ въ своемъ изящномъ статскомъ платьѣ производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, нежели здѣсь, въ блестящемъ мундирѣ, орденахъ и лентахъ. Я его едва узнала: издали онъ похожъ на Спасовича... Скоро запѣли: «днесь благодать Святаго Духа насъ собра». — Собраны-то мы всѣ, пожалуй, благодатью Святаго Духа, да на насъ-то самихъ много ли этой благодати? Со стороны прислушаться, выходило: всѣ, придя сюда по своей волѣ и неволѣ, какъ пришлось — точно свалили съ себя отвѣтственность за свой приходъ... Разряженные жрецы науки сѣли за столъ, среди нихъ—два черныхъ клобука архіереевъ и оригинальный нарядъ католическаго епископа. По-истинѣ—собраніе блестящее. Но къ лицу ли наукъ по самой сути своей—важной и серьезной, чуждой суеты людской,—въ лицѣ своихъ жрецовъ являться одѣтою блестящей мишурой! Положимъ, фракы тоже курьезны, но они все же строже и серьезнѣе мундировъ. И мнѣ представилась древняя Академія Платона,—самъ великій учитель, окруженный толпою учениковъ своихъ. Какая простота во всемъ, и какая простота одежды! Я смотрю на античныя статуи съ истиннымъ наслажденіемъ: нѣтъ ничего прекраснѣе этихъ величественныхъ фигуръ въ ниспадающихъ складкахъ одежды, въ которыхъ и заключается вся ея красота.

Итакъ—жрецы науки сидѣли, а мы, профаны ея,—vis-à-vis. Началось чтеніе отчета. Составитель его, упомянувъ добрымъ словомъ о заслугахъ почившихъ—Майкова, Буслаева, Делянова, осторожно замѣтилъ о послѣднемъ, что, пока еще не время входить въ оцѣнку его дѣятельности. Бѣдный старикъ! творецъ устава 1884 года... того, что стало большимъ мѣстомъ современнаго студенчества. Послѣ отчета вновь что-то пѣли, и играли небольшую музыкальную вещицу какого-то студента.

Но вотъ на кафедре взошелъ Сергѣевичъ... Громъ рукописканий... Онъ стоитъ съ синей тетрадкой въ рукѣ и ждетъ... ждетъ, и его умное лицо непроницаемо, съ трудомъ можно подмѣтить тонкую-тонкую усмѣшку. Доволенъ онъ привѣтствіемъ молодежи? Видимо—да, а впрочемъ—трудно, особенно издали, прочесть что-либо на лицѣ его... умъ и ничего больше. Наконецъ, онъ начинаетъ читать спокойнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово: въ минувшемъ году... на предложенныя факультетомъ темы представлено было 35 сочиненій. Изъ нихъ... 2 на соисканіе преміи,—одно удостоено преміей, 8 удостоены награды золотыми медалями, 12—серебряными, 11—почетныхъ отзывовъ и только 5 сочиненій остались безъ наградъ. Удареніе на словѣ «только» вызываетъ смѣхъ... Начинается чтеніе отзывовъ о работахъ и раздача медалей. Первымъ лауреатомъ оказывается филологъ Доренфельдъ за сочиненіе «Языкъ Святославова Изборника», которое присуждено къ напечатанію; выходитъ славный добродушный бѣлокурый студентикъ. Серебряная медаль—Рейнгольдъ-Бертольди, сочиненіе на тему «Организаціонная работа Наполеона I-го во Франціи въ эпоху консульства»; появляется истощенный, худой и преждевременно лысый субъектъ. Еще—математикъ и опять филологъ, Щеголевъ,—выходитъ славный толстякъ, большой такой, брюнетъ въ очкахъ... За нимъ—высокій красивый брюнетъ Арнольдъ... Щеголеватый, изящный студентъ Масловскій... По юридическому факультету: «Политическое ученіе Руссо»—читается самый лестный отзывъ: выдающаяся эрудиція въ области исторіи философіи права, сочиненіе производитъ впечатлѣніе труда опытнаго ученаго, вполне владѣющаго научною техникою... золотая медаль, баронъ Борисъ Нольде, 6-го семестра;—выходитъ совсѣмъ юный блондинъ въ пенснѣ, небольшого роста, но съ лицомъ очень умнымъ... Я поражена его молодостью и успѣхомъ. Экая голова! Дальше выходили всѣ остальные лауреаты... Золотымъ хлопали оглушительно, серебрянымъ—поменьше. Конченъ отчетъ—и Сергѣевичу опять оглушительно аплодируютъ.

Всѣ встають и оборачиваются къ портрету Государя: «Боже, Царя храни»... Потомъ среди общаго шума грянуло *Gaudeamus*, и тутъ восторгу не было предѣловъ:

Vivat Academia,
Vivant professores!

—раздается въ залѣ... Апплодисменты по адресу «жрецовъ», которые чинно расходятся.

Въ корридорѣ, проходя мимо Нольде, я не могла отказать себѣ въ удовольствіи поздравить его; онъ стоялъ съ какимъ-то господиномъ, и на мое привѣтствіе чуть-удивленно обернулся, но тотчасъ же любезно поблагодарилъ... Мою просьбу—показать медаль—онъ исполнилъ очень охотно: красивая медаль, съ женской фигурой съ лавровымъ вѣнкомъ, на другой сторонѣ надпись—«преуспѣвшему».—А въ гимназій надпись «преуспѣвающему»—пояснилъ онъ.—Вы и тамъ преуспѣвали?—«Да». Я спросила, гдѣ онъ кончилъ и сколько ему лѣтъ?—Въ 1-й гимназій и 21 годъ. Въ его манерѣ говорить слышится твердость, тонкій умъ проглядываетъ въ глазахъ—и невольно соглашаешься съ нимъ, что онъ уже «не такъ молодъ... совершеннолѣтній».

Выходя изъ университета, я была уничтожена сознаниемъ безконечнаго, какъ мнѣ кажется, превосходства мужчинъ надъ нами и въ среднемъ, и въ высшемъ образованіи. Безпристрастная истина говоритъ: далеко намъ до нихъ, даже и теперь. Я не говорю о массѣ, но именно о медалистахъ, съ которыми въ глубинѣ познаній не можетъ сравниться ни одна изъ нашихъ слушательницъ... А почему?—Все дѣло въ постановкѣ работы и въ подготовкѣ къ ней: медалей намъ, пожалуй, и не нужно, но необходимо задавать темы и читать публично отзывъ о нихъ; намъ, гораздо хуже подготовленнымъ, работа важна сама по себѣ. Когда же добьемся мы, наконецъ, полной равноправности?...

Теперь на Серпуховской, у Девиза и еще гдѣ-то собралось студенчество; говорятъ, спорять... къ несчастью, марксизмъ и народничество заѣли умы, сбили съ толку молодежь... Наканунѣ въ головѣ моей складывалась горячая рѣчь къ товарищамъ-студентамъ—призвать ихъ къ борьбѣ за право женщины на всѣхъ тѣхъ поприщахъ, на которыхъ они призваны работать... При теперешнемъ положеніи дѣлъ, хотя мы и много сдѣлали однѣ, но безъ ихъ помощи намъ несравненно труднѣе борьба, потому что бороться приходится съ мужчинами же. Ахъ, какая хорошая рѣчь складывалась у меня въ головѣ и, увы!—я не могу произнести ее сегодня, сейчасъ, такъ какъ изъ-за ноги своей не могу риско-

вать лѣзть въ давку, да и билета у меня нѣтъ... Эхъ, какъ-то тяжело на душѣ.

Мнѣ вспомнился недавно прочитанный разсказъ Грибовскаго «Испытаніе»; даже обидно стало, что въ дѣйствительности все не такъ: и Нольде не Алѣевъ, и у меня нѣтъ знакомыхъ студентовъ, да и врядъ ли и есть они у кого изъ нашихъ такіе умные и энергичные. Вотъ уже третій годъ какъ я здѣсь, и до сихъ поръ—наткнулась ли я на одного порядочнаго настолько, чтобы могла признать его вполнѣ своимъ товарищемъ во всѣхъ смыслахъ? Такъ и кончу—не найду. Или мнѣ не везетъ? Въ такомъ случаѣ удивительно, отчего всѣмъ моимъ знакомымъ на этотъ счетъ не везетъ? Гдѣ собранія съ научными спорами, о которыхъ мы столько читали въ книгахъ? Гдѣ тотъ обмѣнъ мыслей о Боклѣ, Спенсерѣ, Кантѣ и русскихъ писателяхъ, словомъ, гдѣ тѣ споры

О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ?

—ихъ нѣтъ, не слышу я ихъ, и что всего хуже—даже среди знакомыхъ своихъ не слышу.

И мучить меня страшная неудовлетворенность... Сегодня сдѣлала послѣднюю глупость: послала профессору на просмотръ тотъ вздоръ, который мучилъ меня уже около полугода, и который, наконецъ, написала. Послано письмо безъ подписи съ объясненіемъ, что меня заставляетъ поступать такъ страшный стыдъ передъ самой собой. Уже разъ я имѣла суровое и рѣзкое объясненіе съ Е. Н. Щ—ной въ подобномъ случаѣ, и я этого стоила. Не унялась проклятая привычка!—обратилась къ профессору, авось и отъ него дождусь того же. Тогда, по крайней мѣрѣ, еще стыднѣе и больнѣе будетъ, и я овладѣю собой...

11 февраля. Просматривала на-дняхъ отчетъ о занятіяхъ на курсахъ. У нѣкоторыхъ профессоровъ—Форстена, Гревса, Введенскаго, есть свои ученицы, оказавшія выдающіеся успѣхи. Я не въ ихъ числѣ и не честолюбіе мучить меня, а простое сознаніе, что я ни къ чему не оказалась способной. Занимаюсь русской исторіей, но холодное отношеніе профессора и неудачная постановка занятій какъ-то не возбуждали охоты заниматься: я ограничилась рефератомъ и болѣе не писала. А какъ хотѣлось мнѣ стать хотя бы маленькимъ двигателемъ науки. Когда я въ Публичной библіотекѣ погружалась въ «Писцовыя книги»—я испытывала какой-то восторгъ, увлеченіе и особенное наслажденіе въ работѣ. Нѣчто подобное я пережила въ прошломъ году въ Москвѣ наканунѣ Рождества, когда мнѣ пришелъ въ голову разсказъ, и я

писала такъ, что забыла обо всемъ на свѣтѣ... Это какое-то особенное, вызывающее душу чувство, поднимающее ее высоко надъ землею; это—творчество... на мгновеніе душа моя поднялась въ эту сферу. Боже мой, до конца жизни не забуду я той минуты... Я люблю науку, люблю ее со всею преданностью энтузіаста: она почти такъ же высока, какъ религія и тоже возвышаетъ душу человѣка, хотя не даетъ ему отвѣтовъ на основные вопросы жизни.

Университетскій бытъ и отчетъ о немъ послужили мнѣ поводомъ къ провѣркѣ самой себя: Нольде въ 21 годъ обнаружилъ огромную эрудицію и опытность ученаго,—а я?—невѣжда въ 21 годъ, полу-невѣжда—въ 23, и только. Петрункевичъ занимается Ренессансомъ, пишетъ, и теперь печатаетъ изслѣдованіе о Маргаритѣ Наварской; я же что сдѣлала? ничего. А какіе вопросы уяснила я себѣ? Выяснился ли мнѣ ходъ нашей исторіи? Отчасти—да, но не вполнѣ. Могу ли я съ увѣренностью сказать, что когда-нибудь мы пройдемъ ту же стадію развитія, какую прошли и западно-европейскіе народы?—Нѣтъ; сравнивая исторію нашу съ западно-европейской, приходишь къ выводу, что мы идемъ своеобразнымъ путемъ, благодаря характеру нашей власти, и сравнительно съ Западной Европой находимся въ положеніи прямо выгодномъ: стоя еще на первыхъ ступенькахъ исторической лѣстницы, мы имѣемъ передъ собою разнообразнѣйшія фазы развитія государствъ, ушедшихъ дальше насъ... Можемъ учиться и дѣлать выводы и изъ этихъ выводовъ извлекать полезные для себя уроки. Положимъ, что наша власть предпочитаетъ не очень-то слушаться этихъ уроковъ и сидѣтъ неподвижно. Тѣмъ хуже для нея: она сама себѣ выроетъ яму, если не будетъ слушаться уроковъ исторіи.

4 марта. Сегодня годовщина Казанской демонстраціи по случаю смерти Маріи Федосьевны Вѣтровой. Несчастливая ярая дѣятельница была взята въ январѣ или декабрѣ 96 г. и 12 февраля покончила съ собою, какъ говорятъ, самосожженіемъ: обмотавъ тѣло разорванными полосами простыни, облила себя керосиномъ.

Послѣ лекціи Введенскаго о Кантѣ—на кафедрѣ взошла одна изъ красныхъ и начала читать литографированные листки. Сотенная толпа молча слушала. «Мы должны помнить эту жертву правительства, стремящагося во что бы то ни стало задушить стремленіе къ прогрессу... Это не единичный случай. Вспомнятъ студента Малюгу, вспомнятъ... (фамилію не слыхала), умершаго въ камерѣ... Правительство губить все честное, охраняя свое могу-

щество... будемъ же помнить эту смерть... неужели мы останемся равнодушны, успокоимся на одномъ воспоминаніи? Надо дѣйствовать!»! Изъ такихъ банальныхъ и слабыхъ выраженій состояли всѣ листки. Наконецъ было сказано самое умное,—предложенъ ежегодный сборъ въ ея память въ пользу заключенныхъ.

Во время чтенія я разсматривала нѣкоторыя лица; однѣ сочувствовали и слушали съ увлеченіемъ, напряженно, большинство—просто съ вниманіемъ, на лицахъ же нѣкоторыхъ замѣчались скептическія и насмѣшливыя улыбки. Наверху двѣ курсистки, изящныя барышни, изъ петербурженокъ, переговаривались съ выраженіемъ крайней досады: онѣ спѣшили, а нельзя было выйти; веселыя и нарядныя, онѣ и слушать не хотѣли воспоминаній о невѣдомомъ имъ мірѣ. Наша философка П. стояла у кафедрѣ съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства: ее осмѣлились остановить! И ей есть дѣло до какой-то Вѣтровой! Инспектриса—бывшая слушательница—устало слушала чтеніе, какъ нѣчто неизбѣжное, которому она должна была покориться...

И больше ничего... всѣ разошлись.

5 марта. Читаю теперь Платона: «Апологія Сократа», Токвиля, Сореля, Бильбасова и сочиненіе Неплюева «Что есть истина?» Многое изъ послѣдняго сочиненія я уже сама ранѣе передумала, и мой взглядъ на науку нѣсколько измѣнился. Прежде, вѣря въ ея преимущества, я считала, что отъ соприкосновенія съ нею люди дѣлаются умнѣе и лучше душою: таково было мое заблужденіе, навѣянное чтеніемъ біографій нѣкоторыхъ великихъ людей науки, бывшихъ въ то же время и великими людьми по душевнымъ качествамъ. Геніальная скромность Ньютона, добродѣтель Сократа съ дѣтства были извѣстны мнѣ, къ этому присоединились еще кое-какія свѣдѣнія о высшихъ нравственныхъ качествахъ людей науки,—и идеальное понятіе о ней и ея адептахъ было готово. Но уже третій годъ убѣждаюсь я, что даже стремленіе къ наукѣ не способно идеально объединить всю нашу разнородную массу; что есть высоко-развитыя умственно личности, но отъ этого другимъ ни тепло, ни холодно; что профессора наши, читая намъ лекціи, не сближаются, да и не желаютъ вовсе сближаться съ нами какъ людьми, и что самое товарищество слабо,—сходятся рѣдко и съ осторожностью. Въ нашей же жизни происходитъ въ высшей степени курьезное явленіе: сколько ужъ лѣтъ университетская молодежь толкуетъ о свободѣ, прогрессѣ, но едва выйдетъ изъ университета—усердно начинаетъ... забывать прежніе идеалы... Не слышно, чтобы окончившіе составляли

дружную либеральную корпорацію, какъ на университетской скамьѣ,—они молчатъ. А почему?! Изрѣдка говоримья съ каѳедры рѣчи, зажигаая стремленія къ наукѣ, не заставляють ихъ въ то же время сближаться между собою, какъ братьевъ, во имя одной общей идеи—общей работы... Сила науки велика, ея могущество почти безгранично, но не въ ея власти нравственно преобразовать и объединить эту пеструю массу молодежи. А между тѣмъ, сколько среди ея хорошихъ людей! сколько хорошихъ, честныхъ стремленій! Какъ подумаешь—какую бы великую силу представили мы, объединенные братскимъ союзомъ! Наука, любовь другъ къ другу и вѣра соединили бы насъ въ чудной гармоніи, и мы жили бы какъ братская община—въ непрерывномъ трудѣ и стремленіи къ вѣчному идеалу...

Мечты! Фантазія! И вотъ мысль, занимавшая меня съ 14—15 лѣтъ—объ основаніи женскаго университета—замѣняется другою, объ основаніи христіанскаго университета, христіанской газеты или журнала, организаціи всей нашей жизни по вѣрѣ. Оставивъ, такъ сказать, вѣру на время,—я потомъ вернулась къ ней, но уже съ яснымъ сознаниемъ несообразности всего современнаго строя нашей жизни съ вѣрою, и, увидя все это, я не потеряла ея вновь. Кругомъ меня не было примѣра ея животворящей силы, но она явилась мнѣ въ прошломъ:—въ чудной личности Гааза, въ общинахъ первыхъ временъ христіанства. Я перестала ходить въ церковь, такъ какъ уже черезчуръ ясно бросается мнѣ въ глаза вся несообразность нашей жизни съ исповѣдуемой вѣрой. Остановясь на одной ступенькѣ, выжидаю... чего?—чтобы выяснить себѣ и нѣкоторые научные вопросы, чтобы итти по этой почвѣ, построить планъ будущей своей жизни по выходѣ отсюда, и начертать независимый образъ дѣйствій.

Другія мечты—объ основаніи сельской школы—тоже разлетѣлись, какъ дымъ, когда я убѣдилась, что образованіе безъ религіозно-нравственнаго воспитанія рѣдко способно дѣлать людей. Я чувствую даже, что потомъ едва ли буду въ состояніи жить среди такихъ христіанъ-язычниковъ... Мужество! Не покидай меня. Вѣдь Неплюевъ началъ же одинъ...

И ясно стало для меня все уродливое въ исторіи христіанскихъ народовъ... Теперь же половина бѣдствій нашей интеллигенціи происходитъ оттого, что, несмотря на все свое развитіе, она все-таки раба установившихся взглядовъ, строя жизни, привычекъ. Но мученія христіанъ убѣдили меня въ великой свободѣ духа: въ сущности, если мы, интеллигенція, недовольны многимъ—въ нашей власти не повиноваться и слѣдовать своимъ убѣ-

жденіямъ,—и тогда мы составимъ великую силу, съ которой нужно будетъ бороться...

Нѣсколько дней назадъ я узнала, что Неплюевъ здѣсь. Въ волненіи—я бѣгу къ профессору Вагнеру спросить адресъ. Маленькій старичекъ съ умными глубокими глазами сказалъ, что онъ останавливается обыкновенно въ гостиницѣ «Парижъ». И я пошла туда. Н. Н. не было дома. Я написала ему коротенькую, умоляющую записку-просьбу видѣть его и назначить мнѣ часы, когда могу его застать дома.

Дня два я жила напряженнымъ вниманіемъ, ждала письма—напрасно. Дни идутъ, отвѣта нѣтъ. И я не знаю, чему приписать такое молчаніе: некогда ему? Неужели онъ, истинный христіанинъ, сознательно не хотѣлъ мнѣ отвѣчать?—Не можетъ быть, не можетъ быть! Онъ, навѣрно, уѣхалъ, и я такъ и не увижу его. Но я не теряю надежды поговорить, рано или поздно напишу ему, но куда? Онъ теперъ такъ часто уѣзжаетъ...

6 марта. Сегодня, вернувшись домой, увидала у себя на столѣ телеграмму. Сердце замерло: умеръ кто-нибудь—бабушка, мама?! Прочла: «Завтра въ 9 часовъ утра буду дома. Неплюевъ». Ноги подкосились послѣ испытаннаго волненія, и я невольно опустилась на колѣни, благодаря Бога за то, что не вѣсть о несчастіи принесла мнѣ телеграмма.

Мнѣ надо сказать ему столько, сколько я за всю жизнь никому никогда не высказывала. Въ его сочиненіи онъ рисовался мнѣ глубокимъ, тонкимъ психологомъ, способнымъ познать всѣ изгибы души человѣческой... Но вотъ невольно подымается сомнѣніе: пойметъ ли онъ мою страстную исповѣдь, способенъ ли онъ глубоко понимать сложныя движенія души человѣческой? И недоверіе вдругъ охватываетъ меня... О, если бъ онъ могъ понять, если бъ могъ хоть что-нибудь сказать мнѣ... Мнѣ не нужно словъ утѣшенія и одобренія, я такъ долго живу замкнутою жизнью, что, кажется, у меня есть сила переносить все личное самостоятельно. Мнѣ нужно его слышать просто какъ чело в ѣ ка.

15 марта. И я видѣлась съ нимъ...

Плохо спала ночь и, вставъ рано утромъ, ровно въ 9 часовъ была въ гостиницѣ «Парижъ». Подходя къ ней, я была спокойна, не приготавлилась—какъ, что говорить... Признаюсь, я не безъ тайнаго замиранія сердца думала, каковъ его внѣшній видъ? Невольно идеализируя его, какъ автора прочитаннаго сочиненія, я боялась чисто внѣшняго вида, а что... если... хотя и сознавала,

что это глупо, что будь онъ даже уродъ—это не коснется его души.

Я вошла въ номеръ. Навстрѣчу вышелъ пожилой господинъ, высокій, стройный, съ лысой головою и большимъ носомъ, но въ общемъ производящій такое впечатлѣніе, что эти недостатки его наружности даже вовсе не замѣчались. Онъ какъ будто не ожидалъ видѣть меня (позже, въ разговорѣ со мною, онъ признался, что, увидѣвъ въ моей коротенькой запискѣ слово «лекціи»,—онъ подумалъ, что это писалъ какой-нибудь студентъ и адресовалъ мнѣ телеграмму «Дьяконовскому»), но тотчасъ же учтиво поклонился, попросилъ подождать минутку и самъ вышелъ.

Въ небольшой передней вмѣстѣ со мной раздѣвался молодой человекъ въ военной формѣ, котораго Неплюевъ откомендовалъ мнѣ, какъ одного изъ членовъ братства. Въ гостиной этотъ молодой человекъ непринужденно заговорилъ со мной, спросилъ меня, читала ли я сочиненіе «Что есть истина?» и сталъ рассказывать мнѣ о предстоящемъ въ 1900 году конгрессѣ мира во время Парижской всемірной выставки. По лицу видно было, что это—простой крестьянинъ, по разговору—интеллигентный человекъ. Скоро вернулся и Н. Н.; онъ спросилъ меня, могу ли я говорить при членѣ братства. Я, конечно, молчала,—молодой человекъ тотчасъ же вышелъ.

Я рѣшила не думать, о чемъ буду говорить. Все, что есть на душѣ,—вырывалось наружу, и въ то же время у меня въ головѣ вертѣлись философскіе и историческіе вопросы о христіанствѣ, потому что уже въ это время ясно вырисовывалась предо мной несостоятельность моей вѣры, вся моя ничтожность какъ христіанки, и послѣ этого сознанія—сомнѣніе не только брало верхъ—оно уничтожало меня самое. Но прежде разговора мнѣ надо было выяснитъ ему, хотя немного, мою личность, чтобы онъ могъ лучше понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; и вотъ—долго сдерживаемое волненіе взяло, наконецъ, верхъ: страданія всей моей жизни, казалось, ожили во мнѣ, голосъ мой оборвался на первой же фразѣ, и я зарыдала... право, невольно. Онъ не всталъ, но положилъ сочувственно свои руки на мои, не двинулся и сидѣлъ молча, ожидая, что я скажу ему далѣе. И мнѣ больно стало и стыдно за свои слезы передъ этимъ равнодушно-спокойнымъ человекомъ. Я хотѣла овладѣть собою, но не удалось,—и продолжала мой рассказъ, стараясь выразаться какъ можно короче, и голосъ мой дрожалъ, прерываясь рыданіями. Онъ предложилъ мнѣ воды. Я отказалась, и вдругъ моя гордость возмутилась, я

тотчасъ же овладѣла собою и заговорила спокойно... Чѣмъ дальше говорила, тѣмъ болѣе увлекалась,—перейдя отъ своей личной жизни къ курсамъ—во мнѣ уже заговорилъ человѣкъ не личного, а общественнаго страданія; невольно рассказала я ему случай съ истерикой на лекціи Введенскаго, и у него вырвалось восклицаніе: «какъ это можно». Наконецъ, я подошла къ первому и основному вопросу—о созданіи Богомъ міра и неизсякающемъ источникѣ зла и бѣдствій человѣчества, которое всегда было и будетъ по тексту евангельскому «много званыхъ и мало избранныхъ», и о цѣли созданія міра. Но тутъ онъ меня прервалъ:—«На такіе вопросы отвѣчать тотчасъ же я не могу; я не шарлатанъ, чтобы отвѣчать сразу и категорично... Да и вы мнѣ можете не повѣрить... Вы и еще имѣете вопросы?»—Да, еще нѣсколько, отвѣчала я.—«Вотъ лучше лѣтомъ приѣзжайте ко мнѣ въ братство, я буду тамъ все время до октября... Сейчасъ напишу вамъ, какъ къ намъ ѣхать. Тамъ мы можемъ поговорить». Онъ всталъ, взялъ бумагу и написалъ нѣсколько строкъ. Я нарочно смотрѣла, какъ онъ пишетъ, но у меня нѣтъ умѣнья опредѣлить человѣка по почерку.—«Вы меня простите, но я въ настоящее время совсѣмъ почти на отъѣздѣ, у меня такъ мало времени»,—говорилъ онъ.—Я вполне понимаю, что вамъ некогда и прошу извинить меня—я отняла у васъ время.—«Я совѣтую вамъ познакомиться съ Маріей Петровной Мяс—вой. Вотъ, мать—свѣтская женщина, а она—живая душа... Еще Надежда Николаевна В., дочь профессора, очень симпатичная дѣвушка». Я стояла въ нерѣшительности: кто она такая? стоитъ ли?—мелькнуло у меня въ головѣ сомнѣніе, и въ то же время я была тронута его душевною деликатностью, желаніемъ сдѣлать что-нибудь для меня, и чтобы не обидѣть его—молчала.—«Я особенно рекомендую вамъ Мяс—ву, она очень умная», какъ бы угадалъ мои мысли Ник. Ник.—«Я сегодня буду у нихъ обѣдать и скажу ей о васъ, и она вамъ, или вы ей—напишите». Я молчала. Онъ упомянулъ еще о томъ, что она участвуетъ въ обществѣ, устроенномъ кн. Щ—товой. Худшаго нельзя было сообщить: я слыхала объ этомъ обществѣ отъ Щепкиныхъ—и ничего хорошаго, кромѣ нелестныхъ отзывовъ о характерѣ княгини. Я, конечно, высказала мое мнѣніе по этому поводу, но Н. Н. постарался меня успокоить, загладивъ невыгодное впечатлѣніе своихъ словъ указаніемъ на хорошую цѣль этого общества. Потомъ я спросила его,—не обращались ли къ нему студенты университета—мнѣ такъ хотѣлось бы встрѣтить среди своихъ товарищей сроднаго мнѣ по образу мысли. Оказалось—нѣтъ, но онъ обѣщалъ мнѣ написать, если кто обратится къ нему,—и

еще разъ повторивъ свое приглашеніе къ Маріи Петровнѣ, мы простились. Но тутъ я вспомнила о своей всегдашней осторожности и сообразивъ, что онъ можетъ ради характеристики передать обо мнѣ этой барышнѣ все то, что я ему говорила, и, пожалуй,—о, стыдъ!—о томъ состояніи, въ какомъ была я во время этого разсказа; страхъ и гордость поднялись во мнѣ, и я рѣшительно просила его не передавать Маріи Петровнѣ всего, что я ему говорила.—Ну, скажите ей вкратцѣ, самое необходимое, не болѣе. Онъ какъ будто не понялъ меня...—«Отчего же?»—Такъ,—коротко отрѣзала я...—не говорите всего, не надо... и вообще никому не говорите, что я у васъ была,—сказала я и простилась.

По дорогѣ я обдумывала все пережитое и видѣнное. Сдержанность Неплюева невольно напоминала мнѣ, съ какой любовью встрѣтилъ меня нынче въ августѣ о. Антоній, какъ, обнявъ меня, онъ назвалъ своею дочерью,—сколько нѣжности и ласки было во всемъ его обхожденіи... А этотъ не такой и отъ него я не получила, чего мнѣ было нужно, хотя онъ все-таки хотѣлъ что-то для меня сдѣлать. Впрочемъ, на первый разъ мнѣ бываетъ всегда неудача, къ этому я уже привыкла, но во всякомъ случаѣ я не могла удовлетвориться этимъ короткимъ разговоромъ и всю свою надежду полагала лишь на возможное посѣщеніе этой школы.

Занятія научныя я какъ-то оставила и всѣ эти дни по утрамъ читала «Что есть истина?», вновь находя много сходнаго со своими мыслями, особенно о воспитаніи, о жизни современнаго общества... Ранѣе передуманное—и изложенное въ этой книгѣ производило на меня, конечно, сильное впечатлѣніе.

На-дняхъ написала М. Ос. Меньшикову, чтобы онъ пріѣхалъ въ редакцію, мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ. И разговоръ нашъ былъ очень интересенъ. Онъ говорилъ мнѣ о Львѣ Толстомъ, объ его симпатической личности. Я спросила его, знакомъ ли онъ съ Неплюевымъ?—«Какъ же... былъ у меня третьеводни (онъ именно такъ и выразился), былъ у меня въ Царскомъ, прощался со мною!»—А что вы думаете про его братство? М. Ос. сомнительно покачалъ головою...—«Не нравится мнѣ это; у него въ школѣ какіе-то кружки,—надзоръ старшихъ за младшими,—это что-то іезуитское... Вотъ онъ меня давно зоветъ къ себѣ, статьи мои тамъ читаетъ—я же все никакъ не могу собраться. И на этотъ разъ онъ очень звалъ меня, можетъ быть лѣтомъ соберусь... Сомнительно мнѣ это братство. Вотъ и Николай Петровичъ Вагнеръ тамъ былъ... Напримѣръ, у него для дохода существуетъ водочный заводъ».—Неужели?!—изумилась я.—«Да... я

какъ узналъ это, говорю: какъ же это такъ, Ник. Петр., и заводъ-то?—Тотъ молчить. Неплюевъ оправдывается тѣмъ, что дѣло въ количествѣ потребленія, но вѣдь это не оправданье». Я слушала молча. Дѣйствительно, заводъ и меня сбилъ съ толку. И больно мнѣ стало, что нѣтъ совершенства на землѣ. Но Меньшиковъ былъ и противъ самого братства:—«Что это?—Устроилъ какой-то оазисъ, въ которомъ счастливы немногіе. Нѣтъ, пусть онъ отпускаетъ своихъ учениковъ въ жизнь, пусть они дѣйствуютъ въ обыкновенной средѣ»... Въ этомъ я была не согласна съ М. О.: именно мнѣ и нравилось братство, его существованіе даже необходимо для нагляднаго доказательства силы идеи. Конечно, это мое мнѣніе примѣнимо только къ такому братству, устройство котораго по возможности близко къ идеалу; насколько же приближается къ нему братство Неплюева—не знаю.

Село Устье, 3 іюня. Послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго прерыва—снова берусь за перо. Возвращусь къ тому времени,—это для меня необходимо, такъ какъ въ эти дни со мною произошло что-то странное.

Я все время, съ конца февраля, читала каждое утро по главѣ изъ книги Неплюева; это доставляло мнѣ какое-то особое ощущеніе: я читала критику всей нашей жизни, нѣкоторыя страницы которой дышатъ такой искренностью, такой безпощадной правдой, что невольно вырывалось рыданіе и сильнѣе чувствовалась вся неправда жизни, вся сила горя современнаго человѣчества... Тогда же, на курсахъ, я получила письмо и сразу догадалась, что это отъ М. П. Мяс—вой—почеркъ былъ женскій, незнакомый. Прочла... все письмо было написано такъ, какъ именно надо было написать: каждое слово, казалось, сказано было отъ сердца, и въ то же время—осторожно, точно съ тайной мыслью, чтобы я какъ-нибудь не исказила его смысла и не обидѣлась бы. Уже съ первой странички письма чувствовалось, что пишетъ человѣкъ незаурядный; только традиціонное начало «многоуважаемая Е. А.» и конецъ «готовая къ услугамъ» напоминали объ уступкахъ автора нѣкоторымъ избитымъ «формамъ вѣжливости». Въ концѣ письма она говорила: «Я хотѣла бы имѣть волшебныя очки, чтобы посмотреть на васъ, когда это письмо будетъ въ рукахъ вашихъ. Можетъ быть, вы будете недовольны?...» Я читала въ корридорѣ у стола, за которымъ завтракаютъ слушательницы, и привычка владѣть собой при постороннихъ—заставила меня прочесть все, не выражая ровно никакихъ чувствъ на лицѣ; но придя домой, я невольно задумалась: что отвѣчать мнѣ на это письмо, полное

любви и деликатности? Я всѣмъ сердцемъ оцѣнила его, но... на отвѣтъ у меня не находилось словъ. Заговорилъ «практическій разумъ» (не Кантовскій, конечно, а житейскій), холодное, критическое отношеніе и выработанное жизнью недоувѣріе къ людямъ. Предо мной встали такія соображенія: а сколько ей лѣтъ?— Если она молоденькая энтузіастка, розовая дѣвочка лѣтъ 18-ти, которая пишетъ мнѣ такъ подъ вліяніемъ словъ Неплюева, изъ интереса просто познакомиться съ курсисткой? Что-жъ можетъ оказаться у насъ общаго? и не принесетъ ли ей скорѣе вредъ, чѣмъ пользу знакомство со мною, потому что тогда она узнаетъ, что въ жизни не однѣ радости, а не сталкиваясь съ такими какъ я, она можетъ пожить долѣе въ тишинѣ душевной? А если она окажется съ крайне узкими взглядами на жизнь и людей—тогда мнѣ только больнѣе будетъ разочарованіе въ ней... Слова же Неплюева и простое соображеніе, что этотъ пожилой, знающій людей человѣкъ не сталъ бы рекомендовать мнѣ не подходящую особу—какъ-то на этотъ разъ не дѣйствовали на меня. Онъ могъ ошибиться, мало ли что бываетъ... И такъ я находилась въ нерѣшимости: разсудокъ не дозволялъ и рука не поднималась написать то, что подсказывало сердце. И больно мнѣ было это сознаніе, что я, которая всю жизнь искала человѣка, увидѣвши впервые человѣческое отношеніе—уже не могу откликнуться на него, потому что уже не вѣрю людямъ.

Судьбѣ угодно было вывести меня изъ этого затрудненія, но да не допуститъ она болѣе именно такихъ выходовъ: извѣстіе было уже слишкомъ ужасно...

Пока я стояла у печки и раздумывала—раздался звонокъ, ко мнѣ въ комнату вошла Наташа—экономка С. П. Ж—вой—и, поздоровавшись со мной, передала отъ нея конфеты. Я замѣтила, что она чѣмъ-то смущена, или разстроена. Послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ она прямо объяснила цѣль своего прихода:— «Знаете ли, какое у насъ горе? Николай Николаевичъ застрѣлился...»—Не можетъ быть?! воскликнула я.—«Нѣтъ, правда... въ ночь на 13 марта... вѣдь знаете ли, онъ перевелся въ Екатеринославъ, уѣхалъ въ январѣ, и вотъ теперь...»

Насколько я могла узнать отъ этой милой простой барышни—еще очень юной и неопытной—Н. Н. въ послѣднее время часто задумывался, грустилъ, хотя по временамъ бывалъ очень веселъ. Страшно скучая въ своемъ полку, который стоялъ подъ Новгородомъ въ деревнѣ, онъ перевелся въ Екатеринославъ. И вотъ, вдругъ телеграмма...—«Господи! Какое горе близкимъ! Мы всѣ, всѣ плакали...» Да, я могла себѣ представить очень живо

это отчаяніе родныхъ, а главное—душу этого несчастнаго молодого человѣка.

Ихъ всего трое, два брата и сестра. Сироты съ дѣтства, безъ матери и брошенные отцомъ, они очутились на рукахъ одной родственницы, которая старалась воспитать ихъ и дать образованіе; неразвита, но энергичная, съ коммерческими способностями — она сдѣлала для нихъ все, что по своему могла: отдала по разнымъ заведеніемъ. Но ученіе не далось хорошенькимъ сиротамъ: ни мальчики, ни дѣвочка не кончили нигдѣ курса, и почему одинъ изъ братьевъ пошелъ «по коммерческой части», а другой, младшій—поступилъ въ юнкерское,—не знаю. Съ дѣтства я слыхала о красавцѣ Колѣ К. и впервые послѣ долгихъ лѣтъ увидѣлась съ нимъ, осенью 96 года въ оперѣ.

Это былъ красивый, но болѣзненный молодой человѣкъ, съ грустными карими глазами. Главная прелесть была собственно въ нихъ, и вообще въ верхней части лица, до губъ; слабый безхарактерный ротъ—обрисовывалъ складъ его натуры. Съ крайнимъ предубѣжденіемъ относясь къ офицерамъ, вся поглощенная своими занятіями, массой переживаемыхъ впечатлѣній, я помню — отнеслась къ нему съ скрытымъ сожалѣніемъ; его грустная покорность невеселой долѣ провинціального офицера въ соединеніи съ умственной ограниченностью и слабостью характера—все вмѣстѣ заставило меня и пожалѣть о немъ, и вслѣдствіе невольнаго сравненія его положенія со своимъ,—къ этому чувству примѣшалось радостное, пожалуй, чисто эгоистическое, сознание того, что я живу иною жизнью. Все это, помню, я перечувствовала въ краткомъ разговорѣ съ нимъ, когда спросила, что онъ дѣлаетъ въ свободное время? — «Да что? — ничего... развѣ у насъ можно что-нибудь дѣлать? Офицеры въ карты играютъ, ѣдятъ, пьютъ, вѣдь скука тамъ какая... Вотъ лѣтомъ повеселѣемъ приходимъ въ Петербургъ, когда гвардія оттуда уходитъ... А что вы?» — И невольно въ моемъ отвѣтѣ вырвалось радостное чувство жизненности и интереса: — Какъ, что?! А лекціи, а занятія, а библиотеки, а научныя засѣданія?! Весь нашъ разговоръ тѣмъ и закончился... Помню я его грустное лицо... и... помнить моя совѣсть, что я не выразила ему сочувствія, не сказала ему ничего такого, что онъ бы могъ принять въ утѣшеніе, за пониманіе его поистинѣ безотраднаго положенія.

Теперь уже для меня все стало ясно. Безхарактерность, неразвитость, полное неумѣніе бороться съ жизнью, — привели Колю къ такому концу, — онъ дошелъ до сознанія безцѣльности своего существованія. Поддержки же ни умственной, ни нрав-

ственной со стороны неразвитыхъ, поглощенныхъ лишь страстью къ наживѣ, родственниковъ, онъ, конечно, не могъ ожидать, — и вотъ въ результатѣ смерть въ 28 лѣтъ...

Все это было мнѣ ясно, какъ день... А Наташа растерянно твердила:—«Что это съ нимъ... и отчего это? Никто понять не можетъ...» Да и не поймутъ они никогда.

Наташа ушла. Я заперла за нею дверь и, чувствуя, что не въ силахъ болѣе владѣть собою, разразилась горькими слезами: острое чувство жалости захватило меня всю, и оно было тѣмъ сильнѣе, что я вновь испытывала укоръ совѣсти за то, что могла сдѣлать и не сдѣлала. Пусть даже это участіе онъ бы и не понималъ, — все-таки мнѣ не слѣдовало относиться къ нему съ пренебреженіемъ, вѣдь у него была душа... И я плакала... никто не видѣлъ, я заперлась... Вотъ въ эту-то минуту я вспомнила о письмѣ: надо было писать отвѣтъ. Потрясенная до глубины души, я машинально взялась за перо—и написала... не отвѣтъ, но свои мысли по поводу этого извѣстія, вѣрнѣе — весь хаосъ мучительной мысли и впечатлѣнія, бывшія у меня въ душѣ. Не помню теперь, что писала, знаю только, что каждое слово, казалось, писала не правая рука, а какая-то третья, прямо изъ сердца... Я подумала: если это пишетъ дѣйствительно человекъ, то пусть она пойметъ, что такое мое письмо — служить лучшимъ отвѣтомъ. Подъ конецъ письма я опомнилась...—Вѣдь я же не знаю, кому пишу?... Что если она молоденькая дѣвочка? — И я уже хотѣла было написать: «лучше вамъ теперь вовсе не знакомиться со мною, погодите, пока мнѣ лучше будетъ», но потомъ передумала...

Покончивъ съ этимъ я хотѣла приняться за книгу Неплюева и... не могла.

Только на слѣдующій день вечеромъ я продолжала свое чтеніе. И странное дѣло: чѣмъ долѣе я читала, тѣмъ болѣе подвергала критикѣ не только самую мою жизнь, вовсе не бывшую христіанской, но и вѣру. Я старалась проанализировать собственное религиозное чувство, сразу неподдающееся объясненію; но было много времени, и вотъ, понемножку, въ эти дни я думала и надъ своей «религіей».

Въ силу чего я вѣрила? — Въ силу переданнаго традиціей отчасти, въ силу потребности своей души — тоже отчасти, такъ какъ извѣстныя религиозныя воззрѣнія были приобрѣтены не лично мною, а усвоены съ дѣтства; не будь ихъ—додумалась ли бы я сама до признанія Бога? И я должна была отвѣтить на этотъ вопросъ честно: «не знаю».

Мое религиозное чувство, проявлявшееся съ дѣтскихъ лѣтъ... Чѣмъ по большей части оно было вызвано?—Моя младшая сестра постоянно твердила: «я не умѣю молиться». Этого я никогда не понимала и не могла понять. Съ дѣтства я молилась, и тогда душа моя находила особую отраду въ молитвѣ, и я понимала смыслъ произносимыхъ словъ; когда мы были еще очень малы—насъ заставляли иногда молиться вслухъ, и я помню восхищеніе нашей бабушки, не перестававшей твердить мамѣ—«Лиза очень хорошо молится». Слова эти не возбуждали во мнѣ ни гордости, ни самомнѣнія,—съ дѣтства во мнѣ было что-то, мѣшавшее навивно вѣрить похваламъ старшихъ...

Но то было въ далекомъ дѣтствѣ... когда мы всѣ живемъ въ волшебномъ міркѣ ограниченнаго сознанія, когда, зачитываясь житіями святыхъ, я мечтала о подвигахъ, о монастырѣ и пустынѣ, о Никоидіи и аравійскихъ львахъ... Качая своихъ куколъ, я напѣвала имъ стихи безъ риѣмы собственнаго сочиненія, въ которыхъ выражала эти дѣтскія мечтанія—о Богѣ, о раѣ (объ адѣ—я даже мало думала)... Меня тянула къ этимъ житіямъ ихъ строгая серьезность, и въ то же время какой-то мягкій тонъ повѣствованія, смягчавшій ее: житіе Захарія и Елизаветы, Вѣры, Надежды и Любви, Варвары и Екатерины Великомученицы, какого-то воина, имя котораго забыла, кажется—Евстафія Плакиды, Маріи Египетской, разныхъ подвижниковъ,—все это окружаетъ и до сихъ поръ мои воспоминанія дѣтства отблескомъ чего-то тихаго, возвышеннаго, неотразимо дѣйствовавшаго на мою душу... И комната бабушки, въ которой я обыкновенно читала ихъ, куда никто изъ домашнихъ, кромѣ меня, не входилъ, и обстановка этой комнаты, строгая и простая, и серьезная тишина, царившая въ ней, и лампадка, горѣвшая передъ образомъ—все необыкновенно гармонировало и съ этой большой старинной книгой въ кожаномъ переплетѣ, и съ ея содержаніемъ... Да навѣрное, и сама я, маленькая бѣлокурая дѣвочка, съ серьезнымъ не по-дѣтски лицомъ—не была дисгармоніей на фонѣ этой общей картинки.

Немудрено, что въ 9—10 лѣтъ я уже многое понимала, молилась и плакала—и это вполне сознательно. Въ то же время мой характеръ не былъ изъ идеальныхъ. На меня могла дѣйствовать только ласка, но ея никто изъ окружавшихъ не догадался употребить, и всѣ дурныя стороны моего «я», подавляясь строгостью, только заставляли меня сильнѣе раздражаться, и я дѣлалась еще хуже. Сестры не любили меня, и уже тогда обрисовывалась огромная разница между мною и ими. Если бъ кто-либо могъ замѣтить тогда это религиозное чувство, и отъ молитвъ обратитъ

его къ жизни, къ самосовершенствованію и любви къ ближнему—почемъ знать,—можетъ быть и не пришлось бы гувернанткамъ столько жаловаться на мой «характеръ». Но вышло такъ, что мое пониманіе вѣры не шло далѣе этого.

Потомъ... Въ гимназіи я любила болѣе всего всенощную; служба вечеромъ казалась мнѣ болѣе поэтической и торжественной, и искренно молясь, почти со слезами, за всенощной, я уставала и скучала за обѣдней и не стыдилась спать, выдумывая себѣ головную боль, чтобы не ходить въ церковь и читать... Въ годы отрочества—лѣтъ въ 14—я опять вспомнила свою «вѣру», начавшую становиться болѣе сознательной, но которая все-таки не шла далѣе раскаянія. Я даже сначала не вѣрила въ теорію Дарвина именно ради того, что она расходилась съ религіозными убѣжденіями, и была совсѣмъ сбита съ толку, видя, что ее принимаютъ многіе, называющіе себя христіанами. Сомнѣній же въ существованіи Бога у меня не было, а горе моей жизни заставляло меня и въ послѣдующіе годы искать утѣшенія въ религіи и молитвѣ. Но я думала для 17—20 лѣтъ обидно мало и поверхностно. Сосредоточившись на одной мысли—ожидать освобожденія и курсовъ—я какъ будто не знала, что нельзя безнаказанно не пользоваться жизнью, нельзя безнаказанно жить, не задумываясь глубже въ ея явленія,—не знала, и жестоко поплатилась и за свою неопытность, и за это незнаніе.

Съ 21 года мое религіозное чувство всего сильнѣе оживало всего только два раза—передъ поступленіемъ на курсы и потомъ во время болѣзни Вали, т. е. оба раза подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ волненій, причемъ въ послѣдній разъ оно было сильно только одно мгновеніе и затѣмъ сразу ослабло... Такъ и продолжалось вплоть до лѣчебницы, когда я усердно ѣздила въ церковь, но уже не безнаказанно: по возвращеніи изъ нея, я со страшной силой чувствовала разладъ между высотой вѣры и окружающей меня пошлостью жизни и людей, такъ какъ попала въ самое худшее общество, какое только можно представить: общество обыкновеннѣйшихъ, полныхъ мелочи житейской, женщинъ, которыя, однако, держали голову высоко, вслѣдствіе имущественнаго или общественнаго положенія, и рѣшительно не въ состояніи были понять что-либо стоящее внѣ сферы ихъ спеціально женскихъ интересовъ.

И вотъ, пересмотрѣвши всю свою жизнь, я невольно задала себѣ вопросъ—«въ чемъ моя вѣра?»—и какой же отвѣтъ на него давалъ мнѣ безпощадный анализъ?

— Первая вѣра была въ силу твоей безпомощности, въ силу

склада твоей души, нуждавшейся въ утѣшеніи и поддержкѣ, не видѣвшей ея нигдѣ; твоя вѣра была въ безотчетныхъ порывахъ души къ чему-то стоявшему выше пошлости житейской, въ силу врожденной любви къ поэзіи... и только. Моя твердость, съ которою я держалась за нее, несмотря на всевозможныя возбуждавшія религиозное сомнѣніе книжки, заставляла меня подвергать ихъ критикѣ и защищать «вѣру» отъ нападковъ, какъ нѣчто—необходимое для человѣка. Я съ искреннимъ сожалѣніемъ смотрѣла на невѣрующихъ курсистокъ, называя ихъ про себя людьми безъ твердыхъ убѣжденій, не знающихъ смысла жизни...

О, жалкое, несчастное созданіе! Да былъ ли онъ; этотъ смыслъ, у тебя-то самой, въ своемъ ослѣпленіи воображавшей, что если она вѣритъ всему, что сказано въ выученномъ наизусть катехизисѣ—то, значитъ, обладаетъ и знаніемъ смысла жизни? Вѣдь та же религія говоритъ—«вѣра безъ дѣлъ мертва есть»,—т. е. нѣтъ въ ней слѣдовательно и освѣщающаго жизнь смысла. А ты, какъ фарисей, слѣдуя выученной буквѣ закона, не дѣлая ни шага, чтобы провести эту вѣру въ жизнь, ты—смѣла считать себя умнѣе этихъ людей, смѣла думать, что ты въ сравненіи съ ними стоишь на твердой почвѣ, потому только, что вѣришь въ безсмертіе души и будущую жизнь! По-истинѣ—ты достойна презрѣнія! И ничто въ сравненіи съ этимъ сознаніемъ было бы презрѣніе всѣхъ слушательницъ нашихъ курсовъ, если бы онѣ почему-либо захотѣли мнѣ его выразить,—ничто, ибо судъ человѣческой ничтоженъ въ сравненіи съ судомъ нашей совѣсти...

Вспоминая свою «вѣру», я нахожу въ ней одно только честное,—что я всегда отдѣляла ее отъ всякаго общеобязательнаго credo. Въ наше время надо уже различать специфически-православныхъ людей, съ религіей государственной, и вообще вѣрующихъ. Я была изъ послѣднихъ, такъ какъ до курсовъ по невѣжеству и политической безграмотности мнѣ не приходилось сталкиваться съ этимъ вопросомъ, а на курсахъ мою вѣру всегда глубоко оскорбляла грубо и рѣзко выраженная критика православія и нашей государственности... А впрочемъ—вѣдь эта похвала отрицательная. Но если я дошла до паденія—ничего, если упаду и еще немного ниже!

Чѣмъ былъ для меня мой Богъ? Думала ли я когда-нибудь о Христѣ? Странно: я много разъ читала Евангеліе, читала серьезно, но мало вдумывалась въ него. Однажды, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, задумавшись надъ вопросомъ—что такое Богъ?—я съ ужасомъ почувствовала, что не понимаю Бога. Чѣмъ же былъ

для меня Богъ?—Чѣмъ-то идеальнымъ, высокимъ, Кому я могла только молиться и жаловаться на свою жизнь, словомъ, Онъ былъ для меня фантомомъ (призракомъ) поддержки, и немудрено, что иногда послѣ молитвы я чувствовала себя успокоенной... Самовнушеніе вѣдь играетъ здѣсь не послѣднюю роль... Не говорю уже о чудесныхъ исцѣленіяхъ.

Призракъ поддержки! Въ прошломъ году, подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ужасныхъ дней—я искала... чего?—сама не знаю... Пришла въ Кіево-Печерскій монастырь и спросила схимника Антонія. Мнѣ указали на небольшую келью, и я вошла...

О. Антоній былъ когда-то живописцемъ и сохранилъ до старости лѣтъ любовь къ искусству. Стѣны его кельи были увѣшаны картинами и гравюрами, заграничными фотографіями, привезенными ему почитателями. Вообще, несмотря на его схиму—чувствовалось, что этотъ монахъ—вовсе не застылъ въ аскетизмѣ отчужденности отъ людей. Онъ отнесся ко мнѣ замѣчательно хорошо: его обращеніе со мною было такое задушевное, такое ласковое, что-то очень привлекательное было во всей его фигурѣ. Помню, онъ назвалъ меня своею дочерью. Видно было, что онъ не получилъ вообще образованія, но душа его и природный умъ замѣняли этотъ недостатокъ. Теперь я не помню, что говорила съ монахомъ величественнаго вида, но ушла ободренная и успокоенная... Онъ послалъ меня къ профессору Сикорскому, врачу по нервнымъ болѣзнямъ. Тотъ меня осмотрѣлъ, прописалъ лѣкарство, и въ свою очередь опять посовѣтовалъ пойти къ о. Антонію, назвавъ его человѣкомъ «очень развитымъ и проницательнымъ». Я осталась довольна профессоромъ; это доказывало, что онъ дѣйствительно хорошій психологъ: угадалъ, что мнѣ важнѣе всякихъ лѣкарствъ—душевное успокоеніе, хотя бы временное, такъ какъ всѣ струны моей души были натянуты свѣше всякой мѣры. Эта дружба психіатра съ монахомъ очень поучительна для многихъ психологовъ и врачей-психіатровъ, и каковы бы ни были они сами по себѣ—нельзя не признать въ каждомъ изъ нихъ ума и большой жизненной опытности... Послѣ, въ августѣ, я опять пошла къ схимнику, просто для того, чтобы вновь подышать этой атмосферой любви, и онъ принялъ меня такъ же хорошо, хотя разговоръ завязался не сразу (видно было, что онъ привыкъ говорить съ образованными мужчинами, но съ учащейся дѣвушкой—очевидно не имѣлъ еще дѣла), но все-таки завязался. О вѣрѣ—тутъ не было сказано ни слова.

Итакъ—моя вѣра—не служила ли она доказательствомъ моей слабости—съ одной стороны, и слѣпного упрямства—съ дру-

гой?... Въ тѣ дни зашла ко мнѣ Леля Ст. и въ разговорѣ со мною какъ-то сказала:—«Знаете ли, я вѣдь болѣе христіанка, нежели вы!» подразумевая, что въ ней менѣе эгоизма, чѣмъ во мнѣ, хотя она и не вѣрующая, воспитанная отцомъ-атеистомъ...

Изучая богословіе, я кое-гдѣ была согласна съ профессоромъ, но во многихъ случаяхъ—нѣтъ: чувствовалась фальшь, въ какую былъ поставленъ предметъ. Вѣру христіанскую послѣ столькихъ вѣковъ существованія защищали какъ малое дитя. Чѣмъ бы приводить опроверженія точныхъ научныхъ теорій, противорѣчащихъ буквѣ библіи—слѣдовало бы стараться или согласить ея ученіе съ наукой, или же изъяснить намъ самый смыслъ ея, а главное доказать намъ, основываясь на чемъ угодно, хотя бы на кантовскомъ императивѣ—необходимость вѣры; затѣмъ показать всю высоту христіанскаго ученія, основываясь на разсмотрѣннй исторіи народовъ, особенно именующихъ себя христіанскими, и подвергнувъ ее критикѣ, — доказать, что несовершенство происходитъ оттого, что была принята буква, а не смыслъ религіи; и наконецъ—служить самому живымъ примѣромъ истины исповѣдуемаго ученія. А у насъ что?! Обязательная молитва передъ лекціей, которую съ трудомъ читали слушательницы, заикающійся о. Рождественскій (первый курсъ), и безнадежно-грустный о. Велтистовъ (второй курсъ), смѣнившій его, двѣ тощія тетрадки Апологетики—вотъ и все, что нашли мы на курсахъ по этому предмету.

Таинства?! Какъ я смотрѣла на нихъ?! Какъ я понимала исповѣдь?!...

30 іюля. Вотъ въ какомъ хаосѣ мыслей жила я.

20 марта привезли тѣло Н. Н. Тяжелое зрѣлище печальной церемоніи перенесенія тѣла въ церковь Ново-Дѣвичьяго монастыря, открытіе крышки гроба и панихиды... Лицо покойнаго не измѣнилось: то же печально-кроткое выраженіе.

Мнѣ надо было въ этотъ день сдать экзамень по французской литературѣ у Батюшкова. Я готовилась, сидя въ конкѣ, но тогда, при моемъ состояніи прочесть одинъ разъ—было мало; на экзамень я все-таки пошла, и не могла сдать, такъ какъ оказалось, что приготовила меньше, нежели нужно было по программѣ. Профессоръ былъ недоволенъ, но согласился меня проэкзаменовать; у меня же голова болѣла такъ, что французскія названія, которыя говорилъ профессоръ, мнѣ казались латинскими. Не успѣла я промолчать на одинъ вопросъ—какія сочиненія Дюрбефи

о святыхъ, — какъ Батюшковъ недовольно покачалъ головой, и сообразивъ, что я прошла не всю программу, велѣлъ притти осенью, что я и раньше ему предлагала, когда увидѣла, что по ошибкѣ знаю меньше другихъ.

Вечеромъ я написала Мар. Петр. Мяс—вой письмо съ извѣщеніемъ, что завтра я свободна. Утромъ была на похоронахъ, отъ поминокъ отговорилась недосугомъ... Когда же вспомнила о вечерѣ,—мною опять овладѣло то же самое чувство, когда я шла къ Неплюеву: какое-то желаніе, чтобы и внѣшность той, которая придетъ—не была бы ниже ея содержанія... Глупо это было, но побѣдить себя я не могла. Въ 10-мъ часу раздался звонокъ. Я вышла въ корридоръ... Матренушка отворила дверь и изъ нея показалась высокая брюнетка съ милымъ лицомъ.—«Знакомство такое оригинальное по письмамъ!» сказала она улыбаясь—и мы расцѣловались. Она быстро раздѣлась; мы вошли въ комнату...—Вы озябли? Давайте чай пить?—сказала я.—«Давайте!» Я тщательно разсматривала ее, всѣ мелочи ея туалета. И мнѣ понравилось, какъ она была одѣта: простое черное платье, далеко не новое, бѣлые воротнички и рукавчики, поясъ, черный галстукъ, небольшая шляпа. Вся она высокая, тонкая, граціозная, очень живая, съ очень симпатичнымъ лицомъ... Нѣтъ! она мнѣ рѣшительно начинала нравиться. Не помню теперь, съ чего у насъ начался разговоръ, кажется, съ писемъ... *).

Хуторъ Замостье, 15 августа. Невесело встрѣчать каждый новый годъ своей жизни съ сознаниемъ, что еще ничего не успѣла сдѣлать для другихъ, и еще не веселѣе—ясное сознание возможнаго запрещенія всякой дѣятельности. Позволятъ-ли мнѣ открыть школу безъ обязательнаго преподаванія «Закона Божія»? Конечно, нѣтъ. А итти на компромиссъ, я не пойду. Я слишкомъ долго и упорно считала себя «христіанкой» и «вѣрующей», — тѣмъ сильнѣе переломъ, и нельзя, переживая его, согласиться кривить совѣстью. Вспоминаю «Исповѣдь», которая произвела на меня такое сильное впечатлѣніе: она не пошла на компромиссъ, все оставила, всему подверглась, все перенесла. У меня, къ счастью, нѣтъ ни мужа, ни дѣтей, ни маленькихъ сестеръ, ни братьевъ, лишь нѣсколько старыхъ родственницъ, но если я при нихъ пойду въ церковь, то только потому, чтобы не подавать имъ повода врываться въ мою душу, и ничего не смысла, разбираться въ ней. Я—свободна. Отдаленность моей жизни отъ жизни

*) Въ оригиналѣ запись не окончена.

домашнихъ избавляетъ меня отъ подчиненія обрядамъ... и никому до этого нѣтъ дѣла...

Но вѣдь я уже на 4-мъ курсѣ; что-же будетъ дальше? — А дальше будетъ то, что моя дѣятельность на пользу народнаго образованія, къ которой я такъ стремилась, будетъ невозможна. О, до чего больно это сознание! До чего больно отказаться отъ мысли ѣхать въ глушь родной губерніи и открыть тамъ свою собственную школу! Что теперь дѣлать и какъ быть?

Для того, чтобы жить въ согласіи съ совѣстью, надо жить согласно своимъ убѣжденіямъ. Пусть другія легко относятся къ вопросамъ вѣры, пусть онѣ легко переносятъ официальное православіе—я не могу!!

Куда же итти мнѣ? Какъ мнѣ жить, чтобы соединить разумный смыслъ жизни съ убѣжденіями? Въ Россіи это съ трудомъ возможно лишь при полной матеріальной независимости. Педагогическій путь для меня закрытъ; будь у меня талантъ публициста, критика, ученаго—я могла бы писать... Но я не Добролюбовъ, не Писаревъ... не Соловьевъ, не Костомаровъ. Если бы у меня была власть! Цари счастливы и имъ можно завидовать только потому, что они могутъ сдѣлать добра болѣе, нежели простые смертные. Эмигрировать въ Америку? Л—тина рассказывала мнѣ о Тверскомъ, у котораго она жила въ Америкѣ три года—его дѣти воспитываются безъ всякой религіи.

Да, вышла я было на дорогу и думала пойти по ней уже безъ препятствій. Но спустился туманъ, и не вижу теперь—куда итти и должна ожидать, пока не разсѣется...

Черезъ годъ мнѣ будетъ 25 лѣтъ, и подумать, въ это время я уже окончу курсы! Чтобы остаться въ Россіи, я должна буду отказаться отъ своего желанія. Я вообще противъ пассивности, но иногда мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ этотъ послѣдній годъ со мной случилось что-либо такое, что опредѣлило бы мою участь помимо моего участія. Малодушіе!...

Я пріѣхала сюда къ Валѣ не надолго и вижу, что замужество приноситъ свои плоды: она не развивается такъ, какъ надо бы, и душа ея, не направляемая никѣмъ въ лучшую сторону — грубѣетъ. Больно видѣть все это! Больно видѣть и ея равнодушное отношеніе къ себѣ и ко мнѣ, къ моему желанію быть съ ней возможно ближе. Ну, что же? Вѣдь сама я все это, устроила, сама должна молча нести и послѣдствія своей ошибки. Сама виновата! Но Валя... неужели въ ней такъ-таки и нѣтъ ни искорки того огонька души, который можетъ разгорѣться яркимъ пламенемъ любви къ ближнему, правдѣ, добру? Неужели въ ней ни капли

нѣтъ чуткости душевной?... Если бы не было у нея дочки—за-логъ лучшаго—моему отчаянію не было бы границъ...

Ну, однако, надо жить! Глубоко въ сердцѣ затаено сознаніе роковой ошибки, плода своего легкомыслія и неразвитости,—а кто видитъ снаружи?

Пройдетъ лѣтъ 50—60, и что останется отъ насъ, отъ нашихъ страданій? Груда костей—и ничего больше. Точно ли ничего? Человѣчеству такъ свойственна вѣра въ безсмертіе души. Но я—человѣкъ безъ вѣры, не знающая конечной цѣли своего существованія—во что могу вѣрить? Безсмертіе пугаетъ меня своею вѣчностью, а мысль о конечномъ существованіи какъ-то еще не вяжется спорить съ привитой съ дѣтства идеей... И я запутываюсь въ противорѣчьи, и, подобно Заратустрѣ Ницше, восклицаю:

Гдѣ я найду теперь для жизни силы,
И какъ перенесу я иго смерти?!

Петербургъ, 22 сентября. Форстенъ началъ снова читать лекціи на нашемъ курсѣ (говорять, ему посовѣтовали не читать прошлый годъ по поводу одной исторіи), и намъ пришлось сразу перескочить отъ феодализма къ революціи. О немъ я слыхала самые симпатичные отзывы. Народу, разумѣется, набралось масса.—«О, какая у меня большая аудиторія! Никогда столько не бывало!»—воскликнулъ онъ, входя на кафедру. Раздался смѣхъ. Онъ какъ-то хлопнулъ себя по щекѣ, подперся рукою и покачивая головой—совсѣмъ какъ женщина изъ простонародья, повелъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія: «Господа, я не буду вамъ говорить вступительной рѣчи. Къ чему слова? А между тѣмъ, чаще всего именно во вступительной рѣчи вы услышите слова, слова и слова. Вспоминаю при этомъ отвѣтъ Гамлета Полонію: «И такъ, вмѣсто словъ, перейдемъ прямо къ дѣлу». Но такъ какъ сегодня составъ моей аудиторіи не совсѣмъ обычный, то я и считаю нужнымъ сначала сдѣлать нѣсколько указаній относительно теоретическихъ взглядовъ на исторію. Вы, конечно, знакомы съ такими воззрѣніями, какъ экономической матеріализмъ»...—такъ началась вступительная лекція.

А на другой день Гревсъ читалъ свою вступительную лекцію. Къ сожалѣнію, я не слыхала, что говорилъ онъ въ прошломъ году; кажется, объ его рѣчи писали въ газетахъ, кто-то ложно истолковалъ его рѣчь, о чемъ онъ и упомянулъ нынче, но все-таки, по обыкновенію, онъ считалъ своимъ долгомъ обращаться къ намъ передъ началомъ года съ привѣтственной рѣчью.

На этотъ разъ темою ея было человѣчество и его назначеніе—прогрессъ, и его основной факторъ—любовь къ истинѣ. Въ прогрессѣ замѣчается извѣстная планомѣрность и быстрота, которая создаетъ исторію человѣческихъ формъ. Человѣкъ есть *la problѣme finale, la grande cause de lois suprѣmes*, какъ говоритъ Ренанъ. Первенствующее значеніе мысли въ ходѣ прогресса: быстрота его въ области науки, гдѣ мысль свободна, и медленность его въ общественной жизни, гдѣ мысль болѣе стѣснена; успѣхъ прогресса зависитъ отъ проникновенія въ среду общества сознательности. Объединяющая работа знаній въ развитіи духа, Слова Божія: прогрессъ зависитъ отъ накопленія знаній, ихъ направленія и ширины круга, въ которомъ они вращаются. Сознательность ничтожна при непрерывномъ прогрессируваніи; она не устранитъ страданія, но дастъ власть надъ ощущеніями. Сознаніе даетъ дорогу прогрессу и власти его не будетъ конца. Необходима общественная солидарность, идеалы же могутъ мѣняться, смотря по потребностямъ и движенію. Таковы общія объективныя данныя программъ... Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ заниматься практически: будемъ изучать путь, по которому шло сознаніе и какъ оно побѣждало препятствія—иначе говоря, будутъ выдвинуты изъ исторіи силы прогресса. Но тутъ возникаетъ вопросъ: вѣчна ли эволюція духа? Гдѣ разовьется сознаніе послѣ жизни человѣчества? Въ другихъ мірахъ? Критическая философія говоритъ, что нѣтъ; но если отвѣтъ когда-нибудь будетъ возможенъ, то откроется пониманіе жизни. Только въ совершенствованіи интеллектуальномъ—залогъ будущаго; необходимо развитіе личности, оно освобождаетъ ее отъ рабства среды. При условіяхъ, въ которыхъ живетъ наша родина—она нуждается въ образованныхъ людяхъ, понявшихъ строй мірового процесса и современнаго, и умѣющихъ формулировать свои обязанности. Нравственность должна теперь первенствовать... «Въ настоящее время нужны: жизнь для другихъ и извѣстный запасъ альтруистическихъ эмоцій; наше общество нуждается въ такихъ интеллигентныхъ личностяхъ, какъ носящихъ элементы образованности и нравственности. Подрастающее поколѣніе обязано это понимать. Юношеству не достаетъ зрѣлости ума; развить въ себѣ этотъ факторъ—значитъ выработать въ себѣ образованность. Юноша способенъ къ умственному труду, къ созиданію міровозрѣнія, любитъ абстрактныя мысли и весь проникнуть идеализаціей. Умственный трудъ—есть общественное и нравственное призваніе человѣчества вообще и юношества въ частности. Только въ юности мы имѣемъ свободу отдаться умственному труду. Въ

этотъ моментъ невольно приходятъ на память образы людей, отдавшихъ умственному труду—Ренанъ является воплощеніемъ духовнаго начала. Назову здѣсь его сочиненіе «L'avenir de la science», въ которомъ такъ ясно выражается громадная вѣра въ науку—эта книга является примѣромъ торжества духовнаго начала въ жизни. Если даже юноша и не стремится посвятить себя наукѣ,—онъ долженъ посвятить себя серьезному умственному труду. Научныя занятія довершаютъ развитіе; въ умственной серьезной и научной работѣ крѣпнетъ и зрѣетъ душа. Я желалъ бы, милостивыя государыни, чтобы васъ охватилъ и развился въ васъ le frisson de la vérité, благоговѣйный трепетъ передъ истиной, къ которой мы всѣ должны стремиться. Въ заключеніе напомню вамъ рѣчь Зола о значеніи труда, произнесенную имъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ студенческой ассоціаціи въ Парижѣ: «на поприщѣ труда привѣтствую и я васъ, какъ будущихъ образованныхъ дѣятелей общества». По обыкновенію, послѣднія слова рѣчи покрыты были аплодисментами.

Вспоминаю я рѣчь его, сказанную три года назадъ, и что бы ни говорили, а эти вступительныя лекціи Гревса имѣютъ огромное значеніе для вступающихъ на курсы. Услышать хоть разъ такое объединяющее, такъ сказать, слово о значеніи науки въ жизни—очень и очень важно на первыхъ порахъ.

7 октября. Лекціи Шахова отличаются удивительной живостью слога. Онѣ увлекательно читаются помимо воли автора. Мастерскою рукою начерченныя картины встаютъ въ воображеніи—и кажется, что вы мгновенно обозрѣваете всю кипучую умственную жизнь эпохи, смѣна міросозерцаній проносится у васъ передъ глазами—и вы невольно поражены живостью книги, и не читаете, а глотаете ея страницы... Шатобрианъ и реакція, Ламменэ, Ламартинъ, Беранже, Ж. Зандъ и цѣлыя плеяды блестящихъ литературныхъ дѣятелей, прекрасно очерченныхъ рукою талантливаго историка литературы. Какъ много потеряла въ немъ наша наука! У Шахова—удивительное умѣнье обрисовывать историческое происхожденіе міросозерцанія дѣятелей литературы и анализировать почву, на которую падали ихъ идеи. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя характеристики отличаются краткостью, и нѣкоторыя лекціи—какъ бы поспѣшностью. Это, разумѣется, объясняется ограниченнымъ временемъ, которое онъ имѣлъ для своихъ лекцій. Таковы, напр., лекціи о Беранже.

Мастерской слогъ, умѣнье выражаться сжато, сильно и ясно, «въ немногихъ словахъ сказать многое»—напоминаютъ

Лапсона. вмѣстѣ съ изученіемъ французской литературы Шаховъ какъ бы усвоилъ себѣ и образцовый стиль ея лучшихъ представителей. Онъ писалъ по-русски такъ же, какъ французъ по-французски. О, если бы наши профессора могли позаимствовать у него хотя часть этого умѣнья излагать,—какъ бы выиграли наши лекціи въ интересѣ и содержательности! У Шахова нельзя выкинуть ни одной фразы; у большинства же нашихъ профессоровъ лекціи можно сократить вдвое, втрое—свободно, и рукою неопытнаго студента, и онѣ только отъ этого выиграютъ.

11 октября. Получила письмо отъ Тани; все оно—сплошная жалоба измученнаго существа. «Удивительно складывается моя жизнь: я не знаю ни одной полосы изъ нея, которую я могла бы благословить, отдохнуть воспоминаніемъ по ней. Вѣчное тяжелое ожиданіе, бессмысленная борьба за то, что принадлежитъ мнѣ по праву человѣка, полная нравственная отчужденность отъ семьи, дикое непониманіе меня, уродскія отношенія... Ну, да что говорить! Сама знаешь»...

Охъ, слишкомъ хорошо я это все знаю! Пожалуй лучше ея... Сама я переживала ужасное, что только можетъ пережить человѣкъ: въ пору юности, въ самую лучшую пору жизни, со слабою волею, съ сердцемъ, искавшимъ любви, съ умомъ хотя не развитымъ, но жаждавшимъ правды—я была такъ одинока, такъ беспомощна, до того путалась въ лабиринтъ своей жалкой жизни, что страшно и вспомнить... У Тани на всемъ ея страданіи лежитъ яркая полоса раздѣленнаго чувства, а у меня что!? И этого не было. Не сожалѣю я, что ни сама не испытала, ни ко мнѣ никто не испыталъ этого чувства. О томъ жалѣю я, что, будучи окружена сестрами и братьями,—ни я, ни они меня не умѣли любить истинной братской любовью и судьба не послала мнѣ человѣка, съ которымъ я могла бы отдохнуть душою... Видитъ Богъ (если есть Онъ), что не желаю я никогда испытывать любви, которая ведетъ къ браку, но до смерти я не перестану чувствовать неудовлетворенность сердца, ищущаго братской любви и дружбы,—это да! Право же все равно—мужчина или женщина,—только явился бы этотъ другъ, съ душою родственной, стоящей выше меня, и любящей меня такою, какою я есть, тонко, безъ словъ, понимая меня... О, какъ любила бы я его, съ какимъ счастьемъ ожидала бы я его прихода, чтобы вмѣстѣ склониться надъ книгой, вмѣстѣ разсуждать, вмѣстѣ стремиться къ правдѣ, искать истину,—а главное—въ которомъ я не боялась бы разочароваться, зная бы, что онъ не измѣнитъ своимъ убѣжденіямъ... Я жадно

искала его здѣсь на курсахъ, среди сотенъ женщинъ... Обыкновенная исторія—не нашла! Потому что я ищу душу необыкновенную, я это знаю, а большинство изъ насъ—все-таки простые люди. И нѣкоторыхъ я люблю, и очень люблю, но все-таки онѣ не могутъ мнѣ дать все, что мнѣ надо... Я готова быть ихъ другомъ, но знаю, что онѣ не смогутъ быть тѣми, потому что скажутъ: «ты требуешь слишкомъ много, я тебя не понимаю»—и отойдутъ, огорченныя... И чтобы не огорчать ихъ, я никогда ничего не говорю. Глубоко въ сердцѣ спрятала я эту потребность и никому не покажу никогда! Она во мнѣ живетъ и со мною умретъ! Я холодна и сухова на видъ,—тѣмъ лучше, никто не догадается.

Валя, Валя! Сестра, съ которой я сама же себя разлучила. Если бы ты была лучше сердцемъ и развитіе умомъ! Но жизнь таинственно отводитъ ее отъ меня, и кажется мнѣ, что рано или поздно я буду ей еще болѣе чужой. Таня—вѣчно несчастная, слабая, сама нуждающаяся въ поддержкѣ и скорѣе способная принимать любовь, нежели давать ее.

Эхъ, жизнь! «Жизнь невеселая, жизнь одинокая»,—какъ она пройдетъ?—Не знаю, но могу сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: «горько она, моя бѣдная, шла»... (потому что и въ самомъ дѣлѣ—въ жизни больше горя, чѣмъ радости). Но не хочу говорить—«и какъ степной огонекъ замерла»... Это напоминаетъ что-то слабое, безсильное въ борьбѣ. Нѣтъ, пусть ужъ лучше она какъ костеръ горитъ, пока не сгоритъ вся, или же пока не затушатъ другіе...

И вотъ я говорю это, а другой человекъ «благоразумный»—сидитъ и подсмѣивается:—Ишь, задоръ молодости!—Неизвѣстно еще, что ты сдѣлаешь... И все вы говорите, а вотъ какъ дѣло-то будете дѣлать?.. Пожалуй, замрешь и не только какъ степной огонекъ, а просто какъ зажженная спичка.

Ну, что-жъ? Докторъ Гаазъ былъ тоже одинокъ... Его великая по высотѣ душа несравнима съ моей, и поэтому онъ былъ еще болѣе одинокъ, однако нашелъ же онъ въ своемъ сердцѣ тотъ неизсякаемый источникъ любви, который освятилъ всю его жизнь. Я не могу, конечно, итти за нимъ, это—уже совершенство, а духъ мой слишкомъ мятежный, слишкомъ способенъ еще возмущаться и презирать. Но на одно я способна, въ этомъ я не ошибаюсь: я могу и буду любить широкую братскою любовью всѣхъ несчастныхъ нравственно, страдающихъ подъ гнетомъ жизни, непонимаемыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, кто подъ маскою спокойствія прячетъ душевное страданіе... И пусть они, въ свою очередь, не понимаютъ меня и относятся ко мнѣ равнодуш-

но, или не могут любить меня равною любовью—пусть! Я все-таки буду любить ихъ, и не отойду отъ нихъ, помня, какъ мнѣ тяжело было, какія минуты переживала, и... ко мнѣ никто не подошелъ!... Простить врагамъ—сколь угодно, я постоянно прощаю и отношусь къ нимъ вполнѣ равнодушно, иногда—съ сожалѣніемъ.

Итакъ,—вотъ къ чему я способна,—на любовь къ несчастію, на прощеніе врагамъ, но любить ихъ—у меня нѣтъ не только силы, но и не хватаетъ мыслительной способности, чтобы разумомъ объяснить себѣ это: у меня—любовь согласна съ его выводами, и поэтому и чувство гармонично. О, если бъ всю жизнь можно было построить на гармоніи разума и любви! Это былъ бы идеальный союзъ! Такъ вотъ и теперь: мнѣ жаль Таню, я безпокоюсь о ней,—она же совсѣмъ забываетъ обо мнѣ, поглощенная собою... Ну пусть! Бѣдное дитя! Если бы у нея была сила воли—выстоять твердо посреди бури, если бы она была рѣшительнѣе, а то даже досадно смотрѣть на нее, изъ-за чего она терпитъ столько? Въ 21 годъ она свободно можетъ уйти изъ семьи, однимъ могучимъ усиліемъ сбросить всѣ путы и уйти отъ нихъ, правда—нищей, но зато свободной!... Таня такъ любитъ Д—са, что и слушать не хочетъ о курсахъ... Эхъ, женщины!

А что въ самомъ дѣлѣ,—предложить бы мнѣ теперь на выборъ: не влюбленіе, конечно, а ту идеальную дружбу, о которой я мечтаю, или пожертвовать этимъ послѣднимъ годомъ ученія на курсахъ? Ни на минуту не колеблясь, все-таки выберу послѣднее. Знаю, что и здѣсь моя жизнь не такъ складывается, какъ надо бы, и здѣсь страданіе даетъ себя знать сквозь научную обстановку, но не отдамъ этого страданія ни за какое счастье, потому что здѣсь переживаю я лучшія минуты жизни—пробужденія и развитія сознательности... Оно насквозь проходитъ черезъ мою жизнь, но та боль, которую я испытываю при этомъ—спасительна: она порождаетъ во мнѣ новаго человѣка, и для меня по окончаніи курсовъ должна начаться дѣйствительно «vita nova». Какова-то будетъ она??

О, если бъ я могла теперь молиться! Какая бы пламенная молитва полетѣла къ небу за всѣхъ и за все... Но я уже не могу болѣе молиться.

Если бъ мнѣ данъ былъ даръ пѣсенъ—какая чудная возвышенная пѣснь любви вылилась бы у меня... Но мнѣ не дано этого дара...

Если бъ у меня былъ даръ слова—я вышла бы съ проповѣдью любви къ людямъ... Но мнѣ не дано дара слова...

Что же дано мнѣ? Что же дано мнѣ??!—У меня есть душа, есть воля, и если ничтожная единица можетъ тѣмъ, что она сдѣлаетъ—устранить хотя одну стомилліонную долю изъ всей суммы страданія,—пусть эта единица сдѣлаетъ, что подсказываетъ ей совѣсть...

13 октября. Какой неприятный день пришлось пережить сегодня! Недѣли двѣ назадъ я сдала въ редакцію «Міра Божія» мою замѣтку о школахъ и братствѣ Неплюева. Сегодня зашла за отвѣтомъ. Редакторъ, любезный и симпатичный господинъ, очень вѣжливо сказалъ:—«Нѣтъ, это не пойдетъ, рукопись можете получить теперь же». Я расписалась, взяла тетрадь и вышла. Мнѣ было очень досадно за свою наивность: развѣ можно было нести статью въ такой журналъ, да еще написанную такъ небрежно! Я предназначала ее для редакціи «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ часть неофициальную, и признаюсь, писала ее не очень-то заботясь о слогѣ,—ну и надо было отправить туда сразу, а не передумывать и не соваться съ извѣстной фізіономіей въ суконный рядъ. Вдобавокъ, въ самую послѣднюю минуту дернула меня нелегкая прибавить конецъ, который могъ быть принятъ за страшную тенденціозность (разговоръ съ марксисткой), за косвенную нападку на модное въ наше время ученіе... Счастье мое, право, что не напечатали замѣтки, а то потомъ стала бы сожалѣть. И сунуться въ такой журналъ,—ну могли ли ее помѣстить?! Конечно, нѣтъ, хотя печатаютъ безконечные романы Потапенки, но вѣдь то—все-таки имя, а тутъ дѣло идетъ о такомъ явленіи, которому врядъ ли можетъ симпатизировать прогрессивный во всѣхъ отношеніяхъ марксизмъ.

Теперь меня беретъ раздумье, посылать ли и въ «Ярославскія Губернскія Вѣдомости»? А ну, какъ и тамъ откажутъ? Тамъ слишкомъ консервативны, могутъ не пропустить... Чортъ возьми! Тогда—сожгу ее... Конечно, лучше бы обратиться за совѣтомъ къ профессору Шляпкину, но я не желаю въ данномъ случаѣ показаться неопытной, наивной, именно потому, что въ журналистикѣ я навсегда останусь таковой. А кому охота явно доказывать свою наивность?

Итакъ, я сама себѣ устроила эту неприятность. Другая же можетъ быть сопряжена еще и съ дальнѣйшими. Я задумала обратиться къ Лаппо-Данилевскому за совѣтомъ относительно занятій по русской исторіи. У насъ на курсахъ занятіе ею не представляетъ для меня никакого интереса. Платоновъ поставилъ на очередь власть Московскихъ государей и исторію церкви—пе-

рiодъ до раскола и самый расколъ при Никонѣ. Рефераты пишутъ исключительно по книгамъ, и получается гимназическая передача прочитаннаго. Въ обзорѣннiи отдѣла преподаванiя исторiи въ Университетѣ я прочла, что у Лаппо-Данилевскаго практическiя занятiя по систематикѣ социальныхъ явленiй и лекцiи по Исторiи русскаго общества въ XVIII в. Обдумавъ вмѣстѣ съ Юлинькой М. свой планъ, мы рѣшили обратиться къ нему съ просьбой дать рядъ рефератовъ по этому вопросу, пошли же къ этому профессору на основанiи слуха о его хорошемъ отношенiи къ студентамъ. Такъ и сдѣлали. Онъ выслушалъ насъ очень внимательно, объяснилъ, что рефератовъ собственно по Исторiи русскаго общества у него не назначено, а предложены практическiя занятiя со студентами по чтенiю «Жалованной Грамоты Дворянству». Однако, обѣщаль подумать и дать рядъ темъ. Я все время внимательно смотрѣла на его умное лицо; въ самой рѣчи, въ самыхъ вопросахъ его видно было серьезное отношенiе къ дѣлу, и я даже смутилась отъ невольна охватившаго меня дѣтскаго страха—вдругъ показаться передъ нимъ ничтожествомъ и невѣждою во всѣхъ отношенiяхъ... А онъ какъ будто и не замѣчалъ этого,—такъ же сосредоточенно-внимательно обдумывалъ что-то, спрашивая насъ, какой стороною исторiи русскаго общества XVIII в. хотимъ мы заниматься, и какъ ему поставить темы.

Юлинька осталась довольна приѣмомъ, но моя тревога только что начиналась: что то выйдетъ изъ всего этого? Найдемъ ли мы еще 3—4 человекъ, готовыхъ такъ же приняться за это дѣло, какъ мы, и если найдемъ, то сумѣемъ ли обработать какъ слѣдуетъ данныя темы? И какъ онъ отнесется: дастъ ли темы, и тѣмъ самымъ наши отношенiя съ нимъ окончатся, или же предложитъ слѣдить за рефератами? Послѣднее было бы такъ хорошо, что объ этомъ мы не смѣли и мечтать; и то хорошо, если темы дастъ. А вдругъ ничего не выйдетъ, потому что вся предшествующая историческая подготовка наша по русской исторiи сводится почти что къ нулю.

И что моя утренняя неудача въ сравненiи съ этимъ безпокойствомъ и страхомъ? Первая вполне заслужена и составляетъ мое личное дѣло, а тутъ—извольте видѣть... Но отъ безпокойства я уже болѣе не могу писать...

17 октября. Сегодня я получила отъ профессора темы, и мое смущенiе разсѣялось отъ его простого и серьезнаго отношенiя. Когда я уходила и онъ сказалъ, что за разъясненiемъ вопросовъ мы можемъ приходить къ нему по четвергамъ, отъ 7 до 8, мнѣ

показалось, что это такъ и должно, что это естественно вытекаетъ изъ нашего разговора.

Ну, теперь только начать заниматься!

19 октября. Только что вернулась отъ Маріи Петровны Мяс—вой. Мое отношеніе къ ней производитъ на меня неопредѣленное впечатлѣніе: иногда я въ глубинѣ души не довѣряю ей, мнѣ кажется, что она вовсе не такъ хорошо относится ко мнѣ, что я строю себѣ иллюзію,—и эти сомнѣнія иногда берутъ верхъ надъ моею привязанностью къ М. П. Она же каждый разъ встрѣчаетъ меня съ такою любовью, такъ искренно и задушевно говоритъ, что мои сомнѣнія невольно испаряются,—ея искренность дѣйствуетъ на меня, и я говорю съ нею тоже просто, безъ стѣсненія. И мнѣ теперь больно это сознание своей недовѣрчивости къ людямъ, вынесенной изъ тяжелаго опыта жизни: хотѣлось бы вѣрить человѣку, вѣрить болѣе, нежели себѣ самой... и—не можешь, а встрѣча съ Неплюевымъ подала мнѣ еще болѣе поводъ къ развитію въ себѣ этой осторожности... Она спрашиваетъ меня:—«вы любите меня?»—Что отвѣтить ей на это?—Я говорю—да, не имѣя возможности признаться ей въ своихъ сомнѣніяхъ. Но первое впечатлѣніе живетъ во мнѣ, и оно было, кажется, вѣрное: въ ней я нашла человѣка, душевно болѣе развитого, нежели всѣ, встрѣчаемые мною до сихъ поръ.

Сегодня мы говорили съ нею о религіи. Я откровенно рассказала ей свое душевное состояніе, переживаемое мною теперь, мое полнѣйшее отвращеніе и сознание полной невозможности итти на компромиссъ. Всею душою своею я чувствую полную пустоту въ своемъ сознаніи относительно этого вопроса... Гдѣ мой Богъ? Да и есть ли Онъ?! Уже старое зданіе рухнуло,—стоитъ ли строить новое? Не лучше ли выкинуть всѣ обломки и чисто вымести пустое мѣсто. Зданія-то вѣдь тоже не вѣчны. Допустимъ,—построишь и новое,—ну, и оно разрушится, такъ стѣитъ ли, стѣитъ ли? Ахъ, какое это странное ощущеніе... И я чувствую, что все это является независимо отъ состоянія нервовъ (ибо могутъ возразить, что у человѣка, страдающаго нейрастеніей, бываетъ состояніе и еще хуже); нѣтъ, очевидно, есть какое-то состояніе души, независимое отъ нервовъ, которое особенно ясно вырисовывается тогда, когда нервы успокоены. Я вотъ теперь и покойна, но на ряду съ этимъ спокойствіемъ живетъ и сознание пережитаго разгрома. Лишь иногда я чувствую какое-то облегченіе, доставляемое научнымъ изложеніемъ исторіи христіанства на ряду со всѣми другими религіями.

Итакъ, мы говорили съ М. П. о религіи. Она воодушевилась, объясняя мнѣ, какъ надо понимать воскресеніе мертвыхъ, но съ непривычки къ такимъ толкованіямъ, они показались мнѣ запутанными и темными. Для меня гораздо понятнѣе было старое, знакомое толкованіе церкви, а не это—символическое, образное,—и не знаю какое. Но вотъ, что мнѣ стало ясно изъ ея разговоровъ: свободное религіозное движеніе есть и у насъ, и въ Европѣ, оно идетъ само собою, становится иногда независимо отъ церкви (въ обыкновенномъ разговорномъ смыслѣ слова), священное писаніе изучается и истолковывается людьми,—иногда очень образованными,—истолковывается свободно. Стремясь къ духу, эти люди, конечно, иначе смотрятъ на многія обрядности, доселѣ удерживаемыя церковью. Словомъ—какъ будто воскресло вновь то далекое время—первыхъ вѣковъ христіанства, о которомъ я такъ еще недавно читала въ лекціяхъ Гревса.

Удивителенъ ходъ исторіи! Время паденія язычества ознаменовалось особеннымъ настроеніемъ мыслящихъ умовъ и образованнаго общества: восточные культы получили необычайное развитіе, чувствовалось какое-то особенное религіозное исканіе истины... А въ наше время? Возьмемъ Парижъ, этотъ современный Римъ. Тамъ тоже развивается масса всевозможныхъ культовъ, устраиваются всякія тайныя общества и собранія. Недавно, въ романѣ Гнѣдича «Ноша міра сего» (журн. «Недѣля»), я прочла описаніе сборища поклонниковъ какого-то культа, и меня глубоко возмутило зрѣлище циничныхъ картинъ, которыми сопровождалось своеобразное «служеніе»; читала я также о книгѣ Гюисманса «Là-bas» и убѣдилась, что очень многія черты жизни современнаго Парижа напоминаютъ намъ Римъ передъ паденіемъ язычества. Здѣсь же, въ Петербургѣ, живетъ около 200 человекъ буддистовъ, и Горемыкинъ разрѣшилъ выстроить буддистскую молельню...

Появившееся христіанство озарило умы только блескомъ и, по виду,—побѣдило древній міръ. Но, едва оно стало государственной религіей—оно начало падать... Высокая идея братской любви и единенія, воодушевлявшая первыхъ христіанъ—исчезла, религія была признана государствомъ какъ извѣстное міровоззрѣніе, объединявшее подданныхъ, склонявшее ихъ къ повиновенію, освященному религіей. Это было выгодно для государства, но не для религіи.

Прошли вѣка... На востокѣ медленно и постепенно, рядомъ политическихъ системъ русскихъ правителей создавалось православіе, но у насъ не было такой борьбы между духовною и свѣт-

скою властью, какъ на Западѣ, чему не мало способствовало, по моему убѣжденію, безправное состояніе и убогій складъ жизни нашего духовенства. Религія, разъ приспособленная къ государству, не могла уже развиваться свободно, мало того,—государственные тенденціи заразительно дѣйствовали на духовенство, которое, въ свою очередь, старалось приспособить ее къ своимъ личнымъ цѣлямъ, и въ концѣ концовъ ему удалось—таки создать католицизмъ, и государству пришлось бороться съ этой государственной системой. *Philosophia est ancilla theologiae*—твердили схоласты, служители же церкви на дѣлѣ доказывали, что эта «госпожа» есть въ свою очередь и служанка ихъ политики. Протестанство возникло какъ протестъ противъ этой искаженной религіи, но и оно въ самомъ себѣ носило зачатки ея искаженія.

И такая «христіанская религія» въ течение столѣтій распространялась по всему міру. Въ концѣ концовъ—правдивый судъ исторіи призналъ ея несостоятельность, и съ развитіемъ сознательности въ массахъ—она всюду рушится, несмотря на отчаянныя усилія правительствъ поддерживать ее. На Западѣ—Франція революціей отвоевала себѣ свободу совѣсти; у насъ, къ несчастью, эта несвобода при современномъ умственномъ уровнѣ интеллигенціи ведетъ только къ нравственному разврату, къ развитію привычки лицемѣрить, и—что всего опаснѣй—къ равнодушію общества по отношенію этой привычки: лгутъ сначала безсознательно, потомъ лгутъ сознательно по отношенію къ религіи и, привыкнувъ кривить душою въ этомъ отношеніи, интеллигентъ кривить и по отношенію къ обществу и государству. Крича на студенческой скамьѣ либеральныя рѣчи,—они потомъ становятся самыми мирными гражданами.

Если прослѣдить весь ходъ христіанской религіи, то окажется, что ей приносить вредъ непосредственное ея огосударствленіе, если можно такъ выразиться: она не можетъ быть безъ искаженія учрежденіемъ государственнымъ, и въ то же время, не будучи зависимой отъ государства—она настолько же разрушительна для устоевъ современнаго государства, какъ оказалась разрушительною для римской имперіи. Какъ же выйти изъ этого конфликта? Системы религіи чрезвычайно удобны для современнаго государства; христіанская религія разрушаетъ его устои. Въ какихъ же отношеніяхъ должны находиться между собою государство и религія? «Это дѣло личной совѣсти cadaго»—говорятъ спокойно всѣ тѣ, которые не задумываются глубже. Да, если религія формальна—то нѣчего заботиться. Но... если суждено когда-нибудь воскреснуть первымъ днѣмъ христіанства—то госу-

дарство не можетъ такъ спокойно отнестись къ этому «дѣлу личной совѣсти каждаго»...

27 октября. Читая о спорахъ западниковъ и славянофиловъ—въ наше время невольно поражаешься узостью ихъ историческаго горизонта. Теперь даже какъ-то странно вообразить, что было же время, когда возможны были такія партіи. Отрицаніе всей исторіи Западной Европы со стороны славянофиловъ, отрицательное отношеніе къ русской исторіи со стороны западниковъ—это ли не односторонность, это ли не узость мысли?! А между тѣмъ—на эти два лагеря разбился цвѣтъ тогдашней интеллигенціи!

Только изученіе исторіи—помогаетъ намъ расширить свои воззрѣнія на русскій народъ; только съ развитіемъ исторической науки стали невозможны такія крайности,—до того невозможны, что даже мысль о нихъ—смѣшна.

Въ наше время, соотвѣтственно увлеченію политической экономіей,—выступили марксисты и народники. Въ ихъ спорахъ повторяется вновь то же отношеніе, какъ и въ спорахъ славянофила съ западникомъ: взаимное отрицаніе и неумѣренный восторгъ передъ своими идеалами, преклоненіе передъ ихъ реальнымъ осуществленіемъ... Народникъ—готовъ молиться на общину, марксистъ — на фабрику. Марксисты побѣдоносно указываютъ на З. Европу; народники съ ужасомъ отъ нея отрицаются. И опять-таки—ни тѣ, ни другіе не правы.

Исторія покажетъ намъ, что и фабрики, и земледѣліе равно необходимы для Россіи; а постепенное физическое вырожденіе народа при фабричныхъ работахъ доказываетъ, какъ жестокъ идеалъ марксистовъ—обращеніе народной массы въ рабочій пролетаріатъ. Будемъ надѣяться, что эта идея—зависимости духовнаго роста народа отъ его физическаго благосостоянія—постепенно будетъ проникать въ умы,—и тогда можно надѣяться на появленіе законовъ, ограждающихъ рабочихъ отъ эксплуатаціи въ бѣльшихъ размѣрахъ, нежели это сдѣлано доселѣ; а равно на появленіе законовъ, ограждающихъ земельную общину въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ она дѣйствительно полезна. Если же она разлагается—то никакая правительственная регламентація не спасетъ ее отъ гибели: законы безсильны передъ экономической необходимостью.

Подобно тому, какъ были общія черты между славянофилами и западниками—онѣ есть и между народниками и марксистами: всѣ четыре партіи думали и думаютъ о русскомъ народѣ, но каждая съ своего конца.

(Во время чтенія книги Вѣтринскаго: «Грановскій и его время»).

30 октября. Вечеромъ дома—одна... Получила письмо отъ брата Володи. Страшно скучаетъ и съ тоскою спрашиваетъ: «да когда же мы, наконецъ, всѣ съѣдемся?» Не люблю я вспоминать о прошломъ, но сегодня эта фраза напомнила нечаянно о немъ, и стала вспоминать, что было въ это время 4 года тому назадъ— послѣдній годъ, когда мы были всѣ вмѣстѣ... Что-жъ такое было въ тѣ дни? Ба, помню, помню!—Свадьба Кати... И она уже умерла нынче лѣтомъ. Должно быть занимательность жизни состоитъ въ томъ, что люди не знаютъ будущаго. Вотъ я, напр., была увѣрена, что во всѣ 4 года моей жизни дома ничего особеннаго не случится, но оно случилось, хотя и не со мною, но задѣвши меня, и какъ разъ въ послѣдній годъ моего пребыванія дома. Поступая сюда, я была вполне увѣрена, что и эти годы пройдутъ такъ же, ничего особеннаго не случится; — вѣрно, по внѣшности — ничего особеннаго не случилось, но зато во мнѣ перемѣнилось три разныхъ человѣка, одинъ за другимъ. Я рассчитала устроить свою жизнь по разъ намѣченному плану—случилось то, что и планъ-то мой исчезъ и что теперь дѣлать, не знаю... Въ ужасѣ передъ будущимъ,—я вижу все свое спасеніе нынѣшній годъ—взалерти, съ головой въ занятіяхъ! Чтобы ни минуты не оставалось для души! Кантъ, Аристотель, исторія русская, исторія новѣйшая, даже грамматика польская, литература—мнѣ все-равно, все-равно—лишь бы не думать, не смотрѣть впередъ... Что скажутъ всѣ мои? Что скажутъ Валя, Надя? Суда сестеръ и братьевъ я боюсь болѣе суда другихъ, хотя именно они-то и не поймутъ меня, но я люблю ихъ и такъ жаль, что я, на зарѣ ихъ жизни, не могу служить имъ примѣромъ, не могу открыть школы, не могу ни учить, ни воспитывать дѣтей...

О, какое это мученіе—сознавать, что я, единица,—безсильна предъ ходомъ исторіи... Пройдетъ, быть можетъ, еще сто лѣтъ,—и мы только тогда добьемся свободы во всѣхъ отношеніяхъ, добьемся и свободы совѣсти... А теперь—учительница съ свободными убѣжденіями немыслима ни въ какой школѣ... И лучше бы мнѣ не сживаться съ этою мечтою, лучше бы не имѣть ея никогда!

Что же дѣлать теперь?!... Какъ-то мы говорили съ Маней П. о нашей будущности. Она готовится быть учительницей, и я сказала ей, что не чувствую себя въ силахъ примириться съ «положеніемъ дѣла» и не пойду въ школу... Она помолчала.—«Хорошо такъ говорить обезпеченнымъ людямъ, какъ ты; проливая

слезы, говорить: «я не въ состояніи итти противъ моихъ убѣжденій». А вотъ у Лизы З. мать да больной братъ на рукахъ; она тоже ни во что это не вѣритъ, а окончить курсы—откроетъ прогимназію въ Тюмени... Надо же жить!»

Но будь у меня двѣ старухи-матери и два больныхъ брата,—кажется, скорѣе продалась бы, если бъ не смогла заработать средствъ для ихъ содержанія какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ учительскаго.

Не поѣду домой на праздники,—слишкомъ тяжело кривить душой... Я для всѣхъ своихъ, для знакомыхъ—все еще та же, по-прежнему «православная», чтобы не дать имъ повода прежде времени врываться въ мою душу, врываться грубо со своей слѣпой правдой жизни, съ отупѣвшими отъ религіознаго недоумѣнія глазами... Нѣтъ,—пока я для нихъ буду играть комедію и останусь здѣсь совершенно спокойная, благо занятій—бездна.

Какъ я люблю мою бабушку Елизавету Александровну! Какой ударъ былъ бы для старушки узнать, что ея Лиза, ея любимая внучка—не признаетъ того, что для нея во всю ея семидесятилѣтнюю жизнь было такою же непреложною истиною, какъ ея собственное существованіе!

Теперь я точно стала жить новой жизнью... Четыре года назадъ!... Катя умерла... во мнѣ тоже умерло многое... А вѣдь, вотъ живу же... и къ чему? Такъ,—должно быть судьба распоряжается людьми, какъ мы своими вещами: однихъ безжалостно выбрасываетъ за бортъ, другихъ—будто бережетъ «на всякій случай». Ужъ я ли не бесполезное существо?!

8 ноября. Надо отмѣтить тотъ день, когда мы рѣшились говорить съ профессоромъ, относительно практическихъ занятій по новой исторіи. Тщетно висѣло на курсахъ его объявленіе, призывающее заниматься,—записалось лишь 4 человекъ, да я пятая. И уже раскаивались же мы! Это ужасъ, что за деревенщина! Въ-сто того, чтобы объяснить намъ въ двухъ-трехъ словахъ, какъ у него идетъ дѣло въ университетѣ, профессоръ рассказывалъ намъ объ этомъ цѣлыхъ полчаса, говорилъ скучно и монотонно, шутилъ неостроумно и плоско. Мы слушали все это съ крайнимъ негодованіемъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, принялись за темы. Онъ желалъ, чтобы занятія носили аналитическій характеръ, и я была съ нимъ согласна, но всѣ наши почему-то избрали темы исторіографическаго характера, остановившись на политическихъ козняхъ во Франціи 1814—1830 гг. Тема показалась мнѣ неинтересной, неумолкаемое говоренье профессора невыноси-

мымъ, и я готова была сбѣжать изъ инспекторской, гдѣ происходили переговоры. Наконецъ—кончили, онъ вышелъ. Мы вскочили съ мѣстъ и очумѣло поглядывали другъ на друга; прошло нѣсколько секундъ, пока мы оправались отъ впечатлѣнія этого совѣщанья. — «Да ужъ не отказаться ли, господа?» — предложила одна, но мы не хотѣли. Теперь оставалось только взять книги и по силѣ начать излагать исторію политическихъ партій.

Въ эту недѣлю, переѣхавъ на другую квартиру, устроилась одна, и очень довольна. Тяжело было бы мнѣ жить долѣе съ Маней П., потому что встать слишкомъ близко къ человѣку тоже, иной разъ, нехорошо: размотришь его всего и, къ сожалѣнію, все дурное яснѣе увидишь. Безхарактерность и вліяніе кружка портитъ Маню; съ виду она, какъ будто, менѣе обыкновенна моею Вали; по окончаніи же курсовъ выйдетъ замужъ за своего жениха, который давно за нею ухаживаетъ. И только... «Но грустно думать», что за всѣ мои годы пребыванія здѣсь, я ни съ кѣмъ не сошлась ближе, чѣмъ съ Маней, оказавшейся въ концѣ концовъ такъ чуждой мнѣ по духу, и тѣмъ не менѣе единственная, съ которой я на «ты». Я знаю, что она меня искренно любитъ, и я люблю ее, какъ молодого хорошаго товарища, но... какъ до звѣзды небесной далеки эти дружественныя отношенія отъ полной дружбы. Кто въ этомъ виноватъ? Конечно, сама: «на ловца и звѣрь бѣжитъ»,—плохой, значитъ, я ловецъ! На курсахъ я совсѣмъ одинока, и не потому, что трудно сходилась бы съ людьми,—но люди оказываются не такими, какими бы я могла быть удовлетворена. Я буду всегда относиться къ нимъ хорошо, и они никогда не узнаютъ, до чего они не удовлетворяютъ меня...

Была въ воскресенье со знакомымъ художникомъ и Шуркой на ученической выставкѣ въ Академіи Художествъ. Впечатлѣніе получилось очень неопредѣленное; только на общемъ туманномъ фонѣ ярко вырисовывались прелестные пейзажи Федоровича (ученикъ Киселева), Розанова (ученикъ Рѣпина), «Земская больница» и «Утѣшеніе» Попова. Казаковъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Маковского, ѣдетъ за границу, выставивъ прекрасную картину. Необыкновенно хорошъ пейзажъ Федоровича: въ немъ соединяются тонкость работы съ живостью передачи. Картины не замазаны, но и не модной нынче манерой—грубыми мазками написаны, а живость такая, что не отойдешь; отъ всякой картинки такъ и вѣетъ тишиной, миромъ, поэзіей природы. Тутъ уголокъ сада, тамъ старинная лѣстница, здѣсь кусочекъ газона съ цвѣтами,—и все это такъ очаровательно прекрасно, такъ глубоко вѣр-

но изображено... Ему предстоитъ будущность, если онъ пойдетъ и дальше въ томъ же направленіи.

22 ноября. Вчера былъ у насъ актъ. Обычное чтеніе отчета и рѣчь Котляревскаго о значеніи философскаго ученія гр. Толстого, прочтенная съ обычнымъ искусствомъ, красиво, но въ то же время и просто. Съ чувствомъ удовлетворенія національнаго самолюбія отмѣтивъ о вниманіи всей Западной Европы къ нашему писателю, особенно выразившемся ко дню 70-лѣтняго юбилея, профессоръ перешелъ къ выясненію его значенія для исторіи русской мысли. Онъ говорилъ о вліяніи Л. Толстого какъ моралиста, которое въ будущемъ несомнѣнно отодвинетъ на второй планъ славу его, какъ романиста. Сравнивая его съ Ж. Ж. Руссо, онъ ставилъ вопросъ: своевременно ли появилось его ученіе? Отвѣтъ будетъ утвердительный. На границѣ двухъ вѣковъ, переживъ послѣ прошлаго вѣка разочарованіе въ принципахъ разума, придя въ срединѣ къ утвержденію необходимости чувствъ гуманности,—мы увидѣли, что оно въ послѣднее время какъ-то потускнѣло подѣ меркантильными стремленіями общества. И въ это-то самое время раздался голосъ великаго писателя—и нарушилъ покой этого общества не только у насъ, но и въ Европѣ. Его философская система, подобно системѣ Ж. Ж. Руссо—полна ошибокъ, несвободна отъ противорѣчій,—и поэтому вызвала массу возраженій. Но это доказываетъ только, что надъ нею думаютъ, что она не проходитъ безслѣдно. И безспорно, историкъ будущаго, въ исторіи движенія русской мысли конца вѣка, на первомъ планѣ поставитъ Толстого.—Вотъ вкратцѣ содержаніе этой рѣчи. На актѣ присутствовалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, профессоръ Звѣревъ, встрѣченный директоромъ съ распорядительницей, слушательницей перваго курса П—вской, изящно и модно одѣтой дѣвицей, которая должна была наглядно доказать г. товарищу министра избитую истину: наука не вліяетъ на внѣшность (насмѣшка не совсѣмъ хорошая съ моей стороны).

Вечеромъ на курсахъ состоялась обычная вечеринка съ концертомъ въ пользу кассъ всѣхъ 4-хъ курсовъ. Большинство профессоровъ нашего факультета отсутствовало... У меня, какъ всегда, не было ни одного знакомаго студента-университета. Послѣ наверху бѣшено танцовали; по обыкновенію нашлись охотники поглазѣть на такое вовсе не художественное зрѣлище, происходящее на маленькомъ пространствѣ и къ тому же среди самой простой обстановки. Я потолкалась въ толпѣ, поговорила съ од-

ной-другой товаркой,—скучали. Студенты, у которыхъ не было своихъ знакомыхъ курсистокъ, тоже стояли группами, не подходя къ намъ. Чувствовалась разрозненность между незнакомыми.

Только въ третьей аудиторіи раздавались голоса студентовъ, и она была биткомъ набита народомъ. Я съ трудомъ протолкалась, но не могла вынести духоты и опять вышла. Студентъ кричалъ, какой изъ двухъ вопросовъ поставить на обсужденіе: о разрозненности среди студентовъ или о томъ, какъ помочь голодающимъ? Толпа закричала «послѣдній!» Далѣе я ничего не слышала, кромѣ отрывочныхъ словъ, произносимыхъ задыхающимся голосомъ... Я выбралась изъ аудиторіи въ корридоръ. Эхъ, вы, умники! Положимъ, что стремленіе помочь голодающимъ—благородное, но въ пылу молодости вы не замѣтили неразрѣшимости для васъ этого вопроса, и упустили первый, о которомъ можно бы было поговорить съ пользой.

Я наблюдала все время за присутствующими. Тѣ, у которыхъ были свои знакомые, были веселы и оживленны, а кто не имѣлъ, тому вовсе не было весело.—Казалось бы, чего лучше? Вы—студенты, мы—курсистки, между нами должно быть общее, должно быть единеніе, простота отношеній, живые разговоры, живой обмѣнъ мыслей. А между тѣмъ—вы стоите у стѣнъ, не рѣшаясь подойти къ намъ, не будучи «представленными», мы—стоимъ у другой стѣнки и тоже не рѣшаемся начать разговоръ первыя. Такое ли отношеніе естественно? Господа, если твердить о братствѣ,—такъ отчего же намъ, хоть на эти годы, на студенческой скамьѣ не осуществить, пока есть возможность, братскія отношенія?...—«Ахъ, какъ скучно!» твердила Б., бродя со мною по залѣ. Мнѣ тоже не было особенно весело... Почему бы намъ не собраться нѣсколькимъ курсисткамъ вмѣстѣ со студентами и не поговорить, какъ добрые товарищи? Я попробовала было бросить эту мысль Б., и указать ей на одного студента, извѣстнаго мнѣ словесника,—вотъ, говорю, пойдѣмъ, познакомимся, навѣрное у насъ найдется общая тема для разговора; онъ малый простой, его знаютъ наши, кто изъ Воронежа. Б. замаялась.—«Ахъ, нѣтъ... я не рѣшусь никогда, онъ мнѣ не знакомъ», и она даже ушла въ залъ, оставивъ меня одну въ корридорѣ. Я, однако, упряма. А, ну, думаю, попробую его спросить хоть что-нибудь.—Скажите, профессоръ Шляпкинъ въ Петербургѣ или нѣтъ?—«Не знаю»,—былъ односложный отвѣтъ, хотя студентъ былъ его ученикомъ. Я рѣшила не продолжать разговора далѣе, характерная односложность сразу охладила меня. Нельзя, конечно, судить его по такому отвѣту, но если бы онъ хотѣлъ съ полуслова понять

меня, то сейчас же могъ завести разговоръ, а онъ и не подумалъ поддержать его. Я отошла и рѣшила остатокъ вечера употребить на маленькія дѣлишки, на переговоры со знакомыми товарищами о кое-какихъ незначительныхъ мелочахъ; наконецъ, въ 2 часа ушла домой съ Шуркой..

Такъ,—виноваты во всемъ сами мы, и поэтому никакъ нельзя сказать,—весело ли было на вечерѣ, или нѣтъ.

5 декабря. Вечеромъ я была у А—выхъ, гдѣ Н. Н. Неплюевъ читалъ свои статьи, подготовленныя къ конгрессу единого человечества, который долженъ состояться въ 1900 году во время Парижской выставки. Н. Н. читалъ отчасти уже знакомыя мнѣ статьи о силѣ и значеніи любви. Есть у него немного рѣжущія ухо выраженія—«сладкіе пирожки жизни», попадаются невѣрныя мысли, вродѣ понятія «безсистемной благотворительности». Очевидно, онъ знакомъ съ тою петербургскою благотворительностью, которою, скуки ради, занимаются дамы-патронессы, въ средѣ которыхъ она является дѣломъ развлеченія, пріятнымъ и легкимъ.

По этому поводу мнѣ невольно вспомнилось недавнее собраніе у Ольги Константиновны Н. Въ прекрасно убранной комнатѣ, уютной и ярко освѣщенной, сидѣли за столомъ нарядныя дамы и разсуждали о вечерѣ въ пользу бѣдныхъ курсистокъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сверкали брилліанты, шелестѣлъ шелкъ,—и подъ шумокъ веселаго разговора, казалось, здѣсь была такая пріятная жизнь, полная благотворительнаго развлеченія, что душа, умъ, мысли, чувства, все точно убаюкивалось на мягкихъ рессорахъ жизненнаго экипажа... ѣхать такъ удобно, спать можно такъ пріятно! И Н. Н. знакомъ именно съ этой благотворительностью. А между тѣмъ—есть такія добрыя дѣла, совершаемыя тихо, незамѣтно, что отрицать ихъ всѣ подъ флагомъ «безсистемной благотворительности» невозможно. Объ этомъ дорогой я долго говорила со знакомымъ профессоромъ.

Послѣ чтенія статей, въ короткой бесѣдѣ съ Н. Н. я узнала отъ него нѣкоторыя интересныя извѣстія: въ Москвѣ образуется кружокъ друзей мира и любви въ средѣ Московскаго университета, ректоръ котораго, проф. Некрасовъ, очень сочувственно отнесся къ этому движенію. Но зато какъ же несочувственно отнеслись къ нему представители духовенства, и между ними проф. богословія въ университетѣ: они никакъ не могли понять, что возможно единеніе между вѣрующими и невѣрующими на почвѣ любви. «Какая любовь? Не надо любви! Надо исполненіе долга!»

Наконецъ, кружокъ нашель подходящаго священника (присутствіе котораго на своихъ собраніяхъ считаютъ необходимымъ для того, чтобы ихъ не заподозрили въ сектанствѣ), который пошелъ въ священники по призванію.

Еще утромъ я получила письмо отъ Маріи Петровны съ извѣстіемъ, что статья моя о братствѣ напечатана въ «Русскомъ Трудѣ», а вечеромъ, здѣсь, она встрѣтила меня похвалою статьѣ, увѣряя, что редакція осталась очень довольна ею. Н. Н., зайдя ко мнѣ, тоже сказывалъ, что въ «Новостяхъ» была уже приведена искаженная выдержка изъ нея... Я тотчасъ бѣгу въ кабинетъ для чтенія въ д. Дервиза, отыскиваю «Новости»—да, статья была точно моя, и удивляюсь, отчего же редакція не извѣстила меня?... Какимъ путемъ многіе въ этотъ же вечеръ узнали, что я знакома съ этой редакціей—для меня загадка: я и статью-то послала туда анонимно, за подписью Х***. И странно было мнѣ слышать вопросы: «Ваша это статья?» Мнѣ казалось даже какъ-то неловко отвѣчать на этотъ вопросъ*).

6 декабря. Вернусь къ предыдущему.

Общество у А—выхъ собралось по большей части женское. Въ углу гостиной скромно сѣлъ одинъ изъ членовъ братства, рядомъ со студентомъ В.-Медицинской Академіи; должно быть, это былъ Б., основатель подобнаго же кружка въ Петербургѣ. (Н. Н. рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ на собраніяхъ этого кружка и нашель, что онъ устроенъ очень неудачно; мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ этимъ кружкомъ, да какъ-то не пришлось). Дамы всѣхъ возрастовъ толпились около Н. Н. и взирали на него не то съ уваженіемъ, не то съ умиленіемъ. Слышался французскій разговоръ... Признаюсь, мнѣ было немножко смѣшно... также страннымъ казалось и то, что лакеи разносили чай въ промежуткѣ... христіанская любовь и... лакеи... Интересно бы знать, сколько часовъ работали они передъ тѣмъ, какъ разносить здѣсь чай... Въ залѣ раздавались слова любви, а снаружи слышались выстрѣлы: въ Галерной Гавани было опять наводненіе.

И мнѣ хотѣлось встать и сказать: «во имя любви—пойдемте туда, въ эти подвалы, помогать бѣднякамъ». Никто бы не пошелъ, и я нарочно не разговаривала съ Неплюевымъ, пока онъ стоялъ, окруженный дамами...

Эхъ! Вотъ что значить принадлежать къ извѣстному кругу!

*) См. «Школы и братство Н. Н. Неплюева», Х***, газ. «Русскій Трудъ», изд. С. Шарапова, № 47 и 48, 1898 г.

Дамы, милыя свѣтскія дамы, окружили Н. Н. и смотрѣли на него чуть ли не съ благоговѣніемъ.—«Точно на о. Іоанна Кронштадтскаго»—шепнулъ мнѣ незамѣтно подошедшій профессоръ.

8 декабря.

Слова и Дѣло.

Какъ-то вечеромъ, въ гостиной
Говорили о прекрасныхъ,
О возвышенныхъ идеяхъ,
О любви, народовъ братствѣ;
Говорили много, долго,
Дамы даже прослезились,
И ораторы довольны,
Что сердца такъ умилились.
«Ахъ, любовь и братство! Эти
Двѣ идеи такъ прекрасны!...»
Въ это время вдругъ раздался
Выстрѣлъ; смыслъ его былъ ясный.
И сказала я имъ: братья!
Вѣдь въ Галерной наводненье!
Поспѣшимъ помочь!—Въ глазахъ всѣхъ
Я прочла лишь—изумленье.

Разъ у дамы-патронессы
Собрались на засѣданье,
И о средствахъ для пріюта
Шло серьезно совѣщанье.
Я сказала: можно сразу
Выйти вамъ изъ затрудненья:
Вы бы продали брильянты!
—Дамы—въ столбъ отъ изумленья.

Разъ на вечерѣ студентовъ
Популярный литераторъ
Влѣзъ на стулъ, и эдакъ громко:
«Господа, я—не ораторъ,
Рѣчь моя привлечь не можетъ
Внѣшней прелестью искусства;
Въ ней одно лишь ясно будетъ—
Сила искренности чувства...
Молодежь! Въ порывѣ сердца,

Здѣсь, среди своихъ собратій,
Вспомнимъ русскую деревню,
Вспомните о младшемъ братѣ!
Средь полей необозримыхъ,
Бѣлымъ саваномъ покрытыхъ,
Чуть виднѣются избушки
Нашихъ братьевъ позабытыхъ...
Да, мы ихъ забыли! Мало
Мы сегодня говорили
О народѣ, его нуждахъ,—
Всѣхъ вопросовъ не рѣшили!»
Молодежь рукоплескаетъ,
Стонъ стоитъ въ огромномъ залѣ...
Я подумала немного:
«Братья, такъ я имъ сказала,
Если вспомнить о народѣ—
Надо вспомнить о прислугѣ,
Та же бѣдность заставляетъ
Мужичковъ итти къ намъ въ слуги.
Фабриканты не гуманны,
Мы за то ихъ осуждаемъ...
А сейчасъ, мы развѣ меньше
Слугъ работать заставляемъ?
Мы кричимъ о гуманизмѣ...
Истомленные лакеи
Между тѣмъ снуютъ межъ нами
Словно Дантовскія тѣни.
Этотъ вечеръ—день рабочій,
Сократить его—мы можемъ,
И своимъ поступкомъ добрый
Починъ дѣлу мы положимъ».
Тихо въ залѣ... всѣ молчали...
Хоть бы слово одобренья!
Но въ глазахъ вблизи стоявшихъ
Я читала... изумленье.

Мефистофель! ты спокойно
Можешь царствовать надъ міромъ;
Всѣ идеи безопасны,
Пока «я» для насъ кумиромъ.

25 декабря. Ну, вотъ насталь «праздникъ ощущенія», по вы-

раженію Н. Н. Неплюева, праздникъ желудка, праздникъ глазъ, ушей—чего угодно, только не духа.

Хозяевъ и прислуги нѣтъ дома, и я спѣшу наслаждаться минутами полнѣйшей тишины, когда лучше думается... Наконецъ-то я выработала въ себѣ силу переносить одиночество; нынѣшній годъ иду бодро по дорогѣ, но какъ и всегда—живу двойственною, а иногда и тройственною жизнью. Послѣдняя является лишь тогда, когда надо приспособляться къ людямъ, вовсе мнѣ чуждымъ, а двойственная—всегда и вездѣ со мною: одна—на людяхъ, съ которыми приходится постоянно жить, а другая—для тѣхъ минутъ, когда остаюсь наединѣ сама съ собою... Это случается рѣдко: то я читаю, то пишу рефератъ, словомъ, стараюсь не думать, ни о чемъ не думать, а всего менѣе—объ ожидающей меня будущности. Теперь я лучше отношусь къ людямъ, чѣмъ прежде, но что же за голосъ вѣчно твердить мнѣ: «все это не то, не то, не то!» Когда я сталкиваюсь съ людьми, я жадно въ нихъ всматриваюсь... Какъ Вѣчный Жидъ я все иду и иду, ищу и ищу... найду ли?—Нѣтъ! Судьба отнимаетъ у меня моихъ близкихъ, соединяя ихъ съ людьми мнѣ не симпатичными: скоро я лишусь и второй сестры—Тани...

Какъ посмотришь, какое ничтожество мнѣ все приходилось встрѣчать среди мужчинъ! Ни одного глубоко-симпатичнаго, который бы отвѣчалъ на всѣ стороны души... Я не идеальщикъ—я сама не идеальщикъ,—а просто хотѣлось бы хоть разъ встрѣтиться съ родственною мужскою душою, безъ малѣйшей мысли о какой-либо чувственной сторонѣ. Вспоминаю Добролюбова. Вспоминаю его письмо объ одной дѣвушкѣ, которая ему нравилась, и вышла замужъ за военнаго...—«А, вѣдь, и офицерикъ-то плюгавенькій! Эхъ-ма!!» восклицаетъ онъ. Сколько разъ мнѣ приходилось повторять тѣ же слова, обращенныя къ женщинамъ, когда я видѣла, что за ними ухаживаютъ мужчины, неизмѣримо выше ихъ стояшіе по умственному развитію. Но я—не Добролюбовъ, и не ищу «любви». Не ея хочу я, а дружбы, потому что знаю теперь, что могу быть другомъ.

1899 годъ.

14 января. Почему я ушла сейчасъ отъ проф. Лаппо-Данилевскаго? Къ нему пришли двое молодыхъ людей—очевидно, изъ оставленныхъ при университетѣ, шелъ интересный разговоръ, и однако, когда профессоръ пригласилъ всѣхъ къ чаю,—я ушла, подъ предлогомъ того, что все время сидѣла въ жакеткѣ и что

мнѣ очень жарко... Ищи предлогъ,—соотвѣтственно тому, кто имъ пользуется.

Сдала я свою работу профессору еще до Рождества, онъ ея не успѣлъ просмотрѣть, а тѣмъ временемъ я уже успѣла притти въ ужасъ отъ ея недостатковъ и была готова взять ее совсѣмъ, да онъ не отдалъ. Сегодня я сама должна была прочесть ее ему, но судьба сжалилась надо мной: въ эту минуту вошли молодые люди и, конечно, разговоръ перешелъ на другія темы. Говорили о многомъ: о новыхъ книгахъ, пересматривали новыя изданія сочиненій Тихонравова, Градовскаго, V-й т. Карѣева, Seignobos «Histoire politique de l'Europe contemporaine», XVII-й т. «Русской Исторической Библиотеки», вышедшій подъ редакціей Лаппо-Данилевскаго, пересматривая книги, дѣлали замѣчанія относительно разныхъ лицъ. Я чувствовала себя на первый взглядъ какъ-будто и хорошо; въ глубинѣ же души шевелилось сознаніе своего невѣжества, своего умственнаго безсилія, своей неспособности.

Я уже приготовилась совсѣмъ къ суровому и справедливому приговору профессора, жаль только, что не сегодня услышу его... Любовь къ наукѣ у меня теперь соединяется съ желаніемъ посредствомъ занятій ею отвлечься отъ бесплоднаго раздумья надъ «зачѣмъ»; вѣдь—

... Головы въ іероглифныхъ чадрахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ...
Бьются надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ...

Старая и вѣчно новая исторія...

Да, будь проклято то, что воспитало, «вскормило» меня! Какимъ туманомъ обвиваетъ это нашу жизнь, какой страшный вредъ приноситъ нашему міровоззрѣнію. И теперь что?! Чувствую, что если буду задумываться—самоубійство явится такимъ соблазнительнымъ исходомъ. И вотъ, инстинктивная жизненность заставляетъ отворачиваться отъ этого выхода, искать другихъ интересовъ временныхъ, но непрерывно измѣнчивыхъ, которые бы заслонили собою могилу. Я говорю себѣ хладнокровно «бояться нѣчего»—и въ то же время ищу декораций, за которыми я ея бы не видѣла. Я презрѣнно малодушна, жалка, сознаю свое паденіе и... падаю еще ниже...

— Такъ что же ты, такая, какъ есть, сможешь сдѣлать по окончаніи курса? Что сдѣлаешь для общества, для народа?! И передъ этимъ ужаснымъ вопросомъ, на который я тоже не нахожу отвѣта, кромѣ могилы,—я также малодушно пасую, всѣми способами стараясь извернуться, но честность твердитъ одно: ничего!

А вѣдь, небось, если бь какая-нибудь изъ товарокъ пришла ко мнѣ точь-въ-точь съ такими же мыслями, я, пожалуй, почувствовала бы къ ней презрѣніе... «Слабость»!

20 января. Вчера Гревсъ читалъ привѣтственную рѣчь къ слушательницамъ послѣ Рождественскихъ вакацій. Онъ говорилъ о роли профессора и рѣшалъ еще разъ вопросъ—долженъ ли стоять профессоръ къ своимъ слушателямъ или нѣтъ? Увы! Какъ мы малы и ничтожны—сами не можемъ еще понимать такихъ простыхъ вещей! Да же э т о намъ надо съ каедры объяснить.

24 января. Въ этотъ день на курсахъ Илья Александровичъ Шляпкинъ назначилъ собраніе по поводу Пушкинской вечеринки. Когда я пришла—всѣ были уже наверху въ зоологическомъ кабинетѣ, собралось человекъ 20. И. А. засѣдалъ за столомъ, вооруженный адресъ-календаремъ и листомъ бумаги. Я записалась въ бюро для устройства вечеринки, не рискуя выступать въ качествѣ артистки; ко мнѣ присоединилась В., рѣшивъ взять на свою долю хлопоты по доставкѣ статуи Пушкина изъ Лицея на курсы. Мы, т. е. бюро, человекъ 8, усѣвшись за отдѣльный столъ, живо кончили свое дѣло, разобравъ всѣ вопросы по устройству художественной части вечеринки. Илья Александровичъ, отдѣльно отъ насъ, составлялъ списокъ желающихъ исполнять сцены и картины. Началась считка. Выходили одна за другой желающія исполнять, читали сцены изъ Русалки (роли мельника, дочери и князя), Бориса Годунова (Самозванецъ и Марина) и Цыгане (Земфира, Алёко, Цыганъ). Во время репетиціи смѣху и шуткамъ не было конца. Вскорѣ меня вызвали внизъ—пріѣхала Мар. Петр.; я бросилась къ ней, повела ее наверхъ, и такъ какъ мнѣ не хотѣлось уходить, просила М. П. подождать немного. Я была такъ рада видѣть ее у себя... она такая изящная въ простомъ черномъ платьѣ, съ брошкой-значкомъ «Арміи спасенія». Репетиція продолжалась, и бѣдный И. Ал. долженъ былъ оставаться до пяти часовъ.

Вечеромъ мы вдвоемъ должны были ѣхать на собраніе кружка у о. Григорія Петрова, который основалъ студентъ Б. Мы пріѣхали во-время, члены только собирались: пришли два студента, два медика, лѣсникъ, одна медичка, съ высшихъ курсовъ учащаяся была я одна, остальные—барышни, человекъ пять, мужчинъ же было гораздо больше, изъ нихъ—о. Соллертинскій, трое-четверо взрослыхъ мужчинъ и, наконецъ, весьма ожидаемый профессоръ Вагнеръ. Всего собралось человекъ 25. Но странно было: люди, собравшіеся во имя единенія, не соединялись, а разъединялись:

мужчины входили въ кабинетъ, или сидѣли по угламъ, женщины собирались около стола съ альбомами. Меня невольно поразила богатая обстановка квартиры, такой я не видала не только у своихъ профессоровъ, но даже у родныхъ, людей очень состоятельныхъ. Огромный салонъ могъ вмѣстить въ себѣ свободно 30—40 человѣкъ. О. Григорій, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, очень любезно встрѣчалъ всѣхъ; обо мнѣ ему говорилъ членъ братства—Иванъ Саввичъ Н.—и онъ сейчасъ же изъявилъ согласіе на мое участіе въ этомъ кружкѣ.

Передъ началомъ собранія Б. всталъ и предложилъ прочесть статью Меньшикова о дружбѣ. Собраніе согласилось, лѣсникъ прочелъ ее. Она написана лѣтъ пять назадъ объ этическихъ обществахъ за границей, начало которымъ у насъ положилъ профессоръ Вагнеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ статьѣ высказывались очень хорошія мысли о дружбѣ, единеніи людей. Послѣ прочтенія такой статьи, по моему мнѣнію, надо бы тотчасъ же перейти къ обсужденію практическаго примѣненія этихъ мыслей къ нашимъ взаимнымъ отношеніямъ въ данномъ случаѣ. Но вышло не то. О. Соллертинскій сталъ уговаривать профессора Вагнера быть предсѣдателемъ кружка, въ виду его заслугъ на поприщѣ основанія этическихъ кружковъ. Профессоръ отказывается. Его уговорили стать предсѣдателемъ хоть на это собраніе. Онъ согласился... и тутъ началась та странная комедія, которая отняла весь смыслъ у этого собранія.

Профессоръ Вагнеръ началъ свою рѣчь съ того, что заявилъ—вѣрующіе и невѣрующіе должны раздѣляться. По его мнѣнію, невѣрующимъ быть въ обществѣ съ вѣрующими невозможно; а такъ какъ онъ самъ вѣруетъ въ Бога, то и не можетъ быть въ обществѣ атеистовъ. Это звучало чѣмъ-то средневѣковымъ... Всталъ Б. и сказалъ, что онъ его предупреждалъ и раньше, что въ этомъ собраніи будутъ люди разныхъ убѣжденій. Казалось бы, профессору оставалось только извиниться за свою безтактность, но старичекъ, стоя посреди гостиной, не соглашался. До глубины души возмущенная, я поднялась и сказала ему нѣсколько словъ о томъ, что если мы не можемъ вѣрить, то это въ силу того, что не имѣемъ понятія объ истинной вѣрѣ, а тѣ, кто показываютъ себя вѣрующими, если у нихъ есть истинная христіанская любовь—должны въ данномъ случаѣ ради нея не отказываться отъ общенія съ невѣрующими, если тѣ сходятся съ ними въ воззрѣніяхъ на нравственность. Я говорила и голосъ мой невольно дрожалъ отъ волненія. Но профессоръ равнодушно-устало смотрѣлъ на меня и... опять-таки остался при своемъ мнѣніи. Поднялся споръ, не при-

ведшей, однако, ни къ чему; изъ него мы узнали, что профессоръ былъ 14 лѣтъ атеистомъ и пришелъ къ вѣрѣ въ Бога черезъ спиритизмъ. И ему было не стыдно послѣ этого говорить намъ, молодежи, прожившимъ однимъ десяткомъ болѣе этихъ 14 лѣтъ на свѣтѣ, что разъ онъ увѣровалъ, то или насъ знать не хочетъ, или же чтобы мы увѣровали тоже. Выходило что-то недостойное... Наконецъ, профессоръ почувствовалъ, что надо «удалиться съ честью» и обѣщаль привести на слѣдующій разъ программы его этического кружка, наотрѣзъ отказавшись отъ предсѣдательства. Навѣрно, онъ не отказался вовсе отъ участія потому, что собирается сдѣлать это въ слѣдующій разъ. Но разъ внесенный диссонансъ продолжался и послѣ его ухода. Поднялся споръ объ убѣжденіяхъ, споръ давній и непонятный, потому что не было еще примѣра, чтобы люди обращались къ вѣрѣ послѣ словеснаго диспута. Я сразу сообразила, что основателю кружка Б. не хватаетъ умѣнья и общаго развитія. Это высказалось и въ предложенной имъ программѣ дѣятельности кружка: одна часть собранія должна посвящаться выясненію этическихъ вопросовъ, другая—чтенію какого-либо беллетристическаго произведенія. Противъ послѣдняго многіе возстали.

Между тѣмъ, М. П., сидя въ переднемъ углу гостиной, шептала мнѣ:—«Что же, однако, они не говорятъ о томъ, что хотѣли поставить на обсужденіе? Вѣдь въ прошлый разъ они рѣшили поднять вопросъ о томъ, что такое нравственность, и я приготовилась отвѣчать»... Ея милое лицо выражало крайнее утомленіе. Но собраніе затянулось... Пили чай, послѣ чая опять пришли въ гостиную, и снова поднялся вопросъ о томъ, что собственно надо дѣлать собравшимся, въ чемъ же выразить дѣятельность кружка. Говорятъ, что этому вопросу посвящалось шестое собраніе. Я почувствовала, что тутъ все неладно: гдѣ вмѣсто дѣла начинаютъ вести споры о вѣрѣ—тутъ, дѣйствительно, близокъ расколъ.

М. П. поднялась и, стараясь примирить собраніе, недовольное предложеніемъ ввести чтеніе беллетристическихъ произведеній,—сказала, что ихъ можно допустить, если въ нихъ затрагиваются нравственные вопросы. Наконецъ, на очередь выступилъ вопросъ о нравственности. М. П. отвѣчала на него, конечно, съ религіозной точки зрѣнія, и мнѣ, съ моимъ незнакомствомъ съ Библіей, показалось трудно слѣдить за ея мыслью, тѣмъ болѣе, что она говорила быстро, а я была очень утомлена всѣмъ предшествовавшимъ. Помню только, что она настаивала на символическомъ пониманіи библейскаго разсказа о грѣхопадении человѣка, какъ противленіи

воль Божіей. О. Соллертинскій одобрительно качаль головою, собраніе не спорило, такъ какъ всѣ были утомлены, да и молодежь, очевидно, не была расположена спорить, чувствуя невольную симпатію къ этой дѣвушкѣ. По крайней мѣрѣ, студенты не напали на нее, и я и медичка не возразили тоже.

Было уже 1^{1/2}. Я вышла съ совершенно отуманенной головою. Нервы ли мои слабы, или въ самомъ дѣлѣ собраніе носило такой характеръ, что куда ни придешь, ничего не выходитъ... Вѣрнѣе послѣднее. Я пригласила братчика Ивана Саввича подвести его, дорогой поговорили немного о собраніи вѣрующихъ,—какъ оно хорошо идетъ, о братствѣ,—и въ скоромъ времени онъ сошелъ у Лѣтняго сада. Былъ страшный морозъ. «Нравственно ли это, возвращаясь съ э т и ч е с к а г о собранія, будить звонками усталыхъ за день отъ работы людей? Нравственно ли намъ в о и м я н р а в с т в е н н о с т и подобное переливаніе изъ пустого въ порожнее?» И горькая иронія глосса совѣсти мучила меня все время... Еще на собраніи я подошла къ о. Соллертинскому съ этимъ вопросомъ, но онъ равнодушно отвѣтилъ, что «на то они и прислуга». А у меня на душѣ все-таки было нехорошо: мнѣ, по обыкновенію, было стыдно въ глаза смотрѣть своему швейцару, когда онъ отпиралъ мнѣ дверь.

Вопросы «жизни и нравственности» звучали сегодня такимъ дикимъ диссонансомъ въ стремленіи нашемъ согласить ихъ... Это будетъ похуже вопроса о вѣрѣ и невѣрїи, хотя я чувствовала, что на собраніи «отцы» Петровъ и Соллертинскій отнеслись ко мнѣ очень симпатично. Съ нашихъ курсовъ никого не было; и я въ душѣ благословляла судьбу, что такъ случилось: попади сюда особа молоденькая, неопытная, она ушла бы отсюда просто съ озлобленіемъ и отчаяніемъ, неудовлетворенная, обманувшаяся въ своихъ ожиданіяхъ...

26 января. Сегодня должна была быть у профессора Лаппо-Данилевскаго, прочесть ему свой рефератъ и потомъ итти на за-сѣданіе философскаго общества.

Войдя въ его кабинетъ, я чувствовала себя сначала, по обыкновенію, немножко неловко, но потомъ въ своей сферѣ. Когда я начала читать, мало-по-малу забыла обо всемъ, и думала только о томъ, что изложено, и о недостаткахъ работы. Но, вопреки моему ожиданію, онъ не выбранилъ меня,—наоборотъ, отнесся къ работѣ очень внимательно, сказавъ, что видно тщательное изученіе матеріала, и указавъ на недостатки: главнымъ образомъ планъ, группировка мыслей, по его мнѣнію, должны быть иными.

Я подумала, что онъ не хотѣлъ сказать своего истиннаго мнѣнія о рефератѣ просто изъ вѣжливости, но при взглядѣ на его симпатичное, умное, спокойное лицо—невольнo отказывалась отъ такого подозрѣнія. А впрочемъ—вѣдь въ томъ-то и виденъ умъ, чтобы умѣть обходиться съ людьми, не затрагивая ихъ самолюбія.

Засѣданіе философскаго общества было очень интересно. Читалъ Боборыкинъ докладъ о преподаваніи философіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. Судя по заглавіямъ темъ, задаваемыхъ при экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости, докладчикъ приходилъ къ заключенію, что общій умственный уровень юношей Франціи выше русскаго юношества. Для примѣра онъ указалъ на наши семинаріи, воспитанники которой, благодаря преподаванію философскихъ предметовъ, въ общемъ, гораздо развитѣе гимназистовъ. Докладъ былъ покрытъ громкими апплодисментами. Публики было много, студентовъ значительно меньше, нежели курсистокъ. Наша братія покрывала почти всѣ скамьи, и я воображаю удовлетворенное гордое самолюбіе Введенскаго, который возсѣдалъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ.

Послѣ доклада были пренія. Удивительно, до чего—даже въ ученыхъ обществахъ—отклоняются въ спорахъ въ сторону мелочей. Такъ и здѣсь. Въмѣсто того, чтобы обсуждать, какимъ путемъ и въ какомъ объемѣ желательно введеніе философіи въ курсъ гимназической—пренія пошли, что называется, вкривь. Стали спорить о семинаріяхъ, а затѣмъ объ... англійскихъ колледжахъ сравнительно съ французскими. Боборыкинъ изъ себя выходилъ, доказывая, что въ англійскихъ колледжахъ студентъ за 3.000 руб. въ годъ научается двумъ-тремъ отрывкамъ классиковъ и одному изъ Эвклида; съ нимъ спорилъ какой-то субъектъ. Резюме дѣлалъ Введенскій, признавъ введеніе философіи желательнымъ... въ идеалѣ, но пока неумѣстнымъ, въ виду общей неправильности постановки воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ, а также въ виду того, что изъ гимназій по большей части выходятъ атеисты, и въ случаѣ введенія преподаванія философіи,—такой результатъ обязательно припишутъ ей. Последнее заключеніе было очень некрасиво: походило на ловкій поклонъ въ сторону, «куда вѣтеръ дуетъ»... Но Введенскому, однако, апплодировали не меньше, нежели Боборыкину. Стыдно нашей братіи.

28 января. Эта недѣля проходитъ вся такъ, что не пришлось ни на минуту остаться наединѣ съ собою... легче дышалось, не ду­малось, да и интересно было...

На курсахъ назначена генеральная репетиція (въ костюмахъ).

За эти дни была изменена программа, переменялись и участницы вечера: решено было поставить 4 сцены изъ «Русалки», «Бориса Годунова», «Полтавы» и «Евгенія Онѣгина»—объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ. Я и В. съ трудомъ были пропущены наверхъ, въ залу, такъ какъ, кромѣ участвующихъ и членовъ бюро, постороннихъ не впускали. Тамъ уже были всѣ участницы апоѳеоза, частью одѣтыя, я помогала имъ. Кого-то не хватало, суетились, бѣгали, кричали... VI аудиторія была въ полномъ безпорядкѣ,—разбросанные направо и налево костюмы, на каѳедрѣ что-то вродѣ туалета; въ сосѣдней химической лабораторіи—такая же картина..

— «Марья Ивановны нѣтъ! Гдѣ Марья Ивановна? Дьяконова, одѣньте ея платье, да встаньте въ апоѳеозъ!»—кричалъ мнѣ кто-то.—А говорить мнѣ ничего не надо?—«Ничего, скорѣй, скорѣй, Шляпкинъ кричитъ, что она необходима, а ея нѣтъ... Ну, ну!!»—и я не успѣла ничего сообразить, какъ очутилась въ аудиторіи, наскоро раздѣлась, и кто-то меня одѣвалъ, и кто-то стоялъ возлѣ... Я раздѣлила волосы проборомъ—получилась старинная прическа, которая такъ идетъ ко мнѣ,—и всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: «вотъ настоящая Марья Ивановна!» «Гриневъ» подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и не отпускалъ. «Онъ» былъ такой славный, толстенькій, симпатичный. Скоро были готовы «Ангель» и «Муза»; не хватало только статуи Пушкина, которую мы не достали. Для чтенія было выбрано стихотвореніе Полонскаго о Пушкинѣ:—«Пушкинъ—это возрожденіе русской музыки...»—и потомъ соотвѣтственные лица должны были повторять тѣ строфы, которыя относились къ нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина. Съ этимъ было много хлопотъ: чтобы всякій зналъ свой №, и не перепуталъ... Шляпкинъ просто все горло раскричалъ,—говорить было тихо нельзя за разстояніемъ и движеніемъ; онъ бѣгалъ, кричалъ, задыхался и... дѣлалъ въ сущности все, такъ какъ помощницъ среди насъ ему не нашлось, кромѣ одной, которая распоряжалась всѣмъ въ уборной.

Наконецъ, все было улажено, и «статистамъ» можно было уйти—началась репетиція въ костюмахъ, но мы оставались. Всѣ сцены шли хорошо. Конечно, лучше если бы мужскія роли исполнялись соотвѣтственно мужчинами же, но несмотря на это, все же Мельникъ и Самозванецъ были интересны, а остальные—Мазепа и Онѣгинъ—являлись только какъ необходимое дополненіе къ монологамъ Маріи и Татьяны. Послѣдняя по внѣшности хороша, но какъ актриса—слишкомъ холодна (и я могла бы такъ сыграть), тѣмъ не менѣе исполнительница, кажется, была о себѣ иного мнѣнія. Въ общемъ, я проваландалась на курсахъ безъ малаго до

11-го часа, и когда пришла домой,—въ квартирѣ былъ въ полномъ разгарѣ пиръ: хозяинъ былъ именинникъ. Я ушла ночевать къ Юлинькѣ М.

30 января. На другой день я имѣла глупость проспять лекцію Шляпкина о Пушкинѣ... А утромъ, когда мы вмѣстѣ съ В. поѣхали въ лицей за статуей поэта—ее уже выносили; оставалось повернуть обратно и ѣхать шагомъ за повозкой. Было очень холодно, мы отчаянно мерзли.

Наканунѣ я написала письмо къ инспектору гимназіи, гдѣ просила отпустить брата по «важному семейному дѣлу», чтобы онъ могъ присутствовать на вечерѣ. Шурка пришелъ послѣ своихъ занятій, и я ушла на курсы. Въ сущности, мнѣ нечего было дѣлать тамъ такъ рано, надо было только выгладить ситцевое платье «Маріи Ивановны». О, что это было за платье! Я никогда въ жизни не помню такого ситца! Желтенькое съ цвѣточками, хотя сшито было мило, и съ косыночкой, но кринолина я не имѣла мужества надѣть,—до того онъ былъ грязень... брр!... Я взяла другую шелковую «бальную» юбку—тоже грязная, и меня покорило, но все же не такъ грязна, какъ этотъ ужасный кринолинъ. Въ «уборной», вѣрнѣе, въ физическомъ кабинетѣ, была давка: среди приборовъ на столахъ стояли принадлежности туалета, а на каѳедрѣ въ VI аудиторіи причесывались и гримировались. Явилась и жена профессора Жданова, которая должна была пѣть письмо Татьяны къ Онѣгину въ современномъ костюмѣ и великолѣпной прическѣ. Наши, разумеется, пришли въ восторгъ.

Первый началъ читать Буличъ «О значеніи Пушкина для русской музыки». Мы потихоньку выбрались на сцену, и изъ-за занавѣса слушали. Для меня лично рѣчь не представляла никакого интереса, такъ какъ все, что въ ней говорилось, было уже давно извѣстно, да и что могъ онъ сказать новаго? Произведенія Пушкина послужили сюжетомъ для русской музыки,—«Русланъ и Людмила», «Пиковая Дама», «Евгеній Онѣгинъ» и т. п.—это могло быть интересно лишь для большинства слушательницъ, вовсе незнакомыхъ съ исторіей музыки. Послѣ рѣчи началось чтеніе стихотвореній и пѣніе. Стоя за кулисами слушать было очень неудобно, приходилось оставаться въ уборной; а нашъ профессоръ былъ все время тамъ, бѣгалъ, распоряжался, и удивительно,—не сердился, между тѣмъ—такая суматоха, такое непослушаніе, какъ наше, хоть кого могутъ разсердить. Но общее настроеніе было очень симпатично: вопреки нервничанью настоящихъ актеровъ предъ выходомъ на сцену,—у насъ все было какъ нельзя болѣе

мирно. Мы помогали другъ-другу одѣваться и старались, чтобы у всѣхъ все было хорошо; примеръ былъ не первоклассный, но тѣ изъ играющихъ, которыя успѣли загримироваться — охотно предлагали свои услуги товарищамъ.

Уже въ 1-мъ часу ночи начался апоѳеозъ. Шляпкинъ какъ-то удивительно быстро разставилъ всѣхъ, спросилъ № для чтенія стиховъ, и еще разъ провѣрилъ ихъ... «Русланъ» былъ превосходенъ, равно какъ и «Донъ-Жуанъ», до полной иллюзіи; Екатерина и Петръ были выбраны очень удачно, начиная съ физическаго сходства; мой «Гринева» также былъ очень милъ. Онъ опустился передо мною на колѣни, я взяла его за руку. Ей было смѣшно, мнѣ тоже. Но помимо воли—лицо мое—благодаря прическѣ на проборъ и локонамъ—выражало что-то отвлеченное, какую-то кротость, что для «Марьи Ивановны» и нужно было. Наконецъ, занавѣсъ поднялся, насъ освѣтили бенгальскимъ огнемъ... Буря аплодисментовъ. Шляпкину сдѣлали шумную овацію. Онъ выходилъ, кланялся, улыбался, и вскорѣ ушелъ страшно усталый, послѣ того, какъ насъ сняли при вспышкѣ магнія. Послѣ нѣсколькихъ разъ занавѣсъ опустили окончательно, и мы начали расходиться.

Русланъ и Людмила, Гринева и я пошли въ костюмахъ въ нижнюю залу, гдѣ насъ привѣтствовали шумными восклицаніями, смѣхомъ и шутками, угощая чаемъ, какъ участвующихъ, безплатно... И тутъ я вновь почувствовала отсутствіе близкаго человѣка: глядя на тѣхъ, у кого были друзья, которые сидѣли въ тѣсномъ кружкѣ,—мнѣ хотѣлось имѣть свой, и самой быть въ такомъ же. Въ эту минуту я переживала то же, что переживаетъ любой артистъ, попавшій въ общество, которое считаетъ себя выше его по положенію. Имъ восхищаются, ему аплодируютъ и симпатизируютъ, но онъ знаетъ, что среди этихъ людей нѣтъ у него близкаго человѣка. Такъ и меня окружали, любясь общимъ видомъ, дружески смѣялись, шутили, и я въ эту минуту общаго дружескаго расположенія чувствовала симпатію ко всѣмъ, но... все-таки я была одна. Когда вся публика разошлась,—мы, участвующія, снявъ костюмы, собрались тѣснымъ дружескимъ кружкомъ и начали разговаривать. Насъ объединяло общее дѣло, и мы въ эти минуты были всѣ довольны, всѣ хорошо настроены. И странно: мнѣ дѣйствительно легче было уйти изъ «публики» и очутиться среди «артистовъ»—эти были для меня все же болѣе близки. Мы просидѣли такъ около 1/2 часа; инспектриса ждала въ отдаленіи. Пробыло три часа, надо было расходиться. Я пошла ночевать къ «Князю» — Н—ой, жившей по близости. На другой

день все, что напоминало о вчерашнем вечерѣ въ залѣ—были небрунныя еще подмостки и декораціи.

12 февраля. На-дняхъ пріѣхала Таня. Пришлось мало заниматься—необходимо было поговорить и развлечь ее. Ея любовь къ Д—су вполне можно назвать «больною любовью»—въ нравственномъ смыслѣ слова. И удивительно, до чего это напоминаетъ мнѣ романъ сестры, все то же самое: верченіе около своего собственнаго «я», полное отсутствіе какихъ-либо широкихъ идей, упорное игнорированіе чужой душевной жизни и сосредоточеніе вниманія около самихъ себя... больные люди! И опять я стою по волѣ судебъ рядомъ съ ними, съ любимой женщиной, и помимо желанія—даже очень близко къ ихъ роману...

Все, все не ново въ этомъ мірѣ, до смѣшнаго одинаковы люди. Когда же я, наконецъ, встрѣчу человѣка, котораго любовь была бы благородна, который сказалъ бы подобно Грановскому:—«я люблю тебя, но я люблю и сестеръ моихъ и Россію»... Понятно, я не о себѣ говорю въ данномъ случаѣ, а о тѣхъ близкихъ ко мнѣ женщинахъ, къ которымъ на моихъ глазахъ подходятъ мужчины, предлагающіе имъ свою «любовь». Да, я теперь довольна своей судьбой. Лучше никогда вовсе не знать этого тумана, нежели ошибиться въ своемъ выборѣ.

13 февраля. Пишу всѣ эти строки въ вагонѣ желѣзной дороги.

Вчера утромъ, идя на сходку на курсы—увидала телеграмму на мое имя и не сразу даже поняла ея смысла: «Елизавету Александровну парализъ, положеніе опасно»... Вотъ оно, чего я всегда боялась! Моя бабушка, моя родная! И передъ моимъ вступленіемъ въ дѣйствительную жизнь судьба отнимаетъ у меня самое дорогое!

До такой степени не вѣрилось такому несчастью, что мнѣ пришло въ голову подозрѣніе: не нарочно ли тетя послала телеграмму, чтобы я уѣхала отъ здѣшнихъ беспорядковъ, потому что въ университетѣ былъ скандалъ во время акта 8 февраля, вызванный нетактичнымъ распоряженіемъ ректора (денежные штрафы со студентовъ и аресты за нарушеніе общественнаго порядка въ день праздника), о которомъ онъ не предупредилъ заранѣе студентовъ. На другой же день была сходка и студенты рѣшили сами добиться закрытія университета. У насъ же сходка была 11-го, послѣ философіи. Рѣшали вопросъ: присоединятся ли намъ, какъ учащимся, къ товарищамъ и требовать ли намъ тоже закрытія курсовъ? Большинство было противъ: студенты были оскор-

блены главнымъ образомъ не распоряженіемъ ректора, а поведеніемъ полиціи 8 февраля, которая позволила себѣ бить ихъ. Въ этомъ имъ сочувствуютъ и профессора. Ну, а мы-то что представляемъ въ данномъ случаѣ? Не надо забывать, что университетовъ въ Россіи около десятка, а курсы только одни. А теперь какъ разъ говорятъ, намѣреваются открыть такіе же курсы въ Москвѣ; что, если мы своимъ неосторожнымъ поступкомъ испортимъ все это дѣло, задушимъ его въ самомъ началѣ? Такимъ образомъ, первая сходка выяснила, что большинство готово выразить моральное сочувствіе студентамъ (чего, собственно, они и добивались, вполнѣ входя въ наше положеніе и отнюдь не требуя закрытія курсовъ), но противъ добровольнаго закрытія курсовъ.

Я пришла на сходку довольно поздно, и когда Д—го закрыла ее, подошла къ ней и просила позволенія говорить завтра, когда долженъ былъ окончательно рѣшиться вопросъ, примыкать ли намъ къ обще-студенческому движенію, именно—какой формой протеста. Къ сожалѣнію,—вчера я уѣзжала на родину, времени было мало, и когда я на минутку прошла наверхъ—VI аудиторія была переполнена, такъ что нечего было и думать не только пробраться къ каѳедрѣ, но и подойти къ аудиторіи: всѣ скамьи; все около каѳедры было заполнено народомъ, стояли даже за полузакрытыми дверями. Я вернулась домой. Передъ отъѣздомъ пришла Юлинька, недовольная настроеніемъ большинства, и рассказала очень печальныя вещи: сходку вновь вела Д—ашъ, которая, по всей вѣроятности, изъ угоды массъ, измѣнивъ свои умѣренныя взгляды на радикальныя, вела все дѣло очень плохо, и масса, будто бы, пришла къ рѣшенію тоже закрыть курсы.

Ахъ, до чего это все глупо и дерзки-наивно! Досадно, что я не могла сказать ни слова съ каѳедры. И какъ нарочно вотъ уже второй разъ мои семейныя дѣла отвлекаютъ меня отъ общаго дѣла. Впрочемъ, на этотъ разъ эти факты равнять нельзя: первый фактъ—смерть Вѣтровой и Казанская демонстрація 4 марта (за-стали меня въ Кіевѣ у постели сестры)—дѣйствительно крупное событіе. Теперь-же—8 февраля,—намъ вмѣшаться и выражать свое сочувствіе можно, но не въ такой формѣ.

Вчера, когда я ѣхала изъ гимназіи съ братомъ мимо университета—кругомъ него и по набережной стояла толпа студентовъ; передъ входомъ въ университетъ съ набережной—отрядъ полицейскихъ, а у главнаго подъѣзда—взводъ конныхъ какого-то войска, или жандармы—не знаю хорошенько. Въ этотъ день университетъ былъ закрытъ по распоряженію правительства.

Что-то теперь дѣлается у насъ? Душа моя разрывается между

противоположностями: тамъ, въ Петербургѣ, я оставляю свою вторую, духовную родину—курсы, а въ Нерехту ѣду... что ждетъ меня тамъ? Сегодня мнѣ уже приснилось, что я не застала бабушку въ живыхъ. Но подозрѣніе, что это подстроено ради моего «спасенія», не выходитъ у меня изъ головы. Впрочемъ, въ газетахъ извѣстій о волненіи нѣтъ, и поэтому мать не могла еще ничего узнать. Нѣтъ, должно быть это правда. Но я не могу примириться съ этимъ... Черезъ три часа я буду на родинѣ—что-то узнаю я?...

19 февраля, Публ. Библ. Третій день, третій день... Прямо съ вокзала попала я въ разгаръ исторіи.—Произошло что-то непонятное, тотъ гипнозъ толпы, вслѣдствіе котораго всѣ, потерявъ голову, идутъ... куда и сами не знаютъ. Два дня назадъ, когда было самое острое столкновение между двумя партіями,—казалось, цѣлый адъ былъ у меня въ груди: нѣтъ, я не пойду за ними! никогда! Мнѣ дорого существованіе В. Ж. К., я не желаю рисковать судьбою единственнаго въ настоящее время женскаго университета въ Россіи, а онѣ,—чего хотятъ онѣ?!—Закрытія курсовъ?!—Ради того, чтобы этимъ примкнуть къ студентамъ!—Да вѣдь университета не закрыть, а курсы съ радостью закроютъ, у нихъ такъ много враговъ. И вотъ мы, небольшая партія чело-вѣкъ въ 50, дружно отстаивали дорогое намъ учрежденіе, стояли за идею противъ сотенной толпы, подъ градомъ насмѣшекъ, свиста и шума обструкціи. И среди этой-то массы были всѣ, кто мнѣ болѣе или менѣе близокъ, всѣ мои знакомыя. Ахъ, какъ больно было сознать всю бездну ихъ недомыслія, съ какимъ отчаяніемъ сжималось сердце при мысли, что изъ-за этой толпы можетъ погибнуть наше учрежденіе, а если и уцѣлѣетъ,—то не откроются другія, подобныя...

Я пишу и волнуюсь... Нужно быть спокойнымъ и безпристрастнымъ во всемъ. У меня холодный анализъ всегда является вслѣдъ за вспышкою увлеченія. Обдумаемъ же теперь все происшедшее вполне хладнокровно...

20 февраля, утромъ. Курсы, какъ и всѣ высшія учебныя заведенія, закрыты. Когда я пришла туда—меня поразила необыкновенная тишина, лишь небольшая толпа курсистокъ бродила по корридору...

Теперь смутно на душѣ, и точно какой-то камень лежитъ на сердцѣ...

Курсы закрыты; въ какомъ же положеніи наша маленькая

партія? Морально мы всѣ на сторонѣ студентовъ, только не сочувствуемъ формѣ, избранной для выраженія протеста... Ну, и что же вышло? Дѣло только-что началось, а впереди уже полная неизвѣстность.

Вчера я была у Е. Н. Щ—ной, и она встрѣтила меня словами: — «а мы, старыя курсистки, собрались ѣхать къ вамъ, чтобы сказать—прекрасно дѣлаете!» Мнѣ больно было отвѣтить ей, что я принадлежу къ меньшинству.—«Напрасно,—сказала она.—Мы переживаемъ въ данную минуту историческій моментъ. Теперь доказывается полная непригодность многоаго, что мѣшаетъ свободно работать... Администрація растерялась, министры не согласны въ мнѣніяхъ... Курсы параллельны университету, и вамъ иначе поступить нельзя».

Все то раздвоеніе, и безъ того мучительное, которое я переживала въ эти дни; поднялось съ новою силою. Я почти не слушала Е. Н. и хотѣла въ эту минуту только одного: остаться наединѣ съ собою, съ своею совѣстью. Но, къ сожалѣнію, нельзя было. Пришлось рассказать Е. Н. обо всемъ, что у насъ дѣлалось. Съ свойственной ей рѣзкостью и лаконичностью она тотчасъ же выразила свое мнѣніе о положеніи нашей партіи. Она до того не понимаетъ души человѣческой, что всегда выражаетъ свое мнѣніе, не думая, что иногда это излишне. Такъ и теперь: мнѣ пришлось выслушать, что мы въ невыгодномъ положеніи, что самое лучшее—единеніе и т. п. Какъ будто я и безъ нея этого не знаю! Я возразила ей, ради чего мы стоимъ противъ большинства.—«Если вы опасаетесь, что будетъ затруднено открытіе курсовъ въ провинціи, я вамъ скажу на это, что подобное опасеніе не выдерживаетъ критики. Курсы и безъ того въ провинціи не скоро откроются». Потомъ она рассказывала мнѣ, какъ благопріятно относятся къ намъ въ обществѣ, профессора, передала всякіе сочувственные отзывы, циркулирующіе въ столицѣ...

Я поспѣшила уйти. И всю длинную дорогу отъ Щ—ной думала о положеніи нашей партіи. На душѣ было страшно тяжело. Вспоминая читанный бюллетень о событіяхъ и обдумывая вновь все происшедшее, я начала колебаться. Выходило такъ: сочувствуя морально студентамъ и не примыкая къ общему движенію изъ осторожности, изъ боязни повредить дѣлу высшаго женскаго образованія,—мы какъ бы останавливаемся на компромиссѣ, и положеніе становилось тѣмъ болѣе тяжелымъ нравственно, чѣмъ сильнѣе была та партія. Разсматривая же свою осторожность съ точки зрѣнія вредныхъ послѣдствій для нашихъ, собственно, курсовъ, я приходила къ заключенію, что опасаться не имѣемъ осно-

ванія, такъ какъ ничего политическаго въ нашемъ движеніи нѣтъ, и все сочувствіе общества будетъ на нашей сторонѣ,—да и курсы теперъ настолько развились, что закрытіе ихъ въ данный моментъ представляется мало вѣроятнымъ. Съ другой точки зрѣнія—препятствій для открытія курсовъ въ провинціи,—самая возможность открытія такихъ курсовъ пока еще мало вѣроятна. А, слѣдовательно, выходило, что наша осторожность изъ-за проблематическаго пункта являлась уже излишней и ставила нашу небольшую группу положительно въ ложное положеніе передъ нашими же товарищами.

Выходомъ является одно: присоединеніе къ большинству. Я почувствовала, какъ большая тяжесть отлегла отъ сердца при такомъ рѣшеніи.

21 февраля. Съ такими мыслями легла я спать, съ такими же и проснулась, читая въ Zeitung'ѣ повелѣніе Государя Ванновскому произвести «всестороннее разслѣдованіе» причинъ и обстоятельствъ беспорядковъ, начавшихся 8-го февраля, и также указаніе, что принятіе мѣръ къ возстановленію порядка возлагается на начальство этихъ учебныхъ заведеній. Объ этомъ я слышала еще вчера въ студенческой столовой.

Тамъ оживленіе необыкновенное: болѣе 1000 человекъ посѣщаютъ ее теперь ежедневно. Университетъ закрытъ съ 9-го февраля, а официально—съ 11-го (кажется), и поэтому столовая является центральнымъ пунктомъ стеченія учащихся. Статьи и бюллетени событій ходятъ по рукамъ и читаются нарасхватъ. Какъ жалѣю я, что нельзя собирать ихъ день за днемъ, чтобы такимъ образомъ составить исторію движенія. Неловко брать съ собой и уносить листокъ, когда видишь, что онъ переходитъ изъ рукъ въ руки.

Обрисовывался переходъ дѣла въ другую, самую важную фазу. Теперь студенчеству надо очень настойчиво держаться за свои требованія. Сегодня я читала на литографированныхъ листкахъ статьи по поводу распоряженія и увѣщаніе держаться крѣпче, продолжать забастовку. Число забастовавшихъ всѣхъ учебныхъ заведеній простирается до 20 слишкомъ тысячъ: всѣ петербургскія высшія учебныя заведенія, всѣ существующіе женскіе курсы (за исключеніемъ медичекъ: тамъ, говорятъ, 32 человекъ ходятъ на лекціи); движеніе въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Ригѣ. Нѣтъ извѣстій изъ Казани, Дерпта, Одессы да еще изъ далекаго Томска, но, безъ сомнѣнія, придутъ.

Да! Жизнь кипитъ ключомъ въ небольшомъ розовомъ домѣ

на 10-й Линіи. Сквозь легкій туманъ дыма въ первой комнатѣ, около буфета, видны группы студентовъ за столомъ съ пивомъ, чаемъ и обѣдомъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ кучки тѣсно сбились и слушаютъ оратора. Въ другихъ трехъ комнатахъ тоже очень тѣсно. Никто и не думаетъ обращать вниманіе на объявленія, гласящія, что воспрещается студентамъ другихъ учебныхъ заведеній посѣщать столовую, и для удобства обѣдающихъ просятъ уступать мѣста вновь прибывающимъ. Сквозь толпу съ трудомъ пробираются мальчики съ посудой. Путьцы, горняки, лѣсники, курсистки—всѣ сидятъ, говорятъ, забывъ объ обѣдѣ и читая бюллетени и листки. Вотъ идетъ студентъ, раздавая узенькіе литографированные листочки со стихами; они недурны, и я беру ихъ на память...

Сли—чевскій, конечно, тутъ же. Толчется и спорить со мною, зачѣмъ я беру стихи. Я давно уже отобѣдала, но, пока не прочла всѣхъ бюллетеней, не ушла, конечно.

Четвертый часъ. Народу прибываетъ все больше и больше. Приходятъ не за обѣдомъ,—наоборотъ: у окошечка кухни въ эти дни всегда свободно, и по комнатамъ не тянется длинная шеренга ожидающихъ. Въ прихожей съ трудомъ можно повернуться; пальто и наши жакетки складываются въ груды на полъ, за неимѣніемъ мѣста. Съ трудомъ отыскиваю свою и ухожу.

Ухожу сюда, чтобы думать... думать, какъ поступить. Совѣсть подсказываетъ мнѣ, что завтра я должна заявить и нашей и той партіямъ, что перехожу на сторону большинства, и изложить при этомъ мотивировку своего поступка; затѣмъ итти къ Временному правленію, которое завтра, конечно, будетъ продолжать опросъ, и заявить ему, что стою за закрытіе курсовъ, и, наконецъ,—подписать подъ круговую порукой. Чтеніе сегодняшнихъ извѣстій еще болѣе укрѣпило меня въ этомъ намѣреніи. Я раскаиваюсь, что сразу примкнула къ той партіи, основываясь на старомъ рѣшеніи большинства, и, только исполнивъ свое рѣшеніе, чувствую, что буду теперь нравственно спокойна. За эти пять дней исторія ушла впередъ, а я, сбитаая съ толку противорѣчивыми показаніями партій, взаимно обвинявшихъ другъ друга въ нечестности, не могла, разумѣется, довѣрять ни той ни другой. Вотъ и дѣйствовала сама, на свой страхъ, пока не стала раздумывать надъ бюллетенями и дѣйствіями администраціи.

Да, много значить морально сочувствовать дѣлу! Мнѣ легче признаться передъ всѣми въ своихъ ошибкахъ, нежели жить такою раздѣленною духовною жизнью, какъ теперь живу. Если бы я не сходилась съ товарищами въ принципъ—это дѣло другое:

тогда мнѣ было бы въ тысячу разъ легче; а теперь, въ сущности, вышло вродѣ компромисса...

Когда, обдумавъ все происшедшее, оглядываешься на картину всѣхъ дѣйствій за эти дни, то получается дѣйствительно нѣчто грандіозное, захватывающее; борьба за обще-человѣческія, элементарныя права заполняетъ собою все, и какъ-то само собою исчезаетъ опасеніе и за судьбу курсовъ, и за вредъ для распространенія женскаго образованія въ провинціи. И понятнымъ становится то, что я раньше рѣзко называла «массовымъ гипнозомъ». Положимъ, навѣрное, есть и такія, и даже много, которыя пошли безсознательно; но 20 тысячъ трудно увлечь такимъ путемъ, тѣмъ болѣе, что движеніе совершается въ разныхъ городахъ, и на этотъ разъ оно вполне справедливо. Не даромъ и администрація растерялась, и министры раздѣлились на двѣ партіи... Все исчезаетъ въ общемъ огромномъ потокѣ...

Да... итакъ, завтра!

23 февраля. И я пошла на другой же день.

А вечеромъ въ воскресенье было собраніе этического кружка. Читалъ Меньшиковъ изъ соч. Эмерсона главу «О довѣрїи къ себѣ». Написана недурно; жаль только, что Меньшиковъ такъ пользуется мыслями Эмерсона, размазывая ихъ въ своихъ статьяхъ. Профессора Вагнера не было, и безъ него дѣло сразу пошло гораздо лучше; пренія шли очень оживленно... но мнѣ было не до нихъ, въ сущности. Весь день просидѣла я безвыходно, подавленная сознаниемъ сдѣланной ошибки, и записывая о событіяхъ. Къ концу собранія, когда предсѣдатель поднялъ вопросъ объ учащейся молодежи, я оживилась и была рада узнать отъ земляка—медика К—ва,—что профессора Бекетовъ и Фаминцынъ имѣли въ субботу у Государя аудіенцію, что тотъ отнесся къ нимъ очень внимательно, и что всякій желающій можетъ приходить къ нимъ ежедневно узнавать обо всемъ, такъ какъ Ванновскій, будто бы, призвалъ ихъ въ члены комиссіи.

На другой день пошла къ Н. Н. Бекетову. Милый старичекъ вышелъ ко мнѣ и спросилъ:—«Когда вы начнете лекціи?»—Неизвѣстно,—сказала я.—«Хм... неизвѣстно, неизвѣстно»...—заворчалъ онъ такимъ добродушнымъ тономъ, что мнѣ захотѣлось прямо броситься на шею этому старичку и расцѣловать его... Вѣтровская исторія и его участіе въ ней вспомнились мнѣ, и какое-то хорошее чувство наполняло душу, пока онъ ходилъ по комнатѣ и добродушно повторялъ:—«Ну, и будетъ съ васъ... успокойтесь. Я и Фаминцынъ были у Государя, и онъ отнесся къ намъ очень

хорошо... Да почему это до сихъ поръ отъ васъ ко мнѣ никто не приходиль?» Я отвѣчала, что, должно быть, не знали. Видя, что ничего больше не добьешься, я стояла молча, до тѣхъ поръ, пока онъ не подаль мнѣ руки, сказавъ:—«Ну, до свиданья, успокойтесь».

Пошла къ Фаминцыну. Тотъ принялъ меня очень внимательно, рассказалъ о настроеніи общества, которое все было на нашей сторонѣ, о милостивомъ приѣмѣ Государя и умолялъ не портить дѣла, начавъ посѣщеніе лекцій, и съ довѣріемъ относиться къ комиссіи. Въ составъ ея Ванновскій призвалъ двухъ юрисконсультовъ министерства внутреннихъ дѣлъ (одного изъ нихъ военнаго) и двухъ академиковъ, расположенныхъ къ молодежи.—«Имѣйте довѣріе къ намъ, предоставьте опять намъ образъ дѣйствій, вѣрьте, что мы отстоимъ ващи интересы»,—говорилъ онъ. На мое опасеніе о высланныхъ товарищахъ онъ отвѣчалъ увѣреніемъ, что ихъ вернутъ, если мы не будемъ волноваться. Мнѣ начинало становиться яснымъ, что у комиссіи много враговъ, и ея назначеніе не всѣмъ желательно, если Фаминцынъ такъ горячо убѣждалъ насъ не портить ему дѣла.

Прежде чѣмъ итти на курсы въ канцелярію, я забѣжала къ Юленькѣ М. и Сонѣ П., обняла ихъ и заявила, что присоединяюсь къ нимъ. Онѣ были тронуты, и мнѣ на душѣ стало легче. Я почти бѣжала на курсы...

Временное правленіе засѣдало въ профессорской. Пришлось ждать очереди. Опросъ, надобвшій комиссіи, тянулся уже четвертый день... Черезъ нѣсколько минутъ я «предстала» предъ очами правленія,—и изложила имъ тѣ мотивы, по которымъ я перешла на сторону большинства, ссылаясь, главнымъ образомъ, на незнаніе мною обстоятельствъ дѣла, и просила причислить меня къ большинству. Лишь только я употребила ненавистное имъ слово «большинство»,—Сонинъ желчнымъ тономъ заявилъ, что онъ не принимаетъ этихъ моихъ словъ, и что меня они запишутъ отсутствовавшей изъ Петербурга отъ 12—17 февраля (т.е. какъ-разъ, когда происходили всѣ главныя событія, вызвавшія прекращеніе лекцій). Я возмущилась.—Такъ вы причисляете меня къ отсутствующимъ изъ Петербурга, когда я перехожу на сторону большинства, а когда я была въ меньшинствѣ, то вы меня объ этомъ не спрашивали?! Платоновъ взялъ бумагу:—«Вопросъ былъ предложенъ вамъ въ такой формѣ: подавали ли вы голосъ за или противъ чтенія лекцій? А такъ какъ васъ въ этотъ день не было въ Петербургѣ, то тѣмъ самымъ вы не можете примыкать къ протестующимъ».—Но въ такомъ случаѣ я не могу быть и «за» нихъ, а между тѣмъ вы меня тогда записали такъ. И вопросъ мнѣ пред-

ложили въ краткой формѣ: «за или противъ прекращенія лекцій?» Я поняла это, какъ вопросъ о мнѣнїи.—Платоновъ оскорбленнымъ тономъ сказалъ:—«Иначе говоря, вы насъ обвиняете, что мы предложили вамъ вопросъ въ иной формѣ?»—Да, я хорошо помню.—«Г-жа Дьяконова можетъ подать письменное заявленіе»,—примирительно сказалъ директоръ. Я поклонилась и вышла.

На душѣ стало совсѣмъ легко. Мой переходъ на сторону большинства былъ, такъ сказать, законно утверждёнъ (прошеніе для участія въ круговой порукѣ я подала, еще идя въ профессорскую). Рассказывая обо всемъ столпившимся кругомъ меня товарищамъ, я чувствовала, что, чѣмъ болѣе обвиняла себя въ ошибокѣ, тѣмъ легче было на душѣ... Сегодня я подала формальное заявленіе. На «опросъ», придуманный Временнымъ правленіемъ, съ каждымъ днемъ является все менѣе и менѣе слушательницъ.

Вечеромъ, въ тревожномъ опасенїи за высланныхъ товарищей, втроемъ мы ходили къ Фаминцыну. Но онъ ничего не могъ самъ сказать новаго, кромѣ того, что въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія начались волненія. Кстати, тутъ же былъ и инспекторъ его интерната, высокій пожилой господинъ. Онъ рассказалъ намъ, какъ узналъ вчера вечеромъ, что собирается совѣтъ у министра внутреннихъ дѣлъ, и побѣждалъ сейчасъ же въ полночь по интернату, уговаривая начать занятія.—«Иначе—намъ плохо».—То-есть, какъ это?—недоумѣвая, спросила я.—«Комиссію уничтожили бы. Ея назначеніе не всѣмъ желательно, и совѣтъ былъ собранъ прямо съ цѣлью показать, что движеніе молодежи имѣетъ характеръ политической, и, если бы лекціи не начались,—неизвѣстно, что вышло бы». Онъ говорилъ горячо и убѣдительно. И еще съ большей убѣдительностью на умъ приходило соображеніе, что на нашихъ головахъ, кому это нужно,—дѣлаютъ карьеру, что нашимъ движеніемъ тамъ, наверху,—разныя силы пользуются съ разными намѣреніями... Ну, заварилась каша!... Насъ успокаивали, просили тоже начать лекціи...

24 февраля. Юленька уговорила меня пойти на выставку картинъ Васнецова. Надо было отдохнуть душой послѣ всего испытаннаго. И правда, выставка производитъ прекрасное впечатлѣніе. Такую отраду я только второй разъ выношу съ выставокъ за этотъ учебный годъ: впервые это было на Рождествѣ, на посмертной выставкѣ картинъ Шишкина, Ендогурова и Ярошенка, второй разъ—теперь.

«Гвоздь выставки»—безъ сомнѣнія, картина «Выѣздъ богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеша Поповича». Съ радостью прочла я внизу билетикъ съ надписью: «пріобрѣтена въ собственность художественной галлерей бр. Третьяковыхъ». Это одно изъ самыхъ талантливыхъ произведеній русской живописи. Какая мощь и какое спокойствіе разлиты въ этихъ трехъ фигурахъ, которыя являются символами, чисто русскими символами! Богатыри сидятъ на своихъ косматыхъ крѣпкихъ лошадахъ, такихъ же простыхъ, какъ и вся ихъ одежда и вооруженіе, сидятъ въ спокойныхъ позахъ, безъ заносчивости и хвастливой храбрости; на лицахъ нѣтъ и слѣда гордости; они смотрятъ добрыми глазами,—они такъ величаво-спокойны, такъ симпатичны въ своей простотѣ и... такъ сильны. Это сочетаніе—спокойнаго сознанія собственной мощи и доброты—удивительно удалось художнику, и оттого его «Богатыри» привлекательны для сердца каждаго человѣка, много говоря своимъ нѣмымъ языкомъ. Нѣтъ,—надо дѣйствительно родиться русскимъ, чтобы создать истинно-національное произведеніе. Въ произведеніи Васнецова эти созданія русскаго эпоса настолько симпатичны, что невольно и у иностранцевъ могутъ возбудить любовь и симпатію къ великому, многострадальному народу...

Другая картина: «Витязь на распутьѣ»—поражаетъ сразу силою, съ какою выражено въ ней настроеніе. Тяжелое раздумье во всей картинѣ,—и въ понуромъ конѣ и въ позѣ витязя, задумчиво читающаго надпись. Грустью и чѣмъ-то жуткимъ вѣетъ и отъ этого стараго, покосившагося на бокъ камня съ надписью, и отъ всего пейзажа при свѣтѣ потухающаго солнца, и отъ этихъ черныхъ птицъ кругомъ, и отъ черепа. Васнецовъ мастерски передаетъ настроеніе. Небольшая картинка «Затишье» вблизи кажется просто подмалевкомъ, а издали поражаетъ художественностью, необыкновенной прелестью, и опять-таки настроеніемъ. Озеро съ вдающимся въ него мысомъ съ деревьями, около которыхъ въ задумчивой позѣ женская фигура... Тишина въ воздухѣ, въ водѣ, въ лѣсу, по берегамъ, все точно заснуло, птицы тихо плывутъ по водѣ... Женщина поддалась этому захватывающему настроенію природы и замерла сама...—Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!—твердила я и готова была плакать при видѣ столь живо схваченнаго чуднаго уголка природы, и ея могущественная сила, казалась, начинала дѣйствовать и на меня...

Справа и слѣва—двѣ большія картины: «Сиринь и Алконность»—птицы радости и печали—и «Гамаюнъ»—птица вѣщая; послѣдняя оставляетъ болѣе сильное впечатлѣніе, хотя всѣ три

прекрасно задуманы. На аломъ фонѣ, цвѣта зарева пожара, на фантастической вѣткѣ такого же дерева сидитъ птица съ блѣднымъ, узкимъ лицомъ дѣвушки; безкровныя тонкія губы крѣпко сжаты, сѣрые глаза съ затаеннымъ ужасомъ смотрятъ вдаль, бѣлокурые волосы почти закрываютъ низкій лобъ и причудливыми прядями ореоломъ окружаютъ голову, ихъ сдерживаетъ фантастическій обручъ съ отростками... Птица смотритъ вдаль и какъ будто видитъ, что дѣлается тамъ, впереди вѣковъ...

Другая картина: заливаясь, поетъ Сиринь, прекрасная женская головка въ древне-русскомъ вѣнцѣ; рядомъ съ нею на вѣткѣ, склонивъ подъ черное крыло изсиня-блѣдное лицо, по которому катятся крупныя слезы, поетъ Алконость. Мнѣ при этомъ почему-то вспомнилась дѣтская пѣсенка кукушки, которую мать иногда играла намъ на роялѣ. Каждый куплетъ заканчивался грустнымъ припѣвомъ: ку-ку, ку-ку, ку-ку! который до того дѣйствовалъ на меня, что я всегда плакала отъ жалости къ бѣдной кукушкѣ... Мнѣ почему-то показалось, что этотъ Алконость, если бѣ пѣлъ, то запѣлъ бы непременно такимъ же жалобнымъ, хватающимъ за душу напѣвомъ.

Далѣе—три женскіе портрета семьи Мамонтовыхъ, сына художника, прелестная маленькая картинка «Гусляры», «Пирь каменнаго вѣка» и картина «Скиѡы», съ преобладаніемъ рыжихъ тоновъ; масса чудныхъ рисунковъ къ «Снѣгурочкѣ», «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ»—вотъ почти вся выставка. Немного, но зато всякая вещь—въ своемъ родѣ перлъ. Ахъ, если бѣ у насъ поменьше рисовали вздора,—побольше бы было такихъ художниковъ, какъ Васнецовъ! Всѣ вещи распроданы. Государь, говорятъ, заказалъ повтореніе «Гусляровъ».

Такъ отраднo начавшійся день закончился печальнымъ эпизодомъ. Я пошла вечеромъ въ интернатъ въ гости; въ 10 часу вечера разнеслась вѣсть о новомъ объявленіи, вывѣшенномъ Временнымъ правленіемъ. Мы бросились на курсы. Внизу у лѣстницы висѣлъ списокъ «уволенныхъ по прощенію, за безпорядки, произведенные въ зданіи курсовъ» 21 слушательницы, изъ нихъ болѣе всѣхъ—съ IV-го курса, менѣе (3) со II-го. Наше Временное правленіе, закрывъ курсы, очевидно, намѣревается начать чтеніе лекцій съ 1 марта. И вотъ, вмѣсто «успокоенія умовъ»—вдругъ бросаетъ подобное объявленіе нервной толпѣ. Они точно не понимаютъ, что играютъ съ огнемъ... О. К., случайно бывшая тутъ же (было засѣданіе строительной комиссіи), говорила намъ, что эта мѣра является, такъ сказать, необходимой въ виду требованія министерства. Но, вѣдь, очень странно ограничиваться лишь

тремя жертвами съ курса. Другія были «виновны» не меньше ихъ.

25 февраля. Да, какъ думаешь, положеніе запутывается, настроеніе тревожное всюду. Горный, электро-технической, путейцы, гражданскіе, рождественки, военно-медицинская академія—прекратили забастовку, и вчерашній бюллетень извѣщалъ, что, по рѣшенію большинства, забастовка прекращается. Но въ университетѣ, у насъ и въ академіи художествъ сходокъ не было, а потому и жгучій вопросъ—начать ли съ 1-го марта посѣщеніе лекцій—не могъ быть рѣшенъ; сходка назначена завтра.

Да, завтра будетъ бурная сходка! На вывѣщенное объявленіе смотрятъ просто какъ на попытку министерства, которое, желая выпутаться изъ невозможнаго положенія, дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы выказать свою распорядительность, и... можетъ быть желаетъ даже поддержать такой политикой раздраженіе молодежи, чтобы потомъ имѣть возможность указать на политической характеръ движенія и тѣмъ самымъ повредить комиссіи, назначеніе которой ему не можетъ быть приятно... Вокругъ насъ—масса разныхъ слуховъ, и вѣрить имъ, конечно, трудно.

Но, что будетъ, если раздраженное большинство рѣшитъ и послѣ 1-го марта не ходить на лекціи и продолжать беспорядки—рѣшитъ не берусь. Здравый смыслъ подсказываетъ, что въ такомъ случаѣ будутъ приняты крупныя мѣры. Намъ дали одержать побѣду, намъ уступили, закрыли курсы, но... на время, конечно. А дальше—нельзя... Да это и логично, потому что никакое начальство не позволитъ молодежи дольше опредѣленнаго времени быть хозяевами положенія. И намъ надо понять это и тактично вести дѣло дальше, начать ходить на лекціи, а потомъ—выждавъ время, поставить вопросъ о возвращеніи товарищей.

Что будетъ завтра?!

26 февраля. Въ 11 часовъ утра въ главномъ интернатѣ была эта сходка... Шумъ, крикъ. М—ва—плохая председательница... даже колокольчика не было путнаго. Говорили объ исключенныхъ и о примѣненіи круговой поруки. Возникаль вопросъ: не ухудшимъ ли мы судьбу своихъ товарищей, если всѣ 560 человекъ выйдемъ? Говорили и исключенныя: Д—ашъ, которая не со-вѣтовала тотчасъ же примѣнять эту поруку, другая же страшно горячилась и предлагала примѣнить ее тотчасъ же. Въ концѣ-концовъ, сходка признала себя некомпетентной въ рѣшеніи вопроса о круговой поруки, такъ какъ многихъ не было. Рѣшено: съ 1-го

марта открыть лекції, т.-е. не устраивать обструкціи, но самимъ (т.-е. всѣмъ участвующимъ въ круговой порукѣ) не ходить, пока не выяснится подоженіе дѣлъ, т.-е., когда будутъ возвращены наши товарищи.

Въ столовой масса новыхъ извѣстій. «Группа 147» и бюллетень студенческой кассы въ общемъ—солидарны. То же чувство опасенія за пострадавшихъ товарищей, то же сомнѣніе въ правительственной комиссіи, тѣ же колебанія: не продолжать ли забастовку?

Въ Москвѣ дѣятельно высылаютъ...

28 февраля. Вечеромъ назначена была сходка групповая. Въ 6 часовъ я зашла къ Фаминцыну, который уполномочилъ меня сообщить всѣмъ, что вчера, въ 9 часовъ вечера, былъ совѣтъ министровъ, на которомъ рѣшено было вернуть всѣхъ пострадавшихъ курсистокъ, Фаминцынъ же самъ на-дняхъ (дня точно не помню) вручилъ дежурному флигель-адъютанту Борису Владиміровичу для передачи Государю ходатайство о высланныхъ студентахъ. Великій князь долго говорилъ съ нимъ.

Вчера появилась въ «Правѣ» статья А. Арсеньева, которая вполне сочувственна студенческому движенію, въ отвѣтъ на мерзкое «Маленькое письмо» Суворина въ № 8257. Въ этотъ день ее очень трудно было достать, но сегодня догадливый газетчикъ съ угла Средняго проспекта и 10-й Линіи всталъ у дверей студенческой столовой съ №№ «Права» и пребойко торговалъ, продавая вмѣсто 20 по 30 коп. №.

Бюллетени всѣ тревожны и указываютъ на завтрашній день, какъ на рѣшительный для всего движенія. Въ списокѣ высланныхъ и исключенныхъ учащихся—число громадно, свыше 100 человекъ изъ петербургскаго университета, съ курсовъ 24, изъ Технологическаго 92. Въ Харьковскомъ виситъ глупѣйшее объявленіе, что всѣ студенты считаются исключенными.

1 марта. Перваго курсы официально открыты. А мы всѣ спѣшимъ на сходку: началось въ 11, кончилось въ 3. Гвалтъ, шумъ... Предсѣдательница М—нова тоже не взяла колокольчика; порядокъ водворяется стучаніемъ кулаковъ по столу и криками: «тише!»

Сходку открыли въ IV аудиторіи рѣчью о круговой порукѣ. Говорила одна изъ исключенныхъ, Д—нъ, какъ ее должно понимать: всѣ исключенныя понимаютъ ее не какъ средство спасенія товарищей, не какъ угрозу начальству: «если вы ихъ не вернете,

и мы уйдемъ», а какъ нравственное обязательство, заявленіе общей солидарности. Если нашихъ товарищей исключили, то и мы виноваты ровно столько же, сколько и они; ихъ исключили,—и мы уходимъ. Послѣ рѣчи ея говорили и другія; нѣкоторыя возражали, понимая круговую поруку, какъ средство для спасенія товарищей. Вопросъ былъ поставленъ на баллотировку, и большинство поднятіемъ рукъ заявило, что понимаетъ ее, какъ нравственное обязательство. Теперь возникъ вопросъ: когда ее примѣнить?

Такъ какъ письменныхъ коллективныхъ заявленій не принимаютъ, то рѣшено было пойти къ директору уцѣлѣвшимъ депутатамъ и заявить о рѣшеніи сходки устно; а такъ какъ не отъ директора, конечно, зависѣло исключеніе, то рѣшено было дать срокъ три дня, чтобы онъ могъ узнать, отъ кого можно, могутъ ли быть возвращены наши товарищи или нѣтъ. Если онъ или Временное правленіе откажется входить съ нами въ какіе бы то ни было разговоры, то все-таки рѣшено ждать три дня. Вопросъ о срокѣ уже поставили на баллотировку, какъ пришли отъ Фаминцына, заявивъ то же, что говорила и я, но чему, конечно, большинство, извѣрившееся въ разные слухи, не повѣрило. Когда же съ кафедры сказали: «сейчасъ пришли отъ Фаминцына», «всѣхъ вернуть непременно»—толпа повѣрила. Фаминцынъ просилъ только подождать пять дней, или недѣлю, не приводить въ исполненіе круговой поруки. Очевидно, милый старичекъ хотѣлъ уладить все дѣло мирнымъ путемъ. Противъ недѣли возстали всѣ. Баллотировкой все-таки порѣшили ждать пять дней. Затѣмъ, выработавъ форму устнаго заявленія директору о рѣшеніи большинства, сходка закрывается на часъ, чтобы дать время переговорить съ директоромъ и написать прошеніе для круговой поруки тѣмъ, кто еще желаетъ къ ней примкнуть. На кафедру подается нѣсколько бумагъ. Сходка закрывается.

Въ перерывъ вдругъ разнесся слухъ, что вывѣшено объявленіе о строгомъ выговорѣ и исключеніи, въ случаѣ повторенія безпорядковъ, двумстамъ слушательницамъ. Всѣ бросились внизъ. Лѣстница была запружена народомъ, такъ что нельзя было пройти, и только издали мы слышали голосъ, отчетливо читавшій фамилии. Это было слѣдствіемъ обѣщанія 24 февраля—«о другихъ взысканіяхъ будетъ объявлено особо»... Такъ «дѣйствовало» Временное правленіе... На этотъ разъ всѣ только смѣялись. Смѣялся и проф. К., пришедшій читать лекцію, но вмѣсто нея—бесѣдовавшій «по душѣ» съ тѣми немногими, которыя были въ меньшинствѣ. Ему, очевидно, неловко было итти противъ насъ,

и онъ, исполнивъ официально обязанность, не читаль второго часа.

Черезъ часъ—всѣ вновь въ аудиторіи. Директоръ отказался входить въ объясненія. Рѣшено, что и Временное правленіе, дѣйствуя во всемъ солидарно, отвѣтитъ то же. Значитъ—ждать до субботы и собраться завтра еще разъ въ 12 часовъ.

2 марта. Собрались въ 12 часовъ. Рѣшеніе было подтверждено еще разъ, и только, чтобы имѣть возможность привести въ извѣстность число собравшихся, рѣшено было у дверей записывать фамиліи при выходѣ и потомъ извѣстить тѣхъ изъ противной партіи, которая не были на сходкѣ, о рѣшеніи ея—всѣ пять дней не ходить на сходки, уравнивая этимъ свое положеніе съ исключенными—чтобы къ субботѣ всѣ знали; въ этотъ же день—захватить паспорта съ курсовъ и книги изъ библіотеки. Сходка продолжалась не болѣе часа и закрылась.

Вчера вечеромъ, когда я лежала совсѣмъ разбитая отъ 4-часового гвалта, пришелъ Ан. Кон. Онъ разсказаль, что сейчасъ въ университетѣ идетъ совѣтъ... и, вообще, разсказаль преинтересныя вещи. Записываю съ его словъ,—если онъ вреть, и я вру...

Въ сентябрѣ истекаетъ срокъ усиленной охранѣ Петербурга, наложенной съ 1-го марта 1881 года и поглощающей громадныя суммы. Такъ, напримѣръ, въ личное распоряженіе петербургскаго градоначальника поступаетъ около двухъ милліоновъ, не считая прочихъ суммъ... Муравьевъ проситъ у Витте денегъ на прибавку къ жалованью чиновникамъ министерства юстиціи; ему обѣщали не ранѣе 1900 года. Очевидно, разсчитываютъ на деньги «усиленной охраны». Теперь Витте и старается изо всѣхъ силъ доказать, что въ этомъ движеніи нѣтъ ничего политическаго, дабы уничтожить охрану въ сентябрѣ, какъ не имѣющую никакого смысла. А тѣ, кому она нужна, разумѣется, стараются доказать противное. Вообще, Витте дѣлаеть карьеру...

Очевидно, къ этой студенческой исторіи припуталось столько всякихъ соображеній, столько честолюбій, что мы, чистые идеалисты, выносимъ на своихъ плечахъ, быть можетъ, гораздо болѣе важныя послѣдствія, нежели думаемъ и теперь. «Охрана правъ личности»—вотъ наше знамя, подъ которымъ мы встали, а... что изъ этого выйдетъ? какія послѣдствія?... Будутъ ли, дѣйствительно, осторожнѣе съ студентами? будетъ ли, въ сущности, «охрана правъ личности» послѣ этой исторіи лучше?

— Не намъ судить!—скажу осторожно. Но какъ человѣкъ, привыкшій къ историческому разсмотрѣнію движеній человѣче-

ства, скажу: если мы даже и не достигнемъ сразу всего, чего хотѣли,—ничего! Сразу ничего не дѣлается, но необходима борьба! Она необходима въ силу нашихъ условій. И вотъ отчего вся эта исторія кажется многимъ грозою, освѣжающей воздухъ!

Студенческія исторіи, говорятъ, бесплодны: кончаются ничѣмъ! Нѣтъ, онѣ служатъ показателями ненормальнаго положенія учащейся молодежи, неустанно напоминають о работѣ юной мысли... и вотъ отчего лучшая часть студенчества обыкновенно попадаетъ въ нихъ...

Да, я рада, что въ мое окончаніе курсовъ случилась такая исторія! Мнѣ даже хотѣлось бы уйти, хотѣлось бы, чтобы круговая порука была приведена въ исполненіе. Надо бы устроить эту внушительную демонстрацію товарищества! Ахъ, скорѣе бы все кончилось! Да, мнѣ просто хочется какъ можно, какъ можно скорѣе конца. Только ради словъ Фаминцына согласились мы ждать 5 дней,—больше не надо, мы и такъ измучились. Скорѣй бы!

Если 24 поступятъ, то и мы всѣ, конечно, вернемся осенью, въ противномъ случаѣ я уже придумала: ѣхать или къ голодающимъ, если удастся пристроиться, или на лѣтній семестръ въ берлинскій университетъ. Что будетъ потомъ со мною, я не думаю... Но для другихъ это—бѣда; для многихъ, особенно для «сверхкомплектныхъ», обязанныхъ держать всѣ экзамены весной,—выходъ изъ курсовъ есть прямое препятствіе къ поступленію вновь; многія другія не имѣютъ средствъ. Для сверхкомплектныхъ надо обратиться къ профессорамъ, пусть они ходатайствуютъ за нихъ, чтобы дать экзамены осенью.

Да, вотъ оно, мое предчувствіе, оно сбылось вполнѣ! На 4-й годъ, весною... какъ въ послѣдній годъ моего житья дома было, такъ и теперь... Весна, весна! Каждый годъ, наравнѣ съ пробужденіемъ природы, ты приносишь мнѣ тяжелое горе... На этотъ разъ ты принесла мнѣ весеннюю грозу, а съ нею вмѣстѣ и я какъ бы обновилась духомъ. Великая школа—борьба! Должно быть, безъ нея я просто никогда бы не узнала, въ чемъ состоитъ жизнь; пока ея нѣтъ—я сплю; борьба же даетъ мнѣ такую силу, такое мужество, я чувствую себя душевно—хорошо, хотя по наружности измѣнилась такъ, что многіе удивляются...

Ахъ! въ тотъ моментъ, когда 568 прошеній будутъ торжественно внесены въ канцелярію, я вздохну такъ радостно и свободно, какъ давно не дышала... Сочувствіе всего общества за нами, мы уйдемъ и вернемся или съ товарищами вмѣстѣ или вовсе не вернемся!

3 марта. На курсах сходовъ нѣтъ, бюллетени прекратились. Университетъ рѣшено открыть временно, до 12 марта, выжидая возвращенія высланныхъ товарищей.

Была въ библиотекѣ. Собрались: К—нская, Ек. Б—нова, Э. И. М—ова. Увидавъ меня, О. Ю. воскликнула:—«И вы съ ними!» Она волновалась.—«Что хотите вы дѣлать? 500 человекъ уходятъ... Да, вѣдь, это—стачка!» Настроеніе всѣхъ собравшихся было тревожное.—«Что Раевъ—хлопочетъ?»—«Да, конечно, ему объщаютъ»... (Дѣло шло, очевидно, о 24-хъ).—«А знаете ли, въ воскресенье министръ (Боголѣповъ, конечно) призывалъ Раева, держалъ его отъ 2-хъ до 5-ти часовъ, и Раевъ говоритъ, что онъ только потому не подалъ въ отставку, что считаетъ это въ данный моментъ трусостью».—«Ну, вотъ и дождетесь, что Николай Павловичъ уйдетъ, и вамъ посадятъ какого-нибудь»...—воскликнула О. Ю.—«Съ ними нельзя теперь говорить!»—махнула рукой Б—нова и ушла въ сосѣднюю комнату, такъ какъ въ дверяхъ библиотеки показалась баронесса И.

Я съ трудомъ сдерживала улыбку. Гордое сознание силы, сознание всей внушительности манифестаціи, вызывало эту улыбку. Этого боялись и, высказывая такъ ясно свои опасенія, только увеличивали въ насъ сознание этой силы. Мы теряли, уйдя съ курсовъ, но выиграемъ нравственно... Вечеромъ пошла къ Фаминцину и, хотя говорить пришлось недолго, все же узнала очень важную вещь: будто бы министръ увольняетъ слушательницъ временно, а намъ этого не сообщали.

...Одинъ изъ профессоровъ не читалъ своей обычной лекціи, а вмѣсто этого зло издѣвался надъ нами, 30—40 лицами, которыя сидѣли на лекціяхъ. Онъ началъ свою рѣчь ироническимъ замѣчанемъ, смыслъ котораго поняли только двое демонстративно вышедшія изъ аудиторіи. Онъ продолжалъ въ томъ же духѣ; говорилъ о томъ, какъ онъ могутъ слушать лекціи, когда ихъ товарищи не ходятъ на нихъ, предложилъ имъ ходатайствовать передъ Временнымъ правленіемъ за уволенныхъ и, наконецъ, сказалъ, что это движеніе—безпримѣрное въ лѣтописяхъ университета, въ русской исторіи.—«И во всемирной!»—сказала И., желая, очевидно, сиронизировать. Профессоръ возразилъ, что подобное было уже въ Сорбоннѣ. Такъ онъ бесѣдовалъ около часу. И, когда кончилъ, то нашлась одна дура, которая спросила:—«а второй часъ вы будете читать?» Вотъ истинно-христіанскій поступокъ: ударили по ланитѣ—я подставила и другую. Какой позоръ! А профессоръ вышелъ въ залу и очутился среди большин-

ства, которое расхотилось послѣ короткой сходки. Видимо, сочувствуя намъ, онъ радъ былъ поговорить...

4 марта. На курсахъ попережнему очень мало посѣщаютъ лекціи. Разнесся слухъ, что директоръ поручилъ передать С—вой и К—вской, чтобы онѣ подавали прошенія; первая — одна изъ самыхъ сомнительныхъ, и этимъ намъ какъ бы показываютъ, что остальные подавно будутъ приняты. Но когда?—вотъ вопросъ.

Однако, этотъ авансъ произвелъ должное впечатлѣніе, и многія начали отказываться отъ рѣшенія сходки 1-го марта. Дѣло запутывается. «Умѣренные» изъ 500 раздумываютъ, стоитъ ли имъ подавать прошенія, если уже начато какъ бы неофициальное возвращеніе товарищей? А нехожденіе на лекціи все же рѣшено продолжать, пока не вернутъ всѣхъ... Но съ 15-го начинаютъ экзамены...

5 марта. И сегодня—тѣ же толки.

Дѣйствительно, если вѣрить, что эти двѣ будутъ приняты, вѣрить этому авансу,—приводить въ исполненіе круговую поруку нѣтъ основанія по извѣстной для всѣхъ причинѣ: остальные будутъ возвращены. Но, съ другой стороны, это неопредѣленное положеніе, томительно ддящееся вотъ уже сколько дней, раздражаетъ, хочется покончить съ нимъ какъ можно скорѣе и разсуждать такъ: я виновата не менѣе, чѣмъ уволенные 24, и разъ мнѣ не дають прямого и яснаго обѣщанія въ томъ, что ихъ всѣхъ вернуть, и не могутъ назначить срока,—я ухожу и вернусь только тогда, когда онѣ возвратятся. Это было бы лучшее, и я склоняюсь къ послѣднему рѣшенію. Мнѣ возражаютъ многія, что я не имѣю права такъ разсуждать, что я говорю такъ оттого, что лично обезпечена, а каково другимъ-то! Конечно,—другимъ тяжело рѣшиться на это, но, вѣдь, и въ числѣ 24 есть такая бѣдность, которая виновата нисколько не болѣе, нежели мы. Говорятъ, что онѣ вернуться, а мы, если уйдемъ, то многія, которыя получили выговоръ, не будутъ вновь приняты, и вмѣсто 24 жертвъ мы создадимъ 100... Соображеніе практичное. И вотъ ради этого-то слѣдовало бы уйти всѣмъ раньше, такъ какъ тогда мы вполне сравнялись бы съ 24... Если Временное правленіе бросило намъ этотъ авансъ съ цѣлью разбить единство, то достигло своей цѣли: уже образовался расколъ... и завтра будетъ еще рѣзче. Уволенные ждутъ исполненія нашего рѣшенія, а мы... мы ждемъ. Полезенъ ли нашъ уходъ?—это вопросъ, на который исключенныя отказываются отвѣчать, и говорятъ, что онѣ пони-

мають круговую поруку какъ исполненіе нравственнаго обязательства, а не какъ средство спасенія.

Завтра будетъ бурная сходка... А хорошо бы намъ всѣмъ уйти! Картина вышла бы такая внушительная, — и стоитъ проучить Временное правленіе за такой образъ дѣйствій. Шутка ли: Платоновъ, какъ членъ Временнаго правленія, исключаетъ, а какъ профессоръ — подписывается подъ петиціей о возвращеніи слушательницъ. Двудикій Янусъ! Лицо отнынѣ — вполнѣ историческое. Съ какимъ скандаломъ провалился Сергѣевичъ! У Введенскаго — двусмысленныя рѣчи... Приходилось слышать и такія: — «Вы, 500 человѣкъ, идете въ омутъ!» — Какъ это человѣкъ до сихъ поръ не знаетъ самого себя? Иногда бываетъ такое состояніе, что, дѣйствительно, легче въ омутъ, нежели остаться жить... Да! люди науки оказываются плохими администраторами... Только нашъ директоръ Раевъ умѣлъ держать себя въ высшей степени тактично, и поэтому куда умнѣе остальныхъ... Правду говоритъ Е. Н. Ше — на, что въ подобныхъ случаяхъ рационалисты никуда не годятся.

И вотъ это-то нетерпѣніе охватываетъ меня... Скажу болѣе: мнѣ хочется теперь уйти. Я такъ недовольна собою, такъ недовольна своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ за эти три дня — 17, 18 и 19 февраля, что, кажется, буду вспоминать о нихъ всю жизнь съ краской стыда на лицѣ. Мнѣ хотѣлось бы чѣмъ-нибудь загладить ихъ... и, если бъ меня исключили, я была бы такъ рада, такъ рада... Я замѣчаю въ своей жизни такую массу ошибокъ, что могу чистосердечно сказать: «*homo sum, nihilque humanum a me alienum esse puto*»... Все человѣчество проходитъ тотъ же путь: ошибаясь, страдая за свои ошибки и искупая ихъ... Въ этомъ прогрессъ.

А что я работаю? — Да почти ничего: настроенія нѣтъ заниматься. Только со вчерашняго дня начала читать Градовскаго, а до сихъ поръ читала «Анну Каренину» и писала письма. Видно, придется оставаться на второй годъ; семестръ весь пропалъ для занятій, а въ виду того, что я плохо занималась и прошлый годъ, для меня потеря части этого года особенно чувствительна. Экзамены, пожалуй, сдамъ, но съ какими познаніями?... Я только что засѣла за философію Канта, только что занялась... стала учиться читать по-польски... и вотъ...

Вчера вечеромъ послала Вв — скому письмо, давно уже написанное, черновую нарочно прячу у себя. Врядъ ли онъ отвѣтитъ. Онъ слишкомъ гордъ, слишкомъ самоувѣренъ, чтобы пускаться въ объясненія съ той, которая кажется ему

ничтожностью. Правду сказалъ Ш.: «онъ его прочтетъ и забудетъ».

Господинъ профессоръ!

Простите, если я отрываю Васъ отъ занятій этимъ письмомъ. Но длинная бесѣда на курсахъ—неудобна, и поэтому я пишу Вамъ, надѣясь, что Вы дочитаете это письмо до конца. Я тороплюсь писать Вамъ, пока еще нахожусь въ средѣ учащихся,—и имѣю право сказать, что мой голосъ—голосъ одной изъ Вашей аудиторіи.

Нынче весною, прощаясь съ IV курсомъ, Вы сказали такую фразу: «желаю, чтобы не среда вліяла на васъ, а вы—на среду». Слова сентиментальныя, но... именно слова и въ дѣло они врядъ ли перейдутъ. Причина въ томъ, что Вы бросили ихъ не на такую подготовленную почву, какъ думаете. Возможность вліянія на среду предполагаетъ извѣстную нравственную силу... а гдѣ же большинству изъ насъ пріобрѣсти эту силу? Ужъ не въ убогихъ ли гимназіяхъ нашихъ, откуда мы вышли съ сознаниемъ своего невѣжества? на курсахъ ли? Съ женскихъ гимназій спрашивать нечего,—если и мужскія, на которыя болѣе обращаютъ вниманія, немногимъ лучше ихъ. На курсы мы поступаемъ въ тотъ возрастъ, когда вырабатываются міровоззрѣніе и идеалы жизни. Время, какъ нельзя болѣе удобное для нравственного воспитанія: молодые умы и сердца въ большинствѣ случаевъ ждуть очень многого отъ своихъ руководителей—профессоровъ... Казалось бы—чего же лучше—какъ для васъ, профессоровъ, такъ и для насъ. На дѣлѣ выходитъ не то. Большинство слушательницъ далеки отъ профессоровъ, равно какъ и они отъ насъ. Практическія занятія служатъ, конечно, удобнѣйшей почвой для сближенія съ профессоромъ. Но у многихъ ли профессоровъ поставлены они вполне прочно? и, наконецъ, возможно ли, чтобы всѣ ими интересовались? А, между тѣмъ, профессоръ, если онъ широко смотритъ на свое дѣло, долженъ такъ поставить себя съ своей аудиторіей, чтобы сближеніе съ нимъ могло происходить не только въ сферѣ его специальности; онъ долженъ быть прежде всего человѣкомъ. Вы скажете, что я повторяю слова Грановскаго. Нѣтъ, не его слова высказываю я Вамъ, а мое собственное убѣжденіе, вынесенное изъ трехлѣтняго пребыванія на курсахъ. Для человѣка у насъ всегда найдутся всевозможные вопросы, и профессоръ можетъ оказать огромное вліяніе уже одною своею нравственною личностью... Почему знать, тогда, быть можетъ, у насъ было бы

вдвое менѣ всякихъ «исторій», которыя происходятъ отъ немѣня уважать человѣческое достоинство и обдумывать свои поступки. Убѣжденіе, что школа должна учить, но не воспитывать, привело къ тому, что у насъ появилась масса дипломированныхъ подлецовъ. Не ожидая отъ средней школы шага въ этомъ направленіи,—невольно съ надеждой смотришь на университетъ... и какъ же горько бываетъ разочарованіе!

Доказательствомъ того, что учащаяся молодежь смотритъ на университетъ (хотя и не всегда давая себѣ въ этомъ отчетъ) именно такъ,—служить ея любимѣйшая тема для разговоровъ: о прогрессѣ,—не только матеріальномъ, но и духовномъ. Но... немногіе профессора являются передъ нами не какъ официально назначенные лекторы, а какъ люди съ широкими гуманными взглядами. При этомъ много значить и специальность: мудроно провести какіе-нибудь этическіе взгляды, читая латинскую или польскую грамматику. Среди всѣхъ нашихъ профессоровъ Вы, безспорно, имѣете въ рукахъ всѣ данныя, чтобы имѣть на насъ большое вліяніе. За это говорятъ и Ваша специальность, и Вашъ талантъ, и огромная аудиторія. А, между тѣмъ, странное дѣло: ни съ однимъ профессоромъ не случается столько неприятныхъ для обѣихъ сторонъ исторій, какъ съ Вами. Чѣмъ это объяснить? Дѣло не въ томъ, какъ Вы, быть можетъ, думаете, что Вы—спиритуалистъ по возрѣнію, а большинство изъ насъ склоняется къ матеріализму... и не въ томъ, что Вы скорѣе консервативныхъ, а мы либеральныхъ убѣжденій. Причина—глубже. Причина въ томъ противорѣчьи, которое лежитъ между исповѣдуемой Вами вѣрой въ нравственный долгъ и Вашимъ отношеніемъ къ намъ. —Какъ,—скажете вы,—я ли не исполняю его? я ли не читаю вамъ отличныхъ лекцій необязательнаго курса? я ли не облегчаю вамъ экзаменовъ?—Я глубоко сознаю Ваши заслуги и почтительно преклоняю передъ Вами голову, но... какъ человѣкъ, Вы для большинства изъ насъ держите себя съ нами какъ «генераль отъ профессуры», облакая себя этимъ долгомъ какъ какою-то тогой мертвящей неприступности. Вспоминаю я Вашу прошлогоднюю рѣчь къ I-ому курсу о задачахъ университета и вызванный ею цѣлый рядъ «объясненій» и «возмущеній»... И рядомъ съ этимъ вспоминаю рассказы курсистки прежнихъ, Бестужевскихъ, курсовъ объ Орестѣ Миллерѣ, который предостерегалъ ихъ отъ пагубныхъ «увлеченій»... Говорившая—скорѣе либеральнаго, нежели консервативнаго направленія.—И вы не возмущались?—спросила я ее.—«Возможно ли!—съ негодованіемъ воскликнула она,—противъ него-то! Онъ говорилъ намъ: «я говорю

съ вами какъ другъ».—И вы слушались?—«Конечно, его слова имѣли вліяніе»...

Вотъ тайна Вашихъ неудачъ, господинъ профессоръ. Вы говорите съ нами не какъ другъ, а какъ чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія. Безспорно, Вы желаете намъ добра, но, такъ сказать, выводя его изъ логики событій, а не изъ сердца. А молодежь страшно чутка къ этому. Ваша ненависть къ «краснымъ» тоже не поднимаетъ Васъ въ нашихъ глазахъ. Помню, какъ въ прошломъ году, послѣ скандала на Вашей вступительной лекціи къ необязательному курсу, я пошла къ Вамъ съ самой благою цѣлью — разъяснить недоразумѣніе, оправдать передъ Вашими глазами моихъ товарищей (значить, мнѣ было дорого примиреніе Ваше съ нами),—и какъ Вы позволили себѣ самыя рѣзкія нападки на «красныхъ»... Хотя я не одного лагеря съ ними, но все же Вы забыли, что я—ихъ товарищъ по курсамъ.—«Какъ онѣ смѣютъ считать себя лучшими!—говорили Вы.—Какъ онѣ смѣютъ! для меня лучшія—тѣ которымъ я ставилъ 5 на экзаменахъ»... У меня духъ захватило отъ оскорбленія,—не того ожидала я отъ Васъ. Я нарочно встала, чтобы уйти, но Вы, увлекшись, ничего не замѣтили, а я такъ и ушла, не будучи въ состояніи сказать Вамъ что-либо. А, между тѣмъ, если бы Вы знали, какія чудныя, чистыя, благородныя души есть между ними; если бы Вы прочли біографію несчастной Вѣтровой по ея дневнику (нелегальная, вышла нынче),—Вы бы со стыдомъ взяли свои слова обратно. Дневникъ Вѣтровой въ высшей степени характеренъ: она поступила на наши курсы именно для того, чтобы найти себѣ «учителя жизни», «человѣка», и... нашла только профессоръ, читавшихъ по утвержденной министерствомъ программѣ. Положимъ, что она ошибалась; но, если бъ среди нашихъ профессоровъ нашелся Грановскій—неужели же эта умная и вдумчивая дѣвушка не отмѣтила бы его на страницахъ своего дневника? Если бы Вы, при Вашемъ талантѣ, знаніяхъ, опытности—оживили Вашъ нравственный долгъ любовью къ людямъ, не теоретической только, но и практической, если бы Вы сошли съ своего пьедестала къ намъ, какъ старшій другъ—неужели же молодежь осталась бы равнодушной? Вѣдь, тогда Ваше вліяніе достигло бы такихъ предѣловъ, какихъ въ настоящую минуту и представить себѣ не можете.

Теперь Вы спросите меня: зачѣмъ, собственно, я написала Вамъ это письмо?—А затѣмъ, г. профессоръ, чтобы Вы знали, что Вы для большинства изъ насъ играете двойственную роль. Какъ профессора—Васъ слушаютъ и уважаютъ; когда же Вы

вдругъ начинаете говорить съ нами не о философіи, а о жизненныхъ вопросахъ, сохраняя при этомъ тонъ «генерала отъ профессуры», гордое сознание своего превосходства надъ «толпою»,—то молодежь, чуткая къ фальши, уже видитъ, что въ данномъ случаѣ Вы затрагиваете ту сферу, куда могутъ заглядывать лишь люди, стоящіе къ ней близко, любящіе ее, относящіеся къ ней съ сердечнымъ участіемъ. Тогда-то и происходятъ хорошо знакомые Вамъ взрывы негодованія, которые подавляются потомъ голосомъ разсудка, говорящаго какъ «дважды два—четыре»:—«Ну, уйдетъ Вв., посадятъ къ намъ какую-нибудь бездарность... Бросьте, господа, не стоитъ... Ну, пусть себѣ говорить съ кафедръ, что хочетъ,—намъ-то что за дѣло?! Велика важность: у него одни убѣжденія, у насъ—другія, каждый при своемъ и останется». А вы послѣ скандала побѣдоносно всходите на кафедру и говорите: «молодежь благоразумна». Да, какъ видите,—благоразумна, но зато, именно въ силу этого практическаго благоразумія, всѣ Ваши увѣщательныя слова и не имѣютъ для нея ни малѣйшей цѣнности. Даже первокурсницы не могутъ подпасть подъ вліяніе Вашихъ словъ, такъ какъ изъ года въ годъ передаваемая традиція разъясняетъ имъ и Вашу личность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее настроеніе, и въ нихъ проснется критическое отношеніе къ Вашимъ словамъ. Спрашивается: кого изъ теперешнихъ второкурсницъ Ваша рѣчь убѣдила такъ, что онѣ не участвуютъ теперь въ обще-студенческомъ движеніи? Да, разумѣется, никого! Весь Вашъ образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что Вы—большой теоретикъ: думаете, что разъ Ваши лекціи посѣщаются охотно, то всякое слово Ваше будетъ также цѣниться. Нѣтъ! Какъ профессоръ, какъ чловѣкъ науки—Вы для насъ, дѣйствительно, имѣете значеніе, но и только. Рѣчи говорить намъ могутъ—и могутъ быть увѣрены, что мы ихъ выслушаемъ не только ушами, но и чувствомъ и умомъ,—только тѣ, кто подходятъ къ намъ не во фракъ профессора, а какъ чловѣкъ. О Васъ же, какъ о чловѣкѣ, понятіе скорѣе отрицательное. Кто говорилъ съ Вами, узнаетъ Ваши качества: рѣзкость въ обращеніи, высокомеріе тона, которыя многихъ, болѣе нервныхъ, просто заставляютъ «бояться» Васъ, а другихъ, болѣе смѣлыхъ, въ концѣ-концовъ, приводятъ къ заключенію, что съ Вами, вообще, лучше избѣгать имѣть дѣло. Ваша аудиторія—громадна; но много ли обращается къ Вамъ съ вопросами послѣ лекцій? Нѣсколько постоянныхъ Вашихъ собесѣдницъ — не больше. Только иногда подойдетъ какая-нибудь другая слушательница... Я знаю многихъ съ нашего курса, которыя такъ и

кончатъ курсы, и и р а з у не обратившись къ Вамъ ни съ однимъ вопросомъ, хотя и занимаются философiей и много читаютъ, и хотѣли бы иногда получить совѣтъ; причина же у всѣхъ одна: «да съ Вв. говорить какъ-то неловко (болѣе смѣлыя), страшно (болѣе робкія)». А подумать: три года мы слушаемъ Васъ—и Вы для насъ такой же далекій незнакомецъ, какъ и на первомъ курсѣ!

Передъ Вами два пути,—Вамъ необходимо избрать одинъ изъ нихъ, чтобы разъ навсегда прекратились у Васъ всякія недоразумѣнія съ нами.

Или: держа себя попрежнему, какъ «генераль отъ профессуры»—не играть фальшивой, несвойственной такому видному общественному положенію роли воспитателя взглядовъ и традицій молодежи; или же—къ ней сойти съ своего пьедестала, научиться любить и понимать въ человѣкѣ его достоинство, его душу, научиться дѣйствовать словомъ и личнымъ примѣромъ на лучшія стороны человѣческаго сердца. И только тогда, когда Вы явитесь передъ нею какъ человѣкъ, она приметъ Ваши слова, какъ съ благодарностью принимала и помнила слова своего друга—Миллера.

Вы очень гордый человѣкъ: не удивлюсь, если Васъ возмутитъ искренній тонъ этого письма... Вы не привыкли, чтобы съ Вами говорили такъ смѣло... А я—не привыкла рабски преклоняться и молчать предъ кѣмъ бы то ни было.

Это письмо написано давно, еще въ началѣ этого учебнаго года. Разныя, отъ меня не зависѣвшія личныя обстоятельства, а потомъ и разразившаяся университетская исторія мѣшали мнѣ переписать его и послать Вамъ. А теперь—надо спѣшить, потому что я связана круговой порукой, и, быть можетъ, въ субботу мы, 500 человѣкъ, уйдемъ, если не вернуть нашихъ товарищей. Мой голосъ—голосъ одной изъ тѣхъ безличныхъ для Васъ единицъ, которыя наполняютъ Вашу аудиторію... И не одна я такого мнѣнія, иначе не стала бы писать Вамъ такъ увѣренно. Четвертый годъ слушаю я Васъ, говорила со многими о Васъ, наблюдала Ваши отношенія къ намъ, впечатлѣнія, которыя производили Вы и какъ человѣкъ и какъ профессоръ на ту безличную для Васъ массу, которая наполняетъ Вашу аудиторію. И поэтому мое письмо къ Вамъ является результатомъ и наблюденій и размышленій.

Прошу замѣтить, что я не чувствую ни малѣйшей вражды къ Вашимъ убѣжденіямъ, такъ что и въ этомъ случаѣ отношусь къ Вамъ вполнѣ безпристрастно.

Знаю, что и въ насъ много дурного.

Но знаю, что въ молодой душѣ,—если она не испорчена въ корнѣ,—живетъ исканіе правды и стремленіе къ добру. И многія, не находя на курсахъ того, чѣго ожидали, т.-е. ученія жизни, обращаются въ другую сторону и, какъ несчастная Вѣтрова, обращаются съ вопросомъ «какъ жить?» къ подпольной печати, къ другимъ людямъ.

Кто жъ осмѣлится ихъ осудить?

Ужъ не вы ли, жрецы науки, гордо снисходящіе до насъ, гордые сознаниемъ своего умственнаго превосходства и... безконечно далекіе отъ простаго, человѣческаго отношенія къ нашимъ слушательницамъ?

Въ 1898 г., весною, въ приложеніяхъ къ №№ «Новаго Времени», появилась прекрасная повѣсть: «Записки господина среднихъ лѣтъ». Тамъ авторъ, описывая свое пребываніе студентомъ, рассказываетъ, какъ онъ обратился къ знаменитому профессору за указаніемъ пособій. Знаменитость сдѣлала скучающее лицо и назвала нѣсколько пособій, а когда студентъ сказалъ, что онъ ихъ прочелъ, то профессоръ еще болѣе скучающимъ тономъ указалъ другія. Студентъ поспѣшилъ отойти. Авторъ прибавляетъ далѣе: «Пусть на небѣ сіяютъ яркія, прекрасныя звѣзды... но что мнѣ до нихъ?—онѣ такъ холодны»... Меня поразила эта сценка своей живостью. Оказалось, что она списана съ природы. Знаменитость, это—Сергѣевичъ. А на курсахъ такую же роль играетъ Вы.

Быть можетъ, Вы не повѣрите мнѣ?

Жаль. Я не преувеличиваю. Я—обыкновенный человѣкъ, и живу среди такихъ же и хорошо ихъ знаю.

А для Васъ, несмотря на Ваше знаніе психологіи, человѣческая душа—закрытая книга, которою Вы не интересуетесь.

И мы это чувствуемъ и знаемъ. И слушаемъ Васъ только какъ профессора и... никого больше! Вы можете произносить какія угодно рѣчи о значеніи какихъ угодно университетовъ, и мы будемъ такъ же глухи, какъ стѣны аудиторіи. А какъ подумаешь—все могло бы быть иначе... и мы смотрѣли бы на Васъ какъ на нашего друга, какъ на учителя истины... Вспоминаются Грановскій, Кавелинъ и всѣ, кто былъ другомъ молодежи, кто одновременно и читалъ ей лекціи и удовлетворялъ ея душу своей личностью и живымъ къ ней отношеніемъ.

Beschütz dich Gott, es wär' so schön gewesen—

готова я радостно воскликнуть вмѣстѣ съ Шиллеромъ.

Но грустная дѣйствительность подсказываетъ:

Es muss nicht sollen sein.

P. S. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Вы отвѣтили на это письмо. Даже болѣе: чтобы Вы возразили мнѣ. Человѣчеству свойственно надѣяться на лучшее.

До субботы мы все не ходимъ на лекціи, такъ какъ наши товарищи исключены и не могутъ ихъ посѣщать. Но это не помѣшаетъ мнѣ притти на курсы, если Вы письменно извѣстите, въ которомъ часу послѣ лекціи Вы можете со мною говорить.

Адресъ мой: Е. Д., ист.-ф. отд. IV к.

6 марта. Побѣда, побѣда! Едва я пришла на курсы, Скриба вышелъ изъ канцеляріи съ объявленіемъ: «По ходатайству Временнаго правленія, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять тѣхъ изъ уволенныхъ слушательницъ, которыя пожелаютъ подать вновь прошенія». Корридоръ былъ весь полонъ народа. Скриба пошелъ наверхъ,—толпа за нимъ. Въ верхнемъ корридорѣ онъ прочелъ вслухъ громко объявленіе, встрѣченное глухимъ радостнымъ шумомъ. Все поздравляли другъ друга и возвращенныхъ. Эффектъ былъ полный. Оставалось одно: такъ же демонстративно итти на лекціи, какъ раньше не ходили. И мы разошлись по аудиторіямъ съ радостнымъ настроеніемъ. Тамъ насъ поздравляли съ благополучнымъ окончаніемъ движенія и много говорили объ экзаменахъ, какъ быть съ ними. Въ столовой бюллетеней не видала; сказывали, что студенты бернскаго и жевскаго университетовъ прислали сочувственныя телеграммы.

7 марта. Съ художникомъ Б. была на выставкѣ передвижниковъ, которую онъ очень хвалилъ. Дѣйствительно, посмотрѣть стоитъ. Картина Сурикова «Переходъ Суворова черезъ Альпы» приобрѣтена Государемъ за 25.000; хотя и хорошо, но я не люблю этихъ батальныхъ картинъ, какъ-то не довѣряю этимъ «историческимъ» изображеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ: такъ ли Суворовъ переходилъ Альпы? Поза его театральна, солдаты все одѣты очень хорошо... Напротивъ, сколько мысли, чувства и движенія въ другой большой картинѣ, Касаткина: «Свиданіе въ арестантской приемной въ женскомъ отдѣленіи»,—эти женскія фигуры, полныя ожиданія то радостнаго, то горестнаго. Картина, по-моему, выиграла бы въ силѣ впечатлѣнія, если бы немного подвинуть впередъ рѣшетку и за нею фигуры. Тоже хорошая вещь «Жертва фанатизма» Пимоненко: толпа евреевъ бросается на измѣнницу вѣры. Много движенія въ толпѣ, правдива поза дѣвушки, ея лицо... Портретъ гр. Шереметевой, работы Богданова-Бѣльскаго, очень зализанный, очень тщательный. Какая разница между нимъ и

портретомъ Римскаго-Корсакова, работы Сѣрова! Этотъ послѣдній, вблизи представляющій грубые мазки — издали поражаетъ жизненною правдою... живой человѣкъ сидитъ! Руки — издали поразительны. Я начинаю понимать манеру современныхъ живописцевъ, которая мнѣ прежде такъ не нравилась: грубые мазки вблизи — издали составляютъ удивительно реальное изображеніе. «Тонкую» живопись миниатюрныхъ портретовъ, которою я раньше такъ восхищалась, мой художникъ прямо назвалъ «раскрашенной фотографіей». Такихъ миниатюрныхъ портретовъ на выставкѣ было нѣсколько, и, сравнивая ихъ съ портретомъ Сѣрова, который критика признаетъ чуть ли не лучшею вещью на выставкѣ, — я должна была сознаться, что знакомый правъ.

Картинки Богданова-Бѣльскаго: «Бывшіе товарищи» — въ пивной сидитъ интеллигентъ съ оборванцемъ, и «Проба голосовъ» — опять изъ жизни сельской школы, — содержательны по мысли, хотя техника его не блестяща... Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ Б.-Б.: онъ интересуется меня какъ воспитанникъ Рачинскаго, и отъ него я хотѣла бы узнать о Татевской школѣ болѣе подробно. Теперь Б.-Б. пріѣхалъ сюда; мой спутникъ съ нимъ большой пріятель и давно обѣщалъ мнѣ исполнить мое желаніе. Но оказывается, что этотъ художникъ такъ занятъ писаніемъ портретовъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, что врядъ ли имѣетъ свободное время. Случайно я увидѣла его здѣсь; проходя мимо насъ, Б.-Б. слегка ударилъ моего знакомаго по плечу: «батюшка мой!» — и по одному тону, какимъ это было сказано, я тотчасъ же догадалась, что это, должно быть, Богдановъ-Бѣльскій: было что-то неуловимо-покровительственное въ этомъ восклицаніи... Я внимательно смотрѣла на него, когда знакомый отошелъ въ сторону: бѣлокурый, небольшого роста, съ лицомъ довольно интеллигентнымъ. Какъ это хорошо — имѣть талантъ, имя, и... быть молодымъ! Богдановъ-Бѣльскій симпатиченъ мнѣ именно тѣмъ, что въ картинахъ его есть мысль, и онъ возбуждаютъ хорошее чувство. Въ живописи я особенно придерживаюсь такого дѣленія на хорошее и дурное искусство.

8 марта. Въ послѣднемъ бюллетенѣ организаціоннаго комитета (4 марта) выражается недовольство прекращеніемъ движенія и слышна нотка озлобленія на русское студенчество, что оно такъ скоро успокоилось. Теперь всѣ студенты возвращены. У насъ была сходка по поводу выраженія благодарности профессорамъ Бекетову и Фаминцыну. Д — ашъ читаетъ проектъ адреса, — написано вполне въ ея стилѣ: умно, но, къ сожалѣнію, начинается съ

яиць Леды,—съ средневѣковыхъ университетовъ. Общее несогласіе. Да оно и естественно: мы не съ средневѣковыхъ университетовъ брали примѣръ, а съ XVIII-го вѣка, когда впервые свой завели. Начинается споръ—выражать ли несочувствіе профессорамъ Сонину и Платонову, и если да, то въ какой формѣ? Нѣкоторые горячатся и предлагаютъ прибавить еще Хвольсона и Фауссека, такъ какъ они-де тоже высказывали намъ несочувствіе. Баллотировкой рѣшаютъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что порицаніе нужно выразить первымъ въ формѣ неприсылки билета на вечеринку нашего IV курса, которую мы имѣемъ право ежегодно устраивать. Но тутъ подаетъ голосъ Д—го: въ такомъ случаѣ «вторые» два профессора окажутся на равной ногѣ съ тѣми, которые намъ сочувствовали... надо бы отличить такъ: Сонину и Платонову, какъ наиболѣе виднымъ членамъ Временнаго правленія, выразить порицаніе письменно, а Хвольсону и Фауссеку—въ видѣ непосылки билетовъ. Какъ только это выяснилось, рѣшили баллотировкой, что надо выразить порицаніе письменно. О Раевѣ и не говорили: онъ держалъ себя все время такъ симпатично, что его популярность сразу выросла. Изъ всѣхъ членовъ онъ дѣйствовалъ наиболѣе тактично, хотя и не очень-то онъ образованъ, и вель себя куда умнѣ Платонова и Сонины. Обсужденіе адреса отложено до завтра.

Послѣ сходки была лекція Форстена. Но я, вмѣсто нея, рѣшила привести въ исполненіе планъ. На масленицѣ, ереди невольнаго забвенія всякой обычной дѣятельности,—старая дурная привычка марать бумагу взяла верхъ, и я *volens-nolens* окончила рассказъ, задуманный еще въ прошломъ году, подъ впечатлѣніемъ самоубійства Н. Н. И за это я разозлилась на себя: мнѣ досадно было, что столько времени потеряно зря. Попастъ въ число нечитаемыхъ авторовъ,—что можетъ быть хуже! Надо, необходимо взять себя въ руки и разъ навсегда отдѣлаться отъ вредной привычки, но для этого нужно, чтобы какой-либо авторитетъ сказалъ мнѣ вѣское слово противъ,—такой, мнѣніе котораго я цѣню.

Въ «Русскомъ Богатствѣ» въ прошломъ году помѣстила свой рассказъ «Фонтанъ» Багрова, нынче «Первое предложеніе»—Клеменць (С—ова); первая—будетъ талантливой писательницей, да и рассказъ второй очень хорошъ. Въ нѣкоторомъ родѣ—«Р. Б.» явилось органомъ курсистокъ. Короленко—писатель очень симпатичный,—что если обратиться къ нему съ просьбою посодѣйствовать мнѣ избавиться отъ этой привычки? Вотъ я и отправилась на уголь Спасской и Басковой улицъ, предварительно узнавъ у Клеменць, когда онъ принимаетъ. Собираясь ѣхать, я преду-

смотрительно одѣлась въ то платье, которое обезличиваетъ всѣхъ, поношенное, черное; безъ рукавчиковъ и даже безъ воротничка (на случай, если бы пришлось раздѣться) не-модная кофточка, барашковая шапка и муфта, черная вуаль... нѣтъ! трудно узнать въ такой общей одеждѣ, что именно это я, Дьяконова, трудно отличить отъ массы такъ же одѣтыхъ курсистокъ.

Я очень волновалась; взяла Тацита и въ эту толстую книжищу всунула свою несчастную тетрадку, чтобы незамѣтно было, что пришла съ нею. Вхожу; помѣщеніе чистое и свѣтлое; сидятъ барышни,—особенныя, «редакціонныя» барышни, какихъ я видѣла и въ «Мірѣ Божиємъ» и въ «Недѣлѣ»,—сидятъ и перелистываютъ какія-то шнуровыя книги и, какъ аргусы, спрашиваютъ каждыя входящаго: «что вамъ угодно?» Хотя я чувствовала себя передъ ними, какъ студентъ въ формѣ—довольно спокойно, однако, этотъ вопросъ меня раздражалъ, и мнѣ очень не хотѣлось говорить имъ, что я хочу видѣть Короленко... Мнѣ казалось, что онѣ сразу узнали, зачѣмъ я пришла, и будутъ насмѣхаться надо мной.

Одна изъ разсердившихъ меня барышень куда-то пошла, вернулась и сказала: «обождите». Ждать пришлось недолго... Короленко былъ въ другой комнатѣ. Онъ повелъ меня въ третью; дверь была отворена, и мнѣ не понравилось, что меня могутъ услышать. Какое славное лицо у него! Я чуть не засмотрѣлась отъ души, но во-время опомнилась. Говорила нарочно какъ можно тише, чтобы господину въ сосѣдней комнатѣ не было слышно. Я рассказала ему вкратцѣ, почему обращаюсь съ просьбой именно къ нему, такъ какъ я его люблю и уважаю, какъ писателя. Еще и раньше, дорѣдой, я придумала сказать именно такъ, но когда его увидѣла, то почувствовала, что дѣйствительно я его люблю и уважаю,—такое хорошее впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. На душѣ было такъ легко, все мое смущеніе разлетѣлось при видѣ его славнаго лица. Я говорила вполне свободно и, кажется, достаточно убѣдительно изобразила ему свое несчастное положеніе чловѣка, борющагося съ дурной привычкой. Онъ сказалъ:—«Посмотримъ, посмотримъ... Вы его съ собой взяли?» Я вынула изъ Тацита тетрадку и подала ему...—«Черезъ недѣлю я попрошу васъ притти»,—сказалъ онъ, соображая что-то.—Нѣтъ, уже лучше я приду черезъ двѣ, а то вы, пожалуй, не успѣете прочесть,—предусмотрительно отвѣтила я. Онъ, видимо, былъ доволенъ.—«Да, такъ, конечно, лучше... Но я долженъ вамъ сказать, что иногда бываетъ трудно рѣшить сразу, выйдетъ что-нибудь или не выйдетъ. Иногда первыя произведенія бываютъ неудачны, а по-

томъ и выходить. Такъ что, можетъ быть, я и не скажу вамъ ничего рѣшительнаго». Этого я не предвидѣла и растерялась, но поспѣшила высказать ему, что по отношенію ко мнѣ подобная нерѣшительность излишня:—Нѣтъ ужъ, пожалуйста,—такъ не говорите...—«Увидимъ, увидимъ... Итакъ, я скажу вамъ—«бросьте», «не бросайте» или «не знаю».—«Скажите лучше поскорѣе первое рѣшеніе»,—подумала я и поднялась. Кажется, что говорила очень тихо, и этотъ противный господинъ у дверей не могъ ничего слышать.

Итакъ, черезъ двѣ недѣли я прихожу, получаю обратно тетрадку съ наставленіемъ такого хорошаго человѣка, записываю его отъ слова до слова, и въ тѣ трудныя минуты жизни, когда снова мысль лѣзетъ въ голову и просится на бумагу,—я возьму эту запись и прочту... и вспомню хорошее лицо, его симпатичное снисхожденіе... Онъ, разумѣется, пожалѣетъ меня: «Эхъ, молъ, барышня! Точно насъ мало на свѣтѣ бумагу-то портить! Бросьте-ка лучше, дѣлайте свое дѣло, и вамъ лучше—и намъ легче». Пожалуй, еще дастъ совѣтъ: «выходите замужъ». Впрочемъ, онъ такой симпатичный, что пошлости не скажетъ...

Чтобы черезъ двѣ недѣли Короленко могъ вспомнить, чью тетрадку ему надо возвратить, я написала на ней псевдонимъ (да простить мнѣ родная губернія за профанацію!): Костромская. И адреса своего не дала, изъ предусмотрительности: лучше сама приду и возьму, а то — квартирная хозяйка такая любопытная, — придетъ бандероль безъ меня, и она еще прочтетъ, пожалуй...

Да, тяжело жить на свѣтѣ вообще, а ужъ съ такими дурными привычками, которыя только зря время отнимаютъ—и совсѣмъ плохо! Какъ хорошо, что никто не знаетъ объ этомъ моемъ недостаткѣ: меня просто осыпали бы насмѣшками всѣ родные. О, я несчастная! Видно, еще мало мнѣ горя, мало испытаній, что на 25-мъ году жизни приходится такъ усиленно заниматься самовоспитаніемъ, тщательно стараться отдѣлываться отъ дурныхъ привычекъ... И такъ тяжело сознавать всѣ свои недостатки, а какъ вспомнишь объ этомъ—и подавно. Иногда я просто подавлена тяжестью этого сознанія. Жизнь—борьба, въ которой храбро надо драться, а прежде всего—нужно умѣть бороться съ собою.

10 марта. Всѣ эти дни я охвачена тяжелымъ раздумьемъ. Бываетъ такое время—живетъ-живетъ человѣкъ, да вдругъ и задумается надъ жизнью. Я давно думаю, но теперь обратила вниманіе еще на одну сторону. Наша благотворительность,—особенно

здѣшняя, петербургская,—всегда возмущала мнѣ душу: столько въ ней фальши, что и не передать... Особенно мое послѣднее посѣщеніе (въ началѣ февраля) Вяземской лавры и ея дома трудолюбія утвердило меня въ этомъ мнѣніи. Я не знаю, какъ можетъ М. П. Мяс—ва мириться съ этимъ.

На торжество открытія—17 мая—собралась масса лицъ высшаго общества. Ребятокъ собрали и... засадили работать на все лѣто, когда всѣ эти господа разѣхались сами по дачамъ. Никому и въ голову не пришло, что ужъ если заботиться объ этихъ несчастныхъ малюткахъ, то имъ, конечно, нужнѣе и природа и дача,—имъ же предлагаютъ работу, работу среди жаркаго лѣта, въ душныхъ комнатахъ... О, лицемѣры и фарисеи!

За столомъ, въ небольшой комнатѣ—сапожной мастерской—сидѣло челобѣкъ 15 мальчиковъ за работой, среди нихъ—малютка лѣтъ 5 тоже ковырялъ что-то на башмакъ; а дѣти этихъ «благотворителей» въ такомъ возрастѣ, кромѣ игрушекъ, ничего не видятъ.

Въ руководѣльной дѣвочкамъ прибавили работы на одинъ часъ противъ прежняго. Дѣйствителенъ ли такой палліативъ? Будутъ ли эти «честными работниками», когда всѣ вы, «благотворители», своею жизнью поддерживаете непрерывное пополненіе этого мутнаго потока пролетаріата? Вамъ нужна прислуга, няньки, кухарка, прачка; не нравится—вы ее тотчасъ мѣняете, не заботясь о томъ, куда дѣлась она. И такъ вездѣ; на фабрикахъ—тотъ же промышленный пролетаріатъ, въ деревнѣ—батраки. И изъ этого-то мутнаго потока мы беремъ нужныхъ намъ людей и вновь бросаемъ ихъ туда, если они намъ не нравятся.

Богатый отнимаетъ своимъ богатствомъ у бѣдныхъ ихъ часть. Когда нынче отдѣлывали роскошную квартиру тети, я невольно думала: не будь этихъ бѣдняковъ, которые ради куска хлѣба отдѣлываютъ всѣ эти украшения,—развѣ могла бы тетя такъ наслаждаться своимъ богатствомъ? развѣ куча денегъ доставила бы ей радость, если бы она жила въ скромномъ домицкѣ?—Слѣдовательно, богатство, понимая его въ смыслѣ наслажденія жизнью при помощи средствъ, возможно только при бѣдности, а наслажденіе имъ—только при условіи глухоты къ жалобамъ бѣдныхъ.

Въ результатѣ получается такая картина. Для полного комфорта мы желаемъ украшать наши комнаты: безпрестанно рвемъ цвѣты, выбирая красивѣйшіе изъ нихъ; когда же они завянутъ—выбрасываемъ на дворъ, а потомъ и жалуемся, что по нему пройти нельзя,—такая грязь, завядшіе цвѣты гніютъ... это очень

непріятно. Начинаемъ уборку. Но ежедневно выбрасывается масса букетовъ, и уборкѣ нѣтъ конца: свезли кучу—хватъ, другая набросана. Итакъ, украсивъ комнату, мы идемъ убирать дворъ и жалуемся на трудность работы... И никому въ голову не приходитъ, что виновата наша же страсть къ цвѣтамъ, что, если бы они росли на волѣ и вяли по закону природы,—нашъ дворъ былъ бы чистъ, и мы были бы избавлены отъ труда убирать его. Но мы такъ свыклись съ цвѣтами, что считаемъ ихъ необходимой потребностью, и поэтому намъ не можетъ притти въ голову такое простое соображеніе.

Вотъ именно это и происходитъ во всѣхъ нашихъ большихъ городахъ. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ болѣе пролетаріата, тѣмъ ужаснѣе его жизнь. Въ Нерехтѣ трудно найти хорошую прислугу, даже иногда совсѣмъ нѣтъ ни горничныхъ ни кухарокъ (не идутъ), и тамъ нѣтъ труппы Вяземской лавры. Въ деревнѣ, если она не голодаетъ сама, нищимъ живется сносно, чѣмъ въ городѣ. Нынче я жила въ селѣ Устьѣ и видала, какъ крестьяне «подаютъ». Если денегъ не дадутъ, то все-таки съ голоду не умрешь: хлѣбъ, пироги, яйца,—кто что можетъ. Труппа тамъ тоже нѣтъ, да онѣ и немислимы.

А въ Вяземскомъ домѣ квартиры по дороговизнѣ являются просто невѣроятными; за одну комнату хозяйка платитъ въ мѣсяцъ 60 руб., съ квартирантовъ же собираетъ 80. Если взять въ соображеніе ту цѣну, которую пролетарій платитъ за нару и свое пропитаніе, и его заработокъ, то окажется, что ему жизнь обходится чуть ли не во все, что онъ имѣетъ. (Собразно съ этимъ мнѣ съ моими средствами надо бы жить такъ: за комнату платитъ 25 руб. да 25—проѣдать; на одежду, обувь—не оставалось бы ничего).

Мы не привыкли къ физическому труду и привыкли видѣть трудъ другихъ кругомъ себя. Себѣ мы оставляемъ занятія съ наименьшимъ трудомъ и съ наибольшею платою; такихъ мѣстъ не много—и мы за нихъ боремся. И вслѣдствіе этого экономическаго неравенства являются всѣ соціальныя бѣдствія нашего времени. Казалось бы: чего же проще додуматься до истины уравненія экономическаго благосостоянія? Чѣмъ богаче человекъ, тѣмъ болѣе у него потребностей (потому что богатство только тогда и имѣетъ смыслъ, когда имъ удовлетворяются всѣ прихоти), а чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ многочисленнѣе долженъ быть классъ пролетаріевъ, удовлетворяющій этимъ потребностямъ. И даже интеллигенція, создающая свои средства не путемъ эксплуатаціи чужого труда, а исключительно собственнымъ умомъ,—плодитъ

пролетаріатъ, увеличивая число своихъ потребностей. Виновны и эксплуататоры и мы, которые не эксплуатируемъ явно, а ко-свенно.

Не даромъ въ Евангеліи сказано: «легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе». Фигурально, а выражена та же мысль.

13 марта. Пришла на занятія по Островскому у И. А. Шляпкина. Прежде всего онъ сообщилъ намъ по секрету, что одинъ изъ сыновей Пушкина представилъ директору лица дневникъ его съ 1832—1835 г.; тетрадь большая, вродѣ конторской, всего написано около 55 страницъ. Такъ какъ дневникъ написанъ очень откровенно и содержитъ въ себѣ рѣзкіе отзывы о многихъ придворныхъ лицахъ, потомки которыхъ живы,—печатаніе его теперь невозможно, и сынъ передалъ его на короткое время въ лицей подъ секретомъ. И. А. хорошо читаетъ руку Пушкина и, основательно познакомившись съ дневникомъ, благодаря своей превосходной памяти, запомнилъ наизусть нѣсколько отрывковъ и прочелъ намъ ихъ, а мы записали. Здѣсь могу привести только нѣкоторые...

Какой-то Деларю взялъ и перевелъ стихи, въ которыхъ встрѣчается такое выраженіе: «если бы я былъ богомъ, я отдалъ бы рай за ея поцѣлуй». Митрополитъ Филаретъ, у котораго всегда находилось время заниматься чтеніемъ литературныхъ произведеній, донесъ въ синодъ о богохульствѣ. Крыловъ узналъ объ этомъ и сказалъ:

Когда бы я былъ богъ,
Такой бы глупости
Сказать бы я не могъ.

Послѣ торжественнаго празднованія совершеннолѣтія наслѣдника (Александра Николаевича), на другой день на парадѣ поэтъ прѣскакалъ галопомъ мимо Государя, и тотъ его отправилъ на «обвахту» (по выраженію Пушкина).

Взгляды Пушкина на русское дворянство сходны съ взглядами и Карамзина. Та же тенденція о старыхъ русскихъ родахъ,—исключающая придворную знать, большею частью, «случайнаго происхожденія». Въ этомъ смыслѣ замѣчанія дневника являются сходными съ «Моей родословной». Вообще, въ дневникѣ масса любопытныхъ замѣчаній; нѣкоторыя изъ нихъ,—по цинизму,—профессоръ отказался сообщить намъ.

Послѣ этого сообщенія начались занятія. Я—ко читала избранные отрывки объ Островскомъ по воспоминаніямъ Макси-

мова, а предъ этимъ И. А. прочелъ нѣсколько анекдотовъ о писателѣ по воспоминаніямъ Нильскаго.

Я слушала равнодушно... Въ головѣ упорно бродить мысль о своемъ сословіи, о томъ, какъ мало знаютъ его въ обществѣ и въ литературѣ... Ушелъ Островскій и... точно все затихло... Кстати, И. А. повелъ разговоръ на эту тему.—«Г-да, положимъ, что вы вращаетесь постоянно въ средѣ интеллигенціи, а, вѣдь, не забывайте, что есть масса людей, которые и понятія не имѣютъ ни о Пушкинѣ, ни о значеніи этого праздника, разговоры о которомъ намъ надобли»... Я не выдержала.—Не всѣ вышли изъ интеллигентнаго круга, И. А.—«Да, да, я знаю, есть среди васъ и изъ другихъ слоевъ, но все-таки васъ немного».

Сколько тяжелыхъ впечатлѣній, воспоминаній поднялось въ душѣ при этомъ напосинаніи! До сихъ поръ и, вѣроятно, всю жизнь я буду связана съ этою средой, гдѣ столько тяжелаго, столько темнаго...

Я нахожу, что этимъ классомъ литература совсѣмъ не занимается. Боборыкинъ описываетъ только тотъ слой московскаго купечества, гдѣ... его принимаютъ. А сколько тамъ такихъ, откуда его просто выпроводили бы; это именно «настоящіе старинные» купеческіе дома. И точно нарочно, подъ впечатлѣніемъ воспоминаній и чтенія объ Островскомъ, въ головѣ мелькнула мысль о драмѣ, гдѣ выведены были бы всѣ эти такъ хорошо знакомыя лица, вся эта борьба моя съ предрасудками среды, смерть дяди, романъ Тани... Скомбинировать все это я не могла, но отдѣльныя сцены такъ и вертѣлись въ головѣ... Надо было дѣлать усиліе, чтобы прогнать эти мысли и заставить себя слушать...—Вотъ вздоръ-то!—говорила я себѣ... Но образы, знакомыя лица проходили какъ живыя, точно дразнили меня, говоря: «а мы здѣсь, а мы здѣсь»...

Ахъ, какъ счастливы писатели! Можетъ ли сравниться что-либо съ минутой творенія! Если бъ я могла писать стихи...

Такъ, прерываемое разговоромъ, чтеніе статьи тянулось до полуночи, и мы разошлись.

Вчера, въ ясный и отчаянно морозный день, хоронили интернатку I-го курса, Софью Степановну Кильдюшевскую; бѣдняжка 19 лѣтъ пріѣхала сюда только для того, чтобы умереть! И хворала недолго, около трехъ недѣль. Мы вышли встрѣчать ее и провожали на кладбище, отслуживъ литію противъ курсовъ. На отпѣваніи насъ собралось около 200 человекъ съ директоромъ и двумя инспектрисами. Обѣдня была очень длинная, и тя-

жело было видѣть лица родныхъ и знакомыхъ (она изъ Самары).

Я вышла изъ церкви, когда внесли гробъ, и простояла обѣдню въ притворѣ. Почему именно служила эта религія, а не какая-либо иная?—Вѣдь, у меня своя религія: я изъ чувства товарищества пришла провожать совсѣмъ незнакомую мнѣ дѣвушку... Стремленіе къ наукѣ, связывая всѣхъ насъ, сдѣлало ее для меня близкимъ человѣкомъ, изъ чувства сожалѣнія я пришла къ ея могилѣ—вотъ моя религія.

«Религія чувства»... Дальше реализма мои мысли не шли. А что съ ней дальше будетъ? Ну, умерла, и... все? Здѣсь замолкаетъ разумъ. Вотъ гдѣ его границы: смерть. Дальше мы пускаемся именно въ область вѣрованій, фантазій, откровеній,—словомъ, на почву религіозную.

18 марта. Съ 16-го снова начались волненія. Въ провинціи—въ Кіевѣ—студенты уволены всѣ, и ранѣе приняты были 54 человѣка, вслѣдствіе чего безпорядки продолжались, и университетъ былъ закрытъ. Въ Варшавѣ многіе заключены въ цитадель, многіе высланы. Въ дерптскомъ и томскомъ забастовки продолжаются. Изъ Кіева сюда пріѣхалъ депутатъ, въ университетѣ начались сходки, въ результатѣ которыхъ за обструкцію высказалось 826 противъ 601; меньшинство подчинилось большинству. Дѣлается формальное исключеніе для держащихъ государственные экзамены, но студенты полагаютъ, что нравственная обязанность всякаго, еще не успѣвшего снять студенческой мундиры,—поддерживать своихъ товарищей. Мотивировка забастовки та, что событія въ провинціальныхъ университетахъ являются отсутствіемъ гарантій личной неприкосновенности, несмотря на слѣдствіе ген. Ванновскаго. «Стоя на почвѣ этого принципа и для предупрежденія подобнаго произвола, мы снова требуемъ возвращенія всѣхъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній». Успѣхи новаго движенія: Лѣсной институтъ большинствомъ 10 голосовъ присоединяется къ движенію; въ Горномъ институтѣ происходятъ сходки, сегодня рѣшающая; въ Технологическомъ тоже. Было собрано делегатское собраніе 17 марта, и сегодня повсюду извѣстятъ о причинахъ движенія и устроятъ сходки.—Вотъ содержаніе бюллетеня отъ организаціоннаго комитета.

17-го университетъ былъ закрытъ, и, конечно, сегодня у насъ была назначена сходка. Наканунѣ В—енскій объявилъ IV курсу свои лекціи законченными, простился съ нами, пожелавъ всего хорошаго; потомъ онъ прислалъ письмо, что не можетъ читать

лекціи II и I курсамъ, такъ какъ будто бы за недосугомъ не могъ подготовиться къ ней. Ну, просто предлогъ: изъ желанія угодить молодежи не читаетъ лекціи.

Въ 11 часовъ началась сходка, страшно безтолковая, тянувшаяся до трехъ часовъ. Сперва всѣ говорили объ университетѣ, читали бюллетени и галдѣли, кого выбирать въ предсѣдательницы. Предлагали—чтобы не подвергнуть уже разъ исключенныхъ опасности—выбрать изъ другихъ кандидатокъ, но толпа не соглашалась, большинства же не выходило, ревъ и гвалтъ былъ ужасный. Наконецъ, измѣнили рѣшеніе: выбрать кого-нибудь изъ ранѣ бывшихъ предсѣдательницъ, какъ уже опытныхъ, и остановились на Д—нѣ. Послѣ шума снова началось чтеніе извѣстій, а затѣмъ приступили къ рѣшенію «принципіальныхъ вопросовъ»: какое это движеніе, новое ли или продолженіе стараго, какъ его понимать—какъ общую круговую поруку? Вотъ около этихъ вопросовъ и вертѣлись всѣ рѣчи ораторовъ. Но было ясно изъ нихъ, что никто еще не освѣдомленъ хорошо. Извѣстіямъ изъ Кіева противорѣчатъ упорные слухи, что тамъ движеніе имѣетъ совсѣмъ другую подкладку, на національной почвѣ, и, такимъ образомъ, не относится къ обще-студенческому движенію. О томскомъ—говорили, что тамъ исключены 17 человекъ за то, что не подавали прошеній объ обратномъ приѣмѣ, когда было вывѣшено объявленіе... Все это передавалось и комментировалось на всѣ лады, часто среди взрыва шума слышались рѣчи, но ясно было одно: въ глубинѣ души каждый былъ сбить съ толку и не могъ себѣ уяснить точно, какого рода это движеніе. Сомнѣніе въ извѣстіяхъ изъ Кіева взяло, наконецъ, верхъ, и сходка была объявлена закрытой, въ виду отсутствія точнаго ознакомленія съ дѣломъ.

Не дождавшись конца сходки, я вышла внизъ на лекцію И. А. Шляпкина. На этотъ разъ онъ, читая записку Карамзина о Старой и Новой Россіи, не выдержалъ и провелъ свои любимые консервативные взгляды—о значеніи единой самодержавной власти въ идеалѣ, какъ она, не заинтересованная ни въ чемъ, можетъ итти навстрѣчу желаніямъ рабочаго класса. Онъ высказалъ свое предположеніе (отъ него я слыхала это и раньше), что при парламентской формѣ правленія не могло бы совершиться освобожденіе крестьянъ. Все это, можетъ быть, и такъ въ идеалѣ.

...Я еле-еле досидѣла до конца лекціи и, едва онъ кончилъ, начала ему возражать. До чего онъ договорился! «Масса всегда консервативна, и поэтому ей пріятнѣе консервативныя мѣры, нежели прогрессивныя».—Ну, а, по-вашему, развѣ и земскіе начальники—мѣра консервативная,—можетъ ли она нравиться массѣ (я

нарочно говорила рѣзкимъ тономъ)? И. А. сталъ говорить, что я его не поняла, что онъ употреблялъ эти слова въ другомъ смыслѣ, но, какъ онъ ни объяснялся, мнѣ все-таки было что-то неясно, и я никакъ не могла уразумѣть его точки зрѣнія. Онъ, какъ и всегда, говорилъ очень добродушно, очень пространно и... очень симпатично какъ человѣкъ, и я не могла на него сердиться, хотя нѣкоторые его взгляды положительно невозможны съ моей точки зрѣнія. Онъ говорилъ со мною долго. Однѣ за другой начали выходить товарки изъ аудиторіи, и наконецъ мы остались вдвоемъ, проговоривъ до 4¹/₂ часовъ.

Боясь остаться безъ обѣда, я поспѣшила въ студенческую столовую; тамъ успѣла только пообѣдать,—новостей нельзя было узнать, такъ какъ было уже поздно.

19 марта. Лекціи кончились. Вчера вечеромъ былъ совѣтъ профессоровъ, и рѣшили лекціи прекратить. Нѣсколько профессоровъ заявили, что они не кончили своего курса; имъ было предложено прочесть послѣднюю лекцію по соглашенію со слушательницами. Пока мы на курсахъ толковали объ этой неожиданной и ловкой мѣрѣ, пришелъ Шляпкинъ и попросилъ у насъ позволенія прочесть лекцію. Мы, конечно, согласились, и во второй аудиторіи человѣкъ 7—8 просидѣли два часа, выслушавъ записку Карамзина и указанія пособій для преподаванія новой литературы. Простились.

Къ 11 час. на курсы началъ собираться народъ, но, въ общемъ, не много. Ходили группами, разговаривали. Въ студенческой же столовой было весьма оживленно: читала изъясненіе негодованія на кассу взаимопомощи, которая подъ своимъ штемпелемъ позволила себѣ напечатать бюллетень отъ имени организаціоннаго комитета, объявивъ настоящее движеніе—движеніемъ политическимъ; организаціонный комитетъ заявилъ, что съ этихъ поръ онъ заводитъ собственный штемпель и пользовался ранѣе штемпелемъ кассы лишь потому, что у него не было своего. Письмо Шарапова съ увѣщаніемъ студентамъ опомниться и не губить себя, очень длинное, я не успѣла хорошо прочесть,—бюллетени же никакъ не могла добиться. Ходила карриатура довольно вызывающаго содержания...

Послѣ я пришла домой въ самомъ грустномъ настроеніи и никакъ не могла отъ него отдѣлаться. Но, проанализировавъ себя, я сейчасъ же нашла причину: мнѣ было грустно отъ сознанія того, что я не свободна, что мы не равноправны съ мужчинами, и, вступая въ жизнь, одновременно подчиняемся и тому положе-

нію, которое насъ въ ней ожидаетъ. У насъ нѣтъ свободнаго выбора пути и движенія по службѣ педагогической. Вѣчно связанная, вѣчно подчиненная и съ высшимъ образованіемъ-то! Немудрено, что намъ дышится легко только въ столицахъ. Надо открьть для женщинъ еще путь юридическій, въ ряды адвокатурь—рѣшила я.

20 марта. Вотъ уже, что называется, «быль денекъ»! Сходка началась въ 10 час. утра и тянулась весь день—почти до 6 час. вечера.

Собрались въ IV аудиторіи. Я съ самага начала увидала, что сходка не законна: насъ было съ небольшимъ 470 душъ. Д—ашъ тоже признала сходку незаконной и, взобравшись на кафедру, предложила всѣмъ, раздѣляющимъ это мнѣніе, уйти, такъ какъ на-лицо было менѣе $\frac{2}{3}$ наличнаго состава слушательницъ. Къ ней присоединилось около 70 слушательницъ, и мы направились въ VI аудиторію. Въ негодованіи прибѣжали къ намъ изъ IV аудиторіи, крича, что Д—ашъ хотѣла сорвать сходку, что не имѣла на это права, что сходка законна, такъ какъ будто бы было заявлено всѣмъ (?), но не пришли, слѣдовательно, приходится рѣшать всѣ дѣла наличнымъ составомъ сходки. Раньше, при началѣ сходки, когда все-таки видѣли, что число незаконно, и чтобы сдѣлать его какъ-нибудь бѣльшимъ, выдумали еще, что представительницы меньшинства (182 въ первой забастовкѣ) будто бы заявили, что не придутъ на сходку, и, такимъ образомъ, ихъ голоса надо заранѣе считать въ противной партіи (т.-е. противъ забастовки). Ложность такого хитросплетенія и подтасовки слишкомъ явно бросается въ глаза, чтобы говорить о ней. Наконецъ, многія рѣшили подождать открывать сходку до 12 $\frac{1}{2}$, такъ какъ надѣялись, что къ этому времени подойдутъ слушательницы: многія думали, что сходка будетъ въ 12 часовъ. Толпа же разсуждала иначе, и мало того, что объ этомъ вопросѣ спорили до перерыва, возобновили его и послѣ перерыва, когда набралось дѣйствительно больше: 520 человекъ. Но такъ какъ насъ свыше 900, то и это число не сочли законнымъ, такъ какъ первая забастовка рѣшена была, по крайней мѣрѣ, 600 и болѣе голосовъ. Послѣ переговоровъ постановили окончательно не считать этихъ 182 человекъ (такъ какъ съ такимъ причесетомъ вышла бы сходка законной), а считаться лишь съ наличнымъ составомъ сходки. Послѣ второго подсчета баллотировкой большинство голосовъ объявило сходку законной, приступило къ выбору предсѣдательницы, и сходка открылась.

Удивительно, до чего понижается интеллектъ въ толпѣ! Не принято было во вниманіе соображеніе, что въ четвергъ на сходкѣ народу было сравнительно немного: многія задолго до окончанія лекцій перестаютъ посѣщать ихъ, начавъ готовиться къ экзаменамъ. Узнать о сегодняшней сходкѣ могли лишь тѣ, кто присутствовалъ на первой, и тѣ немногія, которыхъ знакомыя извѣстили. Остальныя слушательницы, за отсутствіемъ у насъ организаціоннаго комитета, не могли быть извѣщены, и поэтому не явились. Ничего этого не было принято во вниманіе; большинство твердило, что эти 400 знали и не пришли, ибо не хотѣли, а въ такомъ случаѣ мы и въ правѣ рѣшать все дѣло безъ нихъ. Но я не думаю такъ дурно о товарищахъ; допустимъ, что индифферентныхъ три четверти,—нехватало все-таки 100 человекъ, которыя ни въ чемъ не были виноваты. И я сдѣлала большую ошибку, не заявивши объ этомъ собранію, но не было физической возможности пробиться впередъ, поближе къ кафедрѣ, которая уже съ 10 час. была занята ораторшами и руководительницами.

Всѣ были настроены... электрически, если можно такъ выразиться. Сходка открылась чтеніемъ извѣстій, причемъ совсѣмъ забыта была напередъ неясность извѣстій изъ кіевского университета, и на первомъ планѣ въ умахъ всѣхъ было вчерашнее объявленіе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» объ увольненіи всѣхъ студентовъ по случаю беспорядковъ. Я прослушала извѣстія. Но, когда приступили къ рѣчамъ о движеніи, дѣло переходило на почву принципиальныхъ рѣшеній, и я сочла несомнѣннымъ съ нравственнымъ достоинствомъ присутствовать на сходкѣ, которую считаю незаконной, и оставила аудиторію. Изъ залы слышно было, какъ начала ораторствовать К., а затѣмъ Д—ашъ. Послѣдняя меня возмутила: я просила ее заявить, что сходка незаконна (она ближе меня стояла къ кафедрѣ); она обѣщала, и не только не сдѣлала этого, а еще начала говорить на той сходкѣ, которую сама считала незаконной. О, люди, люди! ради честолюбія, ради случая говорить передъ сотенной толпой, онѣ поступали совсѣмъ безтактно и даже нечестно! Опять надо бы было мнѣ сказать объ этомъ на сходкѣ передъ уходомъ—но я такъ и не могла ничего сказать, не имѣя возможности двинуться ближе впередъ, голосъ же у меня слабый и говорить изъ толпы я не могу.

Вышла въ залъ. Слоняясь безцѣльно по заламъ, говорила со знакомыми... Около трехъ часовъ заглянула въ аудиторію: тамъ приступили уже къ голосованію, наговорившись вдоволь. Былъ

поднять вопросъ: рѣшать ли забастовку большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ наличнаго состава сходки? Рѣшили утвердительно.

Я опять ушла внизъ. Что было дальше наверху, я не знаю, но потомъ видѣла подходившихъ ко мнѣ съ вопросомъ: отчего я не иду на голосованіе?—Я отвѣчала, что всякое постановленіе незаконной сходки для меня не имѣетъ значенія.

А наверху, должно быть, происходило чортъ знаетъ что... Незаконно начавшееся собраніе въ концѣ-концовъ запуталось, и случилось что-то невѣроятное: при счетѣ голосовъ за забастовку подали 307 слишкомъ, а противъ забастовки 40 человекъ. А если на сходкѣ было 525 чел.,—куда же дѣлись остальные 178 человекъ?—Онѣ не подали голоса вовсе. Тѣ, которыя подали голосъ за забастовку,—въ отчаяніи и громко обвиняли уклонившихся отъ голосованія, говоря, что въ такомъ случаѣ ихъ партія не взяла бы верхъ, такъ какъ $178+40=218$ чел. противъ 307,—не составилось бы $\frac{2}{3}$, необходимыхъ для забастовки, и такимъ образомъ она не была бы рѣшена. Онѣ забывали объ одномъ: разъ уклонились отъ голосованія,—слѣдовательно, вовсе не сочувствуютъ забастовкѣ, и онѣ должны были бы кассировать свое рѣшеніе. Но... такъ и быть: рѣшено было 307 противъ 40,—подавляющимъ большинствомъ голосовъ за обструкцію. Но куда же, дѣйствительно, подѣвались эти 178 человекъ? Такихъ, какъ я, прямыхъ и стоящихъ на почвѣ строгой законности людей, было немного, т. е. такихъ, которыя ушли съ самаго начала. А между тѣмъ—оставались же тѣ, которыя считали сходку незаконной, но ораторствовали.

Когда я въ $2\frac{1}{2}$ ч. вошла вторично въ аудиторію, то толпа уже была вновь заряжена электричествомъ. Предсѣдательница Д—нъ громко обвиняла Д—ашъ въ непослѣдовательности, за то, что она, присутствуя на незаконной сходкѣ, говорила рѣчи. Этого я и опасалась, и наконецъ-таки заняла стулъ, съ котораго слѣзла Д—ашъ, и сказала, что дѣйствительно Д—нъ права, что съ самаго начала сходка ведена была не такъ, какъ нужно, что всѣ, считавшія сходку незаконной, должны были уйти, сосчитаться отдѣльно и полученную цифру нужно было вычесть изъ наличнаго состава; а Д—ашъ и К. не имѣли права говорить. Толпа, раздраженная, нѣсколько разъ перебивала меня ревомъ (предсѣдательница Д—нъ за свою неумѣлость была смѣнена Д—гой передъ моею рѣчью). Сказавъ то, что считала своимъ долгомъ, я ушла. А затѣмъ и началась подача голосовъ...

Сейчасъ, пока пишу, вспомнила, что послѣ этого мы, считавшія сходку незаконной, собрались внизу въ I-ой аудиторіи, и насъ

было около 100 человекъ; такимъ образомъ, трудно произвести общій подсчетъ, но если 347 подавали голосъ+100 считавшихъ незаконной сходку, то останется еще около 78, вдругъ раздумавшихъ подавать голосъ почему-либо. Подобная крупная ошибка произошла отъ безтолковаго веденія сходки, такъ какъ съ самаго начала не были удалены всѣ, считавшія сходку незаконной и, слѣдовательно, оставшіяся любопытными зрительницами. Когда же дѣло дошло до голосовки, онѣ не подали голоса, и съ ними смѣшались и тѣ двусмысленныя или нерѣшительныя, которыя считали сходку законной, но не подали голоса. Трудно отдѣлать этихъ госпожъ отъ насъ, людей честныхъ, признающихъ законность. А все изъ-за того, что всѣ были смѣшаны въ этихъ 525. Постановившія забастовку 307 сразу почувствовали ложность своего положенія, и, обвиняя въ бессильной ярости уклонившихся отъ голосованія, чувствовали все-таки, что онѣ—300—рѣшили такой серьезный вопросъ за 600.

Какая у нихъ происходила голосовка послѣ того, какъ я ушла—за или противъ обструкціи,—не знаю... ибо не спрашивала пока никого изъ бывшихъ тамъ; знаю только, что онѣ, 307, послали объявить директору, что курсы закрыты. Насколько въ первой забастовкѣ на сторонѣ большинства была лучшая часть курсистокъ, настолько въ этой, второй, въ составъ 307 входили крайнія радикалки, неопытныя первокурсницы, вообще, люди недальновидные и не серьезнаго образа мыслей.

Несчастныя инспектрисы бродили, какъ сонныя мухи. Бѣдная княгиня В. еле держалась на ногахъ; и ушли онѣ лишь въ 7 час., когда уже всѣ разошлись, а оставшихся немногихъ въ раздѣльной просили уйти. Директоръ бродилъ по залѣ съ многозначительнымъ видомъ...

Вечеромъ я поѣхала на концертъ Шевченки. Пѣли много и хорошо. Послѣ концерта тотчасъ же уѣхала домой.

Устала отчаянно.

21 марта, 12 ч. ночи.

Что день грядущій намъ готовить?

Его нашъ взоръ напрасно ловить...

Что будетъ завтра?—Вотъ вопросъ, на который всѣ мы сегодня днемъ долго и напрасно ждали отвѣта: директоръ не приѣхалъ отъ министра домой, какъ мы надѣялись, чтобы сходить къ нему и узнать все. Корридоръ былъ полонъ народа, разбились на кучки и разговаривали. А наверху въ это время было общее со-

браніе Общества для доставленія средствъ курсамъ; оно кончилось къ двумъ часамъ, и члены расходились. Баронесса Иксуль, какъ всегда, изящная и щегольски, но просто одѣтая во все черное, шла по лѣстницѣ съ Е. И. Максимовой. Воображаю, каковы были чувства большинства членовъ при видѣ насъ, толпой собравшихся въ корридорѣ.

Конечно, курсы теперь мудрено закрыть совсѣмъ, но все-таки неопредѣленное ихъ положеніе даетъ многимъ поводъ опасаться за ихъ судьбу въ случаѣ репрессіи. А, безъ сомнѣнія, она будетъ—и... довольно значительная. Уже въ ночь на сегодня арестовали Дубягу, Вѣру, и студентовъ: Волькенштейна, Лодыженскаго, Аванова, Коршунова, Иорданскаго, Салтыкова, Могилянскаго, Перовскаго, Косаря, Петрова, трехъ братьевъ Ноздриныхъ, Шапшала, Щепотьева и Лохова.

Университетъ профильтруютъ къ 24-му. Но что же будетъ у насъ? Во враждебномъ отношеніи партіи 300 нѣтъ и сомнѣнія. Еще вчера было видно, что крайнія изъ нихъ на все пойдутъ,—то же и сегодня. Едва я вошла, какъ черненькая С—ова задорнымъ тономъ спросила меня: — «Вы что думаете предпринять теперь, Дьяконова?»—Ничего,—спокойно отвѣчала я.—Завтра держать экзаменъ я, вѣдь, не намѣревалась.—«Ну, еще бы!»—грозно перебила она.—Да и вообще я не намѣрена была сдавать нынче экзамены,—поскорѣ отвѣтила я, чтобы отдѣлаться отъ этого неожиданнаго вопроса, и отошла.

Что завтра не будетъ экзамена—это очевидно, но что и сходки не будетъ—тоже очевидно. У директора въ субботу все время былъ такой видъ, какъ будто бы онъ хотѣлъ сказать: «ну ужъ, господа, какъ вы хотите, а больше собираться вамъ здѣсь не позволю. Сегодня вы еще хозяева здѣсь, завтра—я». Да и не нужно сходки. Волненіе началось и будетъ продолжаться, если будутъ экзамены.

Передъ начальствомъ теперь возникаетъ еще вопросъ: что дѣлать съ партіей трехсотъ? Онѣ сами себѣ надѣли петлю на шею изъ благороднѣйшаго побужденія, онѣ пришли къ рѣшенію, но оно, къ сожалѣнію, страдаетъ отсутствіемъ законности. Какая разница: 6-го марта мы толковали, 20-го—весь день бунтовали. Вотъ ужъ подлинно переживаешь дни полной неизвѣстности передъ будущимъ, точно во времена великой французской революціи.

Безъ сомнѣнія, насъ могутъ закрыть и исключать на тѣхъ же условіяхъ, что и студентовъ, профильтруютъ, какъ и ихъ. Но вотъ вопросъ: поступятъ ли съ нами такъ же, или выдумаютъ какую-нибудь полумѣру?

Самое лучшее—это завтра вовсе не допускать никого на курсы. Партия трехсотъ и добивается именно того, чтобы курсы были закрыты, подобно университету, технологическому и горному институтамъ. А въ сущности, самое рациональное было бы закрыть всѣ учебныя заведенія на два мѣсяца съ перенесеніемъ экзаменовъ на осень. Время—великій врагъ, и все успокоилось бы. А то въ профильтрованномъ университетѣ на 26-ое опять назначена сходка, опять найдется партія, которая возстанетъ за непринятыхъ обратно товарищей... и вновь повторится взрывъ. Нѣтъ, ужъ лучше не играть съ горючимъ матеріаломъ...

Какъ посмотришь на все происшедшее,—право, такъ и должно было случиться... Что жъ изъ того, что сходка не законна: надо было ожидать такого рѣшенія—забастовки во что бы то ни стало. Нельзя иначе—и мы по роковому закону сходства каемся по наклонной плоскости.

Борьба, борьба... страсти разгорѣлись, сколько взрывовъ гнѣва, сколько разорванныхъ дружбъ, знакомствъ, хорошихъ отношеній... Пусть завтра закроютъ курсы, это единственный способъ предотвратить неминуемое столкновеніе. И завтра чѣмъ свѣтъ надо бѣжать покупать «Правительственный Вѣстникъ»—нѣтъ ли какихъ-нибудь сообщеній.

Ну, что же теперь будетъ? И ложаюсь спать и засыпая—буду сознавать себя въ положеніи необыкновенномъ, вотъ ужъ по-долго, какъ передъ дуэлью:

Что день грядущій намъ готовить?

Его нашъ взоръ напрасно ловить...

22 марта. Собрались на курсы въ 10 часовъ и ждали директора, думая, что онъ привезъ какое-либо рѣшеніе отъ министра. Когда тотъ явился и пошелъ наверхъ, вся толпа, собравшаяся въ корридорѣ, бросилась за нимъ. Онъ въ недоумѣніи спросилъ меня:—«Зачѣмъ онъ всѣ за мной бѣгаютъ?»—и на мой отвѣтъ, что ждутъ отъ него какого-нибудь рѣшенія, сказалъ, что министръ ему ничего не говорилъ, и онъ пока рѣшить ничего не можетъ.

На назначенные три неофициальныхъ экзамена (ускоренный по латинскому языку, у математика и еще чей-то третій) явились экзаминаторы. Большинство приготовившихся, понятно, рѣшило не держать экзаменовъ, чтобы не вызвать взрыва, но нашлось три, которыя явились. Въ виду благоразумія—профессора воздержались отъ производства экзаменовъ и исчезли незамѣтно.

Мы бродили по нижнему корридору; а партія 300 собралась

наверхъ на сходку съ воинственнымъ настроеніемъ, и я не знаю, что тамъ происходило. Говорили, что директоръ приказалъ инспектрисѣ переписать всѣхъ присутствующихъ на сходкѣ, заявивъ объ этомъ съ самаго начала сходки (не знаю, насколько это вѣрно). Я видѣла, какъ постепенно въ опустѣвшій нижній корридоръ начала спускаться масса народу, крикъ и шумъ росли и росли... Наконецъ, я ушла въ бібліотеку, гдѣ были Е. И. Балабанова, ея помощница О. К. Нечаева, Ростовцевъ; вскорѣ пришелъ директоръ. Разговоръ, понятно, вертѣлся все на одномъ—на нашемъ положеніи. Всѣ понимали, что партія трехсотъ не есть 900, и что вторая забастовка не такая, какъ первая, и что рѣшеніе этихъ трехсотъ выходитъ за предѣлы всякой законности даже въ товариществѣ, но все-таки фактъ безпорядка былъ налицо, возбужденіе обструкціонистокъ—внѣ всякихъ сомнѣній. Возникать вопросъ: какъ быть дальше? Вѣдь, было жаль и этихъ 300, которыя сами въ петлю лѣзли, и это опять-таки всѣ понимали.

Я вышла въ корридоръ. Спрашиваю—сколькихъ переписали? —«Съ небольшимъ 400». Это значитъ, что къ 307 прибавилось еще около 100 добровольныхъ мученицъ, пожелавшихъ «раздѣлить судьбу товарищей», такъ какъ всѣ почему-то сразу рѣшили, что ихъ исключать, и нашлись тотчасъ же добровольныя мученицы, которыя и на сходкѣ вовсе не были и забастовки не желали, но «раздѣлили судьбу» по желанію. Я высказала директору свое мнѣніе относительно результатовъ его приказанія,—очень невыгодныхъ, бесполезно увеличившихъ только число жертвъ.—Къ чему было переписывать? Вѣдь, все-равно точнаго числа вы не получили, такъ какъ нашлись добровольныя мученицы,—есть упрекѣмъ говорила я.—«Ну, ужъ такія лица всегда неизбѣжны,—спокойно отвѣчалъ онъ.—Съ ними ничего не подѣлаешь. Желаютъ «раздѣлять судьбу»—и конецъ»... Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, согласились всѣ знавшіе жизнь болѣе меня, но все-таки было досадно. Директоръ достаточно догадливъ: онъ нарочно допустилъ сходку, чтобы всѣхъ переписать и имѣть возможность сразу подвергнуть обструкціонистокъ какому-либо наказанію, исключаящему возможность поднятія ими безпорядковъ во время экзаменовъ, которые офиціально начнутся 26-го. Теперь нѣтъ сомнѣній, что ихъ исключать. На этотъ разъ намъ нечего ждать пощады...

Въ бібліотекѣ говорили, что сегодня состоится совѣтъ министровъ по поводу курсовъ, и милая О. К. Нечаева была настроена тревожно. А я надѣюсь, что курсы потерпятъ репрессию наравнѣ съ прочими учебными заведеніями, не больше, такъ

какъ всякій министръ пойметъ, что рѣшеніе трехсотъ—не есть рѣшеніе 900 (хотя тоже неизвѣстно, какое бы рѣшеніе мы постановили, если бы собрались въ законномъ количествѣ—600). Такъ и въ университетѣ: рѣшеніе 800—неизвѣстно, согласны ли съ ними остальные три тысячи.

Я ушла съ курсовъ въ три часа въ столовую, оттуда къ Щ—нымъ. Тамъ Ек. Ник. возмутила меня наивнымъ отношеніемъ къ такому серьезному дѣлу своимъ ребяческимъ восторгомъ передъ рѣшеніемъ студентовъ забастовать:—«Ахъ, какъ это хорошо! Ахъ, какъ хорошо!» и смѣялась, какъ дѣвочка. Меня взорвало.—Хорошо вамъ хохотать да восторгаться, а каково студенчеству выносить это на своей шкурѣ! Общество только на словахъ намъ сочувствуетъ, а на дѣлѣ—отказываются отъ «Новаго Времени», и все! Этого мало...

Ужась что за черствая душа у этой женщины! Быть съ ней теперь тяжело, я еще больше разстроилась, и отъ нея поѣхала прямо къ М. П. Мяс—вой, къ счастью, заставъ ее дома. Она говорила мнѣ что-то о томъ, какое я время переживаю теперь и какъ обрабатывается мой характеръ. Я слушала машинально, мнѣ было просто хорошо быть съ ней, слушать ея слова... и мнѣ вдругъ хотѣлось спрятать лицо въ складкахъ ея платья и заплакать, какъ ребенокъ. Но нервы теперь у меня гораздо крѣпче стали, и я легко владѣю собой... Иногда душа этой дѣвочки мнѣ кажется благоухающей розой, запахъ которой вдыхаешь съ наслажденіемъ, и хочется подольше подержать эту розу въ рукахъ, подольше ею наслаждаться.

Она дала мнѣ книгу члена «Арміи спасенія»; я прочту для ознакомленія съ этими людьми и ихъ ученіемъ. Потомъ мы читали съ нею отрывокъ изъ сочиненія Джона Рескина о воспитаніи, о женщинѣ.

23 марта. Вчера, говорятъ, въ 4 часа вывѣсили ненадолго объявленіе, что курсы закрыты. Сегодня никакого объявленія на дверяхъ нѣтъ, но швейцаръ никого на курсы не пускаетъ, за исключеніемъ тѣхъ, у кого есть дѣло въ канцелярію. Такъ какъ я потеряла свой видъ на жительство, то нужно было спросить совѣта Скрибы—въ какомъ участкѣ записана я, чтобы заявить о потерѣ. Въ канцелярії уже былъ директоръ и другіе, но, едва я успѣла получить отвѣтъ Скрибы, директоръ попросилъ меня ему не мѣшать, такъ какъ онъ занятъ. Интернаты были тоже разобщены съ курсами, и швейцарамъ отданъ приказъ никого не пускать постороннихъ. Мнѣ нужно было повидать С., и я, забравъ

■ швейцара, явилась къ инспектрисѣ возмущаться этою мѣрой. Само собой разумѣется, что она мнѣ разрѣшила войти къ С. Она сама не одобряла этой мѣры и оправдывалась своею подчиненностью директору, ссылаясь на уставъ. Я никогда не видывала этого устава и прочитала съ любопытствомъ 2 §—дѣйствительно, она была права, такъ какъ болѣе ясныхъ правилъ, строго разграничивающихъ предѣлы власти начальства, такъ и не было выработано, несмотря на обѣщаніе въ уставѣ. Она даже предложила мнѣ пойти къ директору и просить отмѣнить эту мѣру, но я благоразумно не сдѣлала этого, ибо бесполезно требовать гарантій какихъ-либо тамъ, гдѣ уставомъ данъ полный произволъ, и особенно въ такую минуту.

Въ прихожей интерната всѣ письма были вынуты изъ клѣтокъ и положены на стулъ, а стулъ поставленъ между дверями такъ, что первыя были отворены, а у вторыхъ стоялъ швейцаръ съ ключомъ.

Курсы не открылись и въ два часа: почему-то разнесся слухъ, что къ этому времени кончится совѣтъ министровъ по поводу нашихъ курсовъ: Насколько все это правда—судить трудно. Мы потолкались на улицѣ и разошлись. Въ студенческой столовой кипѣла работа... Читались бюллетени, воззванія... Охъ, что-то будетъ?

24 марта. Съ утра пошла въ интернатъ, а оттуда, конечно, на курсы. Было пусто. Временное правленіе уже не засѣдало. Только въ канцеляріи шла усиленная работа, да служитель таинственно тащилъ въ инспекторскую цѣлый ворохъ мелкихъ бумажекъ... Нѣсколько интернатовъ и я, черезъ интернатъ тоже, ходили по корридорамъ... Въ инспекторской засѣдали 4 инспектрисы, и всѣ писали, директоръ бродилъ по лѣстницамъ и залѣ. Наконецъ, къ 12 часамъ вынесли изъ канцеляріи доску со спискомъ: исключено 15 человѣкъ, уволено на два года 46, на годъ—88 и до осени—51, итого—200 человѣкъ. Я поскорѣ списала весь списокъ и передала его на улицу, гдѣ толпились курсистки, которыхъ не пускали на курсы. Списокъ исчезъ моментально среди десятка протянутыхъ рукъ. Побѣжала за другимъ.

Такъ протянулось время до 2 часовъ. Потомъ пошла въ столовую; тамъ уже ходили списки исключенныхъ курсистокъ и производили впечатлѣніе. Въ бюллетеняхъ перечисляются всѣ высшія учебныя заведенія, въ которыхъ идетъ движеніе. Электротехнической институтъ принялъ забастовку на послѣдней сходкѣ. Въ академіи художествъ сочли возможнымъ оскорбить универ-

ситетскаго депутата. Въ институтѣ путей сообщенія начальство заявило, что, надѣясь на благонамѣренность студентовъ, игнорируетъ всякія сходки. Въ медицинской академіи назначена сходка. Бюлетень лѣснаго института очень радикальный, въ тонѣ студенческимъ.

25 марта. Тѣ же небольшія группы около курсовъ. Грустно какъ-то. Я еще съ воскресенья отложила объ экзаменахъ «всякое попеченіе», и теперь рѣшила только «слѣдить» за всѣмъ. Въ столовой попрежнему оживленіе необыкновенное, извѣстій масса. Выходитъ «Вѣстникъ Обструкціи», нѣчто вродѣ журнала... Между прочимъ, женскій медицинскій институтъ отличился курьезной сходкой: по поводу пропажи коллекцій профессора Заболотнаго. Быть можетъ, на самомъ дѣлѣ это и очень необходимо, но среди всѣхъ извѣстій эти короткія строки возбуждаютъ улыбку.

Я снялась у Мрозовской съ распущенными волосами, не то мадонной, не то кающейся грѣшницей—съ виду, но, въ сущности, это и есть мой первый, вполне удачный портретъ. Онъ выражаетъ мою духовную сущность, мое «я»... Такъ какъ никто изъ моихъ знакомыхъ хорошо меня не знаетъ или не понимаетъ, то поэтому всѣ и удивляются этой карточкѣ...

Вечеромъ я была у Ч—совъ. Старшій братъ даже разсердился:—«Ахъ, какая вы, Е. А.! на этой карточкѣ вы совсѣмъ не та, идеализированная какая-то»...—«Ахъ, дайте еще разъ посмотрѣть на это лицо! только женщины могутъ быть такъ лживы! Нѣтъ, какова!»—и въ то же время онъ глазъ не могъ оторвать отъ карточки. Потомъ, за чаемъ, вдвоемъ мы имѣли любопытный разговоръ. Онъ пустился въ объясненія того, какъ онъ меня «понимаетъ».—«Вы—типъ любопытный. Смѣсь буржуазіи съ интеллигенціей... да, въ васъ именно и есть эта смѣсь. Воспитанная въ чисто буржуазной средѣ, вы попали въ студенческую, интеллигентную и, конечно, воспріяли многія ея воззрѣнія. Вотъ и получилась смѣсь»... Онъ долго еще говорилъ на эту тему.

Я молчала. Да, смѣсь! И какое-то горькое чувство поднималось въ груди... И казалось мнѣ, что я такая ничтожная, ничего не сумѣю, ничего не сдѣлаю въ жизни...

26 марта. На курсахъ день перваго официальнаго экзамена: на первомъ курсѣ психологія. Главный входъ былъ закрытъ, во избѣжаніе обструкціи—на улицѣ что ли, не знаю; но экзаменуемыхъ пускали лишь черезъ главный интернатъ... Обструкціонистки-первокурсницы, около 17 человекъ, запаслись входными

билетами и явились вмѣстѣ съ экзаменующимися на курсы. Когда я утромъ пришла въ интернатъ, то увидѣла такую сцену: онѣ, человекъ 10, стояли въ телефонной около двери и никого не пропускали на курсы. А наверху, на курсахъ—мнѣ рассказывали потомъ сами—дѣло было такъ. Съ входными билетами ихъ пропустили въ аудиторію Введенскаго, гдѣ шель экзаменъ по психологіи. Давъ отвѣтить одной, эта группа заявила профессору, что пришла мѣшать экзамену и просить его прекратить. Введенскій разозлился и сказалъ, что экзаменовать—будетъ, и погрозилъ сообщить директору. Отвѣтили еще двѣ. Тѣ продолжали выражать свое порицаніе. Вошелъ директоръ и объявилъ, что онѣ уже болѣе не курсистки, и велѣлъ возвратить билеты, что онѣ и исполнили. Экзаменъ былъ прерванъ; потомъ опять возобновился. Въ это время другая группа, человекъ 7, производила обструкцію Буличу; профессоръ прекратилъ экзаменъ. Двѣ слушательницы третьяго курса пробовали было просить ихъ пустить экзаменоваться по-латыни. Вотъ смѣхъ-то! Какъ будто бы эта раздраженная группа могла исполнить такую просьбу! Эхъ, люди!

Все это мнѣ рассказывала сама бывшая въ числѣ обструкціонистокъ у Введенскаго. Всѣ онѣ были тотчасъ уволены: навсегда—19 человекъ, на одинъ годъ—6 человекъ; въ числѣ исключенныхъ находилась и наша ярославка—Д.

Въ 2 часа, по обыкновенію, пошла въ студенческую столовую. Настроеніе общее—радикальное, борьба, борьба... «до послѣдняго вздоха борьба!»—такъ и звучитъ въ этихъ голосахъ, юныхъ и возбужденныхъ. Изъ Москвы получена телеграмма такого содержания: «Выслано 2100 бочекъ. Складъ открываетъ союзъ. Настроеніе твердое». Такъ иносказательно извѣщаютъ объ исключеніи товарищей. Интересно постановленіе делегатскаго собранія: представители всѣхъ институтовъ, медицинской академіи и университета—всѣ обструкціонисты и антиобструкціонисты—высказались за то, что экзамены въ настоящее время не возможны, за исключеніемъ универсантовъ-обструкціонистовъ, которые сочли возможнымъ отвѣтить: «да».

27 марта. За попытку произвести обструкцію на экзаменѣ исключено еще шесть человекъ. На курсы, равно какъ и въ интернатъ, безъ билетовъ никого не пускаютъ, народу мало. Около ста уходитъ съ курсовъ добровольно, беретъ свои прошенія, не желая оставаться на курсахъ «при такихъ условіяхъ»—какъ будто «эти условія» не продиктованы поведеніемъ той же партіи 300.

Я отказываюсь от экзаменов на таких основаниях: 1) мне тяжело кончать курс среди полного разгрома; 2) я считаю себя не в праве нравственно получить диплом, после того как я не занимаюсь два месяца, и наскоро выучивать лекции к экзаменам. Но директор пока не позволяет откладывать до осени. Лучше бы уже закрыли все высшие учебные заведения до осени—повторяю я: утихли бы все волнения и прекратились бы все беспорядки. Теперь же, действительно, существование курсов подверглось в одно заседание министров опасности, но г-да студенты храбро заявляют, что «есть благо выше науки»... О, да, милые товарищи! Но женщин для того, чтобы додуматься до этих благ,—все же нужно образование.

Перестают появляться бюллетени антиобструкционистов, и вместо них ходят «воззвания» к товарищам о продолжении борьбы. Об участи студентов все еще неизвестно. В горном институте вчера арестовано 12 студентов, я знаю одного из них... Лесной институт закрыт. В институте гражданских инженеров состоялась сходка 144 против 128. Директор продолжает настаивать, что в движении нет ничего политического, и хочет просить министра внутренних дел о закрытии института. Из Одессы известие лаконическое: все, за исключением IV курса юристов, рѣшили: в университет не ходить, экзаменов не держать, зачетов не получать и выразить солидарность прочим университетам. В Варшаву до сих пор еще не возвращены 31 студент.

28 марта. В «Вѣстникѣ Обструкціи» наши экзамены называют «позорнымъ событіемъ». Вотъ наивность! Неужели же студенты не знают, что у насъ забастовку постановили 300 противъ 600? Просто поразительно. Этакъ можно, драпируясь въ героическую тогу, сказать и сдѣлать все, что угодно. Студенты напечатали стихотвореніе исключеннымъ курсисткамъ и озаглавили: «Студенткамъ», подпись—«Товарищи».

3 апрѣля. Была на вечерѣ въ Маринскомъ театрѣ въ память Пушкина, устроенномъ Союзомъ писателей. Программа была обширна, такъ что вечеръ затянулся до часу ночи. Вначалѣ артистъ Писаревъ прочелъ известное стихотвореніе Полонскаго; затѣмъ были прекрасно поставлены: «Пиръ во время чумы» и «Цыгане»,— послѣднее особенно хорошо, но обѣ пьесы производятъ болѣе сильное впечатлѣніе въ чтеніи, нежели на сценѣ. Впрочемъ, «Пиръ во время чумы» еще ничего; но въ «Цыганахъ» особенно рѣзко

бросается въ глаза намъ, воспитаннымъ на реальныхъ драмахъ, приподнятость тона, незамѣтная при чтеніи и страшно замѣтная на сценѣ. Напр., когда старикъ послѣ убійства дочери говоритъ Алеко: «Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ»...—со сцены это звучитъ почти фальшиво, такъ какъ невольно ожидаешь, что старикъ, пораженный горемъ, бросится къ трупу дочери. Да и актеры провели эту сцену довольно холодно... Апоѳеозъ вышелъ, по-моему, неудачно. Бѣлая гипсовая копія съ памятника Пушкина въ Москвѣ не настолько велика, чтобы производить впечатлѣніе; ее поставили въ глубинѣ сцены, среди зелени, довольно низко, и Муза—женская фигура въ бѣломъ, съ распущенными волосами,—протягивала къ ней лавровый вѣнокъ. По программѣ значилось, что памятникъ будутъ окружать литераторы. Они встали на почетельномъ разстояніи отъ него, на заднемъ планѣ, по обѣ стороны; хоры любителей тоже размѣстились по сторонамъ сцены. Три женскихъ фигуры въ бѣлыхъ модныхъ платьяхъ—при вторичномъ поднятіи занавѣса—скромно усѣлись на ступенькахъ у подножія памятника, держа лавровый вѣнокъ. Во всемъ этомъ—ни складу ни красоты. Зато въ глубинѣ сцены, по обѣимъ сторонамъ памятника, блистали двѣ картины, мастерски поставленные К. Е. Маковскимъ: «Убіеніе дѣтей Бориса Годунова» и «Русалки»; послѣдняя особенно была хороша.

Мы сидѣли въ ложѣ большой компаніей, для меня представлявшей мало интереса. Хотѣлось бы на мѣстѣ этихъ куристокъ видѣть другихъ людей, болѣе умныхъ, болѣе оригинальныхъ,—но, видно, нельзя требовать отъ жизни болѣе того, что она можетъ дать... Профессоръ Ш. пришелъ въ одинъ изъ антрактовъ въ нашу ложу и приглашалъ всѣхъ къ себѣ на второй день Пасхи. Я думаю, что, навѣрно, уѣду къ тому времени въ голодающія губерніи.

4 апрѣля. Дни бѣгутъ и бѣгутъ... Волна жизни захватываетъ такъ, что нѣтъ ни времени, ни возможности писать дневникъ. Масса интереснаго, чувствуешь, что необходимо, нужно записать, и... все-таки не пишешь, некогда, забываешь даже.

Прочтя объявленіе отъ организаціоннаго комитета, чтобы студенты приходили къ университету съ 10 ч. утра 31 марта, въ этотъ день иду на курсы. Передъ входомъ—толпа. Думаю: гдѣ интереснѣе—здѣсь или около университета?—Рѣшила сначала захватить, что далеко, и пошла къ университету. Тамъ масса полиціи, масса студентовъ около дверей университета и на троттуарѣ. Я шла по набережной и остановилась противъ главнаго входа.—«Барышня, проходите»,—сказалъ городовою. Я не сочла нуж-

нымъ подымать исторію и прошла мимо. Очевидно, было еще рано. Пошла домой. Навстрѣчу мнѣ, по 10-й Линіи, шли курсистки и сообщили, что обструкціонистки собрались у дверей, съ цѣлью уговаривать шедшихъ на экзамень не экзаменоваться, и не пускали тѣхъ, кто все-таки хотѣлъ итти; часть приходившихъ имъ удалось отговорить, а 16 человекъ прошли съ помощью швейцара. Была вызвана полиція. Только что говорившая успѣла окончить этотъ разсказъ, какъ около курсовъ явились околоточные и съ ними городовые. Часть ушедшихъ вернулась опять, такъ какъ сказали, что будутъ переписывать. Перепись эта кончилась что-то очень скоро, и толпа разошлась.

Я увидѣла Надю Б., усердно отговаривающую какую-то молоденькую первокурсницу, шедшую на экзамень. Глупенькая дѣвочка поблѣднѣла, и у ней были слезы на глазахъ. Я сказала Надѣ, что нельзя такъ насиловать.—«Да какое же тутъ насиліе?—воскликнула она,—мы ее только отговариваемъ!»—Десять человекъ столпились надъ глупой дѣвочкой и кричали ей въ уши; та дрожала и плакала. Это ли не насиліе! По-моему, не слѣдуетъ вовсе удерживать желающихъ экзаменоваться. Порядочный человекъ въ такое время—безъ словъ ясно—не будетъ держать экзаменовъ; люди же съ недостаткою такта всегда добьются своего съ ролью полиціи и съ помощью швейцаровъ: такъ идетъ въ университетѣ, такъ и у насъ. А кого шкурный вопросъ заставляетъ держать экзамены, того жестоко, въ сущности, и осуждать; къ тому же—экзамены держитъ самая незначительная часть.

По обыкновению, отъ 2 до 4 пробыла въ студенческой. Но въ это время произошло событіе: 489 студентовъ были загнаны въ манежъ. Очевидно, полиціи надоѣло бездѣйствовать. Когда, послѣ обѣда, я и Саша П. пошли къ университету, манежъ представлялъ очень интересное зрѣлище. Въ окнахъ и амбразурахъ стояли группы студентовъ; фигуры въ пальто нараспашку картинно выдѣлялись на мрачномъ фонѣ оконъ и еще болѣе красиво на свѣтлыхъ стѣнахъ манежа въ амбразурахъ. Полиція стояла кругомъ; на противоположномъ троттуарѣ—нѣсколько околоточныхъ. Между манежомъ и университетомъ вдоль троттуара толпилась публика. Мы прошли мимо—разъ, два; наконецъ, стали думать, чтѣ бы имъ передать. Я хотѣла было цвѣты, но Саша, болѣе практичная, рѣшила купить яблокъ. Купили. Какъ передать? Полиція никого не пропускала. Вдругъ мы увидали студентовъ, убѣгающихъ изъ-за угла манежа.—«Передайте яблоки!»—«Съ удовольствіемъ! мы сейчасъ туда сами папиросы передали!»... И

яблоки мгновенно были ловко брошены въ окно, и студенты бѣгомъ бросились удирать отъ полиціи. Мы ободрились и рѣшили купить булокъ. По дорогѣ въ булочную мы встрѣтили нѣсколько студентовъ, нагруженныхъ свертками: очевидно, попытки къ передачѣ удались, и мы имъ отдали булки. На обратномъ пути встрѣтили С. съ двумя лѣсниками, изъ которыхъ одинъ мнѣ знакомъ. Они тоже захотѣли передать булки. Къ счастью, далеко не пришлось итти—попался по дорогѣ булочникъ, и у него мы живо расхватали хлѣбъ; нашъ примѣръ подѣйствовалъ на публику и студентовъ, и тѣ подошли къ намъ. Но въ это время отрядъ городскихъ въ два ряда загородилъ улицу между Академіей Наукъ и манежемъ. Приходилось проходить сквозь городскихъ. Стоявшіе около манежа не пропускали. Тогда студенты стали пробѣгать въ противоположномъ концѣ шеренги и, пробравшись къ манежу, бросали имъ въ окна свертки съ хлѣбомъ. Мы опять пошли за хлѣбомъ. Какой-то булочникъ уже стоялъ во дворѣ манежа. Мы бросились къ нему, и студенты тоже; мы совали булочнику деньги въ руки, сами забирая у него изъ корзинки хлѣбъ; студенты подставляли намъ полы своихъ шинелей, и мы складывали туда булки; а потомъ понесли ихъ къ манежу. Ближайшіе городовые, наконецъ, смягчились: одинъ изъ нихъ сталъ принимать въ свою шинель хлѣбъ и уносилъ его къ окнамъ. И странное дѣло: въ то время, какъ на глазахъ у всѣхъ и у полиціи студенты передавали хлѣбъ, та же полиція арестовывала нѣсколькихъ студентовъ именно за эту передачу, и мы встрѣчали то и дѣло одного-двухъ студентовъ въ сопровожденіи городскихъ, которые вели ихъ куда-то.

Не могу не отмѣтить отраднаго факта, что въ данномъ случаѣ студенты охотно помогали намъ... на мгновеніе мы соединились въ общемъ братскомъ чувствѣ помощи, и холодныя петербургскія улицы и публика увидали живое дѣло, невиданное, быть можетъ, давно.

Разсказывали, что среди публики, стоявшей кучкой передъ шеренгой городскихъ, нашлась одна французенка, которая на обычное: «проходите» — отвѣчала ломанымъ русскимъ языкомъ: — «О нѣтъ, это очень интересно! кормленіе звѣрей!» Но «звѣрей»-то было много—400 слишкомъ, и мы сами видѣли, что надо бы побольше имъ послать.

Въ 7-мъ часу мы пошли домой. Курсистки, проѣзжавшія мимо университета въ 11-мъ часу,—еще слышали пѣніе оттуда... Начали развозить по «частямъ» поздно вечеромъ и окончили это дѣло только къ тремъ часамъ утра.

На другой день у дверей курсовъ опять толкались околоточные... но обструкціонистокъ уже не было.

8 *апрѣля*. Движеніе продолжается. Послѣ приѣзда делегата изъ Кіева, у молодежи вновь одинъ отвѣтъ: «насъ вернули, а ихъ нѣтъ! Вотъ мы и покажемъ, каково не возвращать всѣхъ!»

Что это? Какая сила движетъ эту массу, потому что самая простая логика здѣсь отсутствуетъ: быть можетъ, въ Кіевѣ были такія причины, что нельзя сразу вернуть всѣхъ; тамъ волненія начались еще въ декабрѣ и продолжались послѣ того, какъ прекратились здѣсь. Ничего этого не было принято во вниманіе: «За пострадавшихъ — страдаемъ!» — разнесся благородный крикъ негодованія... и началась вторая забастовка.

Все это очень благородныя мысли у большинства изъ толпы обструкціонистовъ. Но какія цѣли скрываютъ ея вожаки? Я, къ сожалѣнію, не имѣла у себя подъ руками того знаменитаго бюллетеня, въ которомъ студенческое движеніе характеризовалось какъ политическое. Безъ сомнѣнія, къ этому движенію примѣшалось многое; социаль-демократы радуются и благословляютъ молодежь, большинство изъ которой и не подозрѣваетъ, сколько тайныхъ надеждъ и думъ всякаго рода связано съ этимъ движеніемъ у лицъ всевозможныхъ лагерей и оттѣнковъ. Я чувствую себя въ такомъ положеніи: я стою именно среди толпы, не зная, гдѣ вожаки ея, и предъ моими глазами проходитъ лишь то, что доступно толпѣ студенчества, т.-е. бюллетени, воззванія, стихи; но закулисная сторона всего — для меня закрыта. Я читаю извѣстія, но не знаю, кто ихъ пишетъ и гдѣ печатаютъ — вотъ какъ могу я охарактеризовать свое положеніе.

Теперь взглянемъ на это движеніе съ философской точки зрѣнія. Всякій бунтъ, всякое движеніе протеста, особенно среди студенчества, имѣютъ свою причину. Какъ бы ни были странны поводы къ его началу (какъ было, напр., въ данномъ случаѣ), все-таки самая легкость его возникновенія указываетъ на ненормальное положеніе учащихся, которое на самомъ дѣлѣ таково, что ждуть только повода, — сейчасъ же готовъ взрывъ. Не надо забывать, что для взрыва бочки съ порохомъ, если она удобно расположена, достаточно небольшой зажженной свѣтильни, которую могли зажечь случайно и бросить ее въ бочку тоже случайно. А взрывъ происходитъ, и съ жертвами. Но если бъ та же бочка была наполнена сырою землею, то мы можемъ трудиться годы — и не добьемся взрыва. Такъ и въ этомъ дѣлѣ. Студенчество не можетъ успокоиться съ 1884 года; нѣтъ-нѣтъ, да и вспыхнетъ

взрывъ, то тутъ, то тамъ. Такъ сказать, помѣстное воспаленіе обратилось вскорѣ въ антоновъ огонь, охватившій весь организмъ; или, лучше сказать: маленькія вспышки съ разныхъ концовъ запылали ярче, и, наконецъ, все слилось въ одномъ грандіозномъ пожарѣ. Кто тутъ правъ, кто виноватъ—разобрать теперь трудно. Будущему историку русскаго общества яснѣе представится вся картина, а мы, современники и участники движенія, подобно дѣятелямъ великой революціи, охвачены потокомъ и не всегда можемъ правильно и безстрастно судить о дѣлѣ, въ которомъ сами участвуемъ.

Гдѣ нѣтъ любви—тамъ борьба и зло. Любви нѣтъ ни въ нашемъ обществѣ, ни въ сферѣ правящихъ, ни среди учащихся... И вотъ выступаетъ борьба, которая направляется разгорѣвшимися страстями. Нельзя и осуждать за нее. Осужденіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если злоба и ожесточеніе вспыхнули бы въ царствѣ любви. Но, разъ его нѣтъ, все естественно вытекаетъ изъ установившихся отношеній. Дайте нормальную жизнь бѣдной учащейся молодежи; дайте ей возможность вздохнуть спокойно и свободно; дайте ей возможность свободно собираться въ кружки разнаго рода, общества, ассоціаціи,—повѣрьте, что у нея тогда не будетъ того повышеннаго нервнаго настроенія, какое замѣчается теперь. Человѣкъ такъ созданъ, что не можетъ жить спокойно при ненормальныхъ условіяхъ. Онъ или умираетъ или поднимаетъ бунтъ. Русскій народъ теперь мретъ съ голода, студенты—бунтуютъ вслѣдствіе нарушенія правъ личности.

Въ горестномъ негодованіи многіе думаютъ, что молодежь неблагоприятна, что ее не успокоило даже назначеніе Высочайшей комиссіи 20 февраля. Не могутъ понять этого и въ правящихъ сферахъ и обвиняютъ молодежь въ неблагоприятности. На дѣлѣ же—вторая забастовка вспыхнула легко потому, что горячій матеріалъ еще не успѣлъ остыть. Молодежь, въ сущности, и сама не можетъ дать себѣ отчета, отчего такъ легко вспыхиваетъ движеніе повсюду. Говорятъ: удивительная солидарность! Да, она развилась, потому что вездѣ условія жизни ненормальны. Такова настоящая, коренная причина, всѣ же внѣшніе поводы—только предметъ къ проявленію того смутнаго недовольства, неудовлетворенности, которая лежитъ въ глубинѣ сердца каждаго учащагося чуткаго человѣка.

Вотъ отчего я сочувствую студенческимъ движеніямъ. Нельзя иначе. Я и сама учусь, и сама душевно неудовлетворена, и вотъ при первомъ поводѣ заявляю о своемъ недовольствѣ. Если бы это могли понять и смотрѣть на движеніе именно съ такой точки

зрѣнія,—не стали бы никого обвинять въ подстрекательствѣ, а скорѣе обвинили бы самихъ себя, общество, правительство. Но, къ сожалѣнію, никто не понимаетъ насъ.

Переживаемый моментъ приноситъ пользу: онъ дѣйствуетъ не только на насъ, но и на общество, которое бойкотировало «Новое Время»; даже простой народъ, который приходитъ въ столкновеніе съ учащимися,—газетчики всѣ стали чрезвычайно внимательно слѣдить за новостями и, продавая студентамъ номера, въ которыхъ пишется противъ Суворина,—сами невольно заражаются общимъ повышеннымъ настроеніемъ...

У насъ изъ всѣхъ оставшихся 240 человекъ (140 удалились добровольно+246 уволенныхъ) около 200 не держатъ вовсе экзаменовъ. Я 19-го марта еще занималась, но на другой же день закрыла книги: не такое время настало, чтобы держать экзамены. Вѣдь, вотъ каковъ ходъ событій: по строгой логикѣ можно бы держать экзаменъ, такъ какъ только 300 человекъ постановили забастовку; и, однако же, совѣтъ подсказываетъ, что лучше не ходить на экзамены, лучше не держать. Жаль товарищей; лучше имъ уступить, нежели возстановлять ихъ противъ себя. Я не сочувствовала незаконной сходкѣ, смѣялась надъ курьезнымъ постановленіемъ 300 противъ 600. Но, подумавъ болѣе глубоко, пришла къ убѣжденію, что нельзя оцѣнивать событія съ точки зрѣнія чистой логики, а надо принимать въ расчетъ всѣ сопутствующія обстоятельства: *volens-nolens* мы должны идти съ университетомъ. Еще доводъ противъ экзаменовъ: мы два мѣсяца не занимались, и неужели же будемъ такъ нечестны, что, не зная курса, будемъ сдавать экзамены ради правила?

Недѣлю тому назадъ появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» длинное сообщеніе, подробно излагавшее событія... и сегодня въ 5 часовъ закрыли студенческую столовую. Но студенты не глупы: на бумажкѣ, приклеенной къ двери столовой, написали карандашомъ: рекомендуемъ столовую... такую-то. И она была переполнена народомъ.

Газеты не обмолвились о «сообщеніи». Только однѣ «Биржевыя Вѣдомости» за статью «Доброта все побѣждаетъ», гдѣ сообщеніе обсуждалось съ точки зрѣнія гуманности, запрещены на два мѣсяца. А, между тѣмъ, эта статья—сама правда.

Какъ жаль, что не пришлось вести поденную запись событій!

9 апрѣля. Два дня назадъ я подала въ нашу канцелярію заявленіе объ отложеніи экзаменовъ, ясное, короткое, безъ всякихъ «причинъ». Вчера былъ совѣтъ математиковъ, который разсмат-

риваль каждое прошеніе отдѣльно, и тѣ, при которыхъ не было приложено медицинскихъ свидѣтельствъ, оставили безъ вниманія, какъ не «мотивированныя»; слѣдовательно — на второй годъ... Сегодня утромъ приходитъ ко мнѣ Х. и рассказываетъ... Я вспылила: а, такъ имъ надо и мотивировку?! Ладно, я имъ ее дамъ! Сейчасъ—въ канцелярію, беру прошеніе обратно, вмѣсто него пишу «мотивированное», ссылаясь на участіе въ студенческомъ движеніи и сходкахъ, что мѣшало мнѣ готовиться къ занятіямъ, а, слѣдовательно, держать выпускные экзамены и получать дипломъ считаю нечестнымъ послѣ двухмѣсячнаго перерыва въ занятіяхъ. Откровенно до-нельзя, смѣло—очень, и поэтому понравилось всѣмъ; но Скриба, нашъ милый, всевѣдущій Скриба, ахнулъ:—«Да это вы на себя доносъ написали?!»—Я смѣялась... Знаю, что много впереди предстоитъ и условностей и формальностей,—такъ неужели же нельзя разъ въ жизни, среди цвѣта интеллигенціи (позволяю такъ выразиться о профессорахъ),—нельзя сказать живое слово правды? Неужели же эти ученые мужи такъ поглощены канцелярщиной, что имъ выше всего условность; медицинскихъ свидѣтельствъ такая масса, что просто смѣхъ,—вѣдь, каждый профессоръ знаетъ настоящую причину уклоненія отъ экзамена.

10 апрѣля. Уже четвертый день у меня болитъ нога, и вотъ до сихъ поръ я вожусь съ ней. Опять повторяется та же исторія, что и въ прошломъ году. Теперь лежу въ интернатѣ, надѣясь хоть этимъ какъ-нибудь не дать расшириться ранкѣ. Посылаютъ на Кавказъ, на сѣрныя ванны въ Пятигорскъ. Ахъ, какъ я не люблю этихъ курортовъ! Неужели же мнѣ придется извѣдать ихъ прелесть? Никогда не думала.

Вчера вечеромъ я съ О. Ю. Ка—нской была у проф. В., который предложилъ мнѣ медицинское свидѣтельство, но я сказала, что нарочно подала такое прошеніе, такъ какъ мое рѣшеніе было принято ранѣе, нежели заболѣла нога.

12 апрѣля. Сегодня я все-таки встала и поѣхала въ редакцію «Русскаго Богатства» — раньше никакъ не могла застать Короленку. Онъ попрежнему любезно меня принялъ, но относительно моей просьбы сказалъ, что затрудняется ее исполнить:—«Не могу сейчасъ ничего вамъ сказать... всего вѣрнѣе это вы сами узнаете по нѣсколькимъ удачамъ или неудачамъ». И посоветовалъ мнѣ направить одинъ изъ рассказовъ въ «Журналъ для всѣхъ», сказавъ, что въ такомъ журналѣ какъ «Р. Б.» онъ не пригоденъ

вслѣдствіе своего малаго объема. И даже предложилъ самъ передать рассказъ, на что я охотно согласилась, такъ какъ прихожу въ ужасъ при мысли о бѣготнѣ по редакціямъ. Другой рассказъ—«Выстрѣлъ»—неудобно печатать, такъ какъ для средняго читателя онъ врядъ ли подходитъ. Короленко сказалъ, что по мысли—оба рассказа хороши и написаны вполне литературно. Но, очевидно, онъ отозвался такъ потому, что не хотѣлъ огорчить меня. А мнѣ, по правдѣ сказать, хотѣлось, главнымъ образомъ, одного: чтобы онъ сказалъ мнѣ—«бросьте», и прибавилъ бы нѣсколько такихъ пояснительныхъ фразъ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ перо выпадало бы у меня изъ рукъ, а съ нимъ вмѣстѣ пропадала бы и охота писать. Должно быть, я такая ужъ несчастная, что даже въ этой просьбѣ—и то неудача *).

15 апрѣля.

Два поколѣнія.

Посвящается настоящему и будущему студенчеству.

Среди сухихъ, бездушныхъ формалистовъ,
Среди жрецовъ насилія и тьмы,
Средь канцелярщины ученыхъ эгоистовъ
Живемъ мы, пылкіе и юные умы.

Другъ друга мы понять никакъ не можемъ;
Жалѣть ли намъ объ этомъ, господа?
Нашъ путь—иной; намъ говорятъ: онъ ложенъ;
Нѣтъ, никогда! Нѣтъ, никогда!

Жалѣть ли намъ, что, жизнью рискуя,
За правое мы дѣло поднялись?
И, всей душою юной негодуя,
Мы смѣло за оружіе взялись?

Жалѣть ли намъ, что умъ и сердце наше
Еще не тронулъ пошлой жизни ядъ?
Что правда, равенство, свобода—краше
Для насъ чиновъ, отличій и наградъ?

Да, не поймемъ мы никогда другъ друга:
Они для насъ—практичные дѣльцы,
А мы для нихъ—рушители порядка,
Мечтатели, наивные юнцы.

*) Одинъ изъ рассказовъ впоследствии былъ напечатанъ: «см. Журналъ для всѣхъ», июль 1900 г.: «Отчего?»—эскизъ Е. Нерехтской. *Прим. ред.*

Два поколѣнія теперь возстали;
Кто побѣдитъ? они иль мы?
Наступить ли свободы день желанный,
Иль вновь настанетъ царство тьмы?

Друзья, но если бѣ даже царство мрака
Вернулось вновь,—надежды не терять!
Борьбою долгой и упорной будемъ
Враговъ своихъ мы побѣждать.

18 апрѣля. Терпѣливо лежу... Хорошо, что не дома провожу эти дни Пасхи.

Вчера я заснула въ 11 часовъ... Старыя воспоминанія—о былыхъ встрѣчахъ этого праздника, о той торжественности и таинственности, которою окружена была заутреня для меня въ дѣтствѣ, о томъ умиленіи и восторгѣ, которые охватывали душу въ эти минуты,—не встаютъ передо мною, такъ какъ я тщательно избѣгаю ихъ. Оттого ли, что мнѣ отъ этого больно?—Нѣтъ: оттого, что я узнала свое заблужденіе, поняла всю неизмѣримую пропасть между этой теоріей и своей жизнью, и какъ честный человѣкъ, порвала связь съ прошлымъ, перейдя Рубиконъ...

Въ головѣ у меня вертится планъ ироническаго письма, вродѣ «Lettres Persanes» Montesquieu. Пусть, напримѣръ, читаетъ Узбекъ—Реди о нашемъ празднованіи Пасхи...

«Разскажу тебѣ еще объ одномъ удивительномъ явленіи, которое повторяется здѣсь ежегодно весною. Оно начинается обыкновенно въ февралѣ или концѣ января; люди пекутъ на обѣдъ круглыя лепешки, которыя они называютъ «блинами», и ѣдятъ ихъ въ большомъ количествѣ, съ разными приправами, цѣлую недѣлю, при чемъ предаются самому бѣшеному веселью. Черезъ недѣлю—внезапно наступаетъ тишина, какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ; съ высокихъ зданій, называемыхъ «колокольнями», несется особенный, заунывный звонъ, всѣ церкви вдругъ наполняются народомъ; нѣтъ ни веселья, ни спектаклей, ни баловъ. Они называютъ это «первой недѣлей Великаго поста»,—который когда-то продолжался семь недѣль, но это нашли утомительнымъ и скучнымъ, и теперь постятся только первую и послѣднюю. Цѣлый мѣсяцъ между этими двумя недѣлями проходитъ какъ и обычные дни года. Потомъ опять церкви наполняются народомъ, ежедневно совершаются богослуженія; люди называютъ эту недѣлю «страстной». Но почему-то послѣдніе дни ея особенно оригинальны: на улицахъ появляются горы съѣстныхъ припасовъ, особенные хлѣбы, особенные сладкіе пироги, назы-

ваемые «пасхами». Они говорятъ, что послѣдніе дни этой недѣли очень важны и знаменательны, такъ какъ ихъ богъ, по воспоминаніямъ, именно въ эти дни страдалъ и умеръ на крестѣ; но почему-то цѣлые дни суется, покупая разные съѣстные припасы, очень вкусные и дорогіе иногда, яйца всякихъ сортовъ, и прибираютъ свои жилища. Мнѣ кажется, что они въ эти дни забываютъ не только о томъ, что случилось когда-то, по ихъ лѣтоисчисленію, 1899 лѣтъ тому назадъ, но даже о томъ, что было вчера. Такъ велика суета и работа вездѣ. Къ полночи, въ субботу—она достигаетъ своего апогея: улицы полны народа, церкви набиты биткомъ... Совершается торжественное богослуженіе. И странная вещь! На другой день всѣ газеты, какъ одна, на первыхъ же страницахъ заявляютъ о величіи и святости праздника, о томъ, какъ велико и свято ученіе ихъ бога, и какъ они, т.-е. люди, далеки еще отъ совершенства. Но это только на первой страницѣ. А на дальнѣйшихъ статьи все обычныя,—и не видно, чтобы съ этого дня стремились къ совершенствованію, о которомъ говорятъ въ статьяхъ. Съ людьми же происходитъ странное превращеніе: во время полночнаго богослуженія они вдругъ начинаютъ цѣловаться, лица ихъ сіяютъ улыбками. Въ три или два часа ночи они идутъ домой и начинаютъ ѣсть заготовленныя яства уже безъ всякихъ молитвъ и безъ всякихъ предѣловъ осторожности, что они называютъ розговѣньемъ. Доктора ихъ говорятъ, что никогда не бываетъ столько желудочныхъ заболѣваній, какъ именно въ эти дни. Такъ усердно они исполняютъ обряды,—часто во вредъ здоровью. И,—что всего удивительнѣе,—какъ это по ихъ же рассказамъ я могъ заключить,—въ ученіи ихъ бога, котораго они называютъ Христомъ, никогда не было ничего подобнаго. Онъ, по ихъ же словамъ, проповѣдывалъ любовь ко всѣмъ людямъ, самъ былъ бѣденъ, кротокъ и умѣренъ въ пищѣ; словомъ,—жилъ, какъ мудрецъ. Когда онъ умиралъ, то не завѣщалъ ничего подобнаго, потому что въ тѣ времена, когда онъ жилъ,—конечно, никто не зналъ объ искусствѣ дѣлать такіе сладкіе пироги изъ творога, которые они теперь называютъ пасхами. Въ его ученіи, наоборотъ, есть много мѣстъ, воспрещающихъ напрасныя и безумныя траты денегъ, говорится о помощи ближнимъ, о всеобщемъ братствѣ. Удивительно хорошія мысли, но всѣ тѣ, кто призналъ его своимъ богомъ, должно быть, плохо знакомы съ его ученіемъ... Меня всегда поражало вышеописанное явленіе, періодически повторяющееся ежегодно. И мнѣ кажется, что не для того ли они выдумали себѣ праздникъ, чтобы безъ стыда наѣдаться и напиться? Женщины къ этому дню шьютъ

такіе дорогіе наряды, одна стоимость которыхъ обезпечила бы не одну тысячу бѣдныхъ семействъ на годъ. Ихъ религія говоритъ о цѣломудріи, но онѣ въ этотъ день предпочитаютъ оголять верхнюю часть своего тѣла и, покрывъ драгоценностями уши, руки, шею, приходятъ на богослуженіе. Такъ дѣлаютъ богатые. Бѣдныя же, конечно, одѣваются весьма скромно.

Вообще, чѣмъ болѣе всматриваюсь въ жизнь этихъ людей, тѣмъ болѣе нахожу страннаго и необъяснимаго въ ихъ жизни. Конечно, ты будешь удивленъ этимъ письмомъ, но будь увѣренъ, что дружбѣ не свойственна ложь, и я пишу тебѣ, что видѣлъ самъ»...

Ярославль, 2 мая. Скриба пишетъ мнѣ, что совѣтъ профессоръ историческаго отдѣленія состоится 4-го мая. Я была весь день въ нервномъ настроеніи... А если... оставить на второй годъ?—мнѣ это вовсе нежелательно. Справиться у Скрибы—некогда: какъ только заживетъ нога, уѣду на голодь.

«Бываютъ дни, когда душа пуста». Вотъ такое-то время, кажется иногда, и у меня теперь: послѣ всѣхъ этихъ волненій, забастовокъ—особенно во время пребыванія въ ненавистныхъ мнѣ стѣнахъ нашей квартиры—я чувствую тоску и именно пустоту души. Хотѣлось бы видѣть около себя всѣхъ сестеръ, братьевъ, но безъ того ядовитаго раздора, который сѣетъ наша мать. Хотѣлось бы какъ страннику притти отдохнуть въ семьѣ, мирной, дружной; семьи этой нѣтъ—и вотъ я снова беру свои пожитки, и снова въ дорогу... И, чѣмъ дальше отъ Ярославля, тѣмъ легче на душѣ. Не возвращаться бы туда подольше... Да, сильно пострадали мои нервы за эти четыре тяжкіе года!

Что-то будетъ?

По Волгѣ, по дорогѣ въ Казань, 8 мая. Съ ранней весны я съ тревогой слѣдила за извѣстіями изъ голодающихъ губерній. Надвигающаяся гроза студенческаго движенія на время отвлекла вниманіе отъ газетъ, но послѣ 6 марта, когда вновь начались лекціи, я снова стала усердно посѣщать читальню, за недостаткомъ помѣщенія переведенную въ верхній залъ интерната. Въ тѣ дни я читала въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» перепечатанную изъ газеты «Курьеръ» телеграмму князя Шаховскаго изъ Уфимской губерніи о скорѣйшемъ выѣздѣ на помощь голодающимъ и тотчасъ же, узнавъ въ редакціи адресъ газеты «Курьеръ», послала туда письмо съ просьбою указать—куда ѣхать и къ кому обращаться за указаніями по приѣздѣ на мѣсто. Когда же былъ

получень отвѣтъ изъ Москвы—письмо потонуло въ разгарѣ исторіи чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова: въ этотъ день былъ запертъ главный подъѣздъ (опасались натиска обструкціонистокъ съ улицы), и вся корреспонденція брошена на столъ въ корридорѣ передъ столовой, заваленный жакетками и шляпами. Съ трудомъ найдя конвертъ среди платья, я прочла отвѣтъ—по приѣздѣ въ Бугульму обратиться къ доктору Андрееву,—и этотъ отвѣтъ уже не произвелъ на меня такого впечатлѣнія, какъ чтеніе телеграммы. Разразившаяся буря подхватила меня въ свой водоворотъ, и среди бѣготни на курсы, въ студенческую столовую за извѣстіями, къ знакомымъ со сборами денегъ на пострадавшихъ, чтеніемъ и собираніемъ стиховъ и бюллетеней, среди этой лихорадочной дѣятельности—только изрѣдка вспоминала я телеграмму: «торопите отъѣздомъ... маршрутъ на г. Бугульму удобенъ»... Сердце готово было разорваться отъ двойственного сознанія: какъ часть русскаго народа, я должна была итти на помощь мужику; какъ часть студенчества, какъ человекъ, имѣющій свои опредѣленные убѣжденія и признающій товарищество—не могла не принимать участія въ исторіи, не могла не слѣдить за судьбою товарищей, не могла рѣшиться уѣхать въ тотъ моментъ, когда на совѣтѣ министровъ поднять былъ вопросъ о закрытіи курсовъ на три года.

Я осталась въ Петербургѣ. Но вотъ въ первыхъ числахъ апрѣля положеніе дѣлъ достаточно выяснилось, вывѣшено было объявленіе, что прошенія объ отложеніи экзаменовъ на осень должны быть поданы въ совѣтъ профессоровъ. Уже можно было уѣхать, но злая судьба и тутъ мнѣ поставила препятствіе, уложивъ на цѣлый мѣсяць въ постель. Теперь, какъ только оправилась,—я рѣшила воспользоваться тремя недѣлями, бывшими въ моемъ распоряженіи до отъѣзда на Кавказъ для лѣченія. Надо было торопиться, времени было такъ мало, и я выбрала Казанскую губернію, какъ ближайшую... вмѣсто писемъ, которыхъ я не взяла изъ Питера, указаніями для меня будутъ №№ газетъ, гдѣ печатались письма о посылкѣ пожертвованій Купріяновой и Останкову, предсѣдателю губернской земской управы.

Съ такими свѣдѣніями выѣхала я въ Казань.

Казань, 9 мая. Въ Адмиралтейской слободѣ я уже не застала Купріяновой, уѣхавшей въ Тетюшскій уѣздъ, не застала дома и Останкова. Въ отчаяніи отъ неудачи иду обѣдать въ Волжско-Камскую гостиницу, читаю «Новое Время» и изъ него узнаю, что проф. Высоцкій тоже организуетъ помощь голодающимъ. Не со-

образивъ того, что, быть можетъ, онъ, какъ лицо официальное, состоитъ въ Красномъ Крестѣ, котораго я рѣшила избѣгать—я отправилась тотчасъ же къ нему, чтобы получить свѣдѣнія о частныхъ организаціяхъ помощи голодающимъ. Онъ спалъ; пришлось снова зайти черезъ часъ.

Въ небольшой комнатѣ стоялъ высокій господинъ въ мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ сердитымъ лицомъ. Не подавая руки, онъ привѣтствовалъ меня лаконически:— «Что вамъ угодно?» Я отвѣтила, что желаю работать въ голодныхъ мѣстностяхъ. — «Видите ли, я представитель Краснаго Креста; я предсѣдатель медицинской комиссіи; быть можетъ, вы обратились ко мнѣ, думая, что я устраиваю частную помощь». — Вотъ тебѣ и разъ!—подумала я, но, вспомнивъ, что времени у меня мало, а Купріянову и Останкова дома не застала, сказала, что мнѣ все-равно, гдѣ бы ни работать—въ Красномъ ли Крестѣ или частной организаціи, такъ какъ времени у меня немного, три недѣли. — «Три недѣли?! Въ такомъ случаѣ совершенно не стоитъ и ѣхать!—авторитетно воскликнулъ проф. Высоцкій.—Помилуйте, вы откроете столовую и вдругъ уѣдете! Да вы знаете ли, какъ у насъ работаютъ?! Оттуда пріѣзжаютъ, вѣдь, какъ тѣни; вы что думаете—это не шутка работать въ голодныхъ мѣстностяхъ!»—горячился онъ. Недоумѣвая о причинѣ такой рѣзкости, я объяснила ему, что не поѣхала раньше по болѣзни. — «Въ такомъ случаѣ вамъ и вовсе не слѣдуетъ сюда ѣхать, я какъ врачъ совѣтую ѣхать вамъ спокойно въ Пятигорскъ»...—нахмурившись, объявилъ профессоръ. Я вѣжливо замѣтила, что мое рѣшеніе неизмѣнно, и врачей не всегда можно слушать. Я второй годъ хочу сдѣлать хоть что-нибудь для голодающихъ; въ прошломъ году не удалось; нынче—опять неудача. Неужели я такая парія судьбы, что она не дастъ мнѣ удовлетворенія законнѣйшаго изъ желаній? Относительно же того, что на три недѣли не стоитъ ѣхать, я указала на газетныя корреспонденціи, гдѣ сообщали, что многія ѣздили на мѣсяць...—«Да, вѣдь, есть такія любительницы, которыя сюда ѣдутъ, воображая, что это такъ легко работать,—ѣдутъ не надолго; нѣтъ, намъ такихъ любительницъ не надо»,—уже совсѣмъ разсердился профессоръ, принявъ меня, должно быть, за одну изъ такихъ «любительницъ» модныхъ поѣздокъ. — «Впрочемъ,—онъ вдругъ смягчился,—если вы такъ хотите, я могу васъ послать не въ качествѣ самостоятельнаго лица, а въ качествѣ помощницы. Ко мнѣ завтра пріѣдетъ одна медичка, человѣкъ опытный, работавшій уже и ранѣе на голодѣ; я переговорю съ ней—вы можете ѣхать какъ помощница». — О, конечно,—съ радостью

согласилась я. Мнѣ было рѣшительно все равно, ѣхать въ качествѣ прислуги, лишь бы ѣхать скорѣе, и я только спросила, когда онъ мнѣ сообщитъ отвѣтъ.—«Приходите ко мнѣ въ канцелярію завтра въ 10 час. утра. Не можете? Ну, тогда я телефонирую вамъ въ гостиницу часовъ въ 12 или 12^{1/2}. А если вы хотите работать въ частной организаціи, то обратитесь къ редактору «Казанскаго Телеграфа» Ильяшевичу, у него всѣ свѣдѣнія».

Я откланялась и вышла съ облегченіемъ. Нельзя сказать, чтобы это свиданіе произвело благопріятное впечатлѣніе.

10 мая. Не получивъ до часу никакого увѣдомленія, я отправилась въ редакцію «Казанскаго Телеграфа». Долго искала я вывѣски: «Казанскій Вѣстникъ», а «Телеграфа»—нѣтъ. Гдѣ же онъ?—въ отчаяніи спрашиваю городского.—«А вонъ тамъ, вывѣска-то старая!» Вошла въ крошечную, низкую комнату, дрянную, но съ телефономъ; за столомъ сидѣло нѣсколько человекъ, фигура редактора выдѣлялась среди нихъ. Онъ любезно сообщилъ, что въ настоящее время дѣло частной организаціи помощи голодающимъ сосредоточено у Петра Матвѣевича Останкова. Наученная опытомъ, я предварительно сообщила ему, что дольше трехъ недѣль работать не могу...—«Вполнѣ достаточно»,—успокоительно сказалъ онъ и сталъ телефониловать въ земскую управу; ему отвѣтили, что О—въ тамъ.—«Вы поѣзжайте прямо туда»,—посоветовала Ильяшевичъ.

Нѣсколько ободренная явилась я въ городскую управу. Шло засѣданіе; земцы горячились, разсуждали, разумѣется, о дѣньгахъ, и, конечно, на кого-то негодовали, говорили, что писали шесть разъ о 40 тысячахъ и напрасно, а Курбатовы счета шлютъ, требуютъ... Словомъ, засѣданіе было въ разгарѣ, и я слушала его, стоя въ ожиданіи у конторки. Предсѣдатель, очень симпатичный, пожилой господинъ, подошелъ ко мнѣ, узналъ о цѣли пріѣзда и тотчасъ же далъ письмо къ своей женѣ, которая тоже принимала дѣятельное участіе въ работѣ для голодающихъ.

Черезъ полчаса я уже сидѣла въ гостиной г-жи Останковой. Эта дама безъ лишнихъ словъ объявила мнѣ, что они ѣдутъ сегодня къ себѣ въ имѣніе и отвезутъ меня на своихъ лошадахъ вмѣстѣ съ Ждановой, молоденькой, очень славной курсисткой-педагогичкой изъ Москвы; она ѣхала въ дер. Большія Нырсы, татарскую, на 2^{1/2} мѣс., я же была направлена въ село Б. Меретяки въ помощь батюшкѣ, такъ какъ, въ виду краткости времени, мнѣ одной столовую поручить было неудобно. Мнѣ оставалось только собраться; черезъ два часа мы уже были въ пути.

День былъ жаркій; до Елани—имѣнія гг. Останковыхъ—было около 35 верстъ. Я съ любопытствомъ смотрѣла на встрѣчныя деревни, и, проѣзжая черезъ одну изъ нихъ, невольно ахнула, увидѣвъ на маленькой избушкѣ надпись: земское училище.—«Еще и хуже бываютъ!»—отозвалась моя спутница, болѣе меня знакомая съ деревней. Невольно защемило сердце при мысли, что еще не то увидишь... И вспомнилась мнѣ видѣнная гдѣ-то на выставкѣ картина, изображающая комнату сельской учительницы: я тогда была на первомъ курсѣ и мечтала стать народной учительницей. Увидѣвъ эту картину, эту бѣдную обстановку, я остановилась, и какой-то смутный страхъ наполнилъ душу... Я испугалась предстоящей бѣдности, отреченія отъ того комфорта, къ которому привыкла отъ рожденія. Помню, какъ мнѣ потомъ стало стыдно, и какъ я нарочно долго стояла передъ картиной, чтобы глазъ могъ привыкнуть къ этой обстановкѣ. Такъ и теперь, при замѣчаніи Ждановой, мнѣ опять стало стыдно. Я перевела разговоръ на педагогическіе курсы въ Москвѣ.

Къ вечеру прѣхали мы въ Елань. Большой старыи барскій домъ былъ оживленъ; часть семьи О—выхъ уже переѣхала туда, и дѣти бѣжали навстрѣчу матери. Усталыя, мы съ удовольствіемъ думали объ отдыхѣ. Намъ отвели отдѣльную комнату...

12 мая. 10-го утромъ проснулась я рано. Всѣ спали. Хотѣла выйти въ садъ—двери заперты; недолго думая—въ окно, при чемъ сломала нечаянно одну изъ скамеекъ для цвѣтовъ, проклиная свою несчастную способность вѣчно сдѣлать что-нибудь не такъ. Утро было чудное; садъ, прудъ, поэтическая обстановка, среди которой не вѣрилось даже, что ѣдешь на голодь.

Мнѣ страшно хотѣлось ѣхать поскорѣе, но выѣхали только во 2-мъ часу дня въ другое имѣніе—Гремячку, куда пріѣхали только къ вечеру; тамъ мы должны были тоже переночевать, и уже оттуда выѣхать въ наши деревни.

Вчера утромъ, передъ отъѣздомъ, въ открытой здѣсь столовой мы попробовали кушанье, и оно показалось намъ очень вкуснымъ: пшено, капуста, съ приправою изъ масла, луку, перцу и лавроваго листа.

Пока мы разсуждали о предстоящей работѣ, пришли сказать, что двѣ бабы изъ с. Большіе Меретьяки просятъ милостыни.—«Вотъ оно, начинается!»—подумала я и пошла въ сѣни. Двѣ бабы бросились въ ноги. Ошеломленная неожиданностью, я стала ихъ поднимать. Бабы говорили плачущими голосами, перебивая одна другую. Я могла разобрать только, что у одной 6, а у другой

7 человекъ дѣтей, что онѣ голодаютъ, что въ столовой не всѣ записаны...

Мы дали бабамъ по двугривенному. Пора было ѣхать. Приѣхаль управляющій имѣніями Останковыхъ—П—ковъ, который и долженъ былъ отвезти насъ на мѣсто; помѣщица снабдила насъ рекомендательными письмами къ священнику и къ студенту, командированному Краснымъ Крестомъ, въ участкѣ котораго находились наши деревни.

Намъ оставалось какихъ-нибудь верстъ 15. По дорогѣ мы остановились въ деревнѣ Шебулатово (русская). Управляющій хотѣлъ показать намъ столовую,—раздача еще не начиналась, но приварокъ былъ готовъ. Онъ оказался совсѣмъ прѣснымъ. Хозяинъ отговаривался тѣмъ, что забылъ послать за солью. П—ковъ сдѣлалъ ему замѣчаніе, велѣлъ послать за солью. Съѣли и поѣхали дальше. Въ Шамкахъ столовая Краснаго Креста, ею завѣдывала монахиня. Гдѣ смѣхъ, а гдѣ горе. Бѣдная «шамковская матушка» очутилась по-истинѣ въ безотрадномъ положеніи: въ татарской деревнѣ, у муллы! Сначала она проливала горькія слезы, потомъ привыкла. Г. П—ковъ спросилъ о ней у муллы:— «а что матушка дѣлаетъ?»—«Да ничво; сначала плакалъ, теперь смѣялся». Мулла и не подозрѣвалъ всего остроумія своего отвѣта.

Мнѣ вспомнилось, съ какимъ самодовольнымъ видомъ развертывалъ проф. Высоцкій отчетъ Краснаго Креста... Здоровый народъ кормится въ невозможныхъ столовыхъ: на 20 человекъ 1 фунтъ пшена (позже, въ день нашего приѣзда, прибавили по фунту капусты)—и только. Мы попробовали жиденскій приварокъ, и вздохнули. Командировано 50 монахинь... 50 монахинь! Какъ это звучно. А какъ онѣ ѣхали, сколько слезъ пролили, хороши ли были эти подневольныя работницы—отчетъ умалчиваетъ... Не даромъ вся эта казенная организація помощи съ самаго начала своихъ дѣйствій, вродѣ командировокъ генераловъ изъ Петербурга, какъ-то не внушала къ себѣ довѣрія.

Село Большіе Меретяки только въ 2 верстахъ отъ Шамковъ; мы поѣхали прямо въ деревню Большіе Нырсы—за 3 версты, чтобы тамъ оставить Жданову и повидаться съ Шишкиной, завѣдывавшей столовой. Пошелъ дождь. Мы съѣли за чай, когда вышла высокая, стройная дѣвушка съ лицомъ простымъ, но симпатичнымъ, въ мокромъ платьѣ,—это и была Шишкина. Мы поздоровались. Управляющій началъ вести съ нею разные счета и соображенія относительно столовыхъ; я сначала слушала съ интересомъ, наконецъ, и самой захотѣлось поскорѣе на мѣсто... Непривычная азіатская обстановка нѣсколько развлекла вниманіе. Я

торопила П—кова ѣхать скорѣе, чего, повидимому, ему не очень хотѣлось.

Днемъ мы приѣхали и были у батюшки. Я подала ему письмо г-жи О—вой, познакомилась съ матушкой; подали чай... Батюшка, изъ крещеныхъ татаръ, еще очень молодой, оказался очень любезнымъ и предложилъ мнѣ переночевать у себя. Завѣдываніе столовыми онъ не счелъ удобнымъ для себя сдавать мнѣ,—такъ какъ на три недѣли стоитъ ли сдавать, да потомъ опять принимать? — совершенно резонно разсудилъ онъ, и предложилъ мнѣ заняться больными.

13 мая. Нанявъ квартиру у одного изъ «уцѣлѣвшихъ» отъ голодовки мужиковъ, я съ батюшкой утромъ отправилась въ столовую. Она помѣщалась въ избѣ довольно просторной. Народъ начиналъ собираться. Поклонившись хозяевамъ, я сѣла на лавку и не безъ внутренняго смущенія осматривала этихъ голодающихъ. Ничего ужаснаго не было. На дѣлѣ оказалось все гораздо проще, нежели представлялось издали, при чтеніи газетныхъ корреспонденцій. Въ углу стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ мужикъ среднихъ лѣтъ съ тетрадкою въ рукахъ и вызывалъ: «Владиміръ Ерофѣевъ, на троихъ, полтора фунта,—получай!» Другой мужикъ, замѣчательно красивый старикъ, отвѣшивалъ хлѣбъ и выдавалъ. У печки съ двумя котлами пожилая баба, въ красномъ сарафанѣ, степенно разливала ковшами приварокъ. Каждый получившій хлѣбъ подходилъ съ своей кринкой къ бабѣ, и та наливала въ нее порцію на троихъ, на двоихъ, смотря по количеству записанныхъ въ столовую. Остальные, большей части, ребятишки, нѣсколько бабъ и два-три мужика дожидались своей очереди.

Вдругъ одна изъ женщинъ, которой только-что выдали обѣдъ, бросилась мнѣ въ ноги:—«Спасибо, кормите вы насъ!»—потомъ встала и ушла, удовлетворивъ свой порывъ благодарности. А мнѣ было очень стыдно принимать невольно изъявленія чувствъ, не сдѣлавъ еще ни шагу на помощь крестьянамъ.

Я потихоньку разспрашивала батюшку, кто это читаетъ, какъ устроена столовая и проч. Такъ какъ батюшка самъ лично, разумѣется, не могъ присутствовать при раздачѣ каждый день, то назначилъ довѣренныхъ изъ крестьянъ. И надо ему отдать справедливость—онъ выбралъ ихъ очень удачно, особенно этотъ мужикъ—былъ грамотный и единственный въ селѣ любитель «почитать», выписывавшій «Сельскій Вѣстникъ». Далѣе узнала, что столовая открыта была на 200 человекъ (всего надѣловъ въ

с. Б. М. 319), впереди предстояло сдѣлать прибавку на 50 человекъ, но батюшка, уже давно получивъ увѣдомленіе отъ Останковыхъ, никакъ не можетъ найти большихъ размѣровъ котель. Я, конечно, предложила пойти поискать самой, онъ любезно вызвался сопровождать меня, и мы отправились въ дер. Удѣльные Меретяки, 6¹/₂ в. отъ села. Тамъ были двѣ столовыхъ — отъ Краснаго Креста на 45 чел. и отъ Останковыхъ на 66—67 чел. (надѣловъ 84, сколько же душъ—точное число батюшка не могъ мнѣ сообщить. Отъ Кр. Кр. въ Б. М. столовой не было, но выдавали на 165 чел.).

Уд. Меретяки — маленькая деревенька; пока мы шли туда, раздача уже окончилась. Искали котла, ходили по избамъ, но нигдѣ не было подходящаго. Возвратясь домой, рѣшила продолжать поиски, и послѣ обѣда пошла въ дер. Верхніе Меретяки съ о. дьякономъ (тоже изъ крещенцевъ). Это крещено-татарская деревня. Меня уже предупредили раньше, что татары крещеные не признаютъ себя за татаръ, но, не зная русскаго языка, не считаютъ себя и русскими, а весьма оригинально — крещенцами. — «Они обидятся, если вы назовете ихъ татарами», — говорила мнѣ матушка, а я не вѣрила, пока не увидала на дѣлѣ.

Верхніе Меретяки — большая деревня на открытой безлѣсной мѣстности, какъ и первыя двѣ. Рѣчки тоже нѣтъ, но зато много ключей и овраговъ; поэтому здѣсь мѣстность сырая, и много хвораютъ лихорадкой. Дорогой я спрашивала о. дьякона о столовой, о крестьянахъ, приходѣ. Здѣсь столовыя помѣщаются въ 6 домахъ — 3 отъ Краснаго Креста и 3 отъ Останковыхъ. Во всѣхъ столовыхъ Останковыхъ кормились 186 чел. (надѣловъ 248) и отъ Краснаго Креста — 160 человекъ.

Такъ какъ теперь было много больныхъ, то мы пошли прямо къ старостѣ, у котораго просили списокъ. Староста, бойкій и подвижный мужикъ, такъ и рассыпался передъ нами. Доставленъ былъ списокъ, мы пошли по избамъ, мнѣ хотѣлось ознакомиться хотя немного съ положеніемъ больныхъ. Не обладая никакими медицинскими знаніями, я, конечно, не могла ничѣмъ помочь, но могла заключить, что цынга, должно быть, здѣсь есть.

Что меня поразило во всѣхъ видѣнныхъ деревняхъ — изобиліе крестовъ на улицахъ и кругомъ деревни. Ставятся кресты такіе, какъ на кладбищахъ, только весьма внушительныхъ размѣровъ, или же похожіе на часовни: на столбахъ иконка, прикрытая крышей, и внизу болтается нѣчто вродѣ «пелены» изъ полотна или платка. Я спрашивала и батюшку и о. дьякона о причинѣ такого явленія — оба объяснили это религіозностью народа,

которая здѣсь, молъ, очень сильна, такъ какъ они окружены ино-
вѣрцами. Точно также меня удивило и то, что всѣ деревни, всѣ
села были обнесены околицами. Читая книжки, я, разумѣется,
слыхала о нихъ, но, не выдавъ ничего подобнаго въ фабричныхъ
деревняхъ Ярославской и Владимірской губерній, думала почему-
то, что ихъ теперь уже не дѣлаютъ. Здѣсь же мнѣ объяснили, что
безъ нихъ нельзя—скотина въ поле выходитъ...

Внутренность избъ отличается отъ русскихъ большими на-
рами, которыя вездѣ занимаютъ половину избы, да большимъ
количествомъ подушекъ въ разноцвѣтныхъ наволочкахъ. У жен-
щинъ характерный головной уборъ—нѣчто вродѣ наушниковъ,
унизанныхъ монетами, и красный платокъ, завязанный сзади; уши
открыты. Платье въ видѣ длинной голубой рубашки домашняго
тканья обязательно съ красными ситцевыми оборочками, съ глу-
химъ воротомъ, а шею плотно охватываетъ коралловое ожерелье
съ подвѣсками изъ старинныхъ серебряныхъ рублей, числомъ
иногда до 8 штукъ (у бѣдныхъ не менѣе 5), попадаютъ иногда
и очень старинные—временъ Петра II, Екатерининскіе же и Ели-
заветинскіе рубли почти у каждой бабы. Широкіе рукава ру-
башки засучены по локоть; вмѣсто подвертокъ, на ногахъ носятъ
толстые шерстяные бѣлые валеные чулки и лапти. Одежда муж-
чинъ ничѣмъ не отличается отъ русскихъ.—«Нашъ крестѣнскій
норма (форма) такой»—отвѣчали мужчины, когда я ихъ спра-
шивала, отчего носятъ эти наушники. Женщины, за самыми ни-
чтожными исключеніями, вовсе не говорятъ по-русски, объясня-
лись кое-какъ, но почти постоянно переводчикомъ былъ о. дя-
конъ.

17 мая. Вотъ уже четвертый день, какъ я «знакомлюсь съ
экономическимъ положеніемъ народа». Впечатлѣній много, и всѣ
неотрадныя. Я знала заранѣе, отправляясь сюда, что не имѣю
понятія о настоящемъ русскомъ мужикѣ, такъ какъ наши яро-
славцы народъ очень развитой, бойкій и «просвѣщенный» той
полу-городской, полу-фабричной культурностью, которая такъ
соблазнительна по внѣшности и такъ мало симпатична по своему
содержанію. И вотъ, читая въ газетахъ, журналахъ іереміады о
мужичкѣ, я видѣла всю разницу между нашимъ ярославцемъ и
мужикомъ изъ земледѣльческихъ губерній. Но когда я увидѣла
всю эту разницу на мѣстѣ—то отъ всей души повторила съ по-
этомъ:

Ихъ нищета. ихъ терпѣнье безмѣрное
Только досаду родить...

Да, не столько жаль, сколько досадно! А иногда вырывается безсильная злоба на вѣковой гнетъ, который въ результатѣ далъ молодцовъ по внѣшности, но ребятъ по складу ума. Тьма-то, тьма-то кромѣшная!

Народъ здѣсь благодушествуетъ во время урожая и бѣдствуетъ при неурожаѣ,—та же первобытная зависимость отъ природы и беспомощность, что и въ доисторическія времена. Эти взрослые дѣти съ трогательною наивностью отвѣчаютъ на вопросы: отчего не идете на заработки?—«Мы портняжимъ (въ Верхнихъ Меретякахъ), почитай, вся деревня... въ Чистопольскій уѣздъ ходимъ, ну а нынче и тамъ заработки-то плохіе, потому и тамъ голодь... Ну, мы и вернулись». А куда-нибудь итти въ другое мѣсто, приняться за другое дѣло—имъ и въ голову не пришло и не умѣютъ.

Кто виновать?

Даровая помощь развращаетъ народъ, говорятъ. Отчасти я это вижу и здѣсь: ко мнѣ приходятъ такъ, попрошайничать зря, а что дѣлается въ Большихъ Нырсахъ со столовыми, сколько тамъ злоупотребленій, какъ народъ обкрадываютъ, обвѣшиваютъ, варятъ жидкую кашу, какъ врутъ и изворачиваются,—объ этомъ знаетъ лишь завѣдующая столовой. Въ голодь 1891 года, когда здѣсь была одна англичанка и оказывала помощь хлѣбомъ и одеждой, ее обманывали безъ зазрѣнія совѣсти и потомъ надъ нею же смѣялись.

21 мая, днемъ. Въ столовой шумъ... нѣчто похожее на битве въ набатъ, когда полдеревни сгорѣло... Всѣхъ, конечно, не прокормишь, а та часть, которая кормится, все равно дѣлится своимъ приваркомъ съ прочими членами семьи, разбавляя его водой. По настоящему сытъ никто, навѣрно, не бываетъ, но и не голодны.

Народъ въ силу своего невѣжества не можетъ правильно смотрѣть на столовые и вообще на подобнаго рода помощь; даровая раздача чего-либо представляется ему чѣмъ-то обязательнымъ для всѣхъ, несмотря на разницу положенія семьи. Сегодня, на примѣръ, пришелъ ко мнѣ бѣдный «крещеникъ» просить картошки для посѣва въ огородѣ, одновременно съ нимъ пришелъ и состоятельный съ такою же просьбою. Хорошо, что хозяева предупредили меня, а то выдала бы деньги совсѣмъ зря. Въ Большихъ и Малыхъ Нырсахъ—татарскихъ деревняхъ—еще того хуже: кража, ложь и общее замалчиваніе всякаго мошенничества, сплоченіе массы, дѣлающее очень затруднительнымъ борьбу съ этимъ зломъ. Русскіе еще скорѣе выведутъ на свѣтъ

лганье, но татары стоятъ другъ за друга и не выдадутъ ни вора ни плута, а поддержать его.

Мало-по-малу меня охватываетъ какая-то усталость отъ сознанія бесплодности своей работы. Ясно сознаешь, что въ концѣ-концовъ вышло болѣе пользы изъ этой поѣздки для себя лично, для опытности и знакомства съ положеніемъ народа, но для него, для народа-то... врядъ ли что-нибудь сдѣлала...

Вотъ и теперъ: больные у меня въ деревняхъ,—что я могу для нихъ сдѣлать?—Раздавать лѣкарства, которыхъ очень мало и въ аптекъ-то (въ с. Казыляхъ), чай, сахаръ и лимонъ? Бѣлый хлѣбъ?—Но вѣдь его такъ немного, 5 пуд. 30 фунтовъ уже раздала, а всего-то по $\frac{1}{2}$ ф. въ день на человѣка,—много ли этимъ поможешь? Вотъ и студентъ, командированный отъ Краснаго Креста, говоритъ, что его цынготные пока поправляются, а его командировка кончается 10 іюня и столовая Краснаго Креста закрывается.—Что же потомъ?—Онъ пожимаетъ плечами:—«Потомъ, быть можетъ, начнется та же цынга... что жъ я сдѣлаю?».

Стоило ли ѣхать сюда на три недѣли: много ли пользы я принесла?—И въ то же время не можешь не сознаться, что, если бѣ не поѣхала,—кто бы позаботился о здѣшнихъ больныхъ? А выздоравлиють ли?

25 мая, дер. Верхніе Меретяки. Завтра день великаго праздника народа русскаго, а я — открываю питательный пунктъ здѣсь для цынготныхъ больныхъ. Такимъ образомъ, сбилось, хотя и помимо всякаго содѣйствія съ моей стороны, желаніе одного писателя, который вмѣсто торжествъ, стоящихъ большихъ денегъ, предлагалъ въ этотъ день кормить голодающихъ «именемъ Пушкина». Помню это письмо въ «СПБ. Вѣдомостяхъ»: оно мнѣ понравилось, и я тотчасъ же отправила его автору сочувственное письмо, безъ подписи.

А все-таки хотѣлось бы, ахъ, какъ хотѣлось бы въ этотъ день въ Москву, въ Святыя Горы, поклониться могилѣ его, посмотреть на выставку Пушкинскую. Грустно, грустно проводить этотъ знаменательный день здѣсь, среди полнѣйшей азіатчины, среди тьмы невѣжества, бѣдствія и съ сознаніемъ слабости своихъ силъ.

Тѣмъ не менѣе, я не колебалась въ выборѣ: вмѣсто Москвы, или Святыхъ Горъ, или Петербурга поѣхала сюда, желаніе «послужить народу» переломило всякія эгоистическія соображенія, и я здѣсь; но вотъ въ этотъ день—моя прежняя страсть къ литературѣ просыпается, почитаніе Пушкина, увлеченіе его тво-

реніями съ дѣтства—все вспоминается мнѣ, и я переживаю борьбу, запоздалую, конечно, но все-таки борьбу...

Дня три назадъ полученъ здѣсь сборникъ избранныхъ сочиненій Пушкина, изданный редакторомъ «Русскаго Чтенія», составленный довольно плохо, но я и ему обрадовалась: точно благоуханіемъ повѣяло на меня при чтеніи этихъ геніальныхъ страницъ, полныхъ поэзіи, такой поэзіи, выше которой врядъ ли что-либо есть на свѣтѣ... Я перечитала его уже два раза, выбирая отрывки для чтенія крестьянамъ, которое намѣревалась устроить завтра—въ день рожденія поэта. Но вчера, встрѣтившись въ Большихъ Нырсахъ съ Игнатовичемъ, получила отъ него предложеніе устроить столовую и чайную для больныхъ цынгой въ Верхнихъ Меретякахъ. Въ виду предстоящаго скорого отъѣзда, надо было спѣшить пользоваться временемъ, и вотъ вчера я наняла квартиру, сегодня я переѣхала и открыла чайную...

Какъ досадно, что это—крещено-татарская деревня, гдѣ почти никто не говоритъ по-русски! Будь это среди своихъ мужиковъ—я непременно сообщила бы имъ въ этотъ день о Пушкинѣ. Отъ мысли же устроить чтеніе все-таки не отказываюсь: 27-го Вознесеніе, и народъ свободенъ—только бы успѣть мнѣ накормить моихъ больныхъ,—и между обѣдомъ и чаемъ будетъ промежутокъ времени, достаточный вполнѣ, чтобы прочесть нѣсколько стихотвореній, двѣ-три сказки и нѣсколько главъ изъ «Капитанской дочки», словомъ—все то изъ сборника, что выбрано безъ доморощенныхъ сокращеній. Даже досадно за нахальство составителей книги: за 25 коп. не могли они дать цѣльнаго «Руслана и Людмилы», болѣе толково написанной біографіи и болѣе умѣло выбранныхъ отрывковъ...

Завтра, въ первый день столовой, много хлопотъ, ляжешь усталая, а Шурка въ это время навѣрное будетъ пожинать актерскіе лавры, читая на гимназическомъ вечерѣ «Братьевъ-Разбойниковъ».

Мнѣ хотѣлось бы посѣтить могилу Пушкина ночью, остаться хоть минуту наединѣ съ дорогимъ памятникомъ. Надо бы еще посѣтить могилу Лермонтова—это тоже моя мечта. Досадно, что не пришлось нынче же весною окончить курсы,—тогда «Пушкинскій выпускъ» связалъ бы меня навѣки съ воспоминаніемъ о Пушкинскихъ дняхъ.

Какое противное лицо у матери Пушкина! Черствое, грубое; чувственное, въ немъ есть что-то животное. По характеру своему—взбалмошному, упрямому—она напоминаетъ мнѣ мою собственную мать. Она тоже любила дуться и не говорить послѣ ссоры...

26 мая, 10-й часъ вечера. Громко плачетъ ребенокъ, внучекъ моей хозяйки-«крещенки»... Движеніе въ деревнѣ замѣтно. Я одна, покончивъ со всѣми дѣлами по столовой и чайной, составила примѣрную программу для чтенія Пушкинскихъ произведеній крестьянамъ завтра, въ праздникъ. Просматриваю и волнуясь, удастся ли, оповѣстить ли батюшка народъ о чтеніи послѣ обѣдни, какъ я попросила? Къ несчастью, это вполнѣ «батюшка», дрожащій передъ начальствомъ, сознающій свою зависимость отъ мужиковъ, хотя это и прикрывается угрозами... Будь я вполнѣ свободна—не полѣнилась бы обойти все село Б. Меретьки и созвать народъ, да некогда теперь...

Мысли мои были далеко-далеко, въ Москвѣ, въ Святыхъ Горахъ, въ Питерѣ, въ Ярославлѣ... Цвѣтъ русской интеллигенціи чтитъ память великаго поэта, а здѣсь, въ Азіи, собирается голодный и больной народъ поѣсть въ «столовія», по здѣшнему произношенію.

Грустно! За эти дни сердце притупилось къ страданію, чему болѣе всего способствовало попрошайничество и обманъ самихъ же несчастныхъ, которымъ помогаешь. Привезешь, напр., доктора въ дер. Большіе Меретьки, пропишетъ лѣкарство и бѣлый хлѣбъ—за хлѣбомъ ходятъ аккуратно, а въ аптеку не посылаютъ. Я прихожу навѣстить — больная не поправляется. Отчего?—Сознаются, что еще ничего не брали изъ аптеки—изба полна народу. Строго взглядываю на рослую дѣвку и говорю: иди завтра же въ Казыли!—«Боюсь!»—Что-о? средь бѣла дня? Я барышня, и то хожу вечеромъ одна, а ты днемъ боишься? Иди безъ разговоровъ!—Внушительный тонъ производитъ впечатлѣніе; идутъ; и такъ еще въ нѣсколькихъ домахъ... Руки опу-скались при сознаніи бесплодности всей своей работы, и я очень обрадовалась, когда Игнатовичъ предложилъ мнѣ открыть здѣсь питательный пунктъ Краснаго Креста. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, будешь сознавать пользу работы, будешь знать, что хорошая пища—для цынготныхъ спасеніе, а то—не угодно ли наблюдать за лѣченіемъ такихъ больныхъ, какъ лихорадочные, съ разными туберкулезными и желудочными заболѣваніями, которые, кромѣ пищи, требуютъ и лѣкарства,—аптека же далеко, а земскій врачъ Игнатовичъ нагналъ почти панической страхъ на этихъ первобытныхъ дѣтей природы. Въ концѣ концовъ боишься помогать, всякая помощь вызываетъ только попрошайничество, опротивѣтъ и слушать просьбы, и не является желаніе ихъ удовлетворить.

11-й часъ... Въ то время, какъ по всей интеллигентной Руси еще не замолкли звуки празднества—другая Россія, темная, полу-

дикая, мирно спитъ въ своихъ лачужкахъ, съ тѣмъ, чтобы завтра—начать снова то же темное, полуголодное существованіе... Всѣми силами души я ненавижу крѣпостное право! Ненавижу и дворянское сословіе, умѣвшее только жить даровымъ трудомъ! Оно распадается теперь, чинное, праздное, и разоряется, несмотря ни на какія поддержки. Съ злобной радостью слѣжу я за этимъ историческимъ возмездіемъ!

Я принадлежу къ тому классу, который издавна, отъ дѣдовъ, унаслѣдовалъ пренебреженіе къ дворянскому сословію; встарь—купцомъ они помыкали, а теперь къ нему пошли на поклонъ. Помню рассказы, слышанные въ дѣтствѣ, о любви дворянъ къ богатымъ купеческимъ невѣстамъ, и глубокое пренебреженіе къ тунеядству этихъ баръ всосалось въ мою кровь, теперь же вдругъ всплыло съ необыкновенною ясностью при видѣ народнаго бѣдствія, тьмы и невѣжества...

31 мая.

На голодѣ.

Романсъ.

(Николаю Дмитриевичу Игнатовичу, студ.-медику Казанскаго Университета).

По длинной и пыльной дорогѣ,
Лишь солнце блеснетъ въ небесахъ—
Несется студентъ длинноногій,
Несется на двухъ лошадахъ.

Согнувшись подъ тяжестью шубы,
Онъ бокомъ въ корзинкѣ сидитъ
И молча на путь свой далекій
Уныло и грустно глядитъ.

Что съ молодымъ краснымъ случилось?
Откуда такая печаль?
Кто очи его затуманилъ?
Что тянетъ его туда, вдаль?

Въ газетахъ досужій писака
Черкнулъ, что здѣсь помощь нужна—
И вдругъ въ этотъ край заявили
Три барышни,—вотъ тебѣ на!

Онъ думаетъ горькую думу:
Стряслась же такая бѣда,
Что именно въ мой-то участокъ
Нелегкая ихъ принесла.

Простите, спокойныя ночи,
Когда, утомясь отъ трудовъ,
Онъ ѣхалъ домой поскорѣе
Подъ мирный родительскій кровъ.

Теперь онъ не знаетъ покоя
Ни днемъ, да и ночью нигдѣ,—
Дѣвицы слѣдятъ за нимъ зорко;
Разыщутъ, навѣрно, вездѣ.

Разыщутъ, и каждая съ просьбой:
Одной—надо хины опять,
Другой—надо чая, лимоновъ,
И все не забыть, все послать...

И сколько бы разъ онъ ни ѣздилъ,
И сколько бѣ подводъ онъ ни слалъ,—
Курсистки цынгу вновь отыщутъ,—
И снова онъ къ нимъ поскакалъ.

И вотъ—голова пошла кругомъ
Отъ этихъ Нырсовъ, Меретякъ,
Большихъ Николаевокъ, Малыхъ,
Шатковъ, Кар-Баянъ, Ботерякъ...

И думаетъ съ грустью бѣдняга:
Ужъ, видно, мой близокъ конецъ,
И эти курсистки плетутъ мнѣ
Жестокій терновый вѣнецъ.

И вотъ отчего такъ уныло
И молча все вдаль онъ глядитъ,
И вотъ отчего безнадежно,
Согнувшись, въ корзинкѣ сидитъ.

По дорогѣ изъ с. Казылей въ с. Б. Меретяки.

1 июня.

Пѣсня.

(Ему же).

Милый другъ, когда унылый,
Полинялый, запыленный,
Ты въ корзинку съль,

И согнувшись по привычкѣ,
Съ папиросою и спичкой
Къ Шишкиной летѣль,—

Въ это время ожидали,
Нетерпѣніемъ сгорая,
Мы втроемъ тебя:

Ты приди, нашъ соколъ ясный,
Поспѣши, нашъ другъ прекрасный—
Ждемъ тебя любя.

Мы къ тебѣ навстрѣчу выйдемъ,
Мы тебя съ корзинки снимемъ
И къ муллѣ введемъ;

И возьмемъ мы длинный списокъ
И съ нимъ цѣлый рядъ записокъ,—
По больнымъ пойдемъ.

Обойдемъ домовъ хоть двѣсти,
А потомъ опять всѣ вмѣстѣ
Въ чайную зайдемъ.

Тамъ больныхъ совсѣмъ немного;
Ну,—душъ сорокъ,—ради Бога—
Поскорѣй, пойдемъ!

Такъ тебя мы призываемъ,
Отъ тебя мы ожидаемъ
Всякихъ благъ земли.

Ты лимоновъ для цынготныхъ
Да и чаю плитокъ плотныхъ
Не забудь—пришли!

Не сердись, когда порою
Мы, озлоблены нуждою,
Побранимъ тебя.

Мы такъ долго ожидали,
Что сердца наши устали
Ждать тебя любя.

Средь Нырсовъ, Большихъ и Малыхъ,
Азіатовъ одичалыхъ—
Мы втроемъ сидимъ,

И, томимы ожиданьемъ,
На дорогу съ упованьемъ
Все глядимъ, глядимъ...

Поспѣши же, другъ нашъ нѣжный,
«Врачъ унылый, безнадежный»,
Поспѣши скорѣй!

И въ Нырсы, и въ Меретьяки,
И въ Шатки, и въ Ботеряки,
Погоняй быстрѣй!

С. Бол. Меретьяки.

2 июня.

Д. И. Шишкиной.

Прощай, коллега дорогая!
Среди Нырсовъ своихъ Большихъ,
Среди трудовъ—не забывай же
Своихъ сотрудницъ молодыхъ.

Ты вспомни насъ, когда приѣдетъ
Къ тебѣ цынготныхъ навѣститъ
Нашъ азіатъ—коллега милый,
Съ нимъ вмѣстѣ будете ходить

Вы по селу; а мы въ Казани,
Въ пыли, жарѣ и духотѣ—
Вновь возвращаемся къ обычной
И скучной жизни суетѣ.

Намъ жаль оставленнаго дѣла,
Намъ жаль народъ; его нужда,
Его невѣжество глухое—
Вотъ наша русская бѣда.

И грустно, грустно поневолю...
Среди невѣдомыхъ равнинъ
Влачить, покорный тяжкой долѣ,
Свою нужду нашъ селянинъ.

Мы волею судьбы суровой
Работать долго не могли;
Осталась ты одна,—но смѣло
Дорогой прежнею иди.

И пусть среди твоихъ волненій,
Борьбы со страшной силой зла—
Тебѣ сіяетъ утѣшенье:
Ты сдѣлала все, что могла.

По дорогѣ въ Рыбную слободу, въ Казань.

Пятигорскъ, ... іюня.

Глубокоуважаемый Левъ Николаевичъ.

Судьба устроила такъ, что пришлось ѣхать къ голодающимъ съ одною изъ курсистокъ, которая знакома съ Вами—Ждановой. Вы близки сердцу всякаго мало-мальски думающаго человѣка не столько какъ писатель-художникъ, сколько какъ человекъ, писатель-моралистъ, затрагивающій идеи, вѣчно близкія человѣческому сердцу. Когда я, впервые въ жизни, услышала передачу Вашихъ словъ не изъ книги, а въ живой рѣчи—переживала странное впечатлѣніе: мнѣ казалось, что Вы еще ближе подошли ко мнѣ, подошли какъ человекъ съ такими душевными качествами, передъ которыми исчезли та застѣнчивость, тотъ страхъ передъ неизвѣстностью пріема, которые охватывали душу всякій разъ, какъ на умъ приходила мысль о личномъ свиданіи съ Вами, или о письмѣ къ Вамъ. И вотъ теперь я хочу написать Вамъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки къ голодающимъ и спросить Вашего совѣта относительно одного намѣренія.

По пріѣздѣ въ Казань я обратилась къ г. Останкову за совѣтомъ—куда ѣхать; жена его взяла меня и Жданову, чтобы

отвести на мѣсто. Насъ направили въ Лайшевскій уѣздъ, меня— въ Ключищенскую волость, село Большіе Меретяки, Жданову— верстахъ въ 4-хъ отъ меня, въ татарскую деревню Малыя Нырсы. Но мое назначеніе оказалось очень неудачнымъ въ смыслѣ работы: дѣла мнѣ было очень мало, такъ какъ я не завѣдывала столовой самостоятельно, а была дана въ «помощь» батюшкѣ, который заявилъ мнѣ, что на три недѣли (я дольше пробыть не могла) онъ не находитъ удобнымъ сдавать мнѣ столовую. Оставалось или уѣзжать назадъ, или же послушаться батюшки, который заявилъ еще, что здѣсь много больныхъ. Но и больныхъ въ двухъ русскихъ и одной крещено-татарской деревнѣ въ районѣ батюшки оказалось не такъ много, чтобы не имѣть свободнаго времени. И вотъ я, волей-неволей, не могла работать такъ, какъ мечтала, — весь день безъ отдыха, и могла посѣщать въ свободное время тѣ татарскія деревни, въ которыхъ работала Жданова съ одною курсисткою тоже изъ Москвы. У меня же были двѣ русскія деревни и одна крещено-татарская. Оставалось только сравнивать и изучать жизнь.

Такой бѣдности, такой грязи, которыя господствуютъ въ татарскихъ деревняхъ, я не видывала среди русскихъ, которые, въ общемъ, живутъ сравнительно съ татарами даже недурно. Въ с. Большіе Меретяки тоже всѣ пользовались столовыми, но въ избахъ, по большей части, чистота, и бѣдняки живутъ въ плохенькихъ избенкахъ. Бѣднѣйшіе же татары—роютъ землянку, покрываютъ ее соломенной крышей, ставятъ внутри печку, дѣлаютъ изъ земли нѣчто вродѣ наръ, забѣливаютъ все это—и хата готова. Всюду грязь, всюду бѣдность; чисто-азиатская страсть къ украшеніямъ, наивное любопытство дикаря. То, что въ дѣтствѣ мы читали въ книгѣ «Робинзонъ Крузо», повторялось въ дѣйствительности: татары хватили насъ за одежду, щупали ее, хвалили матерію, въ комнату входили во всякое время дня и ночи. Особенно татарки любили приходить въ комнату Ж., когда мы сходились у нея: придуть и, облокотясь на печку, смотрять безъ конца, слушая непонятный имъ разговоръ и наивно улыбаясь.

И подумаешь: 300 слишкомъ лѣтъ прошло со времени взятія Казани, а уровень культурнаго развитія покореннаго народа—тотъ же. Тѣ же невѣжественные муллы, то же примитивное лѣченіе чтеніемъ Корана, то же образование, ограничивающееся изученіемъ кое-какихъ религіозныхъ началъ. Не только не замѣтно никакого русскаго вліянія на некрещеныхъ татаръ, но наоборотъ: скорѣе русскіе мужики отатариваются.

Наши правящія сферы любятъ хвалиться пресловутой гуманностью русской политики относительно подчиненныхъ намъ народностей. Да, мы не располониваемъ Польшу; но зато мы не растатариваемъ и татаръ. Въ результатъ получается, что мы не болѣе какъ черезъ 4—5 сутокъ ѣзды отъ Петербурга попадаемъ въ Азію, Африку, къ дикарямъ—куда угодно, только не въ культурную страну! Право, намъ незачѣмъ ѣздить въ Абиссинію, въ дальнія путешествія—и у себя дома диковинокъ много! Глупо соваться намъ съ идеей обрусенія къ народамъ, по культурѣ стоящимъ выше насъ; но если волею судьбы мы господствуемъ надъ дикими народностями, то приобщить ихъ къ свѣту просвѣщенія—составляетъ нашу нравственную задачу. Обидно, больно при мысли, что мы истратили массу средствъ на то, чтобы заставить всѣхъ служащихъ нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ говорить по-русски,—нѣмцевъ, которые несравненно культурнѣе насъ и въ глубинѣ души ненавидятъ и презираютъ насъ за эти стремленія;—а въ татарской деревнѣ ни одинъ мулла не сумѣетъ двухъ словъ сказать правильно по-русски, и то лишь въ узко-православномъ духѣ. По крайней мѣрѣ, у крещеныхъ татаръ я не видала ни одной путной книги въ переводѣ на татарскій языкъ, даже Евангелія нѣтъ, но зато знаютъ... объ явленныхъ иконахъ и отрывки изъ богословскихъ молитвъ—вотъ и вся умственная пища татаръ, выносимая изъ умѣнья читать.

Для татаръ необходима русская школа, знаніе русскаго языка, знакомство съ русскими писателями. Шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ покойнымъ Ильинскимъ, но лишь для крещеныхъ татаръ; для некрещеныхъ—такъ и не дѣлается ничего. А между тѣмъ, надо бы начать съ духовенства. Необходимо было бы требовать отъ муллы хорошаго знанія русскаго языка, знакомства съ лучшими русскими писателями, и при назначеніи на должность подвергать особому экзамену по этому предмету. По-русски образованный мулла не можетъ быть такимъ невѣжественнымъ азіатомъ, какимъ онъ является въ настоящее время. Вліяніе же ихъ на своихъ соплеменниковъ огромно.

Я не имѣла возможности ознакомиться подробно съ экономическимъ положеніемъ, да это и трудно было изъ-за незнанія языка и невозможности имѣть всегда переводчика. Сами татары говорили, что ихъ надѣлы меньше русскихъ, русскіе же мужики обвиняютъ татаръ въ лѣности. То же повторяетъ Молчановъ въ «Новомъ Времени»—быть можетъ, это справедливо. Но странно обвинять намъ татаръ въ лѣни, когда мы сами не дѣлаемъ ни шага, чтобы хоть немного озарить эту кромѣшную тьму азіатчины. Какъ можемъ мы удивляться на приниженное положеніе женщины у татаръ, когда на нашихъ глазахъ духовенство оста-

вляеть безъ вниманія чисто магометанскій обычай крещеныхъ татаръ по отношенію къ ихъ женамъ: молодая крещенка не можетъ говорить вслухъ при родственникахъ мужа, пока они не дадутъ ей денегъ, а этого подарка ей приходится ждать долго, иногда два-три года.

Русская земская школа въ селѣ Б. Меретяки не имѣетъ никакого значенія и вліянія на населеніе: при ней нѣтъ библіотеки, хотя мѣстные крестьяне не особенно бѣдные,—и по выходѣ изъ нея разучиваются читать, какъ они мнѣ сами же сообщили. Помѣщенія отдѣльнаго для нея нѣтъ, и она кочуетъ изъ избы въ избу: мірской сходъ съ 4 р. въ мѣсяцъ сбавилъ плату до 2 р. 50 к. (съ дровами), и поэтому для нея не находится порядочнаго помѣщенія, а учащихся до 70 чел. Въ деревнѣ Малыя Нырсы тоже земская школа—въ крошечной избушкѣ, хоть и чистой, но низкой и душной. Въ обѣихъ школахъ учителя изъ крестьянъ-крещенцевъ; я ихъ не видала, такъ какъ они, окончивъ съ экзаменами, уже давно уѣхали на каникулы.

Левъ Николаевичъ! Я уѣхала оттуда съ сознаниемъ необходимости помощи населенію не только теперь, въ голодный годъ. Мужикъ русскій и татарскій тамъ до того беспомощенъ во тѣмъ своей, что ничего не знаетъ, кромѣ земледѣлія. Не знаетъ никакихъ ремеслъ, а о кустарныхъ издѣліяхъ и помину нѣтъ. Я много разъ бесѣдовала съ мужиками на эту тему, и въ отвѣтъ всегда получала сожалѣнія о прежнихъ временахъ, когда и урожаи были хороши, и лѣсовъ много было...—Ну, а теперь вездѣ все по-другому пошло, — допытывалась я у мужиковъ, — значить, надо же за что-нибудь другое взяться, надо ремесла...—«Такъ-то оно такъ, да мы, сестрица, къ этому не привычны... мы не умѣемъ...—слышала я со всѣхъ сторонъ,—а вотъ въ старые-те годы... куды какъ хорошо было»—повторялась сказка про бѣлаго бычка.

И вотъ въ результатѣ столовые хотя и являются какъ плодъ благороднаго порыва,—но похожи на битые въ набатъ, когда полдеревни сгорѣло. Голодъ 1891 г. не натолкнулъ русское общество на серьезное изслѣдованіе всѣхъ причинъ народнаго бѣдствія, и, оказавъ народу помощь столовыми, мы успокоились; опять пришла бѣда—мы опять за столовые. А между тѣмъ, именно такой видъ даровой помощи взрослому работнику, ставящій его на одинъ уровень съ дѣтьми и неработниками, скорѣе дискредитируетъ нравственное воззрѣніе народа на помощь. Не въ голодный годъ надо помогать мужику, а учить его въ урожайные годы, какъ переживать голодные. Тогда взрослый ра-

ботникъ справился бы самъ, и помощь осталась бы для неработниковъ, дѣтей, стариковъ, и въ болѣе солидныхъ размѣрахъ, нежели теперъ. Необходимо такъ или иначе разбить закорузлый вѣковой слой невѣжества, дикости, азіатчины. Что-же я могу сдѣлать!!—спрашивала я себя съ отчаяніемъ, которое невольно охватывало душу при мысли, что вѣдь голодъ опять можетъ повториться—и опять тѣ же столовые... Необходимо прежде всего—просвѣщеніе, школы съ какими-нибудь ремесленными классами,—тогда легче будетъ учреждать въ голодные годы дома трудолюбія. Школа съ бібліотекой можетъ хоть немного двинуть впередъ спящую мысль, расширить умственный горизонтъ... На все село Большіе Меретяки въ 500 душъ только одинъ мужикъ получаетъ «Сельскій Вѣстникъ», въ которомъ огромное мѣсто занимаютъ стѣтви, вродѣ: «Какъ чтить Николая Чудотворца?», а въ сосѣднихъ деревняхъ, конечно, и помину нѣтъ о книжкѣ...

Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой, не можете ли Вы оказать содѣйствіе сбору на устройство хотя бы одной хорошей школы въ татарской деревнѣ Малыя Нырсы? И въ Бол. Мер., и въ Мал. Ныр. школы есть, надо только устроить ихъ, получше обставить, перевести въ собственное хорошее зданіе, завести бібліотеки, фонари для чтеній, а если можно будетъ—то и ремесленные классы. Я, конечно, не надѣюсь, чтобы можно было собрать деньги на двѣ школы, но хоть въ первой деревнѣ необходимо поднять школу и ея значеніе въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Если же для Васъ это окажется неудобнымъ, то не можете ли Вы посовѣтовать мнѣ, какъ вести дѣло, обратиться ли еще къ кому-нибудь, или же напечатать письмо въ газетахъ съ просьбою о пожертвованіяхъ? Устройство же школъ можно поручить священнику села Большіе Меретяки о. Григорію Петровичу Петрову, который самъ мечтаетъ о постройкѣ для школы собственного дома и заговаривалъ объ этомъ не разъ. Знаю, какъ Вы заняты, но все-таки прошу отвѣта. Не о себѣ лично пишу я Вамъ, а о нихъ, которые принадлежатъ къ числу тѣхъ несчастныхъ, темныхъ, униженныхъ, о которыхъ Вы же сами всегда заботитесь. Какое ужасное это сознаніе—чувство собственного безсилія,—особенно, когда оно охватывало среди работы... Руки опускались невольно, и думалось: ну, сейчасъ—помагаемъ, а потомъ?! уѣдемъ,—цынготные выздоровѣютъ и... останутся тѣми же азіатами, среди такого же мрака невѣжества, дикости, до новаго голоднаго года?!

Поймите это сознаніе, Вы, знатокъ души человѣческой, и отвѣтите.

Въ настоящее время я нахожусь на Кавказѣ, гдѣ должна пробыть около двухъ мѣсяцевъ, изъ нихъ до 10 іюля въ Пятигорскѣ, и потомъ въ Кисловодскѣ; оттуда же поѣду въ Петербургъ. Поэтому адресъ мой таковъ: Пятигорскъ, Терской области. До востребованія. Елиз. Ал. Дьяконовой.

Всею душой уважающая Васъ

Елизавета Дьяконова, сл. Спб. В. Ж. К. *).

Въ Пятигорекѣ.

1.

Съ тѣхъ поръ какъ вѣчный Судія
Мнѣ въ Пятигорскѣ пребыванье
Опредѣлилъ, познала я
Всю тяжесть жизни и страданье.

Съ больныхъ деруть здѣсь доктора,
Деруть хозяйки,—всякъ, кто можетъ;
Здѣсь алчность хищная съ утра
Уже карманы наши гложетъ.

Съ хозяйкой разъ хотѣла я
Поторговаться... о, мой Боже!
Я—въ лавки, на базаръ,—вездѣ
Отвѣтятъ вамъ одно и то же:

«Уступки нѣтъ, цѣна одна!
Вы не берете?—какъ хотите!
Дешевле нашего нигдѣ
Вы не найдете, поищите!»

Но ужъ не пробую искать!
Я календарь беру въ объятія;
Съ надеждой буду отмѣчать
Дни испытанья, дни проклятья,—

*) Было ли послано авторомъ это письмо, и какова его судьба—неизвѣстно. Очевидно, Е. А. Дьяконова тщательно скрыла ото всѣхъ свое обращеніе къ Л. Н. Толстому. *Прим. ред.*

То-есть, лѣченья моего...
Они проходятъ... о, мой Боже!
Ты за грѣхи мои не дай
Мнѣ испытать еще разъ то же.

17 іюня.

2.

(Отрывокъ).

...Когда же черезъ шумный садъ
Я пробираюсь торопливо—
Другъ другу дамы говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите, вотъ она, горда,
Знакомства съ нами не желаетъ,—
Все бродить цѣлый день одна
И книжки разныя читаетъ»...

3.

(Переходъ отъ царства ощущеній, черезъ царство разума,
къ царству любви; отъ вѣры слѣпой къ вѣрѣ сознательной...).

Расшатались старые устои,
Рухнули преданья вѣковыя.
Нѣтъ еще основы новой вѣры,
И стоятъ развалины нѣмыя.

Гордо вышли на свободу люди.
Вѣдь сидѣли долго въ заточеньѣ
Вѣковой тюрьмы—пора на волю!
Смотрятъ на развалины съ презрѣньемъ.

Жадно дышатъ воздухомъ свободы,
Солнце разума сіяньемъ ослѣпляетъ...
Онъ насталь, день свѣта долго жданный!
Радость умъ и сердце опьяняетъ.

«Прочь съ дороги, старые обломки,
Жалкіе остатки слѣпой вѣры!
Прочь, жрецы разрушеннаго храма,
Старые лгуны и лицемѣры!

Разумъ—вотъ одна основа жизни;
Свѣтъ науки—истина святая;
Съ нею только можемъ мы достигнуть
Здѣсь же, на землѣ, блаженства рая».

Стали жить по-новому всѣ люди;
Свѣтъ науки-истины сіяетъ
Яркою звѣздою путеводной
И дорогу жизни освѣщаетъ.

Но несчастья съ жизнью неразлучны.
Смерть приходитъ, жертвъ своихъ уносить...
Гдѣ жъ цѣль жизни? Для чего живемъ мы?—
Тщетно человѣкъ отвѣта просить.

Нѣтъ отвѣта у науки! Только
Споръ ведутъ жрецы ея сѣдые—
Есть ли душа безсмертье; въ чемъ смыслъ жизни?
Какъ рѣшить вопросы основные?

Жизнь безъ цѣли—тяжкою казалась;
Гдѣ жъ отвѣтъ? откуда ждать рѣшенья?
И какъ стая вороновъ зловѣщихъ—
Налетѣли на душу сомнѣнья...

Нѣтъ отвѣта, нѣтъ! Безсиленъ разумъ,
И отвѣтить можетъ только вѣра;
Но чтобъ люди вѣрили какъ прежде—
Въ наше время не было примѣра.

И душа, истерзана сомнѣньемъ,
Смертнаго покоя лишь желала;
Но, томима вѣчной жаждой знанья,
До конца отвѣта все искала.

Какъ въ пустынѣ путникъ истомленный
Отдохнуть къ оазису стремится—
Человѣкъ, чтобы рѣшить задачу
Смысла жизни,—къ вѣрѣ обратится.

Но не къ прежней, темной вѣрѣ,
Страшной суевѣрьями преданій,—
Онъ пойдетъ навстрѣчу новой вѣрѣ,
Полной жизни, свѣтлыхъ упованій.

Новый богъ сойдетъ съ небесъ на землю—
Богъ любви, добра и правды свѣта.
Засіяетъ лучезарнымъ блескомъ
Старая и мрачная планета.

1—6 іюля.

Петербургъ, 15 августа. Сегодня мнѣ исполнилось 25 лѣтъ.. Страшно написать эти слова... Сколько въ эти годы можно было бы сдѣлать, если бы я была рождена свободнымъ человѣкомъ! если бы я давно могла окончить курсы и вступить въ жизнь! Ровно 4 года тому назадъ въ этотъ знаменательный для меня день я чувствовала то внутреннее перерожденіе, которое совершилось во мнѣ при сознаніи и неизбежности близкой борьбы. А теперь, ровно черезъ мѣсяць—15 сентября—я окончу курсы и... съ пристани должна буду отправиться въ плаваніе по волнамъ моря житейскаго. Общественная жизнь нашего времени уже требуетъ образованныхъ дѣятелей; частной инициативѣ—въ дѣлѣ образованія народнаго и средняго—дана извѣстная возможность дѣйствія. Я знаю, что здѣсь я могла бы принести пользу, — и не какую-нибудь, а настоящую, солидную пользу. Съ мыслью стать народной учительницей поступила я на курсы, — согласно съ нею была и моя научная подготовка и избранный мною факультетъ. Но... четыре года назадъ, наканунѣ этого самаго дня, за всенощной въ Ярославскомъ соборѣ, въ темномъ углу—стояла пламенно-молящаяся дѣвушка; черезъ четыре года, сегодня—за столомъ сидитъ она... и только внѣшность осталась прежняя... Я бы хотѣла, чтобы кто-нибудь мнѣ указалъ, что во мнѣ осталось прежнее?...

Не даромъ одинъ родственникъ называлъ меня Татьяной; да, я стала ею невольно въ области мысли. вмѣсто кающейся грѣшницы—холодный скептикъ съ усмѣшкой говорить «*que sais-je?*», взамѣнъ прежней полусознанной вѣры—скептицизмъ и холодный анализъ; жаркую молитву—замѣнили тяжелыя раздумья...

Я пришла къ убѣжденію, отъ котораго уже невозможно отказать, разъ оно ясно сознано и подтверждается самою жизнью, что причина долгаго и упорнаго существованія религій, причина существованія вѣры вообще—смерть.

Мы можемъ познать все земное, открыть всѣ тайны земли и неба—и никогда не можемъ познать тайны собственнаго существованія. Наука безсильна предъ лицомъ смерти; смерть—вотъ граница знанія и начало вѣры. Мы знаемъ все до ея предѣла, мы не знаемъ ничего за этимъ предѣломъ. И такъ какъ онъ для

каждаго изъ насъ неизбѣженъ, то невольно въ душѣ индивида встаетъ вопросъ: а что же потомъ? И вотъ, въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ земного шара возникали разныя ученія, удовлетворявшія массы, и массы жили, вѣруя слѣпо, но твердо, потому что иначе онѣ не могли бы жить, а жить было надо въ силу жизненнаго инстинкта. Отчего въ наше время такъ часты самоубійства?—Оттого, что интеллигентный человѣкъ—не вѣря—ясно видитъ невозможность рѣшенія загадки, и если онъ не особенно цѣнитъ жизнь, если онъ не одушевленъ никакою идеей—тогда его ничто не удерживаетъ отъ смерти.

Отравилась нынче въ мартѣ медичка 1-го курса Юлія Цингеръ; застрѣлилась нынче въ іюнѣ въ Кіевѣ наша слушательница 2-го курса, прелестная Наталія Дебагорій-Мокріевичъ, чудные глаза которой и драматическій талантъ производили на всѣхъ, видѣвшихъ ее, неизгладимое впечатлѣніе... Какъ сейчасъ вижу ее—на Пушкинскомъ праздникѣ, въ роли Маріи въ сценѣ сумасшествія съ Мазепой... «Подумай, эта голова совсѣмъ не человѣчья, а волчья, видишь какова?»—слышится въ залѣ низкій грудной голосъ, и забываешь обо всемъ, глядя на эту прелестную малороссіянку съ дивными глазами и распущенными волосами... Съ какой картины сошла она?...

Теперь жаль ихъ обѣихъ... А почему жаль? Вѣдь онѣ ушли отсюда потому, что были рѣшительнѣе насъ, которыя живутъ, не зная цѣли жизни. Обѣ были молоды, красивы, развиты, умны; не знаю Цингеръ, но у Д.-М. была чудная душа, которая отражалась въ ея неземныхъ глазахъ... Почему же мнѣ ее такъ жаль? Я хотѣла бы, чтобы она наслаждалась радостями жизни, которыхъ она вполнѣ достойна... но къ чему и радости жизни? Ахъ,—*que sais-je, que sais-je!*

Всѣ попытки научныхъ доказательствъ бытія Божія—безсильны, потому что иначе—человѣкъ былъ бы лишень свободнаго выбора, его воля была бы несвободна въ признаніи Бога. Христіанство же однимъ изъ первыхъ своихъ постулатовъ ставитъ—свободный выборъ человѣческой личности между вѣрою и невѣріемъ. Поэтому напрасны всѣ теоретическіе споры. Они противорѣчатъ коренной основѣ вѣры. Какая была бы свобода воли, если бѣ могли намъ доказать бытіе Божіе? Если мнѣ дадутъ неопровержимыя доказательства бытія Бога, то я, даже противъ воли, вынуждена буду признать его существованіе, я буду з н а т ь, что онъ есть; и подобно тому, какъ будетъ нелѣпостью сказать: я научно з н а ю, что $2 \times 2 = 4$, но не вѣрю, что оно $= 4$, такъ и въ этомъ вопросѣ невѣріе было бы окончательно

устранено, если бы было знаніе. Но знатъ намъ невозможно, и остается свободный выборъ воли. И доказательство истинности христіанской религіи не должно вовсе состоять въ теоретическихъ отвлеченныхъ спорахъ. Нѣтъ; ея превосходство и дѣйствующую въ ней божественную благодать, если она есть,—скорѣе можно было стараться доказывать въ социальныхъ формахъ,—въ сферѣ общественной жизни, въ содержаніи человѣка, въ его духовномъ обликѣ. Вотъ, о сочиненіи Неплюева «Что есть истина?» проф. Шляпкинъ отозвался:—«Все онъ говоритъ о вѣрѣ, но не указываетъ, какимъ путемъ приобрѣтается эта вѣра». По-моему, и не надо, да и нельзя доказать. Вѣру свою всякъ приобрѣтаетъ въ большинствѣ случаевъ не изъ теоретическихъ споровъ, а самъ по себѣ; но истинность-то ея доказывается самою жизнью, ея дѣятельностью, ея плодами.

Я очень рада, что судьба меня столкнула именно сегодня съ членомъ Неплюевского братства—Иваномъ Саввичемъ Н—ко. Мнѣ очень нравится этотъ юноша, и я съ удовольствіемъ всегда бесѣдую съ нимъ. Удивительно, какъ интересно и непринужденно идетъ бесѣда съ человѣкомъ, хотя и разныхъ убѣжденій, но хорошимъ душевно. Если у Неплюева и всѣ такіе воспитанники, то можно безъ сомнѣнія назвать его однимъ изъ первыхъ русскихъ педагоговъ.

18 августа. Сегодня узнала, что не будутъ разрѣшены экзамены ни одной изъ тѣхъ 140, которыя нынче весною добровольно ушли съ курсовъ и теперь возвращаются съ прошеніями. Мѣра довольно строгая, но—говоря откровенно—заслуженная. Члены этой партіи просто осрамили ее глупыми дѣтскими выходками: изъ нихъ уходили безъ возврата очень немногія, чуть ли не 20 человѣкъ только, остальные же, подавая бумаги, спрашивали Скрибу: «А когда намъ можно будетъ вернуться?» Если бы эти умницы были вполне солидарны съ партіей исключенныхъ, какъ онѣ заявляютъ, то не должны были бы подавать прошенія ранѣе, нежели ихъ товарки будутъ возвращены. А онѣ всѣ явились съ прошеніями теперь же... Да, не умно, совсѣмъ не умно. И такая глупость не можетъ проходить безнаказанно, только этимъ путемъ мы и поучаемся чему-либо.

Сегодня же узнала ошеломляющее извѣстіе: Карѣевъ и Гревсъ ушли съ курсовъ и изъ университета. Они въ числѣ тѣхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, которые «уволены» за-одно, такъ сказать, со студентами послѣ второй забастовки.

Въ Карѣевѣ мы теряемъ «имя», въ Гревсѣ—человѣка. Какъ

человѣкъ, и какъ профессоръ даже, Карѣевъ для насъ былъ малозначителенъ; за всѣ четыре года я не припомню ни одного случая, чтобы у насъ съ нимъ были оживленныя отношенія, чтобы ему апплодировали, какъ Гревсу. Я бы хотѣла у него заниматься, но, боясь его тяжеловѣснаго многорѣчія, у меня, право, не хватало мужества на подвигъ—выдержать съ нимъ даже получасовую бесѣду, хотя онъ и любезенъ вообще въ обращеніи, но холоденъ. Весь ушедшій въ книги, въ ученость, человѣкъ, составившій себѣ имя—онъ только и замѣчателенъ этимъ. А какъ живое существо—онъ недоступенъ намъ.

Гревсъ—наоборотъ: большая потеря для курсовъ, какъ незамѣнимо-умѣлый, одушевленный преподаватель, учитель науки и руководитель семинаріа. Магистрантъ, еще безъ всякаго «имени» (да врядъ ли онъ и составитъ его: онъ не отличается талантливостью), у насъ онъ былъ уже значительнымъ лицомъ: къ своимъ лекціямъ и занятіямъ онъ относился всегда съ большою энергіею и любовью; онъ стремился сблизиться съ нами, сплотить насъ въ кружокъ, читая ежегодно вступительныя рѣчи о значеніи науки, которыя жадно слушали не однѣ его слушательницы второго курса,—все это придавало ему большое значеніе среди нашихъ профессоровъ. Правда, его многія упрекали въ холодности, въ исключительности отношеній—«хорошъ лишь съ тѣми, кто у него занимается». Я, лично не зная его, замѣчала у него всегда нѣкоторый недостатокъ во вступительныхъ рѣчахъ: говоря о значеніи науки, вмѣсто того, чтобы обрисовать намъ значеніе различныхъ семинаріевъ—не призывая насъ къ работѣ—онъ, казалось, находилъ единственно нужное для насъ только въ одномъ своемъ убѣжденіи, что было уже странно, такъ какъ странно было бы всѣмъ 200—300 сразу усердно окунуться въ море средневѣковья; поэтому отчасти я и не входила въ сношенія съ нимъ. Странно тоже, что онъ, постоянно твердя намъ о Фюстель-де-Куланжѣ,—ни разу не упомянулъ о Васильевскомъ, своемъ учителѣ, о которомъ по смерти написалъ очень симпатичную статью въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Я даже не знала, чей онъ ученикъ,—это мнѣ сказала Е. Н. Щ—на, и на мое удивленіе, отчего онъ никогда не упоминаетъ намъ о немъ въ своихъ рѣчахъ, отвѣтила очень рѣзко... Да, очевидно, нѣтъ идеала на землѣ.

На-дняхъ я кончила свой рефератъ о М. Стюартѣ. Думаю, что во всякомъ случаѣ тонъ взяла вѣрный, и питаю честолюбивую надежду, что исполнила работу удовлетворительно. Хотя, по сравненію съ моей работой, которую мнѣ нынче пришлось испол-

нить у Л.-Данилевскаго,—сушая игрушка, просто пересказъ содержанія «Histoire de règne de Marie Stuart» Phillippon. Вся моя забота была о слогѣ, а онъ у меня плохъ, совсѣмъ не умѣю писать... Вотъ то-ли дѣло письма Плинія Младшаго! Какъ обработаны, какъ тщательно отдѣланы! Я отъ нихъ въ восторгѣ, хотя вовсе не въ восторгѣ предъ предстоящимъ экзаменомъ.

19 августа. Что такое жизнь? Жизнь есть творчество,—отвѣтила бы я, если бѣ мнѣ кто-нибудь задалъ такой вопросъ. Творчество—непрерывное, въ немъ радость, въ немъ счастье... Самое высшее счастье—обладать творческою способностью въ области духа; въ этомъ нѣчто священное—болѣе священное, нежели всѣ чудеса природы, которыми вѣрующіе доказываютъ существованіе Бога. Есть нѣчто невыразимо-прекрасное въ минутахъ вдохновенія, когда фантазія разгорается и уноситъ далеко-далеко.

Мнѣ пришлось пережить только разъ въ жизни подобную минуту: я была на второмъ курсѣ и писала конецъ одной сказки, посвященной вопросу о смыслѣ жизни. Я сама не помню, какъ меня охватило это удивительное настроеніе, но знаю, что лучше этихъ минутъ я ничего не переживала. И когда я кончила—точно спустилась съ неба на землю.

Смотрю сегодня на милое личико своей племянницы—и мнѣ такъ живо представляется радость матери при видѣ своего ребенка, при его постепенномъ ростѣ, его попыткахъ говорить, его медленное знакомство съ міромъ. Намъ доставляетъ наслажденіе воспроизвести себя въ другомъ существѣ и видѣть, какъ оно переживаетъ ту часть жизни, о которой мы сами не въ состояніи помнить...

Воспроизведеніе жизни вездѣ—въ природѣ, въ человѣчествѣ—есть простѣйшій и всѣмъ доступный даръ творчества.

29 августа. Завтра свадьба Тани съ Д—сомъ. Соединеніе двухъ родственныхъ душъ, двухъ туманныхъ мистиковъ, двухъ больныхъ дѣтей нашего болѣзненнаго времени, полного всякихъ аномалій. Будетъ ли она съ нимъ счастлива, какъ думаетъ? Ахъ, отчего такъ мало на свѣтѣ сильныхъ духомъ, отчего такъ мало героевъ, отчего такъ мало борцовъ за идеи?! Отчего?!

* Изъ всего курса римской литературы я прихожу въ восторгъ только отъ поэмы Лукреція «De natura rerum». Это гениальное произведеніе! Какая мощь мысли, какое величіе и истинная скорбь разлита въ немъ! Если бѣ я застрѣлилась, то не иначе, какъ съ этою книгою въ рукахъ...

Felix quod potuit rerum cognoscere causas
Atque metus omnis et inexorabile fatum
Subiecit pedibus strepitumque Acherontis avari. (Verg.)

Мрачное и глубокое познание, познание природы, отрицающее всякія религіозныя прикрытія,—человѣкъ смѣло подошелъ къ завѣсѣ, отдернулъ ее,—все увидѣлъ, позналъ и... не нашелъ въ этомъ ни радости, ни счастья, прежняя вѣра разлетѣлась, какъ дымъ, но и лицомъ къ лицу съ познаніемъ—человѣкъ не удовлетворился...

До чего все старо въ мірѣ! То, отчего стрѣляются теперь—сказано уже тысячелѣтіемъ раньше...

Мнѣ скучно, бѣсъ.. (Фаустъ).

29 августа. Всѣ антиноміи Канта сразу выскочили изъ головы при извѣстіи объ осужденіи Дрейфуса.

Что теперь?! Совершилась величайшая историческая несправедливость! Позорное обвиненіе остается въ силѣ... да падеть на голову этихъ подлецовъ-судей вся кара земли и неба! Право,—послѣ этого, если и стоитъ жить, то развѣ лишь для того, чтобы бороться во имя торжества правосудія. И что за дѣло обвиненному, если его приговорили къ 10 годамъ заключенія, вмѣсто пожизненнаго?!

Осудить—послѣ самоубійства Анри, послѣ того какъ были опровергнуты всѣ показанія противъ Дрейфуса, послѣ официального заявленія Германіи, послѣ разоблаченія всѣхъ темныхъ сторонъ и злодѣйскихъ махинацій этого дѣла—осудить! Ничѣмъ инымъ не можетъ быть мотивировано это осужденіе, какъ только боязнь судей-офицеровъ — оправданіемъ Дрейфуса — осудить своихъ генераловъ, «честь арміи». Что долженъ переживать несчастный, его семья, Лабори, Деманжъ, Зола, благородный писатель, который такъ довѣрчиво и преждевременно-радостно привѣтствовалъ пересмотръ? Совершенно справедливо г-жа Дрейфусъ говорила: радоваться еще рано!

«Новости» или лекціи? Тамъ—стенографическій отчетъ, а тутъ—интуиціи, субстанціи, антиноміи, категоріи... Право, я не въ состояніи буду сдать экзаменъ, до того меня взволновало это событіе, хотя изъ предыдущаго № уже можно было предвидѣть исходъ. И точно нарочно! До экзамена остается одинъ день, а у меня повторенъ всего 21 билетъ изъ 59, при чемъ труднѣйшій отдѣлъ остается за флагомъ—весь Кантъ...

Вотъ два мѣсяца, изо-дня-въ-день, съ напряженнымъ вниманіемъ читаешь газеты... Неужели же правосудіе остается побѣ-

жденнымъ, неужели на порогѣ XX столѣтія исторія Франціи будетъ заклеимена преступленіемъ?! Справедливость!—вотъ моя религія, религія справедливости! Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, первое, что стало выдѣляться въ моемъ сознаниі—была справедливость. Во имя ея я отстаивала и боролась за свое человѣческое право образованія; во имя ея выносила массу всевозможныхъ неприятностей съ родными, когда видѣла угнетеніе слабого сильными; во имя ея—протестовала вмѣстѣ съ товарищами въ первой студенческой забастовкѣ; во имя ея—отстаиваю и буду отстаивать права человѣческой личности. И все, что нарушаетъ эту справедливость, малѣйшее посягательство на мою богиню, нарушеніе священныхъ правъ ея—возмущаетъ меня до глубины души. И теперь—какъ же я могу быть спокойна, когда совершилось такое вопіющее, такое безобразное нарушеніе всѣхъ ея началъ! Нѣтъ!

Конечно, Введенскому нѣтъ никакого дѣла до такихъ разсужденій, и онъ съ логической точки зрѣнія правъ, если поставить мнѣ двойку. Но вѣдь жизнь-то построена не на одной логикѣ.

Да, не малое требуется мужество, чтобы жить на этомъ свѣтѣ! Я бы не прочь умереть,—съ условіемъ достовѣрнаго знанія того, что меня будетъ ожидать послѣ смерти. Если бы оказалось хоть на іоту лучше, чѣмъ здѣсь—умерла бы съ радостью, сію же минуту.

Дрейфусъ осужденъ; а тутъ—передъ глазами программа: почему субстанцію можно назвать монадой? Что представляетъ собою монада??

31 августа. Сегодня сдала философію. Отвѣчала о формулахъ нравственнаго закона—хорошо, но гораздо хуже, нежели знала на самомъ дѣлѣ, даже на одинъ изъ вопросовъ, касающихся гносеологии Канта, совсѣмъ не отвѣтила. Введенскій поставилъ 4. Онъ былъ боленъ и поэтому экзаменовалъ небрежно. Къ сожалѣнію, я была лишена того спокойствія духа, которое мнѣ необходимо для занятій... и чуть-было не сказала объ этомъ Введенскому. Стыдно было передъ нимъ за свое незнаніе, но подѣлать съ собой ничего не могу. Способности, должно быть, плохія у меня. Гдѣ та быстрота соображенія, острая пронизательность сужденій, умѣнье сразу схватывать и приводить въ связь однородное... гдѣ все это?... Способности! Что онъ у меня есть, доказывается, впрочемъ, тѣмъ, что я, несмотря на сильную нейрастенію на первомъ курсѣ, все-таки сдала экзамены въ общемъ

на 4, на второмъ—на $4\frac{1}{2}$ (Скриба вретъ, впрочемъ, баллы навѣрное выше), на третьемъ—на 5... Мнѣ просто смѣшно писать эту градацію балловъ, которую Скриба предупредительно сообщилъ мнѣ, едва только мы увидѣлись послѣ лѣта. Я его и не спрашивала, но онъ добросовѣстно сообщилъ, что мнѣ экзамены—разрѣшены, ибо у меня въ общемъ итогъ баллъ болѣе $4\frac{1}{2}$ —признаннаго балла нашими учеными мужами для допущенія къ экзаменамъ тѣхъ дерзкихъ, которыя подали прошеніе безъ медицинскаго свидѣтельства. Какъ глупо, какъ глупо!

Да, осужденіе Дрейфуса отзывалось на моихъ занятіяхъ, и теперь мнѣ досадно за такой непростительный промахъ на экзаменѣ; но... въ то же время—дѣло Дрейфуса слишкомъ великаго значенія, чтобы я не проводила драгоценныхъ часовъ наканунѣ экзамена за газетами, вмѣсто повторенія лекцій. Немудрено, что когда я шла на экзаменъ—у меня вмѣсто стройной системы былъ хаосъ, хаосъ знанія, не приведеннаго въ систему, отъ котораго я сама первая отвернулась съ ужасомъ.

Сегодня—только что сдала экзаменъ—бѣгу внизъ, на столѣ лежать «Новости», и тамъ защитительная рѣчь Деманжа. Читаю ее съ замираніемъ сердца—все окружающее какъ бы не существуетъ для меня, и когда спросилъ кто-то—сдала ли экзаменъ—я даже удивилась.

На этихъ дняхъ получила письмо отъ Ч., который пишетъ, что интересуется Таней,—она существо необыкновенное, оригинальное, сфинксъ, влекущій къ себѣ. Грустно даже стало, какъ подумаешь—до чего люди любятъ строить себѣ воображаемыя существа! Утонченный, индивидуальный эгоизмъ, на подкладкѣ изящныхъ искусствъ—вотъ истинная сущность Тани, вотъ ея сокровенное «я». Она, правда, много выстрадала, но изъ этого страданія унесла не любовь къ несчастнымъ, не горечь негодования, а одно страстное желаніе личнаго счастья; желаніе, въ сущности, вполне законное, но у нея возведенное на степень какого-то культа, утонченнаго до болѣзненности, со страшными слѣдами надломленности. Она создана, чтобы такъ прожить, о чемъ сама говорила мнѣ:—«Я знаю, что не проживу долго, и хочу въ данное время, которое мнѣ дано судьбою—испытать счастье». И смотря на ея наружность—я невольно молчала, и не возражала ей: да, пожалуй, она долго не проживетъ! И она права, стремясь къ наслажденію,—отчего жъ?—вѣдь отъ жизни надо брать все, что она можетъ дать. Ахъ, Таня, Таня! Если бы ты могла любить меня какъ я тебя! если бы ты на минутку вышла изъ своего индивидуализма

и была способна понять чью-нибудь душу, кроме своей собственной!

Нѣтъ, не суждена мнѣ дружба ни въ родственномъ кругу, ни въ товарищескомъ... Несчастливая странница—одинокая душа—чего же ты ищешь?!

И невольно приходитъ въ голову сюжетъ для повѣсти или разсказа... Содержаніемъ книжки служило бы все пережитое за эти годы: знакомство съ міромъ науки, потомъ—исканіе чего-то, неудовлетворенность, потеря вѣры, знакомство съ Неплюевскимъ братствомъ, описаніе этого уголка, гдѣ жизнь построена на идеальныхъ основахъ, наконецъ,—ясное сознаніе невозможности какой бы то ни было вѣры, двойственное сознаніе—привязанности къ этимъ людямъ идеи, и невозможность вполне слиться съ ними—приводящая къ самоубійству надъ книгою Лукреція «De natura rerum». Это было бы въ своемъ родѣ «Годы странствованія», но не Вильгельма Мейстера, а* никому не вѣдомой курсистки.

Мнѣ страшно сдѣлалось, когда я увидѣла, какую волю дала я своей фантазіи. Еще разсказъ небольшой написать—позволительно,—но чтобы потратить столько времени даромъ, чтобы написать нѣчто большее, нежели разсказецъ—это ужъ никогда! никогда! И всего досаднѣе, что разыгравшаяся фантазія отрывала отъ занятій, отъ философіи и уносила далеко-далеко, дѣйствительно—«въ міръ идей».

Если бы «вѣчное блаженство», о которомъ такъ твердятъ всѣ религіи, состояло въ творествѣ—о, тогда я понимаю его! Это во-истину блаженство, и человѣкъ, обладающій этимъ блаженнымъ даромъ,—блаженъ уже и въ этой жизни.

Если бъ я могла написать все, что приходитъ въ голову? Да бѣда въ томъ, что все только и ограничивается игрою фантазіи, а съ перомъ въ рукахъ выходитъ сущій нуль.

Это значить, что я ни къ чему не пригодна.

15 сентября. Вотъ и мѣсяцъ прошелъ, а все еще не кончены экзамены. Мнѣ даже какъ-то страшно думать, что уже мѣсяцъ прошелъ: кажется, время остановилось, живешь—точно въ пустомъ пространствѣ, день за днемъ тянутся однообразные, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды—все за книгами. Я нигдѣ не бываю, и ко мнѣ приходятъ очень немногіе, да и то ненадолго, такъ какъ некогда. Лѣто, проведенное безъ занятій, дало себя знать, пришлось усиленно заниматься, и каждый потертый часъ очень чувствительно отзывается на ходѣ занятій.

4-го мы всё приготовились къ новой исторіи, но Карѣвъ не приходилъ; за нимъ посылаютъ, онъ отказывается экзаменоватъ, такъ какъ болѣе уже не состоитъ профессоромъ на курсахъ. Я въ этотъ день долго повторяла лекціи и, кончивъ всю программу очень поздно—около 4 часовъ, пошла на курсы въ полномъ убѣжденіи, что опоздала, что экзаменъ конченъ, и хотѣла только просить профессора проэкзаменоватъ меня въ слѣдующій разъ. Встрѣчаю Скрибу, у самыхъ курсовъ: объявляетъ, что экзамена... не было. Больно было услышать еще разъ напоминаніе о потерѣ Карѣева, но я чувствовала также и нѣкоторое облегченіе, ибо слишкомъ было бы тяжело держать экзамены, сознавая, что отвѣчаешь человѣку, котораго такъ... «уволители» изъ храма науки, которой онъ такъ честно служилъ. И вотъ, всё 30 человѣкъ, сдающихъ экзамены, напрасно прождавъ нѣсколько часовъ,—разошлись, а экзаменъ отложили до совѣта, который рѣшить—у кого намъ держать и «быть или не быть» экзамену.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, была на курсахъ. Счастливая Б., вышедшая замужъ нынче лѣтомъ, сбѣгала съ лѣстницы, спѣша домой, такъ какъ утромъ уѣзжала въ Севастополь къ мужу; внизу В—цева и Х—стова были съ нею. Прощаясь, мы всё цѣловались, и я, за всё четыре года не сказавшая съ ней ни слова, вообще не имѣвшая съ ней никакихъ сношеній,—все-таки чувствовала какую-то грусть... Это было знакомъ, что мы скоро-скоро, черезъ нѣсколько дней, всё разстанемся и разсѣмся по всей Россіи.

Грустно думать о разлукѣ; всё товарки—знакомыя ли, незнакомыя ли—всѣ кажутся мнѣ теперь дорогими, четыре года связывали насъ одна аудиторія, одни профессора, однѣ науки, общее стремленіе къ образованію. И вотъ теперь, на порогѣ разлуки,—тяжело и жаль какъ-то разстаться. Хотя среди нихъ, среди этой массы не нашлось у меня ни одного друга, ни одной души, которую я съ восторгомъ признала бы родственною себѣ и слилась бы съ нею въ одномъ братскомъ чувствѣ, хотя грустное чувство одиночества постоянно живетъ въ душѣ—все-таки, по отношенію ко всѣмъ товаркамъ—могу сказать, положила руку на сердце, у меня нѣтъ и тѣни озлобленія. Среди нихъ было много, съ которыми я хотѣла сойтись, и дѣлала попытки сближенія сама первая, но имъ, должно быть, я не нравилась, какъ человѣкъ, и онѣ явно старались не сближаться со мною, иногда даже нисколько этого не скрывая, какъ, на примѣръ, Д—ашъ...

Да и могло ли быть иначе? Жестокая нейрастенія, мучившая меня страшно еще и до курсовъ, усилилась съ поступленіемъ

сюда, вслѣдствіе перенесенныхъ потрясеній я чувствовала себя положительно больною, мучилась и страдала невыразимо отъ душевной боли и страшной, угнетающей душу тоски, ища, какъ спасенія, хотъ искры любви и дружбы, которыя однѣ могли бы исцѣлить мои душевныя раны... и... не нашла ничего. Я не могла нравиться людямъ своею нервностью, рѣзкостью, которую принимали за грубость и которая съ перваго знакомства произвела дурное впечатлѣніе. Я видѣла, что моего общества избѣгаютъ, гордость же заставляла скрывать свои душевныя страданія—и принудила, наконецъ, замкнуться въ себя. Позднѣе, курсѣ на третѣемъ, когда я немного начала оправляться, то же чувство гордости, разумѣется, мѣшало мнѣ снова искать сближенія съ прежними, а новыя какъ-то не являлись. Мнѣ было очень смѣшно, когда нѣкоторыя изъ прежнихъ приходили ко мнѣ съ заявленіями, что моя репутація перемѣнилась къ лучшему, что я стала не такъ рѣзка и проч. Я усмѣхалась: мнѣ просто стало физически лучше, нервы поуспокоились, и вотъ измученный, больной человѣкъ началъ оправляться—и съ дружескимъ чувствомъ смотрѣлъ на міръ. «Ларчикъ просто открывался»—и всѣ толки о моемъ дурномъ характерѣ оказались мыльнымъ пузыремъ.

Я не приобрѣла такой извѣстности и вліянія, какъ, напримеръ, Д—ашъ, но и не старалась добиться этого. И теперь, даже противъ тѣхъ, которыя мнѣ казались умнѣе, интереснѣе другихъ, и которыя не захотѣли сойтись со мною—и противъ этихъ у меня нѣтъ озлобленія... Чего же мнѣ претендовать на нихъ? Что онѣ не поняли меня?—Но какъ же можно требовать отъ людей, чтобы они поднялись выше самихъ себя? Можно жалѣть лишь о томъ, что мало на свѣтѣ истинно-проницательныхъ людей—и теперь на сердцѣ остается только тихая грусть... И рядомъ съ нею уживается пламенная ненависть ко всѣмъ притѣснителямъ свободы, ко всѣмъ обскурантамъ, принижающимъ духъ человѣческой, и вмѣстѣ съ этимъ—благоговѣйное почитаніе борцовъ за идеи, за человѣчность, свободу, науку—словомъ, всѣхъ, кому мы обязаны тѣмъ, что стали лучше, нежели были, всѣхъ, кто двигалъ и двигаетъ впередъ человѣчество въ области духа. И живетъ во мнѣ въ то же время грустный скептицизмъ во всемъ, глубоко скрытое недовѣріе, вѣчно замаскированное совѣстью, которая обязываетъ меня относиться хорошо къ людямъ и не оскорблять ихъ ничѣмъ.

18 сентября, 10 ч. веч. Я окончила курсы. Сегодня вечеромъ совѣтъ профессоровъ долженъ былъ рѣшить, быть или не быть

экзамену новой исторіи на нашемъ курсѣ. Постановили: освободить всѣхъ, кто доволенъ отмѣткою, полученною при переходѣ съ III на IV курсъ,—желающія повисить ее могутъ экзаменоваться у Форстена, но такихъ врядъ ли кто найдется. Слѣдовательно, мы кончили.

Теперь мы на порогѣ жизни... Среди полного разгрома вступаемъ въ нее. Точно молнія ударила и разбила нашъ курсъ,—и вотъ къ куда...

Вчера я была въ библіотекѣ и долго бесѣдовала съ Б—новой, у которой находится пока бюро для пріисканія занятій окончившимъ. Весною кончило человѣкъ 27, осенью 30 слишкомъ, изъ ста остальныхъ нашего курса исключены 32, прочія вышли. Теперь требованій получается много, и такъ какъ кончившихъ мало, то очень многія получаютъ мѣста часто на выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Напримѣръ, требуется помощница начальницы гимназіи въ Читѣ—600 руб. при готовой квартирѣ и безъ уроковъ, въ Пермскую губернію—учительницей математики въ старшихъ классахъ—жалованья 1.000 руб., но на эти мѣста—удивительное дѣло—не нашлось желающихъ. А сколько вышло замужь нынче весною! На экзаменѣ латинскаго языка я просто считала кольца обручальныхъ... Нынѣшнее студенческое движеніе много способствовало сближенію учащихся и повело къ бракамъ. Правительство должно привѣтствовать такіе результаты движенія: оно повело къ усиленію семейнаго начала.

Между нами идутъ оживленные споры: сначала обсуждался вопросъ объ адресѣ Карѣеву и Гревсу, потомъ вопросъ отъ адреса перешелъ къ проекту устроить обѣдъ и пригласить на него ихъ же и Введенскаго. Поднялись возраженія: отчего не пригласить и другихъ профессоровъ? Мнѣнія раздѣлились, и вопросъ, кажется, провалился, такъ какъ приглашать всѣхъ, изъ которыхъ очень многіе не стояли въ непосредственной связи съ курсистками—не нашли удобнымъ; а пригласить только двухъ уволенныхъ профессоровъ не рѣшались, потому что Карѣевъ далеко отстоялъ отъ насъ, и контрастъ между отношеніями нашими къ нему и Гревсу рѣзко бросился бы въ глаза. Словомъ, какъ всегда и вездѣ, въ нестройно сложенномъ организмѣ идетъ разладъ. Мы не привыкли быть солидарными. А мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы поскорѣе былъ рѣшенъ вопросъ объ адресахъ: хочется видѣть ихъ готовыми при себѣ и подписаться на нихъ.

Сегодня И. А. Шляпкинъ сообщил мнѣ, что изъ нашего коллективнаго перевода небольшой книжки «Скандинавская литера-

тура и ея современныя тенденціи», Маріи Герцфельдъ *), цензура не пропускаетъ 8 страницъ, а ихъ-то всего съ небольшимъ сто, или даже меньше. Ужасно досадно стало. Воспользовавшись случаемъ, я спросила И. А., когда можно будетъ пріѣхать къ нему проститься—и голосъ мой вдругъ задрожалъ... Я едва могла выслушать его приглашеніе къ себѣ въ имѣніе и поспѣшила отойти къ вѣшалкамъ, чтобы скрыть слезы, невольно выступившія на глаза.

Придя домой, я заперлась и заплакала. О чемъ? — Право, трудно сказать. Экзамены какъ-то заслоняли разлуку съ курсами, и когда я сама сказала слово «проститься»—вдругъ поняла, что вѣдь я уже расстаюсь съ курсами, съ студенческою жизнью, съ первымъ свѣтлымъ лучомъ, озарившимъ мою тяжелую жизнь... И я плакала безъ стыда, такъ какъ не стыдно оплакивать то, что хорошо, и что проходить... Да, странна психологія человѣка: пока я не сказала этого слова—точно завѣса какая-то скрывала отъ меня близкое будущее... и вотъ, при словѣ «проститься»—я какъ бы отодвинула ее, и вдругъ увидѣла, что предстоитъ...

Изъ профессоровъ ближе всѣхъ знала я только И. А. Друзей среди товарищей—у меня не было, но, тѣмъ не менѣе, врядъ ли кто-нибудь болѣе меня привязанъ къ курсамъ. Я такъ люблю и цѣню ихъ, такъ люблю всѣхъ остальныхъ товарищей, знать которыхъ физически невысказано, но они дороги мнѣ уже тѣмъ, что являются моими товарищами по стремленію къ знанію. Въ этомъ смыслѣ у меня взглядъ на товарищество самый идеальный, и съ нимъ далеко не многія согласны, особенно тѣ, которыя стремятся провести узко-партийныя взгляды и признають равными себѣ лишь такихъ, кто одинаково съ ними мыслить.

Когда я вчера читала книгу В. В. Стасова о Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой—меня наполняло доброе и радостное сознание успѣховъ въ дѣлѣ созиданія курсовъ. И невольно мысль переносилась на Москву, и хотѣлось положить всѣ силы, всѣ способности на созиданіе высшихъ курсовъ тамъ. Мнѣ почему-то кажется, что я способна на выполненіе этой задачи. Живая фантазія тотчасъ же рисовала картины борьбы, неудачъ, среди которыхъ только растетъ моя энергія, прибавляются силы и; наконецъ, цѣль достигнута—курсы созданы, и я—одна изъ самыхъ дѣятельныхъ участницъ ихъ созиданія... Всякіе планы полѣзли въ голову: захотѣлось ѣхать къ Герье, справиться у него—почему

*) Переводъ слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ подъ редакціей И. А. Шляпкина. Спб., 1899 г.

не были открыты курсы нынче осенью, как предполагалось? хотѣлось сказать ему, что я всю жизнь мою готова посвятить на это дѣло... и представляла уже себѣ, что отвѣтитъ мнѣ Герье, какъ я буду дѣйствовать... и такъ далѣе, и такъ далѣе... Вотъ глупо! Безъ средствъ, безъ связей и знакомствъ соваться въ такое дѣло! Хорошо, что трезвый разумъ указываетъ границы мечтамъ и моментально сбрасываетъ на землю, когда ужъ слишкомъ далеко заберешься въ воздушные замки... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я гораздо болѣе интересуюсь женскимъ вопросомъ во всѣхъ его ступеняхъ, нежели на одной какой-либо частности; моя мысль всегда стремится къ политическимъ правамъ женщины, не успокаиваясь на одномъ высшемъ образованіи... Невольно подымается въ груди горькое чувство негодованія на ограниченность свободы женщины, ея правъ.

Мнѣ душно, мнѣ хочется простора, широкой дѣятельности. Моя натура н и к о г д а не уляжется добровольно въ узкія рамки жизни, развѣ жизнь сама ее уложитъ, и это, конечно, вѣроятно. «И погромче насъ были витіи», а ты чего носишься съ широкими планами, вѣчно думаешь о большихъ задачахъ!

20 сентября, вечеромъ. Весь день сегодня въ бѣготнѣ. Всѣ наши развѣзжаются съ каждымъ днемъ, дѣло же съ адресами Гревсу и Карѣву стоитъ, и я написала рѣшительное письмо къ Д—ашъ, заявивъ, что всѣ хлопоты относительно художественной стороны обоихъ адресовъ могу взять на себя, и найду художника. Гдѣ, какого?—я еще не знала, но знала, что найду, такъ какъ надо найти.

У меня уже раньше сложился въ головѣ проектъ адреса Карѣву, сегодня передала его, кому слѣдуетъ, и побѣжала искать художника.

22 сентября. Сейчасъ только что вернулась съ товарищеской вечеринки... Что же написать?

Собралось насъ человѣкъ 40. Прежде мы съ трудомъ помѣщались въ маленькихъ аудиторіяхъ, теперь же—совершенно свободно въ ботаническомъ кабинетѣ: исключенныя—партія «крайнихъ»—въ большинствѣ не пришли, и вотъ «обломки» собрались здѣсь въ послѣдній разъ. Рѣчей не говорили. Я сначала намѣревалась сказать о женскомъ вопросѣ, о курсахъ, о нашей обязанности всегда и всюду являться защитницами и поборницами правъ женщины, но когда пришла и увидѣла общее настроеніе—

рѣшила не говорить ничего. Вечеринка носила дѣйствительно простой, симпатичный, съ виду совсѣмъ задушевный характеръ.

Мы собрались вмѣстѣ—въ послѣдній разъ. Я немного отвлекала себя отъ грустныхъ мыслей тѣмъ, что собирала подписи для адресовъ, но скоро это было кончено, и... я осталась одна. Всѣ собравшіяся—за исключеніемъ двухъ—были мнѣ симпатичны, къ нимъ я чувствовала дружеское, хорошее отношеніе, но... душевной связи не было. Одиночество развило во мнѣ глубину чувства, вдумчивость и поэтому большія требованія къ людямъ, бѣльшія, нежели они могутъ дать.

Но я уже привыкла не думать о своемъ «я», и теперь мнѣ все-таки хотѣлось произнести страстную рѣчь «къ товарищамъ», побѣдить ихъ силою своего слова... и вдругъ насмѣшливый скептицизмъ шепнулъ мнѣ въ ухо: будто и впрямь можно?—въ нѣскольکو минутъ людей вновь не воспитаешь, и если имъ покажется страстность—фразами, а женскій вопросъ ихъ интересуетъ не такъ глубоко, какъ тебя,—то стоитъ ли тратить слова зря?... И какая-то смутная увѣренность говорила во мнѣ, что я когда-нибудь непременно это скажу, не устно—такъ въ печати, и онѣ, мои товарки, все-таки услышатъ о моихъ мнѣніяхъ.

Да, будь у меня литературныя способности—это мнѣ доставляло бы большое нравственное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ. Во мнѣ уже нѣтъ острой, щемящей тоски, мучившей меня послѣдніе годы жизни дома и на курсахъ; острое нейрастеническое состояніе, очевидно, немного улеглось; мнѣ физически лучше, и я отношусь къ своему одиночеству трезво и спокойно-ясно. И какъ опытный анатомъ произвожу я теперь вскрытіе своей души...

Первые годы моей молодости прошли въ тяжелой нравственной и физической неволѣ, послѣдующіе—тоже не принесли мнѣ счастливаго настроенія, сознанія полного, глубокаго нравственнаго и умственнаго удовлетворенія, чудной гармоніи ума и сердца,—что жъ, могу ли я изъ-за этого со злобою смотрѣть на міръ?—И съ грустной улыбкой смотря на окружающихъ, я думала: твое «я» такъ ничтожно въ сравненіи съ великимъ мировымъ цѣлымъ,—ты такая маленькая частица его. Вотъ почему въ единеніи лежитъ сила: она малыхъ въ отдѣльности соединяетъ въ одну большую величину. Великіе умы и въ одиночествѣ велики сами по себѣ.

Эти грустныя мысли лишили меня возможности подходить къ тѣмъ группамъ, гдѣ шли веселые разговоры—такихъ, впрочемъ, было немного, и я, по старѣй памяти, рѣшила бесѣдовать

съ Д—ди. Вскорѣ Д—ашъ прервала общій разговоръ, предложивъ чокнуться съ тѣми, которыя скоро уѣзжаютъ; ихъ нашлось девять человѣкъ,—преподавательницы гимназій, на частныя мѣста или домой. Вина, конечно, не было, смѣясь чокнулись стаканами чая. Послѣ затѣяли пѣніе; оно удалось плохо, но все же слушали. Товарищи уже незамѣтно расходились, осталось человѣкъ 20. Д—ашъ опять позвонила и произнесла небольшую рѣчь, отчаянно путаясь въ словахъ, о томъ, что мы, собравшись здѣсь, все же не относимся дурно къ «извѣстной партіи», не пожелавшей въ большинствѣ быть съ нами, и понимаемъ добрымъ словомъ Б. (кассиршу), К. и С. (бывшихъ депутатовъ, исключенныхъ безъ права поступленія). Всѣ молчали, только одна заплакала, отвернувшись къ шкафу... Мнѣ вдругъ вспомнилась Надя «Бибиша», теперь—учительница въ школѣ. Милая, хорошая дѣвушка, съ душою честною и открытою; четыре года назадъ мы въ этотъ день всѣ мирно сидѣли подъ общей кровлей интерната, не предчувствуя, какъ печально будетъ наше вступленіе въ жизнь.

Да, на нашей вечеринкѣ было оживленіе, но не было того торжественнаго, приподнятаго настроенія, которое несомнѣнно явилось бы, если бы мы собрались въ полномъ составѣ, съ профессорами, если бы говорились интересныя рѣчи. Наше собраніе было назначено лишь сегодня утромъ; обѣдъ, сначала предполагавшійся съ профессорами Гревсомъ, Карѣевымъ, Введенскимъ, Котляревскимъ и Шляпкинымъ,—провалился, такъ какъ они несочувственно относились къ ресторану. На курсы мы не хотѣли приглашать ихъ, такъ какъ тогда приглашеніе директора становилось неизбѣжнымъ, а изъ-за этого пропала бы вся прелесть вечеринки—онъ явился бы постороннимъ элементомъ. Устроить же вечеринку въ частномъ домѣ при современномъ положеніи дѣлъ нельзя было вовсе,—никто, конечно, не далъ бы своей квартиры. Вотъ почему мы и принуждены были собраться однѣ, безъ профессоровъ, 40 человѣкъ,—съ сознаниемъ грустныхъ событій, и на этотъ разъ явно разрозненныя.

Ни у кого во весь вечеръ не было хорошо на душѣ, если вдуматься глубже, всѣ знали, что въ послѣдній разъ видятъ вмѣстѣ...

Всѣмъ товарищамъ, всѣмъ вамъ говорю, искреннее пожеланіе—сдѣлать возможно больше добра, внести больше свѣта въ тьму провинціи,—и имѣть побольше силъ для борьбы со зломъ. Прощайте! Всѣ вы такъ никогда и не узнали меня, но—вы одинаково со мною стремились къ свѣту знанія, и всѣ одинаково

дороги мнѣ... Время насъ соединило на четыре года, оно насъ раздѣляетъ теперь, оно же и вновь соединитъ. Черезъ сто лѣтъ оно не только давно вычеркнетъ всѣхъ изъ ряда живыхъ—оно загладитъ и память о насъ. Да, интересно бы знать,—о комъ изъ насъ она останется?

И вотъ сказывается несвобода женщины. Мужчины могутъ строить широкіе планы, мечтать о будущемъ, имъ принадлежитъ политическая власть. Нынче, напр., окончилъ въ университетѣ братъ нашей Нольде и поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; ему предстоитъ блестящая будущность,—онъ очень способенъ, уменъ, имѣетъ связи. Онъ можетъ шире мечтать о своей дѣятельности, и такое самосознаніе много помогаетъ при работѣ.

Мы же—можемъ двигаться только узкими, ограниченными путями,—и вотъ почему у насъ не можетъ быть такого широкаго политическаго горизонта мышленія: у насъ нѣтъ дороги къ власти, мы все-таки въ концѣ-концовъ—рабы.

Мы—существа безъ правъ, безъ широкой перспективы наши пути,—какъ покорно введенныя въ хомутъ лошади должны плестись по узкой колеѣ...

Не такъ еще обидно быть женщиной въ Россіи, при монархическомъ неограниченномъ правленіи. При парламентскомъ строѣ, я чувствовала бы просто кровное оскорбленіе, неизлѣчимуую душевную рану отъ сознанія невозможности дѣйствовать на пользу страны—только потому, что родилась женщиной.

Будь я свободна—у меня могли бы создаваться иные планы относительно педагогической дѣятельности; я знаю, что я выдвинулась бы изъ среды педагоговъ—кончи я курсъ студентомъ, а не курсисткой. А теперь самое большее, на что я могу надѣяться—это сдѣлаться начальницей гимназіи—и только. Вліять на жизнь глубже, сильнѣе—переработкою всего учебнаго строя, его главнаго основанія—мы не можемъ, такъ какъ насъ никогда не назначаютъ членомъ совѣта какихъ-нибудь комиссій для пересмотра программъ, и мы принуждены вѣчно изворачиваться, какъ бѣлки въ колесѣ, чтобы въ отведенныхъ намъ узкихъ рамкахъ дѣятельности—сдѣлать нѣчто такое, что исправляло бы основные недостатки системы. Сколько уже тратится силъ на устраненіе этихъ недостатковъ, но непроизводительно, а почему?—Потому что господа мужчины считаютъ себя непогрѣшимыми авторитетами въ области мысли, и благодаря ихъ косности, ихъ невѣжеству, ихъ рутинности—у насъ вся учебная система ни къ чорту не годится, наше просвѣщеніе движется еле-еле, точно арба

какая съ отчаяннымъ нестройнымъ скрипомъ немазанныхъ колесъ, и люди въ ужасѣ отъ этого скрипа затыкаютъ уши и жмутся, не хотятъ ни смазать колесъ ни придумать новый экипажъ.

Я увѣрена, что въ будущемъ въ Россіи роль женщины будетъ интересна: въ странѣ утвердится мысль о высшемъ женскомъ образованіи, и явится цѣлый рядъ женщинъ, способныхъ къ участию въ управленіи странюю. Что тогда придется дѣлать съ ними, если въ Россіи будетъ введена конституція? И если мы будемъ вновь унижены отнятіемъ у насъ этого драгоценнаго права,—неужели мы сдадимся безъ борьбы?

— Нѣтъ! нѣтъ, товарищи! Если мнѣ жизнь поставитъ veto на работу,—то пусть останется этотъ дневникъ и послужитъ памятникомъ моего самосознанія.

23 сентября. На адресахъ Гревсу и Карѣву вчера подписались: Левенецъ, Мерцъ, Н. Діомиди, А. Коробицына, С. Платонова, А. Шаповалова, А. Сулимъ, Е. Дьяконова, В. Васильева, Ю. Малюга, В. Докучаева, А. Вакулина, Л. Обломкова, Л. Уварова, В. Резанцева, И. Стрекалова, В. Николаева, М. Хаскина, Ел. Афанасьева, О. Чернышева, Н. Карпинская (только на адресѣ Гревсу), М. Левдикова, А. Савицкая, А. Тихонравова, Завадская, Тургенбекова, Т. Казакова, И. Уткина, О. Добіашъ, Прохорова, Котляревская, Красильникова, Н. Нилло, А. Мелентьева, Е. Матерно, О. Виноградова, З. Чернякова, Бурэ; четыре челоувѣка—Ступина, Кремлева, Киселева и Исаева—не подписались, такъ какъ часто бываютъ на курсахъ. Значитъ на вечерѣ было 42 челоувѣка.

Никто не возразилъ противъ проекта адреса Карѣву, и онъ былъ принятъ молчаливымъ согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, при чемъ привычка Д—ашъ первенствовать дошла до смѣшного: когда всѣхъ присутствовавшихъ надо было ознакомить съ моимъ проектомъ этого адреса и вообще сообщить о предполагаемомъ внѣшнемъ видѣ адресовъ—она, съ моихъ словъ, развязно начала сообщать присутствовавшимъ объ этомъ, хотя сама хорошо ничего не знала, и только подъ конецъ просила меня объяснить подробнѣе. А проектъ адреса она просто взяла у меня, говоря, что сама прочтетъ его:—«Мнѣ сдѣлать это будетъ удобнѣе, нежели вамъ». Я только усмѣхнулась и плечами пожала—до какихъ мелочей можетъ дойти честолюбивый челоувѣкъ! Она сама не понимала, какъ это было смѣшно съ ея стороны читать то, что не она писала, не будучи никѣмъ уполномоченной брать у меня безцеремонно мое же созданіе...

Адресъ Гревсу до сихъ поръ еще не составленъ, несмотря на то, что давно бы надо сдѣлать это. Въ сравненіи съ ученымъ словомъ Д—ашъ—адресъ Карѣву написанъ такъ ясно, просто и кратко, что не только никто ничего не возражаетъ, но даже мнѣ самой иногда кажется, не черезчуръ ли это просто,—не лучше ли было бы написать иначе, болѣе изящно? Адресы эти стали моимъ дѣтищемъ... Я не могу довѣрить никому переговоровъ съ Шнейдеръ. Третьяго дня Ки—ва ходила вмѣсто меня, но она такъ грубо не поняла идей художницы, что передала все въ извращенномъ видѣ, и мнѣ стоило не малаго труда среди этой путаницы понять истинныя мысли художницы.

27 сентября. Заказала сегодня дипломъ, по счету 59; 22 (съ математичками)—кончили весной, 37, значить,—осенью. А всѣхъ насъ было принято на первый курсъ—150 человѣкъ историческаго отд. и 50 математичекъ. Допустимъ, что ушло 40 человѣкъ, все-таки осталось—160. Гдѣ же остальные 100? Исключены, ушли послѣ этой исторіи.

28 сентября. Надо спѣшить приведеніемъ въ исполненіе плановъ, надъ которыми я давно думала...

Сперва я рѣшила поѣхать въ деревню, заниматься физическимъ трудомъ, изучать народную жизнь, заниматься съ крестьянскими ребятами, отдохнуть—и такъ жить до весны, а потомъ уѣхать за границу. Приведеніе въ исполненіе этого плана затрудняется только тѣмъ, что у меня нѣтъ ни одного знакомаго помѣщика, не къ кому ѣхать въ имѣніе, а забраться въ глухую деревню и жить по-крестьянски, да еще учить дѣтей безъ надлежащихъ «разрѣшеній»—это значитъ навѣрняка подвергнуть себя надзору бдительной ярославской полиціи.

Другой планъ—дѣлать попытки проникнуть на поприще юридическое. Подать прошеніе на Высочайшее имя Государынѣ Александрѣ Феодоровнѣ о разрѣшеніи сдавать экзамены параллельно со студентами-юристами.—Этотъ планъ, разумѣется, не столько практической, сколько теоретической: мнѣ не разрѣшать никогда быть адвокатомъ, но къ небольшому ряду женщинъ, добивавшихся этого права—пусть прибавится еще одно имя. Надо быть хоть застрѣльщикомъ, если судьбою не суждено принять участіе въ настоящемъ сраженіи. При этомъ нельзя забывать, что уже 30 лѣтъ назадъ три женщины добивались высшаго сельско-хозяйственнаго образованія. Имъ было отказано. Черезъ 30 лѣтъ вопросъ не только поднять, онъ уже рѣшенъ въ утверди-

тельномъ смыслѣ, и скоро возникнетъ сельско-хозяйственный институтъ. Такъ и здѣсь. Отчего же не проложить женщинѣ новый путь?»

Или: ѣхать за границу теперь же, на осенній семестръ—запасшись, конечно, рекомендательными письмами профессоровъ. Затрудненіе только одно—денежное, такъ какъ я ничего не хочу просить у матери.

Или: остаться здѣсь, практиковаться въ школахъ и продолжать занятія по русской исторіи у Лаппо-Данилевскаго. Это—самый простой, не представляющій никакихъ затрудненій планъ; практически даже очень полезный, такъ какъ даетъ мнѣ возможность приобрести необходимый педагогическій навыкъ. И на этотъ разъ препятствіемъ является только моя личная воля.

Я всегда говорила, что для меня по окончаніи курса не такъ будетъ важенъ вопросъ «что дѣлать», а «какъ дѣлать», такъ какъ я уже при поступленіи рѣшила быть народной учительницей. Теперь же оказывается не то: мои воззрѣнія на религію дѣлаютъ для меня невозможнымъ не только поступленіе на казенное мѣсто, но и открытіе собственной школы въ селѣ, гдѣ такъ близко приходится сталкиваться съ «батюшкой», и чуть ли не быть подъ его надзоромъ!

Вотъ и еще планъ: открыть частную гимназію въ Ярославлѣ, съ солидною программой и съ педагогическимъ персоналомъ исключительно изъ курсистокъ. Такая гимназія необходима, такъ какъ у насъ всюду раздаются жалобы на недостатокъ вакансій въ обѣихъ гимназіяхъ, конкурсъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Дѣло только въ деньгахъ... А было бы хорошо, очень хорошо.

Словомъ, я въ концѣ-концовъ очутилась въ затруднительномъ положеніи. Изобрѣтательный умъ создаетъ одинъ планъ за другимъ,—точно утѣшить хочетъ за то, что по окончаніи курсовъ все-таки являешься не вполне свободнымъ человѣкомъ.

12 октября. На-дняхъ, въ пріемный день, я отправилась къ министру юстиціи, какъ къ высшей инстанціи для выясненія вопроса, хотя и знала заранѣе, что мнѣ будетъ навѣрное отказано.

Никогда въ жизни я не бывала ни въ какомъ министерствѣ. Поднимаясь по лѣстницѣ большого дома министерства юстиціи на углу Екатерининской улицы, я ясно ощущала ту атмосферу казенщины, казарменности, которую мужчины съ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ вводятъ всюду, гдѣ только простирается ихъ власть. Поднявшись во второй этажъ, на длинной площадкѣ

я замѣтила, какъ одна изъ дверей была отворена, и изъ нея входили и выходили одѣтые въ полную форму чиновники... — Гдѣ пріемная? Мнѣ сказали—здѣсь, и я прошла въ эту же дверь. Высокая комната въ одно окно была полна народомъ. Въ слѣдующей большой комнатѣ было нѣсколько дамъ смиреннаго, запуганнаго вида съ прошеніями въ рукахъ; всѣ онѣ были немолоды, инныя стары. За столомъ сидѣлъ молодой человекъ и записывалъ фамиліи. Пришлось сказать ему свою. Нѣсколько мужчинъ сидѣло у стѣны на стульяхъ, другіе ходили по комнатѣ и разговаривали. Я встала у дверей. Ни одинъ изъ сидѣвшихъ не тронулся предложить мнѣ свой стулъ. Очевидно, здѣсь, въ присутственномъ мѣстѣ, эти господа забывали свою пресловутую «вѣжливость къ дамамъ» и, видя въ нихъ только смиренныхъ просительницъ, не стѣснялись. Среди сидѣвшихъ въ мундирахъ я замѣтила одного молодого, миловиднаго брюнета во фракѣ и почему-то подумала, что, навѣрно, онъ умѣетъ ухаживать за барышнями, а вотъ здѣсь, небось,—сидитъ и не уступить мѣста.

Я съ любопытствомъ наблюдала. Мундиръ, некрасивый, одного покроя, придавалъ всѣмъ чиновникамъ какой-то однообразный, казенный видъ: это были точно ходячія присутственные мѣста. У всѣхъ плечи спускались почти подъ прямымъ угломъ, у всѣхъ мундиръ сидѣлъ безукоризненно, какъ на манекенѣ, и шпага сзади чинно вытягивалась. Полная невѣжда въ чинахъ и знакахъ звѣздочекъ на погонахъ, я и не знала, конечно, кто именно представлялся министру.

Высокая комната съ сѣрыми обоями, казарменная мебель вдоль стѣнъ, сѣрый свѣтъ петербургскаго осенняго дня и эти казарменнаго вида люди—все это вмѣстѣ взятое производило угнетающее впечатлѣніе. Передо мной вдругъ раскрылась незнакомая доселѣ страничка жизни—чиновничество и какъ свѣжему человеку—показалась невыносимой. Я съ гордостью сознавала, что происхожу отъ людей независимыхъ, что и братья мои, по своимъ склонностямъ, не годятся въ чиновники, и ближайшіе родственники—тоже не имѣютъ въ средѣ своей чиновниковъ.

У дверей къ министру стояли вытянувшись два курьера съ медалями. Одинъ изъ чиновниковъ бѣгалъ съ какою-то запиской, суетился и наконецъ подлетѣлъ ко мнѣ.—«Вамъ что угодно? подать прошеніе?»—Нѣтъ,—отвѣчала я.—«Въ такомъ случаѣ, о чемъ же вамъ нужно просить министра?» Мнѣ не хотѣлось говорить этому господину о своемъ личномъ дѣлѣ, но видѣла, что иначе нельзя.—Мнѣ нужно знать, позволено ли будетъ сдавать въ Россіи государственный экзаменъ по юридическимъ нау-

камь. — «Въ такомъ случаѣ вамъ лучше обратиться въ министерство народнаго просвѣщенія». — Нѣтъ, кромѣ того, мнѣ важно знать, возможна ли будетъ какая-либо практика,—возразила я. Чиновникъ молча улетѣлъ къ слѣдующей дамѣ.

Дверь отворялась и затворялась, въ нее входили разные люди, но толпа судейскихъ все ждала. Вдругъ бѣгающій чиновникъ съ бумагой опять подлетѣлъ къ мужчинамъ и началъ ихъ выстраивать полукругомъ. Мнѣ было смѣшно и странно видѣть этихъ взрослыхъ бородатыхъ мужчинъ, которыхъ устанавливали, какъ школьниковъ, и вытягивали полукругъ ровнѣе, а они—повиновались, какъ автоматы. Наконецъ, выстроились. Дамы же остались сидѣть (я уже перешла къ нимъ въ большую комнату). Все затихло. И отъ этой тишины у меня невольно замерло сердце. Мнѣ было смѣшно.

— Вотъ оно,—вотъ эта игра съ психикой человѣка; какъ это все дѣйствуетъ даже на человѣка независимаго, философски настроеннаго; что же говорить объ этихъ бѣдныхъ просительницахъ, объ этихъ несчастныхъ чиновникахъ? Это такъ дѣйствуетъ, развиваетъ такое благоговѣнне къ власти, что человѣкъ гораздо легче ей подчиняется, а власти только того и нужно. Она импонируетъ, она господствуетъ.

Вдругъ двери распахнулись, и быстрою походкой вышла Н. В. Муравьевъ въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ. Онъ началъ обходить съ ближайшаго молодого человѣка; задалъ ему вопросъ; я услышала слово «слѣдователь», вопросъ: «какого участка?»—затѣмъ видѣла короткій поклонъ министра, и молодой человѣкъ съ поклономъ удалился. Такъ было и съ слѣдующими. Походка министра, при высокой, видной фигурѣ, его властная манера говорить, короткіе, быстрые вопросы—все такъ и говорило, до какой степени онъ проникся сознаниемъ своей власти, до какой степени отождествлялъ себя съ нею. И двѣ фигуры сопровождавшихъ его чиновниковъ, подобострастно наклоненныя впередъ, точно ловившія каждое его слово, и съ записками въ рукахъ, и этотъ безмолвный полукругъ чиновниковъ, вытянутыхъ въ струнку, и эти бѣдныя просительницы—были для него вполне соответствующей декорацией... Шла власть неумолимая, твердая и старалась окружить себя подходящими атрибутами.

— Откажетъ!—думала я,—нечего и спрашивать!—Но уходить было невозможно. Министръ все приближался къ концу полукруга, гдѣ стояла я. Вотъ онъ подошелъ къ молодому человѣку во фракѣ, совсѣмъ близко отъ меня, и отрывки разговора можно

слышать ясно. — «Я явился сказать вашему высокопревосходительству, что все заявленное обо мнѣ... ложь»... — тихимъ взволнованнымъ голосомъ заговорилъ проситель. Министръ не далъ ему продолжать: — «Позвольте... вы уже на второмъ мѣстѣ... и о васъ я снова слышу жалобы... вы ни съ кѣмъ не можете ужиться». Молодой человѣкъ перебиваетъ, возражая что-то, я не могу разобрать его словъ... но рука властно поднимается: — «Позвольте!... итакъ, я не могу принять васъ болѣе на службу по министерству юстиціи; а пособія въ видѣ выдачи годового оклада жалованья—нигдѣ и никогда не выдается при такихъ случаяхъ». Короткій поклонъ, и молодой человѣкъ проходитъ мимо меня, лицо его спокойно, но—почемъ знать?—какую бурю унесъ онъ въ душѣ? каково чувствовалъ онъ себя послѣ двойного отказа: не выслушали его оправданія и не дали денегъ? Очевидно, и то и другое было для него не существенно важно. Но я вспоминаю, какъ этотъ же самый субъектъ сидѣлъ передо мною, и чувствую вдругъ нѣкоторое удовлетвореніе, что одинъ изъ этихъ имѣющихъ преимущества передъ женщинами и такъ явно ихъ здѣсь высказывавшій — сверженъ, лишень части своихъ правъ и уходитъ побѣжденнымъ. Виноватъ ли онъ или нѣтъ,—трудно сказать; его миндальная физиономія не внушаетъ довѣрія, министръ же судилъ такимъ трономъ, какъ будто бы самъ онъ—непогрѣшимъ.

— Стоящая со мной дама просила его о помилованіи, и онъ тотчасъ же отпустилъ ее и обратился ко мнѣ. Нѣсколько путаясь отъ желанія высказать какъ можно короче—я спросила его о юридическомъ образованіи женщины, и возможно ли примѣнить свои познанія къ дѣлу.—«На это я могу вамъ отвѣтить справкой изъ закона, по которому женщинамъ запрещается заниматься адвокатурой. Кромѣ того, этотъ вопросъ разсматривался въ комиссіи и былъ рѣшенъ отрицательно». Я сочла нужнымъ объяснить ему, что спрашиваю потому, что осенній семестръ начинается заграницей, и тратитъ даромъ время на изученіе юридическихъ наукъ мнѣ бы не хотѣлось.—«Вотъ, можете сами справиться въ законѣ. Во всякомъ случаѣ я бы вамъ не совѣтовала»,—закончилъ разговоръ министръ, направляясь къ другой дамѣ. Я поклонилась и вышла.

На душѣ было смутно, скверно и тяжело отъ сознанія своей зависимости, своего рабства... «Запретили»... Мужчинамъ легко рѣшить этотъ вопросъ. Но отчего запретили?—Потому что мы—женщины?—и въ эту минуту я готова была ненавидѣть свою любовь къ родинѣ, удерживающую меня здѣсь. Она одна мѣ-

шаетъ мнѣ перемѣнить подданство, уѣхать въ ту страну, гдѣ женщина наиболѣе свободна.

Мнѣ вспомнились образованные крѣпостные. Не въ такомъ ли положеніи отчасти находимся и мы? Не даромъ же намъ не даютъ изучать права.

12 ноября. Вчера вечеромъ скончался М. Н. Капустинъ. Я была сегодня на панихидѣ... Лицо покойнаго нисколько не измѣнилось. Вотъ онъ лежитъ спокойный, неподвижный,— и та рука, которая подписала разъ рѣшеніе на моемъ прошеніи о поступленіи на курсы,—уже не шевельнется болѣе. Съ какимъ-то невыразимо-глубокимъ чувствомъ смотрѣла я на лицо умершаго; мнѣ вспоминалось близкое прошлое, всего за четыре года назадъ, вспомнился мой разговоръ съ нимъ,—и все тяжелое время передъ поступленіемъ на курсы. Чувство благодарности живо въ моей душѣ, хотя и сознаю, что Капустинъ, въ сущности, обязанъ былъ принять меня на курсы, и онъ сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать; но его два письма къ матери, его старанія добиться ея согласія—все это глубоко тронуло меня, и я никогда, въ жизни не забуду свѣтлый, благородный образъ дѣйствія Капустина.

Согласно послѣдней волѣ покойнаго, на гробъ не возлагается вѣнковъ, но они все-таки есть и сложены сбоку, у стѣны; среди нихъ и отъ университета, и «отъ профессоровъ, администраціи и слушательницъ В. Ж. Курсовъ».

У меня всегда было желаніе имѣть его фотографическую карточку съ автографомъ; но этому желанію, какъ и многимъ моимъ сильнымъ желаніямъ, не суждено было осуществиться. Два года назадъ, на актѣ, я лично просила Капустина дать свою карточку—онъ любезно согласился и потомъ, конечно, забылъ. Теперь приобрѣту сама его портретъ и поставлю на свой письменный столъ.

10-го, вечеромъ, въ Псковѣ я гуляла съ Л—тинымъ и рассказывала ему свое поступленіе на курсы. Я никогда и ни съ кѣмъ не говорила объ этомъ—и вся взволновалась, и тяжело было мнѣ вновь коснуться душевной раны; и оказывается, въ это время М. Н. уже умиралъ... И всегда у меня было какое-то предчувствіе, что съ окончаніемъ курсовъ—кончится и жизнь того, съ кѣмъ связано такъ тѣсно мое поступленіе на нихъ...

Спокойствіе смерти... Хорошо оно, когда человѣкъ умеръ, проживъ жизнь не даромъ... Капустинъ... не знаю о немъ, какъ объ администраторѣ, но для нашихъ курсовъ онъ сдѣлалъ много.

Сколько курсистокъ обязаны ему своимъ приѣмомъ сверхъ комплекта! при немъ число слушательницъ дошло до 900 слышомъ—немного не хватало до прежней цифры.

Онъ умеръ; но что жъ? Вѣдь мое благодарное чувство къ нему умереть со мною. Это своего рода молитва... Поклоняся гробу—я перекрестилась... зачѣмъ?

14 ноября. Завтра надо пойти на выносъ.

Смерть вызываетъ на размышленія о безсмертіи души. Если оно есть, то представленіе о загробной жизни у насъ, интеллигенціи, должно складываться сообразно нашему умственному и нравственному развитію. Вѣдь такъ же, сообразно своей культурѣ, складывали представленіе о раѣ народы всѣхъ временъ. Я представляю себѣ загробную жизнь какъ высшее, непрерывное удовлетвореніе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ стремленій, близость того идеала, который мы называемъ словомъ «безсмертіе», а вѣрующіе—Богомъ; глубокая гармонія духа, происходящая отъ внутренней удовлетворенности, вѣчная любовь, преображеніе душъ, совершающееся подъ вліяніемъ этой любви, дѣлаетъ для людей доступнымъ тотъ идеаль братства и равенства, который недостижимъ здѣсь на землѣ. И эта божественная гармонія, эта дивная музыка души, единеніе всѣхъ людей, возвысившихся, облагороженныхъ, чуждыхъ всей грязи, которая остается на землѣ вмѣстѣ съ оболочкой тѣла,—вотъ такое представленіе о блаженствѣ должно бы создаться у насъ. Это вѣдь своего рода религія...

Прочла какъ-то въ воспоминаніяхъ Пассекъ, что Герценъ въ дѣтствѣ былъ очень религіозенъ, и съ утратою дѣтской вѣры—онъ обратилъ всю свою энергію, всю любовь своей души, всѣ ея силы на служеніе человѣчеству. Я, конечно, далека отъ мысли сравнивать себя съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, но сущность-то души часто бываетъ сходна у людей. Не я одна была религіозна—и потомъ отказывалась отъ прежней вѣры, и не я одна обращала свои духовныя силы на мысли объ общемъ благѣ. Натуры не религіозныя въ дѣтствѣ, холодныя, спокойныя—не могутъ понять этого переворота. И вотъ я чувствую, какъ мои душевныя силы незамѣтно обращаются на работу для идеи. Справедливость—вотъ моя религія, вѣра въ прогрессъ—вотъ моя вѣра...

Я не могу жить, какъ живетъ Ч., съ яснымъ сознаніемъ неспособности отвѣтить на вопросъ о причинѣ своего существованія и все-таки жить,—нѣтъ, не могу, не могу! У меня долженъ

быть свой идеаль, своя вѣра. Въ этомъ и сказалась религіозность моей натуры. Что жъ! я отъ этого не отрекаюсь...

Первымъ шагомъ къ осуществленію своихъ мыслей—была моя статья, которую я написала ровно двѣ недѣли тому назадъ, о женскомъ образованіи, гдѣ я разбираю вопросъ о средней женской школѣ. Теперь какъ разъ своевременно поднять его,—идутъ толки о реформѣ средней мужской школы, а о женской никто ничего не пишетъ. Вотъ я и написала эту статью въ силу неудержимаго внутренняго стремленія — изложить свои мысли, поднять вопросъ существенный, важный, необходимый. Что выйдетъ изъ этого—не знаю, но мой нравственный долгъ обязываетъ сказать то, что я считаю нужнымъ сказать. Эту статью прочли Ч. и педагогъ Н. Ѳ. Арепьевъ, сказавъ оба, что годится для печати, послѣдній же посовѣтовалъ направить ее въ «Женское Дѣло». Я сегодня была въ редакціи, передала ее А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, и она обѣщала помѣстить въ декабрѣ или январѣ. А впрочемъ, вдругъ не напечатаютъ? *)

17 ноября. Я получила изъ Ярославля 100 руб. и внесла ихъ какъ пожизненный взносъ въ Общество для доставленія средствъ курсамъ. Мнѣ такъ хотѣлось ко дню акта быть уже въ числѣ членовъ, что прямо съ почты съ деньгами я отправилась въ канцелярію, внесла ихъ директору и получила квитанцію.

21 ноября. На курсахъ—большое торжество: открытіе новаго зданія, въ которомъ помѣщаются: актовъ залъ на 1.000 человекъ, бібліотека, большая аудиторія на 600 человекъ, двѣ поменьше, профессорская и инспекторская. Домъ еще не былъ вполне готовъ, но залъ съ прилегающими къ нему инспекторской и профессорской были отдѣланы и обставлены вполне, большая аудиторія—также.

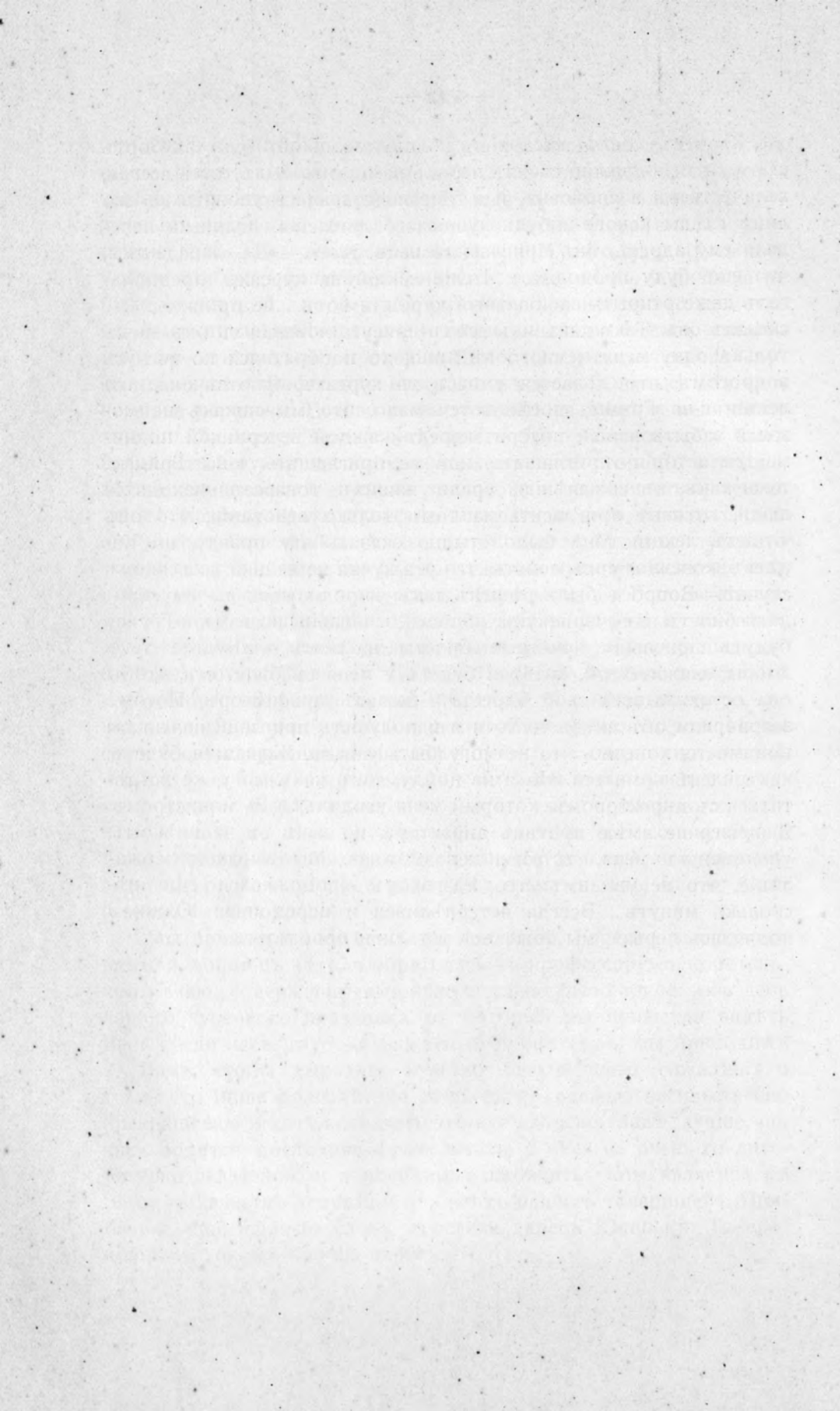
Сегодня же была назначена отправка депутацій къ Гревсу и Карѣеву. Къ Гревсу, какъ водится, ѣхали всѣ депутатки — отъ каждаго курса по одной представительницѣ, къ Карѣеву же отправили четырехъ не назначенныхъ депутатокъ, въ числѣ которыхъ была я. Сборъ былъ назначенъ въ комнатѣ одной изъ насъ къ 12 часамъ. Я пришла раньше,—вынула адреса и все приготовила къ отправкѣ. Вскорѣ одна депутація уже уѣхала, къ Карѣеву же нечего было спѣшить, такъ какъ онъ живетъ на той же Линіи, гдѣ и курсы.

*) См. жур. «Женское Дѣло», дек. 1899 г.: «Женское образованіе», Е. Дьяконовой.

Юлинька М. принарядилась и, по обыкновению, болтала безъ конца. Изящная, тонкая и высокая Д. вполне подходила въ качествѣ депутатки, и К. тоже. Я одѣлась въ темное платье съ кружевнымъ шарфомъ на шеѣ,—должно быть, было вполне корректно, такъ какъ заслужила замѣчаніе Д., что изъ всѣхъ ихъ у меня наиболѣе депутатскій видъ. А между тѣмъ, я никогда не была депутаткой... но смутное чувство увѣренности, что я смогла бы быть представительницей и защитницей интересовъ товарищей, не оставляло меня. Рѣшено было, что я скажу сначала нѣсколько словъ профессору и передамъ адресъ Юлинькѣ для прочтенія и передачи. Нельзя сказать, чтобы на душѣ у меня было хорошо. За адресъ Гревсу мнѣ нечего было бояться—онъ былъ исполненъ безукоризненно съ художественной стороны, и текстъ, хотя и длинноватый, дышалъ теплотою и искренностью; текстъ адреса Карѣеву былъ написанъ мною, и я ясно сознавала всѣ его недостатки: «Николай Ивановичъ! Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія узнали мы, что Вы принуждены прекратить чтеніе лекцій въ университетѣ и на курсахъ. Мы теряемъ въ Васъ не только профессора, выдающагося представителя науки, но и человѣка, въ которомъ всегда находили сочувственный откликъ наши нравственные и матеріальныя нужды. Примите, глубокоуважаемый профессоръ, выраженіе нашей искренней признательности за все сдѣланное Вами для русской науки и учащейся молодежи». Написано было сдержанно, ясно, кратко и, въ сущности, вполне честно, безъ всякаго преувеличенія выражая наши чувства по поводу потери Карѣева, но... пожалуй, уже черезчуръ кратко. Кромѣ того, не было подчеркнуто значеніе его сочиненій, не было сказано, что они навсегда останутся для насъ источникомъ знанія и проч.,—это все надо было бы сказать, да не было сказано.

Мы пришли и раздѣлись въ прихожей. Карѣевъ вышелъ къ намъ и, войдя въ залъ, я обратилась къ профессору съ коротенькой рѣчью; содержаніе ея приблизительно было такое: «Въ день нашего курсового праздника, въ который мы привыкли видѣть Васъ среди насъ, глубокоуважаемый профессоръ, мы приходимъ къ Вамъ, чтобы выразить чувство безконечнаго сожалѣнія о томъ, что Ваша долготѣнная связь съ молодежью насильственно прекращена». Я хотѣла сказать это какъ можно глаже, лучше, но, какъ водится, послѣдняя фраза вышла у меня не очень-то литературно сказанной, и я поспѣшила окончить: «Мы являемся къ Вамъ въ качествѣ депутаціи отъ всѣхъ нашихъ товарищей». Прибавивъ еще какія-то слова, передала адресъ Юлинькѣ. Та спокойнымъ тономъ прочла адресъ.

Карѣвъ, слегка наклонивъ голову, заложивъ руку за бортъ сюртука, неподвижно стоялъ передъ нами; онъ былъ, какъ всегда, величественъ и спокоенъ, и я тщетно старалась уловить на его лицѣ слѣды какого-нибудь душевнаго движенія. Юлинька передала ему адресъ, онъ пригласилъ насъ съестъ.—«Да, я надѣялся, что еще буду продолжать чтеніе лекцій на курсахъ, предполагалъ даже открыть спеціальный курсъ, и вотъ... не пришлось».—сказалъ онъ. Такъ какъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ онъ зналъ только одну меня немного въ лицо, то и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что дѣлается у насъ на курсахъ. Я отвѣчала, что лекціи г-на Гримма посѣщаются мало, что мы никакъ не можемъ забыть нашей потери; передъ каждой вечеринкой поднимается исторія—приглашать или не приглашать г-на Гримма, такъ какъ, къ сожалѣнію, среди нашихъ товарокъ находятся люди, готовые пригласить на томъ только основаніи, что онъ читаетъ лекціи. Мнѣ было стыдно сказать эту правду, но Карѣвъ, конечно, могъ понять, что эта кучка не велика во всякомъ случаѣ.—Вопросъ былъ рѣшенъ такъ,—продолжала я:—ему продали билетъ на вечеринку на общемъ основаніи; но вамъ и Гревсу будутъ присланы почетные билеты на домъ.—«Будьте такъ добры, скажите той, которая будетъ у меня съ билетомъ, чтобы она оставила мнѣ свой адресъ»,—сказалъ профессоръ. Потомъ заговорили объ актѣ...—«Хотя я и получилъ приглашеніе, но вы понимаете, конечно, что не могу быть у васъ. Жена моя будетъ, какъ членъ комитета. Но я не пойду, такъ какъ могу же встрѣтиться съ директоромъ, который меня уволилъ, и съ министромъ. Я ничего не имѣю противъ директора, но какъ съ человѣкомъ, уволившимъ меня,—встрѣча невозможна». Мы выразили сожалѣніе, что не увидимъ его. Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ... Всегда нетерпѣливая и церемонная Юлинька поднялась первая, мы тоже всѣ встали и простились.

ДНЕВНИКЪ
РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ.
1900—1902 г. Парижъ.

Не вѣрятъ въ мѣръ многіе любви
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но эта страсть сильнѣйшая!—Любить
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

Такъ лишъ въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

Лермонтовъ.

... les pensées humaines sont conduites non par la
force de la raison, mais par la violence du sentiment.

Anatole France *).

*) Эпиграфъ самого автора.

ДНЕВНИКЪ

ВЪ СЪЮЗНО-ЖЕНЩИНЫ

1900-1902 г. Годы

Въ началѣ года мною было
введено въ жизнь нѣсколь-
ко нововведеній въ отно-
шеніи работы, а именно:
1. въ виду недостатка
денегъ на содержаніе
хозяйства, я приняла
рѣшеніе продать часть
земли, принадлежавшей
мнѣ.

Такимъ образомъ, въ началѣ
года мною было
принято нѣсколько
рѣшеній.

Въ теченіе года мною
было совершено нѣсколь-
ко дѣлъ, а именно:
1. продажа части
земли.

1899 г.

1900 годъ.

Парижъ, 1 декабря. Я дошла до такого состоянія, что уже не сплю большую часть ночи, вся вздрагиваю при каждомъ шорохѣ, засыпаю только подъ утро...

Холодно... Сквозь окна едва пробивается тусклый свѣтъ сѣраго дня... Грязные обои, маленькій столикъ вдоль стѣны, кровать, занавѣска для платьевъ, небольшая печка въ углу, стуль, умывальникъ—вся эта обстановка на пространствѣ трехъ аршинъ въ квадратѣ—вотъ моя комнатка, — cabinet, какъ по-здѣшнему называютъ... Свѣта мало, воздуха тоже, зато самая дешевая во всемъ нашемъ маленькомъ пансіонѣ...

Хозяйка—швейцарка родомъ—предобрая, утѣшаетъ меня:

— Vous êtes souffrante, mademoiselle? Vous avez mal à la tête? Mais qu'est ce que cela fait! Ça passera...

Къ несчастью—не проходитъ, а все усиливается. И однако, у меня нѣтъ никакой физической болѣзни—такъ что нечего рассчитывать ни на избавленіе смертью, ни на то, что ея опасность вызоветъ реакцію, борьбу организма. Я совершенно здорова и въ то же время непригодна ни къ чему... хуже всякой больной. Дѣлаю все какъ-то машинально... И бумаги переписывала, и прошеніе подавала о приѣмѣ на юридическій факультетъ... А выйдетъ ли толкъ какой-нибудь изъ этого, разъ я не въ состояніи работать?

6 декабря. Кажется, опять начинается со мной старая исторія. Опять это ужасное состояніе. Оно подкрадывается такъ тихо, такъ незамѣтно, будто ядовитая змѣя... А я уже чувствую ея жало.

Точно обручъ какой сжимаетъ голову, сначала слегка, потомъ сильнѣе и сильнѣе... Ничего не хочется дѣлать, читать, работать—силъ нѣтъ, умственныхъ силъ... Эта проклятая головная боль уничтожаетъ ихъ. И отъ сознанія своего безсилія, своей неспособности къ работѣ—отчаяніе, ужасъ. Душа вся болитъ, въ ней нѣтъ живого мѣста—и тоска безграничная, отчаяніе страшное охватываетъ ее...

Чего-чего я ни дѣлала, чтобы вылѣчиться! Ко сколькимъ знаменитостямъ обращалась въ Петербургѣ... Намъ, учащимся, это ничего не стоило. Придешь—знаменитость слегка выслушаетъ, потомъ промычитъ: «мм... отдохните»... сунетъ рецептъ, съ достоинствомъ отклонитъ деньги!.. Я заказывала лѣкарства, ѣздила на отдыхъ, на морскія купанья; пока лѣчишься—какъ будто бы и ничего... новыя мѣста, впечатлѣнія—развлекаютъ... Но потомъ—опять, опять то же. То слабѣе, то сильнѣе,—смотря по обстоятельствамъ.

Когда кончила курсы, думала—годъ отдохну, брошу книги, занятія—авось, оправлюсь. Пока перемѣна мѣста и впечатлѣній—мнѣ легче. Возвращаешься къ старымъ мѣстамъ, къ старымъ воспоминаніямъ и дѣламъ семейнымъ—опять хуже... Но вѣдь нельзя же всю жизнь путешествовать?! Особенно больно и плохо дѣлается мнѣ, когда вспоминаю о Валѣ, объ ея бракѣ... Вотъ уже тогда поистинѣ можно сказать: вы, воспоминанья,—не мучьте меня!

Они меня именно мучатъ...

Страшное сознаніе своей вины вновь встаетъ передъ совѣстью, тяжелый обручъ сжимаетъ голову еще больше, я безъ силъ падаю на постель.

До чего тяжело, до чего тяжело все это!

8 декабря. Сегодня получила письмо отъ Вали.

По обыкновенію грустное, точно придавленное чѣмъ-то. Въ каждой строчкѣ—такъ и кажется—смотреть ея печальные глубокіе глаза, изъ-за писанныхъ словъ слышится ея голосъ: «за что загубили меня». Не переписываться съ ней нельзя. Ей безъ того тяжело живется.

А каждое ея такое письмо—точно раскаленнымъ желѣзомъ проводить по незажившей ранѣ. Я заслужила, заслужила эти страданія.

Но, нѣтъ. Я не такъ виновата, вѣдь я была такъ молода, всего на два года старше—и не могла лучше ея понять послѣдствія. Мы одинаково росли, одинаково мало знали жизнь и людей. Нѣтъ, эти упреки совѣсти слишкомъ мало заслужены.

11 декабря. Я совсѣмъ больна. Сегодня утромъ голова такъ закружилась, что чуть не упала.

Придется, видно, обратиться къ доктору...

Есть у меня здѣсь одна знакомая женщина-врачъ Бабишева, приѣхала сюда съ дочерью. Добрѣйшая дама, курить папиросы

и по-дворянски нерасчетливо тратить деньги. Уже заняла у меня 20 франковъ до перваго числа. Дочь—студентка медицинскаго факультета, тонкое, хрупкое существо, вся поглощенная медициной. Она только-что перевелась изъ Ліона на первый курсъ. Спрашивала ее—къ кому обратиться,—она ничего и никого еще не знаетъ; цѣлыми днями сидитъ надъ книгами—къ экзамену готовится. Мать ея—специалистка по женскимъ болѣзнямъ—тоже ничего не знаетъ.

Дочь посовѣтовала справиться въ Ecole de Médecine. Пойду завтра. Совсѣмъ измучилась.

12 декабря. Пошла въ эту École de Médecine. Спросила консьержа—гдѣ консультація по нервнымъ болѣзнямъ?

Тотъ сказалъ—въ Сальпетріеръ, отъ 9—11, спросить клинику д-ра Raimond. Я посмотрѣла на часы,—было половина десятаго. Можно было надѣяться попасть на пріемъ.

Стояло холодное, сѣрое утро. Парижане не шли, а бѣжали по улицамъ, подпрыгивая на ходу, чтобы согрѣться...

Скверно здѣсь зимою: холодъ, по-моему, сильнѣе, чѣмъ у насъ, въ Россіи, потому что нѣтъ снѣгу,—подъ ногами холодный камень; въ домѣ тоже холодно... Солнца нѣтъ, тусклый, сѣрый дневной свѣтъ, сѣрые дома... При моемъ теперешнемъ настроеніи—такая погода тяжело ложится на сердце...

Консьержъ весьма обстоятельно указалъ мнѣ omnibusъ. Я сѣла на бульварѣ Сенъ-Жермень, и дорога до Сальпетріера показала мнѣ безконечной. Salpêtrière! это имя у меня по ассоціаціи идей тѣсно связано съ Шарко.

И я даже обрадовалась, увидя его статую при входѣ въ больницу...

Вотъ она, эта знаменитая больница...

За высокой каменной стѣной—точно городъ, выстроенный на свой особый ладъ: пять огромныхъ сѣрыхъ каменныхъ корпусовъ, между ними—тихія пустынные улицы...

— Гдѣ клиника доктора Raimond'a?—спросила я у служащихъ.

— Третій домъ налѣво.

Это былъ маленькій, чистенькій, одноэтажный домикъ съ двумя дверями.

Я отворила наудачу одну изъ нихъ, вошла... и... остолбенѣла.

Большая съ низкимъ потолкомъ комната была переполнена студентами и студентками. Впереди возвышалась эстрада, а на ней, небрежно развалясь въ креслѣ, сидѣлъ, очевидно, одинъ изъ

медицинскихъ боговъ, окруженный своими жрецами-ассистентами.

Передъ нимъ стоялъ стулъ, на немъ сидѣла женщина въ траурѣ и горько плакала; рядомъ съ ней стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ—очевидно, ея мужъ.

— Hein, toujours des pleurs, toujours des idées noires? — презрительно-свысока ронялъ слова профессоръ, не глядя на больную.

Несчастливая женщина молчала, опустивъ голову и тихо всхлипывая.

— Съ самой смерти сына все такъ,—отвѣтилъ за нее мужъ. И за свой почтительный отвѣтъ былъ удостоенъ:

— Hein?!

Еще вопросъ, еще отвѣтъ мужа, и опять снисходительное: «hein?».

Опросъ больной, очевидно, кончился.

Ее свели съ эстрады по лѣсенкѣ; профессоръ написалъ рецептъ и протянулъ его мужу. По ихъ уходѣ—онъ сталъ объяснять студентамъ болѣзнь, ея симптомы и слѣдствія. То, что онъ говорилъ, было, очевидно, умно, очевидно, хорошо, но, по моему, не хватало одного, и самаго главнаго: состраданія къ несчастному человѣку,—и своимъ грубымъ обращеніемъ съ больной ученый профессоръ подавалъ самый плохой примѣръ своимъ ученикамъ.

Блѣдный худенькій мальчикъ, въ сопровожденіи родителей-рабочихъ, робко взошелъ на эстраду и растерянно озирался кругомъ.

— ... Hein,—voilà qu'a-t-il?—снова раздался снисходительно-повелительный голосъ знаменитости, которая даже не шевельнулась при появленіи больного.

Сердце болѣзненно замерло и остановилось...

Такъ неужели же и мнѣ надо взойти на эту эстраду, вынести весь этотъ допросъ передъ сотнями любопытныхъ глазъ, мнѣ—и безъ того измученной жизнью—перенести еще все это униженіе своей личности, служить матеріаломъ для науки, да еще съ которыми обращаются такъ презрительно??

И эстрада показалась мнѣ эшафотомъ, а профессоръ—палачомъ.

Взойти на нее добровольно?!

Голова кружилась все сильнѣе и сильнѣе...

— Monsieur... что это...

Стоявшій рядомъ со мной студентъ, усердно записывавшій

все время лекцію въ тетради—обернулся съ недовольнымъ видомъ.

— Это демонстрація больныхъ и лекція. Идите въ приѣмную и ждите своей очереди.

— А нельзя... иначе...

— Въ клиникахъ всегда такъ дѣлается.

Онъ вовсе не былъ расположенъ давать объясненія, профессоръ читалъ, и ему надо было записывать. Всѣ стоявшіе и сидѣвшіе кругомъ тоже сосредоточенно записывали каждое слово.

Я вышла изъ залы, прошла немного впередъ и отворила дру- гую дверь.

Небольшая комната, вся заставленная скамейками, на кото- рыхъ сидѣли больные, ждавшіе своей очереди.

Маленькая худенькая женщина въ бѣломъ холщевомъ платьѣ и кокетливой черной наколкѣ съ лентами подошла ко мнѣ.

— Вы опоздали къ приѣму, номеровъ больше не выдаютъ.

Изъ сосѣдней маленькой комнатки выглянулъ молодой че- ловѣкъ въ бѣлой блузѣ.

— Когда профессоръ принимаетъ у себя на дому?

Молодой человѣкъ въ бѣломъ исчезъ въ комнаткѣ; я слы- шала, какъ онъ спросилъ кого-то, потомъ вышелъ снова и по- смотрѣлъ въ записную книжку.—«По средамъ и пятницамъ».

— А какъ зовутъ этого профессора, и какой его адресъ?— догадалась я спросить.

— Dejerine.

— Сколько платятъ ему за визитъ?

— Отъ 40 до 50 франковъ.

— Merci, monsieur.

Я опять была на дворѣ, среди этихъ огромныхъ сѣрыхъ ка- менныхъ зданій. Отчаяніе, холодное, безграничное отчаяніе охва- тило душу...

Что мнѣ оставалось дѣлать? Итти на приѣмъ и взойти на этотъ эшафотъ... Да вѣдь тутъ душа живого человѣка, все горе, все несчастье—служить матеріаломъ, вещью, съ которой не цере- монятся.

Нѣтъ, ужъ лучше пойду къ нему на домъ. А гдѣ взять 40 франковъ? Вѣдь этотъ господинъ не сказала, что съ учащихся не берутъ... значить, здѣсь другіе порядки, чѣмъ въ Петербургѣ... должно быть, здѣсь бесплатно только въ клиникахъ... Что же мнѣ дѣлать, что же мнѣ дѣлать?!

Какъ въ туманѣ, не сознавая ясно, что происходитъ кругомъ, шла я домой.

На меня наѣзжали извозчики, звонила подь самымъ ухомъ конка.

Я ничего не замѣчала, точно въ первый разъ попала на площадь Сень-Мишель.

— А, это—вы, Дьяконова! Здравствуйте и прощайте, некогда, бѣгу!

Навстрѣчу мнѣ дѣйствительно не шла, а бѣжала Корневская, единственная студентка-юристка второго курса на семь факультетѣ. Я познакомилась съ ней, когда ходила подавать прошение. Веселая, бойкая, жизнерадостная особа съ типическимъ лицомъ поповны.

— Куда вы?

— Иду Жанну Шовэнъ смотрѣть,—сегодня присягаетъ.

— Какъ, неужели сегодня?!

— Въ 12 часовъ... въ газетахъ было... ну, до свиданья—бѣгу, меня знакомые ждуть тамъ—на мосту.

Это была самая животрепещущая для меня новость. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Палатѣ Депутатовъ прошелъ законъ, предоставляющій женщинамъ право заниматься адвокатурой,—я все время жду—скоро ли будетъ присягать Жанна Шовэнъ, первая французская женщина-юристка, докторъ правъ парижскаго университета. И вдругъ—она присягаетъ сегодня! А я и не знала! И поэтому удержала Корневскую.

— Пойдите, погодите минуту, вѣдь народу будетъ навѣрно масса, есть у васъ билетъ?

— Да, одинъ знакомый адвокатъ проведетъ.

— А можно попасть безъ билета?

— Попробуйте, кажется—трудно.—Ну, до свиданья!

И Корневская исчезла въ толпѣ. Этакая эгоистка. Занимаетъ у меня деньги постоянно, а чтобы оказать услугу просто, по-товарищески пригласить пойти съ собой—этого нѣтъ.

Я вздохнула и посмотрѣла на часы. Было половина двѣнадцатаго. Въ пансіонѣ у насъ завтракъ въ двѣнадцать часовъ, хозяйка очень аккуратна и терпѣть не можетъ, когда опаздываютъ.

Но присяга Жанны Шовэнъ стоила завтрака, къ тому же и ѣсть не хотѣлось...

Я рѣшила пойти въ Palais de Justice. Публика толпилась у дверей первой палаты, гдѣ назначена была присяга. Я съ любопытствомъ осматривалась кругомъ, когда вдругъ чья-то рука ласково взяла мою. Сквозь толпу пробиравалась ко мнѣ румынка, Бильбеско, красивая блондинка историко-филологическаго факультета—по-здѣшнему *ès-lettres*.

Я познакомилась съ ней на одной изъ лекцій. Это милая, изящная дѣвушка, почти дѣвочка, всегда такъ ласково заговариваетъ со мной—видно, не прочь познакомиться поближе, да кто-то мѣшаетъ ей въ этомъ, должно быть, родители. Но всякій разъ, какъ только меня увидить,—всегда подходитъ, улыбается:

— Bonjour, mademoiselle!

— Bonjour, mademoiselle. Comment allez-vous?

— Très bien, je vous remercie. Et vous?

Это уже неизбѣжное вступленіе. И хотя на этотъ разъ я все не была расположена къ любезности, все же отвѣчала какъ всегда.

— Такъ и вы пришли посмотрѣть на присягу Жанны Шовэнъ? Мы тоже. Позвольте представить вамъ мою старшую сестру, медичку послѣдняго курса.

Высокая, стройная, красивая брюнетка, ласково улыбаясь, протянула мнѣ руку.

И вся еще подъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ больницѣ, я заговорила съ ней о своемъ состояніи, о томъ, что не могу работать, и т. д.

Я смутно чувствовала, что съ точки зрѣнія свѣтскихъ приличій поступаю, можетъ быть, не совсѣмъ тактично, рассказывая такъ, сразу о себѣ. Но какой-то инстинктъ подсказывалъ мнѣ: «говори, говори».

— Будьте покойны. Я могу вамъ это устроить. Je vais vous donner une lettre pour un interne. C'est un très bon médecin, nous étions de bons camarades. Моя сестра принесетъ вамъ письмо на лекцію.

— Съ удовольствіемъ. Приходите послѣзавтра на литературу Фагэ, амфитеатръ Декартъ, въ половинѣ второго,—сказала младшая Бильбеско.

Мнѣ хотѣлось спросить—что это такое «interne»,—какъ прилагательное—les maladies internes—напр., я понимаю; но что бы это значило, какъ существительное, въ области медицины—не понимаю. Но постѣснялась спросить. На душѣ стало немного легче. Неожиданное сочувствіе точно успокоило меня.

А Жанна Шовэнъ все не приходила.

Очевидно,—присяга не должна была состояться сегодня. Публика стала расходиться.

Вышли и мы втроемъ. На улицѣ простились. Сестрамъ Бильбеско надо было итти вправо, а мнѣ влѣво.

Охъ, какъ устала писать!

И къ чему пишу-то, интересно знать. Просто пробуждается

старая привычка. Къ тому же такъ тяжело, такъ скверно на душѣ... не хочется ничего дѣлать...

Ну, и пишешь, точно развлеченіе какое, благо бумага все терпитъ.

14 декабря. Сегодня пришла, какъ было условлено, въ Сорбонну, къ амфитеатру Декарта, въ половинѣ второго... нѣтъ Бильбеско. Она пришла только къ самому началу лекціи Фагэ и извинилась: сестра забыла дать письмо.

Я съ трудомъ сдержала слово упрека. Зачѣмъ?

А мнѣ вѣдь съ каждымъ днемъ хуже.

17 декабря. Вчера вечеромъ вернулась съ лекціи. Прохожу корридормъ, на полочкѣ для писемъ—два письма. Одно на мое имя отъ младшей Бильбеско, другое—незапечатанное на имя monsieur Lencelet, interne de médecine Hôpital de la Salpêtrière. Это и было обѣщанное рекомендательное письмо. Младшая Бильбеско сообщала мнѣ, чтобы я шла туда къ 9 часамъ утра: «vous êtes sûre de le trouver».

Я нашла, что это очень деликатно со стороны медички—не запечатать письмо—значить, можно прочесть. Впервые въ жизни пришлось мнѣ пользоваться рекомендаціей къ врачу. Что бы такое она могла написать? Интересно.

Мнѣ вспомнился анекдотъ, какъ одна барыня, ѣхавшая на воды, догадалась вскрыть рекомендательное письмо, данное ей русской знаменитостью къ заграничному собрату: «Посылаю тебѣ жирную гусыню,—ощипли ее хорошенько». Барыня благоразумно не поѣхала на воды.

А это письмо было не запечатано нарочно,—очевидно, чтобы я могла его прочесть.

И безъ всякихъ угрызений совѣсти, я вынула письмо и прочла:

Cher monsieur, je récommande à vos bons soins mademoiselle Diaconoff, qui souffre de maux de tête, de vertiges, etc.

Да, etc!... Вотъ какъ врачи опредѣляютъ такое состояніе! Коротко и ясно.

Далѣе шли какія-то сообщенія о какихъ-то книгахъ. Это уже меня не касалось, и я, не дочитавъ, вложила письмо въ конвертъ. По общему тону письма видно было, что это былъ хорошій товарищъ Бильбеско. Наконецъ-то! Пойду завтра.

18 декабря. Постаралась встать какъ можно раньше, чтобы поспѣть въ Сальпетриеръ. Это мнѣ удастся съ трудомъ: всю ночь не сплю, заснешь подъ утро и встаешь всегда поздно.

По обыкновенію остановила консьержа:

— Вы къ кому?

— Monsieur Lencelet.

— Прямо, третій корпусъ направо.

Такой же домикъ, какъ и въ клиникѣ доктора Raimond'a. Только одна дверь со стекломъ, надъ ней надпись черными буквами «parloir».

Я отворила. Въ небольшой комнатѣ сидѣла молодая женщина въ холщевомъ платьѣ, бѣломъ чепцѣ и что-то шила. «Должно быть, здѣсь сидѣлки носятъ такую форму», сообразила я, и спросила:

— Monsieur Lencelet?

Il n'est pas encore arrivé, mademoiselle. Peut-être le trouverez-vous là-bas, à la clinique du docteur Charcot.—И она указала мнѣ на домикъ направо.

Эта клиника уже наполнялась народомъ: больные и студѣнты собирались. Рыжеволосая кокетливая сидѣлка, играя глазами, шмыгала изъ аудиторіи въ комнату, гдѣ ждали очереди больные, и обратно.

— S'il vous plaît, madame,—monsieur Lencelet est-il ici?

— Non, m-lle, peut-être le trouverez-vous au parloir.

Это начинало походить на игру въ прятки.

Очевидно, здѣсь было столько служащихъ, что трудно было добиться толку у кого бы то ни было. Я пошла въ parloir сказать сидѣлкѣ, что изъ клиники Шарко меня послали обратно. Въ это время высокій старикъ, лѣтъ семидесяти, бѣдно, но чисто одѣтый, съ гладко выбритымъ лицомъ, подошелъ съ визитной карточкой въ рукахъ.

— Monsieur Lencelet?

— И вы къ нему? Вотъ видите, барышня тоже ждетъ. Онъ еще не пришелъ.

И замѣтивъ на моемъ лицѣ явное нетерпѣніе,—повторила:

— Сходите въ клинику Шарко, быть можетъ, онъ теперь тамъ.

Я со старикомъ пошла туда. Опять тотъ же отвѣтъ... Такая прогулка изъ клиники Шарко въ parloir и обратно надоѣла старику. Онъ усталъ ждать и ушелъ. Я оставалась еще съ полчаса. Было половина одиннадцатаго, столько потеряннаго времени, такъ устала, и все напрасно! И эта румынка пишетъ, что онъ приходитъ къ 9 часамъ утра! Какъ же! очевидно, и не думаетъ являться ранѣе 11...

Неужели же еще разъ итти туда?

А вѣдь надо... какъ же быть иначе?

И какое-то злобное горькое чувство шевелилось въ душѣ. Нѣчто подобное должны переживать и бѣдняки, ожидающіе очереди въ приемной богача, когда имъ вдругъ говорятъ, что приема сегодня не будетъ. Эхъ, жизнь, жизнь! И изъ-за чего же переносить такое униженіе?

Все изъ-за того, что нѣтъ сорока франковъ заплатить за визитъ на домъ хорошему врачу, а итти къ простому—не къ профессору—не стоить.

Это такая упорная болѣзнь, я чувствую себя такъ плохо; только очень хорошей врачъ можетъ помочь мнѣ...

20 декабря. Вчера такъ голова болѣла, что пролежала цѣлый день.

Сегодня уже не спѣшила; встала поздно и въ Сальпетриеръ пошла только къ одиннадцати часамъ... Сидѣлка въ parloir'ѣ набросилась на меня съ фамиллярнымъ упрекомъ:

— А вы тогда только что ушли—и пришелъ monsieur Lencelet. Вы столько ждали,—не хотѣли подождать еще немного!

Еще немного! Да что же эти люди воображаютъ, что мы созданы для врачей, и если намъ надо ихъ видѣть—такъ хоть умри, дожидаясь?

Но я благоразумно воздержалась высказать это вслухъ и спросила только:

— А теперь онъ здѣсь?

— Oui, mademoiselle... tenez, le voici, il vient par là...

Она показала на двухъ мужчинъ, выходившихъ на дворъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ бѣломъ, а другой—въ черномъ пальто и шляпѣ.

Они прошли мимо воротъ и куда-то исчезли.

Ну, вотъ онъ и ушелъ, и опять неудача—съ отчаяніемъ подумала я.

Но сидѣлка въ порывѣ усердія была до крайности внимательна и любезна. Видя мое растерянное лицо, она обняла меня за талию и повела къ воротамъ.

Въ эту минуту двое мужчинъ опять показались на дворѣ.

¶ — Tenez, celui-là en blanc — c'est monsieur Lencelet... — тыкала она пальцемъ по направленію къ нему. Мнѣ стало смѣшно и неловко: эта женщина обращалась со мной ужъ черезчуръ по-дѣтски.

— Merci bien, madame, maintenant je le trouverai toute seule.

Но сидѣлка все-таки подвела меня къ нему.

— Le voici, mademoiselle,—и ушла, очевидно, очень довольная собой.

— Monsieur, j'ai une lettre pour vous, — робко сказала я, опустивъ голову и подавая ему письмо.

— Merci, mademoiselle,—серьезно сказалъ онъ, принимая письмо.

Это показалось мнѣ излишней вѣжливостью. Къ чему? Вѣдь, онъ долженъ былъ мнѣ оказать услугу, и ужъ никакъ не ему надо было благодарить меня.

Онъ внимательно прочелъ письмо до конца.

— On m'a dit que vous êtes déjà venue pour me voir?

— Oui, monsieur.

Онъ извинился; въ свою очередь я изъ вѣжливости сказала, что это лишнее, такъ какъ онъ не виноватъ, если невѣрно указали часы пребыванія его въ больницѣ.

Онъ подошелъ къ дверямъ клиники Шарко, заглянулъ въ аудиторію. Тамъ никого не было. Лекція кончилась, и только стулья, стоявшіе въ разныхъ направленіяхъ, напоминали о томъ, что всего нѣсколько минутъ тому назадъ она была полна веселой, дѣятельной учащейся молодежью.

— Войдите сюда, mademoiselle!

Большая комната, вся увѣшанная по стѣнамъ изображеніями больныхъ женщинъ въ разныхъ позахъ, съ обнаженными руками и плечами, съ распущенными волосами, казалось, производила впечатлѣніе чего-то таинственнаго и страшнаго. Онъ указалъ мнѣ стулъ около письменнаго стола и сѣлъ самъ.

Я дрожала, не смѣя поднять глаза.

Обстановка комнаты давила меня.

— Откуда вы? Давно пріѣхали въ Парижъ? Чѣмъ занимаетесь? Давно вы больны?

На все это я могла отвѣтить, такъ какъ языкъ былъ обыкновенный, разговорный. Но когда вопросы перешли на чисто медицинскую почву,—я понимала уже съ трудомъ, о чемъ онъ спрашиваетъ. Вниманіе напрягалось до послѣдней степени, въ виски стучало.

— Сколько часовъ въ день вы занимаетесь?—спросилъ онъ, покончивъ съ чисто медицинскими вопросами, на которые я отвѣчала отрицательно, такъ какъ у меня нѣтъ никакихъ болѣзней. Мнѣ было страшно больно отвѣчать, что не могу совершенно заниматься умственнымъ трудомъ. И одно мучительное опасеніе всегда приходило въ голову—а что, если такое состояніе является

предвѣстникомъ потери умственныхъ способностей? Что, если я сойду съ ума?

На такой вопросъ—петербургскія знаменитости, снисходительно улыбаясь, какъ глупости больного ребенка—всегда отвѣчали: вотъ фантазія! да это у васъ просто переутомленіе... отдохните недѣльки двѣ-три въ деревнѣ—и все пройдетъ... Но если такое состояніе дѣлаетъ изъ меня ни къ чему не пригодное существо,—та же мысль инстинктивно пришлѣ въ голову, и я высказала ее вслухъ.

— Ну, за это вамъ вовсе нечего опасаться—отвѣчалъ онъ тономъ, не допуская никакого возраженія.

— Видите ли, жизнь въ Парижѣ слишкомъ сложна, сюда надо пріѣзжать уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ, лѣтъ 25—28.

— Но мнѣ уже 25 лѣтъ.

— *Ce n'est pas possible de vous donner autant!*—сказалъ онъ съ самымъ искреннимъ удивленіемъ.

Мнѣ было не до смѣха, чтобы улыбнуться на это восклицаніе.

Однако, это вѣчное людское недоумѣніе становится, наконецъ, смѣшно. Я росла подъ общій говоръ сожалѣній о своей «старообразности». И вдругъ, начиная съ 17 лѣтъ—точно застыла на этомъ возрастѣ, и теперь мнѣ самое большее даютъ 21 годъ.

«Маленькая собачка до старости щенокъ!»—хотѣлось мнѣ отвѣтить ему насмѣшливой русской пословицей, да не знала, какъ перевести по-французски «щенокъ». И ограничилась тѣмъ, что устало возразила:—*Très possible, monsieur,—pourquoi pas!*

Я слишкомъ горда, слишкомъ привыкла скрывать отъ людей свое состояніе,—даже разговоръ съ врачомъ казался униженіемъ. И я страдала отъ этого вопроса, какъ раненые, когда изслѣдуютъ ихъ раны.

Наконецъ, онъ пересталъ спрашивать и замолчалъ, что-то соображая.

— Въ томъ состояніи, въ какомъ вы находитесь теперь, вамъ лучше всего вернуться домой, въ свою семью. *Il vaudrait mieux pour vous de retourner dans votre famille...*

Эти слова точно ножомъ рѣзнули по сердцу.

— *Ah, ma famille!*—вскрикнула я и... не помню ясно, что было дальше. Передъ глазами все завертѣлось, въ ушахъ зазвенѣло,—и я зарыдала горько, отчаянно, неудержимо.

«*Ne vous faites pas du mal, ne vous faites pas du mal!*»—смутно, точно откуда-то изъ-за стѣны, слышала я и не понимала.

Все, что до этой минуты еще поддерживало меня, вся гордость, вся сдержанность—рухнули какъ карточный домикъ отъ этихъ словъ—такихъ простыхъ, такихъ естественныхъ, но и такихъ ужасныхъ.

Зачѣмъ онъ сказалъ мнѣ объ этомъ, зачѣмъ напомнилъ?

«Ne vous faites pas du mal, ne vous faites pas du mal...»

Но я не могла.

Когда, наконецъ, опомнилась и могла справиться съ собой—я чувствовала себя совершенно разбитой. Мнѣ даже не было стыдно, что вдругъ позволила себѣ выказать такую слабость, плакала, какъ ребенокъ, передъ чужимъ человѣкомъ. Мнѣ было какъ-то все-равно, хотя по привычкѣ, годами воспитанной, я сказала не своимъ, а точно чужимъ голосомъ традиціонное:—Je vous demande pardon, monsieur. А потомъ, опираясь на спинку стула, закрыла лицо руками и молчала... Страшная усталость охватила меня. Онъ заговорилъ:

— Видите ли, вы больны не физически, а нравственно... vous êtes malade moralement. Вамъ не надо жить одной... непременно надо имѣть около себя кого-нибудь, кто могъ бы заботиться о васъ, развлекать. Вамъ необходимо имѣть знакомыхъ. C'est vrai qu'à Paris on vit d'une façon très retirée, — тутъ же оговорился онъ.

Я вамъ дамъ лѣкарство, но при томъ образѣ жизни, какой вы ведете сейчасъ—при такихъ условіяхъ—вамъ трудно вылѣчиться. Одни лѣкарства не помогутъ.

Я сидѣла неподвижно и молчала.

И, какъ бы понявъ всю жестокость своего приговора, онъ спросилъ:

— Où demeurez-vous? Je vais vous envoyer une personne... une dame pour vous distraire.

«Мнѣ никого не надо»—хотѣла я сказать.

Вся моя гордость возмутилась, но страшная физическая слабость мѣшала двинуть пальцемъ, не то что съ достоинствомъ выпрямиться. И я машинально отвѣчала:

— 36. Rue de l'Arbalète.

Онъ вынулъ книжку и записалъ адресъ.

— Я дамъ вамъ лѣкарство. Одно—alcool camphré—его продаютъ въ любой аптекѣ, безъ рецепта. Дѣлайте растираніе всего тѣла, два раза въ день, утромъ и вечеромъ, только не сами... ни въ какомъ случаѣ.

— Некому мнѣ этого дѣлать. Я живу въ пансіонѣ, гдѣ всѣ жильцы—студенты; комната моя наверху, хозяйка—живетъ внизу,

она занята съ утра до вечера, и мнѣ, право, даже неловко обращаться къ ней съ такой просьбой...

— Какъ-нибудь устройте,—я говорю только, что вамъ это полезно. Потомъ пилюли. Принимайте по три раза въ день передъ пищей. Нравится вамъ электричество?

— Да, въ Петербургѣ я пробовала.

— Ходите сюда три раза въ недѣлю на электризацію. Je vais vous donner un bon. Съ нимъ придете вы сюда въ понедѣльникъ къ доктору Fourchon. Онъ дастъ вамъ билетъ на пользование ваннами. Только помните мое слово: не ждите прямой пользы отъ этихъ лѣкарствъ. Одни они вамъ не помогутъ.

Онъ протянулъ рецептъ. Я встала.

И, провожая меня до дверей, онъ сказалъ:

— Venez chez moi de temps en temps... nous causerons un peu.

Я шла домой, какъ въ туманѣ.

«Нельзя вылѣчиться при такихъ условіяхъ»—и смутное сознание подсказывало мнѣ, что это правда. Такъ вотъ отчего не помогали мнѣ ни морскія купанья, ни лѣкарства! Онъ правъ, онъ правъ, онъ правъ...

Мнѣ невозможно, немислимо измѣнить условія своей жизни, нельзя создать семью, разъ ея нѣтъ,—мнѣ не съ кѣмъ жить.

А если я совершенно одинока—кто же позаботится обо мнѣ?

А главное—кто изгладитъ изъ моей совѣсти эти воспоминанія, этотъ ужасъ невольной совершенной ошибки, кто изгладитъ послѣдствія семейнаго деспотизма?

Какъ я ни боролась со средой, какъ ни поднялась высоко надъ всѣмъ, что меня окружало—все же и я человѣкъ, и моя душа уязвлена.

Приговоръ простой и ясный: меня нельзя вылѣчить,—значитъ, приходится жить подъ гнетомъ этого ужаснаго состоянія.

И хотѣлось бы мнѣ сказать громко:—Люди! вотъ среди васъ гибнетъ человѣкъ, которому нужно такъ мало, такъ мало... искра любви, ласки, участія...

Дайте мнѣ ее—и я оживу! я буду снова въ состояніи работать!

Но я знаю, что гордость запрещаетъ мнѣ показывать людямъ, какъ я страдаю... она и на курсахъ заставила меня замкнуться въ себѣ... И люди все-равно не поймутъ, что мнѣ надо... Такъ что некому мнѣ этого дать...

23 декабря. Получила билетъ на электризацію въ Сальпетриеръ. Сидѣлка и служитель, которые ее дѣлаютъ—безъ стѣсненія

обирають больныхъ, хотя на стѣнѣ виситъ печатное объявленіе: «служащимъ принимать деньги и какіе бы то ни было подарки отъ больныхъ строго воспрещается».

По окончаніи сеанса сидѣлка становится у дверей, и серебряныя и мѣдныя монеты такъ и сыплются въ ея передникъ. Никто не ускользаетъ отъ этого обязательства, но меня, какъ студентки, она побаивается, хотя каждый разъ, какъ я ухожу,—провождаетъ долгимъ, яростнымъ взглядомъ, потому что я изъ принципа—понятное дѣло—не стану давать взятокъ.

25 декабря. Вотъ и Рождество. Два дня не будетъ лекцій. Вчера вечеромъ пошла немного пройтись по улицамъ. Нарочно выбрала ближайшую отъ насъ, гдѣ живетъ рабочее населеніе—rue Mouffetard. Узкая и длинная улица извивается точно корридоръ. Здѣсь въ обычаѣ праздновать канунъ Рождества—какъ у насъ Пасху:—въ церквахъ служатъ messe de minuit, и въ домахъ устраиваютъ веселые «réveillon» и ѣдятъ кровяную колбасу—по-здѣшнему «boudins».

Было десять часовъ вечера. Улица-корридоръ кишѣла народомъ, точно муравейникъ. Всѣ лавки были открыты и ярко освѣщены; пѣніе, шумъ, музыка, крикъ, смѣхъ... И такъ вездѣ въ эту ночь, на всѣхъ улицахъ Парижа.

Какая разница между пестрой, шумной, веселой рождественской ночью—и нашей, въ Россіи! И мысль уносится далеко-далеко, и въ воображеніи—безконечныя снѣжныя равнины моей родины, среди которыхъ затерялись столицы, города и деревни.

Какъ хороши эти деревни при лунномъ свѣтѣ, какъ фантастичны лѣса зимою!

Среди величавой тишины зимняго вечера раздаются колокольные звоны, и эти звуки, мѣрные, плавные, протяжные, такъ гармонируютъ съ настроеніемъ природы.

Чудная, таинственная, мистическая сѣверная ночь!

Сколько въ ней поэзіи, сколько странной грусти... Хочется отрѣшиться отъ себя самой, хочется уйти, улетѣть куда-то,—и не знаешь, куда... хочется уйти изъ этого міра, жить внѣ пространства, внѣ времени...

А здѣсь, здѣсь!

Тоска еще болѣе сдавила сердце, когда среди крика и шума пробиралась я къ себѣ, въ свою холодную одинокую комнату.

Что можетъ быть прозаичнѣе встрѣчи праздника въ такомъ шумѣ и гвалтѣ?..

Сегодня—какъ одѣлась—легла. Не вышла ни къ завтраку

ни къ обѣду... Студенты-агрономы, такіе ограниченныя малые, только и умѣютъ говорить о своихъ репетиціяхъ да экзаменахъ. Такъ какъ я съ ними не кокетничаю, то на меня они нуль вниманія. Хозяйка опять пришла ко мнѣ въ комнату, утѣшаетъ меня, какъ умѣетъ. Хорошая душа! Но помощь она мнѣ врядъ ли можетъ.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы пришла эта дама. Зачѣмъ?
Вѣдь все-равно она ничѣмъ мнѣ не поможетъ.

29 декабря. Встрѣтилась сегодня съ Бабишевой.

— А-а, Дьяконова, пойдѣте къ намъ!—и потащила къ себѣ. Хоть у меня и очень мало съ ними общаго, но одиночество такъ угнетающе дѣйствуетъ на меня, что я все-таки пошла. Среди болтовни о всякихъ пустякахъ, о томъ, какъ она устроилась, какъ она начала ходить слушать лекціи, въ какіе дни,—она вспомнила, что я хотѣла итти къ доктору.

— Ну, что? какъ? гдѣ были?

— Въ Сальпетріерѣ.

— А-а, ну? какъ тамъ?

Я знаю, что ее интересуеетъ вовсе не то, что мнѣ сказали, а просто профессиональное любопытство: какъ, что, какой госпиталь и прочее. И поэтому рассказала ей о внѣшнемъ видѣ больницы, о своихъ впечатлѣніяхъ, о томъ, что мнѣ нельзя всего осматривать...

— Ну, а вамъ что сказалъ врачъ?

Меня передернуло отъ внутренней боли.

Это такъ напомнило его приговоръ—сознаніе своего безвыходнаго положенія. И я какъ можно короче отвѣтила: «ничего... сказалъ, что мнѣ вредно жить одной... велѣлъ дѣлать растиранія—тоже нельзя самой. Лѣкарства одни не помогутъ. Вотъ и все».

Я говорила спокойнымъ и ровнымъ тономъ.

Бабишева очень близорука и въ буквальномъ смыслѣ слова дальше собственнаго носа ничего не видитъ. Она не могла разсмотрѣть ни выраженія моего лица ни скрытой ироніи, которая звучала въ моемъ голосѣ.

Дочь ея въ это время возилась со спиртовой лампочкой, приготовляя кофе.

— Да?—сказала Бабишева своимъ обычнымъ добродушнымъ тономъ.—Только какъ же вамъ это сдѣлать-то? Здѣсь у васъ никого нѣтъ. Ишь, какой! Лѣкарства одни не помогутъ, надо измѣнить условія жизни. А коли ихъ нельзя измѣнить? Тогда постарайтесь такъ, чтобы одни лѣкарства помогли. Это вздоръ.

Я никогда не повѣрю, чтобы обстановка могла такъ много значить. Вѣдь, онъ вамъ и пилюли далъ, и электрическія ванны. Подумайте только, э-лек-три-ческія ванны! Покажите-ка мнѣ его рецептъ... М-м-м... н-да, вѣрно!

— Такъ вотъ и принимайте-ка ихъ,—берите ванны и растиранія дѣлайте—сами. Конечно, неудобно,—но что же дѣлать? А что онъ про обстановку жизни вамъ говоритъ—вздоръ это, голубчикъ мой; разъ измѣнить ее невозможно, такъ и не думайте лучше объ этомъ... И Бабишева, удобно развалясь въ креслѣ, свернула и закурила новую папиросу.

— Лялька, да что это ты сегодня съ кофе долго возишься? или опять голова болитъ? опять вчера долго сидѣла? Поди лягъ, отдохни, а я уже сама тебѣ въ комнату его принесу.

— Ахъ, оставьте, мама, право!—капризно возражала блѣдная Ляля.—Мнѣ это надоѣло. И голова не болитъ, и легла я не поздно, все сама сдѣлаю. Сидите, не беспокойтесь, я сейчасъ кончу и вамъ подамъ.

Мать съ дочерью соперничали во взаимныхъ услугахъ и нѣжности.

Онѣ читають много хорошихъ книгъ, говорятъ умно и либерально о любви къ народу, къ рабочимъ, ко всѣмъ несчастнымъ, униженнымъ, оскорбленнымъ.

Передъ ними былъ несчастный человѣкъ, и, однако, ни мать ни дочь не предложили мнѣ и сотой доли своихъ услугъ, не дали мнѣ ни лепты участія, симпатіи, которыя такъ существенны, нужны мнѣ.

И я ушла, отказавшись отъ кофе, ушла, ушла изъ этихъ мебелированныхъ комнатъ, гдѣ отношенія матери и дочери создали почти домашнюю семейную атмосферу и придали имъ уютность. Я ушла въ холодѣ декабрьской ночи въ свою ужасную одинокую комнату.

31 декабря. Еще нѣсколько часовъ, и человѣчество встрѣтитъ Новый Вѣкъ.

Когда подумаешь—какое море печатной и писаной бумаги оставить по этому поводу девятнадцатый вѣкъ своему преемнику—перо падаетъ изъ рукъ и не хочется писать. На всѣхъ углахъ земного шара люди ждутъ его, пишутъ, разсуждаютъ, подводятъ итоги, пытаются заглянуть въ темную даль не только «новаго года», какъ они привыкли это дѣлать, но и «новаго вѣка».

И есть отчего работать фантазіи... Вѣдь, ни одинъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ не вступалъ въ жизнь при такой интерес-

ной обстановкѣ. Прогрессъ—эти сто лѣтъ—летѣлъ буквально на всѣхъ парахъ, и то, на что раньше требовались годы, десятки лѣтъ,—въ нашъ вѣкъ дѣлалось въ мѣсяцъ и недѣли.

Никогда человѣческой геній не работалъ съ такою силою, не охватывалъ столько сторонъ жизни, не проникалъ такъ глубоко во всѣ ея изгибы. Кажется, что человѣчество вышло изъ дѣтства, изъ безсознательнаго грубаго состоянія дикаря, и вступаетъ въ новый вѣкъ юношей, при полномъ біеніи всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ. Юноша не сознаетъ вполнѣ, что ему надо дѣлать, но въ его сознаніи нѣтъ уже той животности, дикости, звѣрскихъ инстинктовъ, которые такъ сильны въ дѣтскомъ возрастѣ. Онъ стыдится этихъ порывовъ, и въ немъ развивается совѣсть, просыпаются нравственные вопросы. Мы вступаемъ въ двадцатый вѣкъ съ Толстымъ и Ибсеномъ,—пусть помнятъ наши потомки...

Черезъ сто лѣтъ не только мы умремъ, но и дѣти наши, которыя рождаются теперь, на которыхъ мы возлагаемъ столько надеждъ и упованій.

Умреть и моя племянница—о рожденіи которой недавно извѣстила меня Валя, и которую на порогъ двадцатаго вѣка называли Надеждой.

Не сказать ей словъ: «двадцать первый вѣкъ». А между тѣмъ, мы живемъ и не думаемъ о смерти, и каждый разъ она является для насъ неожиданностью. Смерть—это нѣчто чудовищное, страшное, но вѣчно новое, какъ любовь. Не даромъ людская фантазія такъ часто соединяетъ ихъ вмѣстѣ.

Въ любви творческая сила, потому что она создаетъ будущее—дѣтей...

Люди такъ часто изображаютъ ее аллегорическими фигурами, женщинами въ разныхъ позахъ. Я бы выбрала проще—нарисовала бы толпу дѣтей. Въ нихъ—будущее человѣчества, которое создаетъ жизнь. Почему не избрать ребенка эмблемой будущаго? Жизнь — творчество, которое поддерживается надеждой.

И на порогъ двадцатаго вѣка—мысли летятъ къ родинѣ.

Увижу ль я, друзья, народъ не угнетенный,
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

1901 годъ.

3 января. Мы кончали обѣдъ, когда madame Dorez вызвала меня въ корридоръ.—«Васъ спрашиваетъ какая-то дама». Пожилая особа, въ скромномъ черномъ платьѣ и такой же шляпѣ, поднялась со стула.

— Je viens de la part de monsieur Lencelet.

— Voulez-vous bien me suivre, madame.

Ей пришлось подняться на третій этажъ. Я затопила печку, зажгла лампу и стала готовить чай, не безъ любопытства разсматривая свою гостью.

Пышные волосы съ просѣдью обрамляли ея еще свѣжее, симпатичное лицо съ живыми голубыми глазами. По всему внѣшнему ея виду можно заключить, что она небогата, вѣрнѣе всего, вдова.

Она заговорила первая просто и непринужденно.

— Я пришла къ вамъ отъ г-на Lencelet. Онъ иногда посылаетъ меня къ своимъ больнымъ. Такъ и теперь онъ сказалъ: Marie, есть у меня одна пациентка, молодая дѣвушка—сходите къ ней... Вотъ я и пришла.

Она ласково взглянула на меня, и лицо ея свѣтилось доверчивой дѣтской улыбкой.

И я невольно улыбнулась ей въ отвѣтъ.

— Вы очень добры.

— О, полноте. Я вполне понимаю, какъ ужасно быть больной на чужой сторонѣ. Но вы ободритесь. Не падайте духомъ, не поддавайтесь печальнымъ мыслямъ, и тогда у васъ легче будетъ на душѣ. Вы студентка?

— Да.

— Вы знаете библіотеку Св. Женевьевы?

— О, конечно.

— Я тоже тамъ бываю.

— Что же вы тамъ изучали?—спросила я осторожно, не безъ нѣкотораго недоумѣнія, такъ какъ по внѣшнему виду моей гостьи уже никакъ нельзя было думать, что она студентка или писательница,—а почти всѣ немногія женщины, посѣщающія эту библіотеку, принадлежатъ именно къ этимъ классамъ.

— А мнѣ нужны были книги и словари... я изучала дагомейское нарѣчіе.

— Это зачѣмъ же?—отъ всей души изумилась я.

— Знаете-ли, на выставкѣ была колонія— de petits nègres

de Dahomey. Я съ ними познакомилась и въ теченіе шести мѣсяцевъ выставки—бывала у нихъ ежедневно. Это было очень интересно. Сначала мы не могли разговаривать, а объяснялись просто жестами. Потомъ они выучили меня говорить нѣсколько словъ по-ихнему, потомъ я догадалась—сама пошла въ бібліотеку Св. Женевьевы, спросила тамъ словари и грамматику... такъ и научилась немножко, чтобы понимать ихъ. Я приходила къ нимъ въ колонію съ работой, садилась,—около меня собирались женщины и дѣти. Я учила ихъ шить, вязать, рассказывала имъ священную исторію... Ахъ, какъ они меня любили! Вы себѣ представить не можете, какъ намъ жаль было разстаться! Они звали меня къ себѣ въ Африку, обѣщали отвести самое лучшее жилище, только бы я пріѣхала.

Я съ интересомъ смотрѣла на добрую даму. То, что она говорила, было такъ просто и... оригинально. Сколько народу бывало на выставкѣ, и вотъ нашелся человѣкъ, который увидѣлъ въ неграхъ не простой выставочный матеріалъ для зрѣлища, а существа съ живыми человѣческими интересами.

«Скрылъ Богъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ»,—вспомнилось мнѣ когда-то и гдѣ-то читанное изреченіе. Эта простая женщина безсознательно давала дикарямъ тотъ свѣтъ цивилизації, которымъ такъ любятъ оправдывать колонизаторы свои вторженія со штыками и пушками въ дебри Африки. И я живо, всѣмъ сердцемъ чувствовала въ этой женщинѣ ту непосредственную доброту, сердечность, которой такъ часто не хватаетъ умнымъ, ученымъ людямъ—и мнѣ стало отраднѣе и легче на душѣ. А она продолжала:

— Да вотъ, что хотите — *mais ils sont très sympatiques tout de même, ces petits nègres*. И я къ нимъ очень, очень привыкла и ужасно жалѣю, что они уѣхали.

Она вздохнула и замолчала.

— Отчего же бы вамъ къ нимъ не съѣздить?—пошутила я.

— Ахъ, что вы! это невозможно! Такое путешествіе... и дорого, и боюсь я моря...

Тѣмъ временемъ большой чайникъ вскипѣлъ на спиртовой лампочкѣ, и я предложила ей чаю.

— *Oh, comme c'est bon, — le thé russe!* Нашъ французскій чай никуда не годится въ сравненіи съ вашимъ! Онъ дорогой здѣсь, въ Парижѣ, и, къ сожалѣнію, не всѣмъ доступенъ...

— Вы здѣсь живете одна?—наконецъ рѣшилась я спросить, считая неловкимъ и неудобнымъ спрашивать, кто она такая, откуда и чѣмъ занимается.

— О, нѣтъ. У меня есть дочь—четырнадцать лѣтъ. Очень веселая и добрая,—учится въ школѣ. Ее зовутъ Жанна. Я, знаете ли, даю ей религиозное воспитаніе—это такая опора для женщины.

Мнѣ всегда былъ ненавистенъ подобный взглядъ на религію. Наша мать, сама не вѣрующая ни во что, кромѣ денегъ,—держалась его съ нескрываемымъ цинизмомъ, насильно посылая насъ, дочерей, когда мы были дѣтьми, въ церковь, предоставляя сыновьямъ полную свободу совѣсти. Но эта женщина была трогательно наивна въ простотѣ и добротѣ души своей. И я спросила только:

— Почему же?

— Потому что жизнь женщины болѣе трудна; ей нужна опора, поддержка, утѣшеніе... Все это она находитъ въ религіи. Къ счастью, у моей Жанны прекрасный, веселый характеръ, она всегда и всѣмъ довольна. Мы живемъ съ ней въ двухъ комнатахъ. Одна гостиная, другая спальня. Вотъ и теперь—приду отъ васъ—какъ пріятно сознавать, что ляжешь въ теплую нагрѣтую постель.

— Чѣмъ же можно нагрѣвать постель?—удивилась я.

— А кувшинами съ горячей водой. Видали вы такіе бѣлые глиняные? Мы кладемъ ихъ въ ногахъ... вотъ постель и нагрѣвается.

Я не могла удержаться отъ смѣха. Здѣсь такъ холодно въ домахъ зимою, такая отвратительная система топки: камины вообще не нагрѣваютъ комнаты, тепло только пока топишь, печки выдвигныя—немногимъ лучше. Всѣ мерзнуть зимою, и эти усилія націи во что бы то ни стало согрѣть хотя постель—казались мнѣ такими смѣшными.

— Однако, я долго у васъ засидѣлась,—сказала добрая дама, поднимаясь съ мѣста.—Уже скоро десять. Мнѣ еще минутъ двадцать ходьбы до дому.

— Далеко вы живете?

— Нѣтъ,—тутъ на Avenue d'Orléans; позвольте, я вамъ напишу свой адресъ—M-me-Blanchard—5, Rue Brézin—написала она невѣрнымъ дѣтскимъ почеркомъ.

— Если что вамъ понадобится—напишите... Ну, а теперь спать пора... bonsoir, mademoiselle.

— Bonsoir, madame.

Посѣщеніе этой дамы, дѣйствительно, какъ-то развлекло меня, и стало легче на душѣ.

7 января. Сегодня на лекціи въ Collège de France, въ узкомъ корридорѣ, среди массы публики, мнѣ бросилась въ глаза фигура высокой, стройной красавицы. Я узнала ее. Это была Сорель.

Помню, какъ четыре года тому назадъ, будучи уже на послѣднемъ курсѣ,—она вошла въ нашу аудиторію перваго курса, и мнѣ показалось, точно сильный солнечный лучъ освѣтилъ ее. Мы тогда же познакомились. Потомъ она кончила, и я не теряла ее изъ виду; недавно слышала отъ кого-то, что она вышла замужъ за журналиста Сорель. И теперь мы встрѣтились здѣсь. Я нерѣшительно подошла къ ней.

— Здравствуйте, Сорель, узнали меня? Мы были вмѣстѣ на курсахъ.

Она привѣтливо улыбулась.

— Какъ же, какъ же, помню... только фамилію вашу забыла.

— Дьяконова.

— Давно вы пріѣхали сюда? Куда поступили?

— Около двухъ мѣсяцевъ; поступила на юридическій факультетъ.

— И я тоже думаю, на будущій годъ. Теперь у меня ребенокъ, сама кормлю, некогда. Заходите къ намъ, пожалуйста, вотъ адресъ.—И Сорель написала его на визитной карточкѣ.

Лекція началась, и мы сѣли въ разныхъ концахъ залы.

Я очень обрадовалась этой встрѣчѣ: все-таки хоть отчасти свой человекъ. Съ моего курса никто не уѣхалъ за границу.

12 января. Какъ тянется время! Дни не идутъ, а ползутъ одинъ за другимъ—ужасные, сѣрые, тоскливые... Не хочется никуда итти. Понемногу перестаю посѣщать свой факультетъ. Онъ здѣсь убійствененъ: всѣ мало-мальски интересные курсы по наукамъ общественнымъ, экономическимъ—отнесены на докторатъ. На нашемъ первомъ курсѣ читаются только политическая экономія, исторія права, конституціонное, гражданское право. Ни исторіи философіи, ни энциклопедіи права, какъ у насъ въ Россіи... Мальчишки-студенты—почти всѣ сплошь буржуа, чистенькіе, элегантные, практичные дѣльцы уже со школьной скамьи. Я пока еще не познакомилась ни съ кѣмъ изъ нихъ. Каждый студентъ юридическаго факультета имѣетъ право на карточку факультета *ès-lettres*—въ Сорбонну.

А тамъ лекцій такая масса, что растеряться можно—и не знаешь, куда итти, кого слушать.

Я первое время столько бѣгала по этимъ лекціямъ... Теперь напало такое отвращеніе ко всему, такая апатія, усталость.

Хожу на электризацію въ Сальпетриеръ,—только не три, а два раза въ недѣлю,—по средамъ и пятницамъ, а въ понедѣльникъ какъ разъ въ этотъ часъ читаетъ исторію искусствъ Лемоннье. Я всегда хожу его слушать... очень люблю искусство.

Искусство необходимо мнѣ, оно точно существенная часть моего существа.

А между тѣмъ, я въ художественномъ смыслѣ очень мало образована, какъ всѣ русскіе. Но что-то инстинктивно влечетъ меня къ стариннымъ вещамъ, гравюрамъ, книгамъ, къ старинному жанру... и я подолгу засматриваюсь на старую итальянскую живопись. Люблю Теньера, люблю фламандцевъ; люблю подолгу вглядываться въ эти изображенія повседневной, обыденной жизни, и воображеніе переноситъ въ прошлое—возсоздаетъ его, и люди становятся, какъ живые. Такъ лучше понимаешь исторію. Десятки лекцій не стоятъ прочтенія одного стариннаго документа, старинныхъ гравюръ. Вѣдь главное что?—умѣть понять, умѣть перевоплотиться въ этихъ исчезнувшихъ людей, и тогда вся эта прошлая жизнь станетъ понятной, а также и то, почему они жили, думали, дѣйствовали такъ, а не иначе.

На лекціяхъ Lemonnier показываетъ массу фотографій, гравюръ, книгъ, и я не въ силахъ отказаться отъ этого удовольствія. А заниматься серьезно все же не могу... силъ нѣтъ.

15 января. Чтобы хоть немножко развлечься, пошла къ Сорель.

Она живетъ недалеко отъ Observatoire, — прекрасный тихій кварталъ, близко отъ Люксембургскаго сада. Я поднялась во второй этажъ тихой улицы Leverrier—она сама отворила дверь.

— А, очень-очень рада!—все такъ же привѣтливо улыбаясь, заговорила Сорель, вводя меня въ небольшой, изящно меблированный салонъ.—Садитесь, поговоримъ. Мужа нѣтъ дома, и я одна.

Я съ любопытствомъ осмотрѣлась кругомъ. Вѣдь я была въ первый разъ въ парижской квартирѣ. Большія окна, сверху до низу покрытыя кружевными занавѣсками; мягкіе диваны и стулья; ковры на полу—очевидно, чтобы было теплѣе зимою. Все просто и вмѣстѣ съ тѣмъ изящно. И сама Сорель въ элегантномъ парижскомъ туалетѣ казалась еще красивѣе, чѣмъ прежде.

Она подложила дровъ въ каминъ и жестомъ пригласила меня сѣсть къ огню.

— Ну, какъ вы поживаете? занимаетесь? А мнѣ такъ вотъ некогда, пока нынѣшній годъ кормлю свою дѣвочку.

— Сколько ей мѣсяцевъ?—спросила я.

— Пять. Она теперь спитъ, и я не могу вамъ показать ее. А-а-хъ, какъ я устала! Сегодня ночью она была нездорова и плакала... я до шести часовъ не спала...

Сорель устало потянулась въ креслѣ... но все лицо ея освѣщалось улыбкой полного, безмятежнаго счастья. И она начала рассказывать мнѣ о томъ, какъ встрѣтилась съ мужемъ, какъ вышла замужъ. Среди ея оживленнаго рассказа раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ красивый брюнетъ съ матовымъ лицомъ и чудными, темными глазами.

— Мой мужъ,—представила его Сорель, и невольная нотка счастливой гордости прозвучала въ ея голосѣ.

И было чѣмъ гордиться. За такого пошла бы всякая женщина. Кромѣ красоты въ его лицѣ, манерахъ, тонѣ голоса было что-то неотразимо привлекательное, простое,—что-то напоминающее русскаго интеллигента изъ южанъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, *mademoiselle*; жена уже говорила о встрѣчѣ съ вами. Надѣюсь, вы будете бывать у насъ такъ, запросто,—не правда ли? А меня сейчасъ извините... Я зашелъ только на минуту. Гдѣ бумаги по дѣлу Голье? тамъ на письменномъ столѣ лежатъ?—обратился онъ къ женѣ.

— Да, тамъ. Такъ ты къ обѣду вернешься?

— Да. До свиданья,—протянулъ онъ мнѣ руку и быстро прошелъ въ кабинетъ.

— Извините, я сейчасъ вернусь,—сказала Сорель, уходя за нимъ.

Я осталась одна въ гостиной.

Эта пара дѣйствительно могла считаться исключительной.

Они сошлись съ двухъ концовъ Европы въ парижскомъ университетѣ, оба однихъ лѣтъ, оба южане; оба красавцы, талантливые, интеллигентные писатели-соціалисты. Они точно созданы другъ для друга, и всякій, кто ихъ видитъ—невольно поражается такимъ счастливымъ совпадениемъ обстоятельствъ. Точно судьба, создавая столько несчастныхъ браковъ—рѣшилась вдругъ сдѣлать человѣку подарокъ,—соединить мужчину и женщину, въ которыхъ бездна всякихъ достоинствъ, начиная съ внѣшности. Счастливы тѣ, на чью долю выпало быть такимъ подаркомъ!

Я такъ задумалась, что и не замѣтила, какъ вошла Сорель.

— Нельзя говорить хорошо о своемъ мужѣ, но я, право, скажу, что это рѣдкій человѣкъ. Онъ такой идеалистъ, никогда

не идетъ на компромиссы съ совѣстью... Вотъ сейчасъ, напримѣръ, куда онъ пошелъ, какъ вы думаете? Къ одному депутату, хлопотать по дѣлу рабочаго... Или, напримѣръ, ему предлагаютъ выставить на будущую сессію свою кандидатуру въ Валэ. Но онъ отказывается: изъ принципа не ставитъ свою кандидатуру тамъ, гдѣ уже есть другой кандидатъ-соціалистъ... для единства партіи. Нѣтъ, право, другого такого нѣтъ...

И Сорель заговорила о своей дѣвчкѣ, какъ она растетъ, какъ она думаетъ воспитать ее... Она говорила, время летѣло; я просидѣла часовъ около двухъ... И за все это время Сорель ни разу не спросила обо мнѣ, какъ мнѣ живется, что я дѣлаю... Точно только у нея есть жизнь, а у меня ея нѣтъ...

Да это и правда, въ сущности—есть ли у меня жизнь! А Сорель такъ поглощена своимъ личнымъ счастьемъ, что ей ни до кого дѣла нѣтъ...

20 января. Это состояніе становится невыносимо. Пойду опять туда, въ Сальпетріеръ, къ одиннадцати часамъ.

И коньсержъ, какъ церберъ, охраняющая входъ, остановила:

— Кого вамъ?

— Monsieur Lencelet.

— Bâtiment C., первый этажъ, залъ направо.

Я прошла на третій дворъ, поднялась по грязной лѣстницѣ, отворила дверь направо и... къ величайшему своему удивленію очутилась прямо въ палатѣ. Какимъ образомъ въ такое холодное время года больные не простужаются отъ притока воздуха прямо съ улицы—уму непостижимо.

Большая палата была вся выкрашена голубовато-сѣрой краской; бѣлыя постели, высокія, выше чѣмъ у насъ, съ отдернутыми занавѣсками—были всѣ заняты больными. У меня защемило сердце при видѣ этихъ несчастныхъ женщинъ. Хорошенькія и некрасивыя, молодыя и старыя—но всѣ лишеныя разума—онѣ сидѣли, читали, вязали, тихо разговаривали, а нѣкоторыя просто лежали неподвижно, тупо смотря въ потолокъ.

Тихо и плавно двигаясь, точно неся осторожно на головѣ свой черный тюлевый чепчикъ съ лентами, подошла ко мнѣ надзирательница.

— Подождите немного, monsieur Lencelet сейчасъ придетъ.

Я сѣла у стола и развернула газету. Вся обстановка и видъ этихъ несчастныхъ угнетающе дѣйствовали на меня, и я не смѣла поднять глазъ отъ газеты. И когда я рѣшилась, наконецъ, по-

смотреть—увидѣла, что надзирательница ходила съ нимъ по палатѣ.

Они медленно переходили отъ одной постели къ другой; по мѣрѣ того какъ кончался обходъ и оба они приближались къ столу у дверей,—обрывки фразъ явственно долетали до меня.

На первой отъ дверей кровати лежала пожилая женщина, которая, едва увидѣла его, горько заплакала и стала на что-то жаловаться.

Я прислушивалась напрасно. Ничего нельзя было слышать сквозь рыданія. Онъ что-то сказалъ ей; больная отрицательно покачала головой и расплакалась еще больше.

Мнѣ вспомнилось, какъ Бабишева поражалась грубостью здѣшнихъ врачей въ госпиталяхъ,—и стало страшно: что, если онъ, выведенный изъ терпѣнія этой безконечной жалобой,—вдругъ рѣзко и грубо оборветъ ее.

Я чувствовала, что если только онъ такъ сдѣлаетъ—уйду сейчасъ же и никогда болѣе не обращусь къ нему.

Но нѣтъ... женщина все рыдала, а онъ все стоялъ передъ ней, тихо и ласково говоря ей что-то

— *Tranquillisez-vous... cherchez la guérison en vous-même...*—удалось услышать. Наконецъ больная успокоилась, подняла голову, вытерла слезы.

Онъ сказалъ нѣсколько словъ надзирательницѣ и подошелъ къ столу.

— *Bonjour, mademoiselle. Comment allez-vous? Je suis à vous tout de suite, attendez-moi un moment, je vous prie.*

Надзирательница положила на столъ цѣлую кипу какихъ-то листочковъ, и онъ быстро началъ подписывать ихъ одинъ за другимъ.

— Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ, подписавъ послѣдній листокъ.

Пойдемте за мной.

Мы вышли опять на тотъ же дворъ, гдѣ я встрѣтила его въ первый разъ. Онъ пошелъ было въ ту же клинику Шарко, но скоро вернулся.

— Эта комната занята. Пойдемте въ другую. Въ томъ же домикѣ сзади была дверь съ надписью: «cabinet médecin».

Онъ заглянулъ туда:—Здѣсь свободно. Войдите.

Кабинетъ—немного темноватый—былъ обставленъ просто и уютно; топился каминъ, на немъ мѣрно тикали черные часы.

— *Vous n'allez pas mieux, mademoiselle?*

— *Non, monsieur,*—тихо отвѣтила я.

— Вы ходите сюда на электризацію? Не хотите ли, я дамъ письмо въ госпиталь Брока. Это гораздо ближе къ вамъ и удобнѣе ходить...

— Merci, monsieur...

— Vouons... Вы все въ томъ же состояніи! Не занимаетесь? не ходите на лекціи?

— Нѣтъ... Я совершенно не въ состояніи работать... Я потеряла всѣ свои умственные способности...

— Ну, это вздоръ,—съ живостью перебилъ онъ меня тономъ, не допускающимъ возраженія.—Вы просто находитесь въ угнетенномъ настроеніи... Вамъ надо выйти изъ этого состоянія.

— А такъ какъ я не могу, то... не надо жить...

— Я ожидалъ, что вы это скажете. Вы, славянская раса, слишкомъ чувствительны, мистичны, скажу даже—иногда слишкомъ экзальтированы. Къ чему думать о самоубійствѣ? Вѣдь вы вовсе не такъ безнадежно больны. Вамъ надо справиться съ собою—и только. Чтобы жить въ этомъ мірѣ, надо имѣть цѣль. Какая ваша цѣль?

— Какая цѣль?—повторила я. И машинально, какъ заученный урокъ, проговорила:

— Я поступила на юридическій факультетъ, чтобы открыть женщинѣ новую дорогу... чтобы потомъ добиться ея юридического уравненія съ мужчиной... чтобы ее допустили къ адвокатурѣ...

— Вы хотите посвятить свою жизнь защитѣ интересовъ женщины? Хорошо. Такъ вотъ и сосредоточьте ваши силы и постарайтесь овладѣть собою, чтобы потомъ быть въ состояніи работать.

— Но я не могу, не могу... у меня нѣтъ силъ, эта непрерывная головная боль измучила меня совершенно... Лучше умереть...—И голосъ мой дрогнулъ и оборвался.

— Vouons... Выкиньте эти мысли изъ головы, успокойтесь.

Но ужасное воспоминаніе снова—какъ призракъ—встало предо мною, и я сказала, рыдая:

— Но... если вы... въ своей жизни сдѣлали ошибку... разбили жизнь чловѣка... что тогда?

— Что вы сдѣлали? какую ошибку? Скажите мнѣ... вы смѣло можете довѣриться врачу...

— Не спрашивайте меня объ этомъ, monsieur, я не скажу... не могу...

— On peut tout dire au médecin.

Какъ ни была я взволнована—все же мнѣ показалось, что

въ его тонѣ прозвучало что-то холодное: этимъ вопросомъ, точно анатомическимъ ножемъ—онъ хотѣлъ вскрыть мою душу...

— Ah, поп... поп...

И вся охваченная тяжелыми воспоминаніями, я зарыдала, и все бывшее встало съ такой же ясностью, какъ будто это случилось вчера.

— Скажите, скажите мнѣ, mademoiselle,—настойчиво повторилъ онъ.

Голова у меня закружилась...

— Ну, да, ошибка! и за эту ошибку отдана жизнь моей сестры! Слушайте, слушайте, monsieur... Это было шесть лѣтъ тому назадъ. Мы были такъ молоды, совсѣмъ еще дѣти... Мы—сироты, отца у насъ нѣтъ, мать—деспотка—держала насъ взаперти, мы совсѣмъ не знали мужского общества. Онъ давалъ уроки братьямъ и влюбился въ мою младшую сестру... Та сначала его не любила... Тогда онъ устроилъ цѣлую драму: признался мнѣ въ любви, а потомъ написалъ сестрѣ письмо, что онъ солгалъ, что онъ клеветалъ на себя нарочно, съ отчаянія, что онъ съ ума сходитъ отъ любви къ ней... Я такъ была занята мыслью поступить на курсы, читала, занималась цѣлыми днями, только и ждала совершеннолѣтія, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Сестрѣ тоже хотѣлось учиться, а она на два года моложе меня... Такъ онъ притворился, что сочувствуетъ намъ... обѣщалъ сестрѣ отпустить ее на курсы, только бы она согласилась выйти за него замужъ... Я вообразила, что онъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ помочь сестрѣ, стала содѣйствовать ихъ браку, помогла переписываться,—мать не хотѣла изъ деспотизма, изъ каприза... она не допускала, чтобы у насъ была своя воля.

И вотъ, сестра вышла за него... И тотчасъ же послѣ свадьбы онъ измѣнилъ свою тактику. Ему не къ чему было больше притворяться. Съ первыхъ же дней сестра была беременна. Она такая безхарактерная. Онъ сталъ убѣждать ее, что теперь нечего и думать о курсахъ,—что я фантазерка и учусь совершенно напрасно. вмѣсто того, чтобы ѣхать жить въ Петербургъ—взялъ мѣсто въ N... Такъ и пошла жизнь сестры въ узкомъ домашнемъ быту... Теперь сестра не говоритъ мнѣ прямо, что несчастлива съ нимъ, но и не перестаетъ упрекать меня въ содѣйствіи ея браку. Но развѣ я въ то время не была такъ же наивна и неопытна, какъ она? развѣ я больше ея знала мужчинъ? У меня романовъ никакихъ не было... я только и мечтала о курсахъ...

Я совсѣмъ задыхалась отъ рыданій. Казалось,—сердце разорвется отъ боли... о, если бы я могла умереть!

Въ комнатѣ было тихо, только мѣрно тикали часы...

Онъ заговорилъ:

— И васъ такъ угнетаетъ сознание своей ошибки?... Но вѣдь вы сдѣлали ее невольно... вы сами говорите, что были неопытны и мало видѣли людей. Да и такъ ли несчастна ваша сестра, какъ вамъ кажется? Есть у нея дѣти?

— Да, двѣ дочери...

— Значить, есть и утѣшеніе... И если бы она была дѣйствительно очень несчастна—навѣрное оставила бы мужа. Но разъ живетъ съ нимъ—значить, все-таки находить въ немъ что-нибудь такое, что привязываетъ ее къ нему... И при томъ, очевидно, у нея не было такого твердаго и опредѣленнаго стремленія къ знанію, какъ у васъ.

— Это правда... она всегда больше говорила, чѣмъ дѣлала...

— Ну, вотъ... вы вовсе не такъ виноваты передъ своей сестрой, какъ думаете... А если она упрекаетъ васъ за то, что способствовали ея браку, видя и зная, какъ вы страдаете, какъ мучитесь сознаниемъ своей ошибки,—это уже прямо жестоко съ ея стороны... Скажу болѣе: неблагородно... лежачаго не бьютъ.

Онъ говорилъ твердо, съ убѣжденіемъ... И отъ тона, какимъ онъ произносилъ эти слова,—мнѣ становилось легче на душѣ... А онъ продолжалъ:

— Вы должны теперь сосредоточить свое вниманіе на томъ, что можете сдѣлать для другихъ. Старайтесь возстановить свои силы, чтобы работать съ пользою...

И замолчалъ.

Мнѣ показалось, что онъ искоса, бѣгло взглянулъ на часы. Я встала. Было ровно полдень: священный часъ для всѣхъ французовъ—завтракъ.

— Повторяю,—успокойтесь и не мучьте себя... Это и напрасно и бесполезно... Я уже доказалъ вамъ, что вы вовсе не такъ виноваты, какъ вамъ кажется.

Онъ проводилъ меня до воротъ и повторилъ, прощаясь:

— Если что понадобится—обращайтесь ко мнѣ... я всегда къ вашимъ услугамъ.

8 февраля. Если бы меня спросили, для чего я живу, и какъ живу—я бы не нашлась, что отвѣтить.

Развѣ это жизнь?

Влечить свое существованіе съ трудомъ, медленно, точно одряхлѣвшая старуха... Я еще такъ молода, а между тѣмъ жизни нѣтъ, силъ нѣтъ.

Страшная тоска сжимаетъ сердце, полное отвращеніе ко всему...

Передо мной на столѣ лежатъ Карлъ Марксъ, Nietzsche—«Also Sprach Zarathustra», и я не могу прочесть ни одной строчки,—руки безсильно опускаются, книга падаетъ... Точно со мной дѣлается нравственный прогрессивный параличъ.

21 февраля. Бабушка умерла...

Я пишу съ трудомъ. Это несчастье окончательно сломило меня... Бабушка умерла... и уже въ могилѣ, а я узнала объ ея смерти только вчера. Шла мимо почтоваго отдѣленія на Claude Bernard, по обыкновенію зашла и спросила, нѣтъ ли писемъ. Смотрю,—вынимаютъ изъ клѣточки одно письмо, другое, третье. Я не избалована перепиской, и тутъ обрадовалась—вдругъ цѣлыхъ четыре письма! Одинъ изъ нихъ былъ билетъ съ черной траурной рамкой. Кто бы это умеръ? равнодушно подумала я, недоумѣвая, какой смыслъ извѣщать меня такимъ способомъ о смерти дальнихъ родственниковъ,—развѣ нельзя въ письмѣ сообщить, а на похороны все равно не поспѣю... Развернула, читаю...

Бабушка умерла!

Моя милая бабушка, которую я такъ любила, нѣтъ уже ея больше!

Мнѣ вдругъ показалось, что это чья-то дикая, нелѣпая шутка, что нарочно послали этотъ билетъ на похороны, а на самомъ дѣлѣ неправда, не можетъ быть... Вѣдь телеграммы не было... Разорвала конвертъ съ почеркомъ брата Володи. Тотъ писалъ, что бабушка скончалась перваго февраля, что мнѣ посылали телеграмму...

— Гдѣ телеграмма на мое имя?!—бросилась я къ рѣшеткѣ.

— Развѣ вы не видите, что здѣсь есть пришедшіе раньше васъ? ждите своей очереди!—рѣзко крикнула изъ-за рѣшетки служащая.

Я опомнилась и отошла къ стѣнѣ... и потомъ уже въ очередь справилась,—никакой телеграммы не было получено. Значитъ, не дошла. Придя къ себѣ, заперлась на ключъ, перечитала всѣ письма о внезапной смерти бабушки, о телеграммѣ, на которой братъ перепуталъ адресъ, цифры,—и она не дошла...

Бабушка умерла!

Все какъ-то не вѣрилось, чтобы это была правда...

Страшная боль точно обручемъ сдавила голову, все закружилось передъ глазами, и я упала...

А когда сегодня посмотрѣла на себя въ зеркало—похожа была на привидѣніе въ черномъ траурномъ платьѣ...

28 февраля. Цѣлую недѣлю пролежала въ постели.

Сегодня пришла знакомая американка, съ которой постоянно встрѣчалась на лекціяхъ въ Сорбоннѣ, и потащила меня гулять.

— У васъ бабушка умерла? старая?

— Да.

— И вы такъ огорчены, что были больны! Да вѣдь должны же умирать старые люди... вѣдь это же законъ природы... Полноте, вамъ надо развлечься, пойдемте погулять...

И она потащила меня на шумную, веселую улицу Риволи!

Шумъ экипажей мѣшалъ разговаривать, толпа утомляющіе дѣйствовала на меня.

— Вы устали?—спросила миссъ Джесси.—Зайдемте отдохнуть въ кафе. Я знаю, тутъ есть одно очень хорошее. Спросимъ кофе.

И прежде, чѣмъ я успѣла что-нибудь сообразить,—очутилась въ кафе-концертъ, гдѣ съ эстрады гремѣлъ оркестръ въ красныхъ фракахъ.

Миссъ Джесси выбрала мѣсто на виду, поближе къ эстрадѣ, и что-то заказала себѣ и мнѣ.

Раздались звуки веселаго опереточнаго вальса... И подъ его звуки мнѣ вдругъ представилась далекая родина, ея кладбище, на которомъ подъ снѣжнымъ холмикомъ успокоилась вѣчнымъ сномъ дорогая старушка... и присутствіе мое въ этомъ кафе показалось какой-то чудовищной профанаціей своего чувства къ памяти покойной... Рыданія подступили къ горлу.

— Миссъ Джесси... извините, я оставляю васъ... я уйду... не могу...

— Отчего же?—искренно удивилась американка.—Отчего вы не можете здѣсь остаться? Неужели изъ-за того, что недавно потеряли бабушку? Но вѣдь она же была стара... Вотъ тоже вы трауръ одѣли... У насъ въ Америкѣ только мужъ носить трауръ по женѣ... Странные обычаи на континентѣ...—недоумѣвала миссъ Джесси.

— Извините, я пойду домой...

Американка пожала плечами.

— Ну, если это такъ противъ вашихъ чувствъ,—конечно идите...

И она принялась за кофе, а я, торопливо пробираясь между столами,—почти бѣгомъ выбѣжала на улицу...

9 марта. Получила письмо изъ дому. Оказывается, бабушка написала духовное завѣщаніе и назначила меня душеприказчицей. Практичная сестра Надя уже справилась у адвоката. За утвержденіе завѣщанія по довѣренности онъ спросилъ ни съ чѣмъ несообразную цѣну—двѣсти пятьдесятъ рублей. А вѣдь еще не извѣстно, сколько придется на долю cadaго изъ насъ: бабушка была очень небогата...

«Пріѣзжай лучше на сороковой день и сдѣлай все сама. Тебѣ вся поѣздка обойдется дешевле, чѣмъ намъ платить N.»—пишетъ сестра. Она права. Обойдется дешевле, и намъ, братьямъ и сестрамъ, не придется платить ни гроша...

Но... ѣхать опять туда, въ семью, опять въ эту ужасную обстановку, которая мнѣ всю душу измотала.

Опять видѣть мать... Какой ужасъ!

Я не могу... не могу...

Одинъ взглядъ на календарь—такъ немного осталось дней до отъѣзда.

Нѣтъ, не могу, не могу... Что же мнѣ дѣлать, что же мнѣ дѣлать?!

13 марта. До сихъ поръ не рѣшилась написать отвѣтъ домой. Дать уже лучше довѣренность, пусть сдѣлають все безъ меня...

И не исполнить самой послѣдней воли дорогого человѣка... Бабушка, значить, надѣялась на меня, а я-то откажусь... Поѣду завтра въ Сальпетриеръ.

14 марта. И поѣхала. Та же важная сидѣлка сообщила, что его тутъ ужъ больше нѣтъ, онъ переведенъ въ новый госпиталь Бусико.

Я вспомнила, что читала въ газетахъ объ его открытіи перваго марта.

Сидѣлка любезно рассказала, какъ туда ѣхать. Отъ моста Аустерлица до моста Мирабо,—больше часу пришлось ѣхать по Сенѣ.

Улица Convention тиха и пустынна. Точно не въ Парижѣ. Отъ набережной до госпиталя разстояніе довольно значительное.

Въ новомъ зданіи все блестяло чистотою: и ложа консьержа, и двери, и стекла, и каменные плиты корридора. Внутри, среди сада, были разбросаны небольшіе кирпичные павильоны, а вдали—на колоннѣ виднѣлся бѣлый мраморный бюстъ госпожи Бусико, основательницы знаменитаго Bon Marché, на средства которой выстроены этотъ госпиталь.

— Monsieur Lencelet?

— Второй павильонъ направо.

Я вошла въ небольшой корридоръ и сѣла на деревянную скамейку. Длинная траурная вуаль, спускаясь на лицо,—по здѣшнему обычаю,—закрывала меня всю.

— Вамъ кого?—спросилъ какой-то субъектъ въ больничномъ костюмѣ. И на мой отвѣтъ услужливо сказалъ:—Сейчасъ, сейчасъ,—и исчезъ.

Подъ гнетомъ самыхъ тяжелыхъ мыслей я сидѣла, опустивъ голову, и не глядя никуда...

— Bonjour, mademoiselle... comment allez-vous? Vous avez perdu quelqu'un de votre famille?—съ участіемъ спросилъ меня знакомый голосъ. Я встала.

— Oui, monsieur.

— Voulez-vous attendre un moment? Je serai de retour dans quelques instants.

— Oui, monsieur.

Ему, очевидно, надо было кончить обходъ палатъ... Черезъ четверть часа онъ вернулся.

— Что случилось? Кто у васъ умеръ?—спросилъ онъ, жестомъ приглашая меня слѣдовать за нимъ.

— Бабушка. Я назначена душеприказчицей по духовному завѣщанію, и надо ѣхать...

— Est-ce qu'il y a quelque-chose pour vous?—спросилъ онъ, отворяя дверь.

Подобный вопросъ покоробилъ меня, какъ ни была я разстроена.

А для него, очевидно, было такъ просто и естественно задать подобный вопросъ.

— Je n'en sais rien,—отвѣтила я тономъ полнѣйшаго безразличія.

— Пойдемте за мною навѣрхъ... по каменной лѣстницѣ.

И тамъ все такъ же блестяло,—стѣны корридора, двери, ручки ихъ. Онъ отворилъ одну изъ комнатъ, гдѣ стояла только складная кровать, въ углу сложенный матрацъ. Очевидно, только что отстроенный госпиталь былъ еще не весь окончательно устроенъ. Онъ пододвинулъ мнѣ стулъ, самъ сѣлъ на подоконникъ.

— Вы были больны?

— Когда я получила письмо съ этимъ извѣстіемъ...

— Вы потеряли сознание?

— Не помню, что со мною было...

— И съ тѣхъ поръ вы чувствуете себя хуже?

— Мнѣ надо ѣхать въ Россію,—сказала я, изъ всѣхъ силъ стараясь овладѣть собой и говорить внятно, но это не удалось, рыданія подступили къ горлу, и я замолчала.

— Не можете? почему?

— Опять быть тамъ... въ своей семьѣ... я не могу. Не знаю, что дѣлать.

— Voyons, mademoiselle, que puis-je faire pour vous? Etes vous libre ce soir? à huit heures?

— Oui, monsieur.

— Приходите сюда. Я расскажу вамъ, какъ надо ѣхать. По трамваю бульвара Port-Royal до вокзала Montparnasse, а тамъ садитесь на трамвай St.-Germain des Près Vanves, сойдете на улицѣ Лекурбъ... она пересѣкаетъ Convention—а тутъ уже близко и госпиталь.

— А я пріѣхала сюда на пароходѣ.

— Это изъ Сальпетриера? слишкомъ далекій путь. Такъ приходите въ восемь часовъ вечера. До свиданья.

Я поѣхала къ себѣ домой. И ровно въ восемь часовъ была уже на бульварѣ Port-Royal. Трамвай St.-Germain des Près былъ переполненъ. Пришлось ждать. На этотъ разъ ѣхала не долго—сравнительно съ пароходомъ,—минуть черезъ двадцать была уже на улицѣ Лекурбъ.

Опять консьержъ, опять вопросъ:—Вы куда?

— Monsieur Lencelet.

— La première porte à gauche, au premier.

Я позвонила. Дверь открыла горничная, такая же чистенькая, свѣженькая, какъ и весь госпиталь.

— Monsieur Lencelet?

— Онъ сейчасъ выйдетъ.

И дѣйствительно, онъ тотчасъ же вошелъ въ корридоръ.

— Bonsoir, mademoiselle. Пойдемте за мной.

Я пошла за нимъ по темному корридору; онъ отворилъ дверь, нажалъ въ стѣнѣ одну электрическую кнопку, другую... мягкій свѣтъ лампочекъ подъ зелеными абажурами озарилъ небольшую комнату съ свѣтлыми обоями и мебелью moderne style изъ желтаго дерева. Два стола съ книгами—вдоль стѣны и посрединѣ комнаты. Неизбѣжный armoire à glace, къ которому я до сихъ поръ не могу привыкнуть—онъ все кажется мнѣ принадлежностью дамской спальни, а ужъ никакъ не комнаты мужчины. А тутъ еще былъ и туалетный столикъ, тоже съ зеркаломъ.

Топился каминъ.

— Садитесь здѣсь,—сказаль онъ, подвигая кресло къ огню, а самъ сталъ подкладывать дрова въ каминъ. Я сѣла, держась, по обыкновенію, чрезвычайно прямо, въ длинномъ траурномъ платьѣ; длинная креповая вуаль, спускаясь на лицо, скрывала совершенно и его выраженіе, и слѣды слезъ. Мнѣ стало вдругъ какъ-то хорошо... Не хотѣлось ни двигаться, ни говорить. Эта свѣтлая уютная комната, кругомъ тишина. Дрова весело трещали въ каминѣ, и пріятная теплота разливалась по всему тѣлу...

Я точно отдыхала послѣ какого-то длиннаго, труднаго пути, и молчала, неподвижно сидя въ креслѣ.

И мнѣ не хотѣлось отвѣчать на его вопросъ:

— Итакъ, вы опять разстроены и не знаете, что дѣлать?

— Не могу я ѣхать... слишкомъ ужасно... дома... тамъ... опять...

Мой голосъ былъ спокоенъ и ровенъ. Или я очень устала, или просто нервы упали—не знаю.

— Вамъ необходимо ѣхать?

— Да, я назначена душеприказчицей по духовному завѣщанію. Я такъ люблю бабушку, надо исполнить ея послѣднюю волю, а все-таки не могу рѣшиться—какъ вспомню, что ждетъ тамъ меня.

Я чувствовала себя въ эту минуту такой слабой, безсильной, и мнѣ стало стыдно и захотѣлось сказать ему, что я не всегда была такая.

— Вы не думайте, впрочемъ, что я передъ ними показываю такую слабость. Я изъ гордости всегда скрываю ото всѣхъ свои страданія, всегда притворяюсь веселой и оживленной... но зато эта комедія отнимаетъ у меня послѣднія силы.

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, какъ бы соображая что-то.

— Eh bien, partez en Russie: faites ce que vous devez faire remplissez votre devoir,—сказаль онъ вдругъ повелительнымъ, не допускавшимъ возраженія тономъ.

Я удивилась, но не разсердилась. Мнѣ даже было пріятно, что онъ такъ говоритъ. Я, никому еще не подчинявшаяся—чувствовала, что послушаюсь его... И было мнѣ пріятно это послушаніе, какъ контрастъ, какъ нѣчто новое, до сихъ поръ чуждое моей самостоятельной натурѣ...

— И знаете ли, что я вамъ скажу, mademoiselle...—и какая-то грустная нотка послышалась въ его голосѣ,—il y a une belle parole dans l'Évangile: «violenti rapiunt illud»... c'est à dire—les

violents attrapent cela. Il faut savoir lutter et supporter beaucoup dans cette vie... Будьте добры съ людьми, не показывайте имъ своего страданія... они все-равно не поймутъ васъ.

Я дамъ вамъ еще одинъ совѣтъ: выходите замужъ. Вы слишкомъ одиноки. L'homme n'est pas fait pour vivre seul, ni la femme non plus...

— Me marier? jamais!—вскричала я, возмущенная такимъ неожиданнымъ совѣтомъ.

— Pourquoi pas? L'homme n'est pas un ennemi... Совмѣстная жизнь съ положительнымъ человѣкомъ облегчитъ васъ: общіе интересы, взаимная поддержка—много значать въ этой жизни. И когда вы встрѣтите такого человѣка, который понравится вамъ—будьте осторожны, не говорите ему, что вы его любите, а ждите, пока онъ самъ вамъ скажетъ. Надо быть осторожной...

— Je ne veux pas me marier,—упрямо возразила я.

— Напрасно. Такъ лучше для васъ. Повторяю, вы не созданы, чтобы жить одна: vous n'êtes pas faites pour vivre seule... Вы гдѣ предполагаете жить по окончаніи курса? Остаться здѣсь или въ Россіи?

— Конечно, въ Россіи.

— Такъ вотъ, и не надо вамъ терять связи съ родиной. Непремѣнно поѣзжайте... быть можетъ, тамъ вы встрѣтите подходящаго человѣка. Не падайте духомъ, будьте спокойны, горды передъ людьми. Когда вернетесь, приходите ко мнѣ сказать, какъ себя чувствуете.

Я взглянула на часы: стрѣлка подходила къ половинѣ одиннадцатаго.

— Мнѣ пора ѣхать... Благодарю васъ... Я... поѣду въ Россію.

Онъ проводилъ меня до воротъ и, проходя мимо ложи консьержа, крикнулъ:—Cordon, s'il vous plaît!

— До свиданія. Счастливаго пути.

Дверь отворилась и закрылась за мною. Я пошла по тихой, пустынной улицѣ, успокоенная и немного озадаченная его неожиданнымъ совѣтомъ.

Выйти замужъ!

Какъ это ни странно можетъ казаться, но я объ этомъ ни разу не думала. Выйти замужъ! Это значить полюбить. И одно новое соображеніе впервые пришло мнѣ въ голову.

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ—я еще никогда никого не любила, и меня еще никто никогда не любилъ...

Некогда было...

До совершеннолѣтія я была такъ занята одною мыслью— поступить на курсы, вѣчной борьбой съ матерью, отстаивая каждый свой шагъ отъ ея самодурства и деспотизма, тщетно стараясь развивать сестеръ, направить дѣтскіе умы братьевъ къ ученію. А потомъ—тамъ на курсахъ—такъ была поглощена наукой, книгами, занятіями, занятіями безъ конца... Выработка міросозерцанія, непрерывныя размышленія и слезы съ товарками: «зачѣмъ живемъ, какъ надо жить», умственная жизнь Петербурга— послѣ провинціи, казалось, была ключемъ и захватывала своимъ потокомъ... Было ли тутъ время думать о любви?

А тутъ еще бракъ сестры. Эта тихая, невидимая для постороннихъ глазъ, семейная драма, одной изъ причинъ которой была я,—внушила мнѣ такое недоувѣріе, такую злобу къ сильной половинѣ рода человѣческаго, что я на курсахъ и не старалась попадать въ студенческіе кружки. Подъ гнетомъ сознанія своей ошибки, я съ головой ушла въ книги, стараясь забыться. Книги, написанныя мужчинами—составляли мое избранное мужское общество, да нѣсколько товарокъ—женское. И я удивляюсь только—какъ другія влюбляются, выходятъ замужъ, кокетничаютъ, увлекаются...

Вотъ была охота! Да стѣять ли мужчины того, чтобы мы кокетничали съ ними, увлекали ихъ, старались нравиться? И когда другіе удивлялись на меня—я удивлялась на нихъ и пожимала плечами. И вдругъ такой совѣтъ...

Однако, поздно! А завтра надо рано вставать и начать собираться...

17 марта. Всѣ эти дни бѣгала, разнося обратно книги, данныя для прочтенія, собиралась... И еще надо было занять сто франковъ на дорогу—денегъ не хватало.

Нерехта, 24/11 марта. Первые лучи мартовскаго солнца начали согрѣвать Парижъ, когда я выѣхала изъ него. Двое сутокъ на скоромъ поѣздѣ, и я вѣхала въ безконечныя снѣжныя равнины моей родины...

Здравствуй, милая, дорогая, любимая! Впервые въ жизни я еще такъ надолго разсталась съ ней... и радость опять видѣть родныя мѣста заставляла забывать, что меня въ нихъ ждало...

Какъ хорошъ весенній воздухъ...

Холодный, свѣжій—онъ проникаетъ въ самую глубину легкихъ и, кажется, освѣжаетъ, оживляетъ все существо... Снѣгъ блеститъ на солнцѣ, какая прелесть! Этого не увидишь заграни-

цей... Кое-гдѣ проталины... Я радовалась всему—даже грязи на улицѣ...

Я проѣхала прямо въ Нерехту, на могилу бабушки... Въ сѣняхъ нашего большого дома—бросилась ко мнѣ на шею вѣрная Саша.

Она съ плачемъ рассказала о послѣднихъ дняхъ жизни и смерти старушки, съ которой прожила неразлучно двадцать восемь лѣтъ, и мы вмѣстѣ отправились на кладбище. Рядомъ съ могилой тети высился небольшой холмикъ, покрытый снѣгомъ... вотъ все, что осталось отъ бабушки.

Не нравятся мнѣ парижскія кладбища, въ нихъ каменные памятники поставлены тѣсно, точно дома: настоящій городъ мертвыхъ,—нѣчто холодное и жуткое.

Нѣтъ природы—деревьевъ, травы, ни приволья, которое такъ идетъ къ мѣсту вѣчнаго покоя и придаетъ столько поэзій нашимъ провинціальнымъ кладбищамъ.

Тутъ нѣтъ ни богатыхъ памятниковъ, ни роскошныхъ цвѣтниковъ, ни красивыхъ рѣшетокъ... Зато трава и полевые цвѣты одинаково покрываютъ могилы богатыхъ и бѣдныхъ... и покосившіеся деревянные кресты придаютъ какое-то своеобразное выраженіе общему виду пейзажа.

И каждый разъ, какъ я вхожу на кладбище—атмосфера мира и покоя охватываетъ душу. Кругомъ, около церкви—родныя могилы. Тамъ дѣдушка, тамъ прадѣдушка, тамъ тетя, тамъ двоюродные дяди. И здѣсь въ родной обстановкѣ—среди тѣхъ, кого она знала при жизни, нашла себѣ вѣчный покой и бабушка...

Приѣхала сестра. Она, кажется, была рада увидѣться со мной. Рассказала обо всемъ; завѣщаніе у нея въ Ярославлѣ.

— И знаешь ли что, Лиза,—мы въ сундукѣ нашли на три тысячи ренты. А по завѣщанію надо сдѣлать вклады въ двѣ церкви, въ богадѣльню и Сашѣ, въ общемъ какъ разъ тысячи двѣ съ половиной, все остальное—намъ. Расписки на вкладъ въ Государственный Банкъ у меня хранятся. Такъ вотъ, ты подай завѣщаніе на утвержденіе, а изъ этихъ денегъ и сдѣлай тотчасъ же всѣ вклады—такъ скорѣе будетъ.

Я могла только согласиться съ этимъ практическимъ совѣтомъ. А потомъ сестра съ Сашей занялись хозяйственными хлопотами.

²⁵/₁₂ марта. «Справляли» сороковой день. Именно—справляли, согласно всѣмъ правиламъ уклада старинной жизни,—подъ взглядами всѣхъ родныхъ, прислуги, которые зорко слѣдили, что мы,

молодые—пожалуй, вотъ-вотъ ошибемся, не такъ что-нибудь выйдеть, или обѣдъ, или что...

Напрасно. Съ помощью Саши сестра Надя отлично справилась со своей задачей. Я не вмѣшивалась ни во что и не препятствовала ничему. Изъ уваженія къ памяти любимой старушки,—она всю свою жизнь справляла години, дни девятые и сороковые,—и было бы нечестно съ нашей стороны не исполнить ея желанія—въ свою очередь, не справить по ней тѣхъ поминокъ, которыя она такъ добросовѣстно продѣлывала всю жизнь.

Когда всѣ родные разъѣхались,—я прошлась по опустѣлымъ комнатамъ большого дома. Саша торжественно вручила мнѣ, ключи отъ комода и сундуковъ: эти шесть недѣль все было подъ замкомъ, и ни одна вещь не передвинута со своего мѣста, пока душа покойной, по ихъ понятіямъ, обитала въ домѣ.

Мы стали разбирать бумаги и вещи. Завтра ѣду въ Ярославль.

Ярославль, 26/13 марта. Я хотѣла остановиться въ гостиницѣ, но бабушка, теперь уже единственная, которая у меня остается,—не пустила и оставила у себя.

Я совершенно не понимаю любви къ родителямъ. Отца—не помню, а мать... зачѣмъ она не умерла, когда мы были маленькими?

Лучше остаться круглой сиротой, чѣмъ имѣть мать, которой даны по закону всѣ права надъ дѣтьми, но не дано намъ никакихъ гарантій отъ ея деспотизма.

Бѣдные дѣти, бѣдные маленькіе мученики взрослыхъ тирановъ!

Но мое дѣтское сердце такъ жаждало любви, привязанности, ласки... И я любила бабушку съ отцовской стороны—за то, что она была несчастна, бабушку съ материнской—за то, что она своею ласкою и участливымъ словомъ какъ лучемъ согрѣвала мое безотрадное существованіе.

Теперь—она одна у меня осталась. И, бросившись передъ ней на колѣни, я цѣловала ея руки, ея платье.

— Бабушка, милая, здравствуйте!

— Лиза, матушка, наконецъ-то пріѣхала!—Мы обнимались, цѣловались безъ конца.

Растроганная старушка плакала отъ умиленія и чуть-было не отправилась въ церковь служить молебенъ.

— Что же ты теперь дѣломъ будешь заниматься?—спросила бабушка, когда мы обѣ наконецъ сѣли за самоваръ.

— Дѣлами, бабушка. Вотъ сдѣлаю все и уѣду опять за границу, экзамень сдавать.

— А на лѣто пріѣдешь,—на вакаціи?

— А деньги гдѣ? вѣдь дорога-то не дешева... нѣтъ, ужъ до будущаго года.

Бабушка вздохнула.

— Ну, и то хорошо, что хоть теперь ты здѣсь! Хоть посмотрю я на тебя! Ишь ты какая стала нарядная, хорошенькая... платьята ужъ больно хорошо въ Парижѣ шьютъ, не по-нашему работаютъ...

И бабушка долго качала головой, со вниманіемъ разсматривая настрочки изъ крепа на корсажѣ моего траурнаго платья, купленнаго по самой дешевой цѣнѣ въ Bon Marché. При видѣ настоящаго парижскаго платья, она вся проникалась почтительнымъ удивленіемъ. И я невольно разсмѣялась и крѣпко ее поцѣловала.

Пришла Надя и принесла завѣщаніе и расписки.

— Что-жъ ты съ мамой-то не повидишься?—нерѣшительно спросила бабушка.

— Лиза, приходи,—тихо сказала сестра.

Я видѣла, что имъ страшно хочется, чтобы я побывала дома. И поэтому отвѣтила:—Что же, зайду... Хотя я и отрѣзанный ломоть, но если хотите—отчего же?

Лица сестры и бабушки прояснились. Обѣ онѣ, въ сущности, дрожали передъ желѣзной волей матери: бабушка всю жизнь ея побаивается, а о несчастной Надѣ и говорить нечего,—робкая отъ природы, она до того забита, что у нея нѣтъ собственной жизни, ни думъ, ни желаній, и вмѣсто энергіи—капризы, съ которыми она готова всегда нападать на того, кого не боится.

И теперь онѣ были довольны, что я согласилась.

— Какая ни на есть, а все-таки мать, все-таки повидишься,—примирияющимъ тономъ произнесла бабушка.

— И кажется, она хочетъ просить тебя съѣздить въ Извольскъ къ Сашѣ, онъ что-то опять поссорился съ своимъ воспитателемъ, такъ вотъ разберешь ихъ,—сказала Надя.

— А ты сама... не сможешь туда съѣздить?

— Я-то въ Извольскъ? да что ты, Лиза...—отвѣтила Надя тономъ, въ которомъ ясно выражался страхъ при одной мысли,—какъ это она поѣдетъ въ Извольскъ, чтобы тамъ вести самостоятельные переговоры съ воспитателемъ брата. Возражать было бесполезно. Я вздохнула.

— Хорошо. Приду. Только не сегодня... завтра...

^{27/14} марта. Все было по-старому въ этой квартирѣ, изъ которой я буквально убѣжала на курсы. Ни одна мебель не перемована, ни одна лампа не переставлена; только прислуга новая: кухарки и горничныя не могутъ уживаться съ такимъ характеромъ.

Я вошла въ спальню—это была когда-то моя комнатка, вся оклеенная свѣтлыми обоями, съ бѣлыми кружевными занавѣсками и цвѣтами на окнахъ, веселая и ясная, какъ майское утро. У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда я переступила порогъ этой комнаты, гдѣ столько пролито было слезъ въ годы ранней молодости, гдѣ въ отвѣтъ: «я хочу поступить на курсы»—слышала: «будь публичной дѣвкой!» и отъ звонкой пощечины искры сыпались изъ глазъ.

— Терпите, терпите...—слышался кругомъ благоговѣйный шопотъ родни, преклонявшей предъ силой родительской власти.—Христось терпѣлъ, и намъ велѣлъ...

Нѣтъ,—не все же терпѣть!

Прошло время, выросла воля, высохли слезы... и я, въ день совершеннолѣтія, ушла изъ этого дома съ тѣмъ, чтобы болѣе туда не возвращаться...

Теперь комната была обезображена тяжелыми темными занавѣсками на окнахъ; загромождена безвкусной мягкой мебелью, обитой полинявшимъ отъ времени кретономъ. Хорошо знакомый мнѣ низенькій шкафчикъ, биткомъ набитый лѣкарствами, стоялъ у постели и на немъ попрежнему—свѣжая стеклянка изъ аптеки Шнейдера...

Мать сидѣла на диванѣ. Она слегка приподнялась при моемъ входѣ.

— Здравствуйте, юрист-ка...—съ насмѣшкой протянула она, по привычкѣ протягивая руку для поцѣлуя.

Я смотрѣла на нее.

За эти пять мѣсяцевъ болѣзнь сдѣлала свое дѣло: организмъ истощился еще больше, кожа на лицѣ слегка сморщилась и пожелтѣла, уши стали прозрачныѣе. И вся эта фигура—худая, вся закутанная въ теплыя шали—представляла что-то жалкое,—обремененное на медленное умираніе...

Сердце болѣзненно сжалось и замерло... Мнѣ стало жаль эту женщину, жаль какъ всякаго больного, котораго я увидѣла бы въ больницѣ... Но зная, какъ она боится смерти, я сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы ничѣмъ не выдать своего волненія.

— Здравствуйте,—тихо отвѣтила я, цѣлуя пожелтѣвшую худую руку, и сѣла напротивъ.—Какъ ваше здоровье?

— Ни-че-го... Какъ ты живешь въ Парижѣ?

— Хорошо.

— Приѣхала дѣлами заниматься послѣ бабушки?

— Да.

— Когда уѣдешь?

— Не знаю еще... тамъ видно будетъ, какъ все устрою.

Воцарилось молчаніе. Намъ больше не о чемъ было говорить другъ съ другомъ.

«Что же, надо уходить», подумала я и встала.

— Постой. Ты должна съѣздить въ Извольскъ. Тамъ Александръ опять что-то съ воспитателемъ напуталь... Экій мерзавецъ,—вторую гимназію мѣняетъ и все не можетъ ужиться,—проговорила мать.

Я отъ души порадовалась въ эту минуту, что братъ далеко и не можетъ быть ни прибитъ, ни выдранъ за уши, какъ бывало въ дѣтствѣ. А она продолжала:

— Я письмо на-дняхъ получила отъ Александра. Пишетъ, что уходитъ отъ Никанорова. А я не хочу. Такъ вотъ поѣзжай туда и узнай, въ чемъ дѣло.

— Хорошо. Съѣзжу. До свиданья.

Вечеромъ бабушка помогла мнѣ разобрать вещи и приготовить что нужно для небольшой поѣздки. Завтра ѣду въ Извольскъ.

Ярославль, ³⁰/₁₇ марта. Охъ, какъ устала. Точно не двѣсти верстъ по желѣзной дорогѣ проѣхала, а прошла тысячу пѣшкомъ. И какъ скверно на душѣ, когда подумаешь—какая масса усилий и денегъ тратится на образованіе всякихъ умственныхъ убожествъ и ничтожествъ только потому, что они родились отъ состоятельныхъ родителей. Съ какою бы пользой для страны могли быть употреблены онѣ иначе!

Когда извозчикъ повезъ меня съ вокзала въ гимназію, дорогой онъ выболталъ всѣ новости города Извольска вообще, о гимназіи въ частности.

— Сказывали, инспектуръ новый,—изъ Питера... вѣ-ѣжли-вый такой... подтянетъ, говорятъ, распустилъ, знать, старый-то—емназистовъ больно.

Я съ тревогой соображала, поладить ли мой братецъ со стolicнымъ педагогомъ и имѣютъ ли какія-нибудь отношенія его непріятности съ воспитателемъ, у котораго онъ помѣщенъ на пансіонѣ, съ новымъ инспекторомъ... Старый, тотъ, который былъ тому два года назадъ, когда я переводила брата въ эту гимназію,

былъ человекъ простой и недалекій. Теперь этотъ... да еще изъ Питера... какъ-то надо будетъ съ нимъ говорить? Чего придерживаться?

Извозчикъ подъѣхалъ къ гимназій. Я поднялась по лѣстницѣ въ пріемную. Служитель пошелъ «доложить» инспектору. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и на порогѣ показался человекъ средняго роста въ золотыхъ очкахъ и форменномъ вицмундирѣ щеголеватого, столичнаго покроя. Лицо его съ высокимъ покатымъ лбомъ, прямымъ, выдвинутымъ впередъ носомъ, тонкими поджатыми губами, такъ и дышало той своеобразной неутомимой педагогической энергіей, которая выражается въ умѣннн «слѣдить» и «подтягивать». Его глаза, казалось, видѣли насквозь все существо ученика, и даже его умъ и сердце.

«Поладить ли съ такимъ нашъ Шурка?»—мелькнула у меня въ головѣ тревожная мысль.

И, стараясь произвести какъ можно болѣе благопріятное впечатлѣніе, я граціозно поклонилась, улыбнулась.

Чиновный педагогъ, видя хорошо одѣтую молодую даму въ траурѣ, да еще пріѣзжую, не захотѣлъ ударить лицомъ въ грязь.

Онъ тоже пріятно улыбнулся, поклонился съ утонченной любезностью, придвинулъ кресло.

— Чѣмъ могу служить?

— Я—сестра воспитанника вашей гимназій... Онъ переведенъ сюда два года назадъ. У него вышли непріятности съ воспитателемъ. Мать наша очень больна и послала меня узнать, въ чемъ дѣло.

Улыбка безконечнаго снисхожденія промелькнула на губахъ педагога.

— И вы изъ-за этого пріѣхали сюда? о, помилуйте, стоило безпокоиться!

— Но братъ писалъ такія письма... мы перепугались...

Онъ улыбнулся еще ласковѣе и снисходительнѣе.—Чего, молъ, вы тамъ испугались... Это просто такъ, ничего,—не бойтесь.

— Да, да, есть грѣшки за вашимъ братцемъ. Знаю я его исторію... Впрочемъ, его поведение и ученіе теперь стало несравненно лучше. Всѣ эти четверти у него за поведение пять... пять...—повторилъ онъ многозначительно и съ удареніемъ.

— Можно надѣяться, что онъ кончитъ курсъ?

По лицу педагога проскользнуло нѣчто неуловимое. Онъ, видно, соображалъ—что сказать: не очень обнадежить, чтобы я, пожалуй, не передала брату, и чтобы тотъ не «зазнался»,—и въ то же время не хотѣлъ отвѣтить отрицательно, чтобы не очень

противорѣчить тому, что самъ же сказалъ объ успѣхахъ брата.

Поэтому онъ дипломатично замѣтилъ:—Это теперь вполне отъ него зависитъ: если дѣло будетъ обстоять такъ же, какъ теперь—кончить, если нѣтъ—пусть на себя пеняетъ. Вы думаете, легко справляться съ подобными натурами?

«Да что вы дѣлаете, чтобы справляться съ ними?» хотѣлось мнѣ поставить вопросъ прямо и откровенно, но, зная, какъ строго охраняются тайны чиновно-педагогической лабораторіи—благо-разумно удержалась. И поэтому сочувственно поддакнула:

— О, да,—я васъ вполне понимаю.

Это польстило инспектору.

— Поговорите съ Никаноровымъ. Что у него вышло съ вашимъ братомъ—мнѣ неизвѣстно, только можете быть спокойны, на его переводъ въ седьмой классъ это не будетъ имѣть вліянія. Частныя отношенія воспитателей съ воспитанниками внѣ стѣнъ гимназіи насъ не касаются,—проговорилъ онъ тономъ великодушнаго благородства и посмотрѣлъ на меня, какъ бы желая узнать, въ состояніи ли я понять и оцѣнить эту свѣжую струю новыхъ воззрѣній, привезенныхъ изъ столицы въ провинціальное болото.

— Такое безпристрастіе дѣлаетъ вамъ честь... это здѣсь такая рѣдкость, такая новость...—спѣшила я попасть ему въ тонъ.

Педагогъ былъ очарованъ и растаялъ окончательно.

— Что подѣлаешь... Стараемся по мѣрѣ силъ... Поговорите, поговорите сами съ Никаноровымъ. И знаете, я бы совѣтовалъ вамъ взять домой брата... теперь онъ и ярославскую гимназію кончить...

— Къ сожалѣнію, это невозможно—у него въ гимназіи уже установилась очень скверная репутация...

Мнѣ хотѣлось скрыть отъ этого человѣка наши тяжелыя семейныя обстоятельства.

— Ну, полноте, какая тамъ репутация! Вѣдь онъ ушелъ отсюда изъ 4-го класса, а вернется въ седьмой... Фактъ говоритъ самъ за себя и сразу создастъ ему лучшую репутацию.

— Но есть и нѣкоторыя семейныя обстоятельства. Мать очень больна, у нея неизлѣчимая болѣзнь, ей нужно спокойствіе, а братъ своимъ рѣзкимъ характеромъ и выходками будетъ ее раздражать. Вы можете понять, что мальчишки ничего не смыслятъ въ женскихъ болѣзняхъ,—объясняла я, внутренне страдая отъ того, какъ мало было чутья у этого человѣка. Не могла же я сказать ему всю правду: что братъ съ дѣтства былъ нелюбимый

сынъ, и его отъ природы далеко не кроткій характеръ не мало способствовалъ тому, что мать, въ концѣ-концовъ, возненавидѣла его и рада была отдѣлаться, бросить въ другой городъ, какъ только увидѣла, что онъ плохо идетъ въ ярославской гимназіи.

— М-м... Но отчего же у него такія отношенія съ матерью?— безцеремонно продолжалъ педагогъ свой мучительный допросъ.

— Очень понятно. Вотъ и вы говорите, что съ нимъ трудно справляться, а для него вы чужіе; со своими же онъ стѣсняется еще меньше. Все это очень тяжело, очень неприятно, но что же подѣлаешь... разныя бываютъ натуры.

— Да, разныя, разныя,—сочувственно вздохнулъ инспекторъ и всталъ, протягивая руку.

— До свиданья. Такъ переговорите же съ Никаноровымъ и успокойте вашу матушку. Честь имѣю кланяться.

Я поѣхала къ Никанорову. Это человѣкъ добрый и умный,—пишетъ по педагогическимъ вопросамъ, прекрасный отецъ семейства и очень тактиченъ... даже черезчуръ. Братъ живетъ у него уже второй годъ. Никаноровъ встрѣтилъ меня, по обыкновенію, ласково и сдержанно. Послѣ неизбѣжнаго разговора о границѣ, я перешла къ щекотливому вопросу о братѣ.

— Не знаю, не знаю—онъ недоволенъ житьемъ у меня, это очевидно. Нервень, озлобленъ, на что—не понимаю. Положимъ, онъ переживаетъ теперь такой возрастъ... Въ декабрѣ онъ былъ боленъ и страшно испугался, я тоже.

— Что съ нимъ было?

— Этого я вамъ не скажу... вы все-таки дѣвушка.

И сколько я ни упрашивала Никанорова отбросить въ сторону предразсудки и говорить со мной такъ же свободно, какъ если бы я была медичка,—онъ стоялъ на своемъ.

— Нѣтъ, не скажу... Все-таки вы—дѣвушка. Я писалъ вашей матери.

«Ну, напрасно; такой матери все-равно незачѣмъ писать», съ досадой подумала я. И сколько мы ни говорили—я никакъ не могла понять причины неудовольствія брата. Никаноровъ пожималъ плечами, беспомощно разводилъ руками съ видомъ угнетенной невинности: видите сами, какъ трудно съ такимъ характеромъ. И такъ какъ братъ платитъ ему за пансіонъ довольно высокую плату, то я ясно увидѣла его тактику. Ему не хотѣлось самому ничего говорить противъ брата, какъ выгоднаго пансіонера, и въ то же время онъ не хотѣлъ показать этого мнѣ. Поэтому онъ избралъ позицію среднюю: все сваливалъ на брата,

на его капризы, оставаясь самъ въ сторонѣ. Я была въ очень затруднительномъ положеніи, и кто правъ, кто виноватъ—становилось невозможнымъ разобратъ.

— Скоро придетъ изъ гимназіи вашъ братъ. Поговорите съ нимъ сами,—сказаль, наконецъ, Никаноровъ, провожая меня въ его комнату.

Ждать пришлось недолго. Высокій юноша съ ранцемъ на спинѣ вошелъ и небрежно швырнулъ его въ уголь.

— А-а...—протянулъ онъ, увидѣвъ меня.

Я радостно бросилась къ нему на шею. Какъ ни какъ, а все-таки очень люблю этого юношу, который причинилъ мнѣ столько горя и хлопотъ.

— Шура, милый, здравствуй, я...

Онъ высвободился сильнымъ жестомъ изъ моихъ объятій, передернулъ плечами и сѣлъ.

— Безъ нѣжностей, пожалуйста. Изъ дому? Маменька послала разбиратъ мои дѣла съ Никаноровымъ?

Онъ разставилъ ноги, уперся руками въ колѣно и смотрѣлъ на меня въ упоръ. Сѣрая гимназическая куртка отгѣняла его свѣжее, миловидное лицо, которому не хватало правильности линий.

Голубые глаза сверкнули изъ-подъ тонкихъ черныхъ бровей.

— Такъ вотъ мой отвѣтъ: убирайся отсюда съ чѣмъ и пришла!

Я пробовала успокоить его, увѣрить, что и не думаю вмѣшиваться въ его дѣла, что только исполняю порученіе.

— Ну, хорошо,—я отвѣчу, сказаль, наконецъ, братъ и вдругъ заговорилъ патетическимъ тономъ:—Живу я у Никанорова уже второй годъ, и онъ обращается со мною точно съ чужимъ. Мнѣ такъ тяжело. Поэтому я хочу бросить его и уйти къ другому. Я не хочу у него жить. Нельзя сказать, что мы поссорились, но мы и не сходились.

Я знаю, что Никаноровъ строгъ и не одобряетъ увлеченія брата театромъ. Поэтому надо было провѣрить, насколько братъ искрененъ, и не играетъ ли ловкой комедіи, чтобы перейти на житье къ другому, болѣе снисходительному воспитателю.

— Шура, милый,—но если тебѣ такъ тяжело живетъ—отчего ты не напишешь мнѣ? Вѣдь ты знаешь, что я всегда готова помочь тебѣ, чѣмъ могу.

— Я тебѣ еще прошлымъ лѣтомъ сказаль, что не хочу съ тобой имѣть дѣла—разъ навсегда. Ты мнѣ не сестра.

— Такъ ты еще помнишь эту глупую ссору? Пора бы забыть,

я даже успѣла совсѣмъ забыть, въ чемъ дѣло,—съ удивленіемъ сказала я.

— Она забыла! скажите пожалуйста! Рылась въ моихъ бумагахъ, читала мою драму,—и потомъ еще смѣетъ увѣрять, что забыла!—вскричалъ братъ тономъ прокурора, уличающаго преступника. Онъ былъ наивно убѣжденъ, что всякая мелочь всю жизнь важна и ее необходимо помнить. Ему и въ голову не приходило, что въ Парижѣ въ университетѣ—можно было забыть объ его тетрадкахъ.

— Шура, да вѣдь я тогда же сказала тебѣ, что перерыла твой ящикъ по ошибкѣ,—никакой твоей тамъ драмы не читала и не видала...

— Врешь!

— Шура?!

— Врешь, подлая лгунья! Нечего выворачиваться. Какъ я тебѣ сказалъ—ты мнѣ больше не сестра,—такъ и будетъ. И ни ты, ни твоя заграничная жизнь меня не интересуетъ, и дѣла мнѣ до тебя никакого нѣтъ.

Я совсѣмъ растерялась. Эта сухость и грубость природы, сказывавшіяся въ немъ съ дѣтства, къ восемнадцати годамъ только развились. Напрасно старалась я доказать ему, что это глупо, что я неспособна на нечестные поступки, приводила въ доказательство любовь и уваженіе, которыми пользовалась на курсахъ. Братъ былъ непоколебимъ.

— Ну, какъ хочешь,—сказала я, наконецъ,—я не стану сильно навязывать тебѣ братскихъ чувствъ. Но разъ мать меня послала узнать о тебѣ—надо же сказать ей что-нибудь.

— Можешь передать ей, что я рѣшилъ гимназію кончить—я теперь пришелъ къ этому убѣжденію,—съ снисходительною важною произнесъ братъ.

Онъ пришелъ къ этому убѣжденію только въ восемнадцать лѣтъ, послѣ девятилѣтней борьбы съ учащимъ персоналомъ двухъ гимназій, кое-какъ, правдами и неправдами добравшись до шестого класса.

— Наконецъ-то!

Братъ не понялъ сарказма моего тона. И весь преисполненный важности отъ природы ограниченаго человѣка, нахватавшагося «верхушекъ», продолжалъ:

— Я готовлюсь къ сценѣ, или къ оперѣ, еще не знаю куда. У меня, говорятъ, прекрасный баритонъ. Но въ императорское театральное училище, если безъ средняго образованія, надо держать конкурсный экзамень. А мнѣ не выдержать. Такъ ужь лучше.

гимназію кончу. Такъ мамѣ и передай. Пусть она не беспокоится.

— Хорошо. Передамъ.

— Ну, а теперь—и разговаривать больше не о чемъ. Можете отправляться.

Эта дерзость, это самодовольство, самоувѣренность ограниченного ума—до глубины души возмутили меня. И мнѣ захотѣлось доказать ему, что въ сущности онъ самъ неправъ, что вся его жизнь построена на несправедливости закона.

— Ты обвиняешь меня въ нечестности, а честенъ ли ты самъ? Подумай только: мы, сестры, получили наслѣдство послѣ отца только седьмую часть, тогда какъ ты и братъ Володя—все остальное. Ты можешь учиться и платить дорого за пансіонъ только потому, что у тебя денегъ вдвое больше нашего, тогда какъ мы, сестры—какъ учились? и гдѣ?—По самымъ дешевымъ цѣнамъ, безъ новыхъ языковъ. На что ты тратишь свои проценты? На театры, на извозчиковъ,—тогда какъ я въ Парижѣ едва свожу концы съ концами, и все-таки мнѣ не хватаетъ годового дохода, беру изъ капитала. А вѣдь мы—дѣти одного отца. Вотъ ты и подумай—разъ ты спокойно пользуешься своими деньгами, которыя далъ тебѣ устарѣвшій законъ о правахъ наслѣдства—честенъ ли, справедливъ ли ты самъ?

— Ф-ф-ью! Вотъ она о чемъ заговорила! Ну ужъ, это дудки! Мнѣ деньги, братъ, самому нужны. А тебѣ не хватаетъ—такъ работай, ха-ха-ха!—и онъ нагло и дерзко разсмѣялся.

Я крѣпко стиснула зубы и сжала руки, задыхаясь отъ негодованія. Вотъ къ чему привели всѣ старанія, всѣ заботы объ его образованіи! Только къ тому, чтобы было однимъ дипломированнымъ подлецомъ на свѣтѣ больше!

— Посмотри, сколько я покупаю книгъ!—и онъ широкимъ жестомъ указалъ на полки.—Сколько я въ долгъ даю!—хвастался братъ.—Еще недавно далъ полтора ста рублей...

— Но вѣдь ты великодушничаешь на чужой счетъ! Если мать съ дѣтства не внушала тебѣ понятій честности и справедливости—я говорю тебѣ это—я, твоя старшая сестра. И ты еще смѣешь упрекать меня въ нечестности, тогда какъ самъ, самъ...

Голосъ мой оборвался, я не могла продолжать отъ рыданій—и отвернулась, чтобы скрыть выступившія на глазахъ слезы.

— Безъ драмъ, пожалуйста. Я своихъ словъ не измѣняю. Разговоръ нашъ конченъ, можете отправляться.

Братъ сѣлъ въ кресло у письменнаго стола и закурилъ папиросу. Оставалось только—уйти и уѣхать.